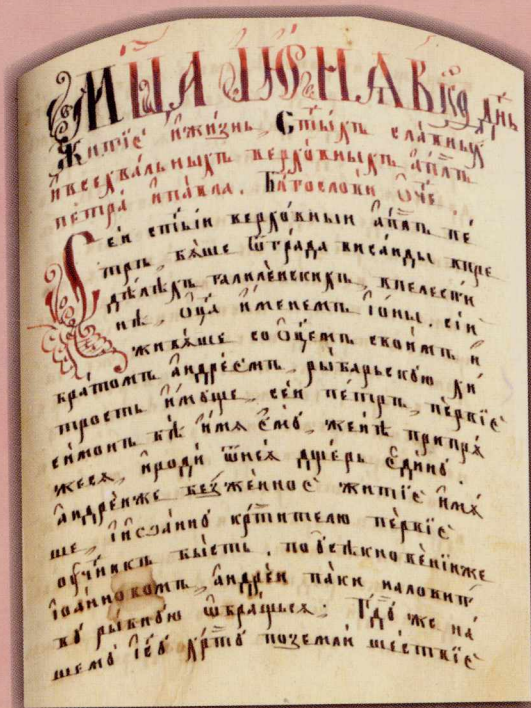

Вторые Мяндинские чтения

Материалы
Всероссийской научно-практической
конференции

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкарский государственный университет
Министерство национальной политики Республики Коми
Администрация муниципального района «Усть-Цилемский»
Межрегиональное общественное движение «Русь Печорская»

Вторые Мяндинские чтения

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

В двух томах

Том второй

с. Усть-Цильма
11–12 июля 2010 г.

Сыктывкар
ООО «Издательство «Кола»
2011

В 87 Вторые Мяндинские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 11–12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма. Т. 2.– Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2011.– 296 стр.

Второй том материалов конференции «Вторые Мяндинские чтения» посвящены историческим сюжетам по истории Коми края и всего Европейского Севера. В хронологической последовательности раскрыты исторические процессы, происходившие на территории Республики Коми и Европейского Севера с архаичных эпох до начала XXI века. Показаны общие закономерности и региональные особенности исторического, социального и духовного развития региона. Много внимания в сборнике уделено истории Республики Коми и Севера в советское и постсоветское время. Наряду с историческими статьями в сборнике уделено внимание и экономическим проблемам.

Члены редколлегии:

Г.И. Габушева, И.Л. Жеребцов, М.В. Мелихов, Т.И. Дронова,
Г.Д. Нейфельд, Е.И. Герасимова, Т.С. Канева, Е.Г. Выучейская,
Т.Е. Еремеева.

Под общей редакцией заместителя директора Института языка,
литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук,
д.и.н., профессора А.А. Попова.

Редакционная коллегия тома:

В.И. Чупров, д.и.н., профессор (ответственный редактор),
Л.П. Кучеренко, к.и.н., доцент (ответственный секретарь),
И.Л. Жеребцов, д.и.н. (член редколлегии)

Авторы опубликованных работ несут ответственность за подбор и
точность приведенных фактов, цитат, статистических данных,
собственных имен, географических названий и
прочих сведений.

Издание материалов конференции осуществлено при
финансовой поддержке РГНФ (№ 10-04-41480 г/С)

© ИЯЛИ УрО РАН, 2011
© ГОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет», 2011
© ООО «Издательство «Кола», 2011

Вниманию читателей представляется вторая книга «Вторых Мяндинских чтений». В нее вошли материалы четвертой секции конференции: северная деревня: история, хозяйство, культура. Публикация книги начинается с научных изысканий археологов, которые вели раскопки в Усть-Цилемском районе и открыли большой археологический материал о древней истории Печорского края.

Значительный пласт интересных статей составляют исследования по истории низовой Печоры XVII – начала XX веков. Здесь мы узнаем об Усть-Цильме конца XVII века, о деятельности Усть-Цилемской таможни в 1730 году о том, что писал об Усть-Цильме в середине XIX века В.Н. Латкин, о развитии промышленности Усть-Цильмы во второй половине XIX – начале XX вв., о населении Печорского уезда в этот период.

Самую большую группу публикаций составляют статьи советского и постсоветского периодов. Характерной особенностью данных публикаций является то, что многие из них выходят за рамки Усть-Цилемского района и охватывают весь Европейский Север. Широкий и проблемно-тематический размах, представленных докладов. Много внимания уделяется социально-экономическим вопросам, в частности, административно-хозяйственным расходам в колхозах Европейского Севера России, классификации и типологии локальных систем АПК Республики Коми, проблемам сельской жизни, социально-демографической характеристике сельского населения Европейского Севера России, инвестиционным прогнозам в историческом развитии АПК северного региона: стратегии и ориентиры. Солидную долю публикаций составляют материалы о социально-культурном развитии северного региона. Привлекают внимание доклады о принципах государственной социально-культурной политики в российской северной деревне во второй половине XX в., о советском опыте культурно-шефской деятельности городских селений на селе, о сельской тематике в программах Коми республиканского телевидения, об особенностях этнокультурной мобилизации в условиях реформирования села Европейского Севера, о православном духовенстве Европейского Севера в 1960–1980-е гг., а также многие другие.

В целом, исторические доклады дополняют материалы первой книги и рисуют объективную картину развития социально-экономического, социально-политического и социально-культурного развития на Европейском Севере России.

Шиховской геoarхеологический микрорайон

Шиховской геoarхеологический микрорайон расположен на боровой террасе правого берега р. Мача, недалеко от ее впадения в р. Печора, в 4-х км к югу от дер. Гаревое Усть-Цилемского района Республики Коми. С севера, запада и востока терраса ограничена р. Мачей и старичными озерами, с юга – верховым болотом. Склон террасы крутой, хорошо задернован, порос кустарником и деревьями. Терраса покрыта сосновым бором. Поверхность террасы имеет холмистый рельеф в западной части и более ровный – в восточной. У местного населения описываемая территория известна под названием «Соючный бор». Археологические памятники расположены в восточной части бора.¹

Первые исследования на территории микрорайона проведены во второй половине 1960-х – начале 70-х годов В.И.Канивцом [2]. Исследователем выявлено пять поселений, датирующихся эпохой энеолита-бронзы, ранним железным веком и эпохой раннего средневековья. На поверхности террасы памятники отмечены западинами от углубленных в землю жилищ. Раскопки проводились на поселениях Шиховское I-II, а на поселениях Шиховское III и IV была произведена шурфовка жилищных впадин.²

В ходе последующих археологических изысканий, проведенных на территории микрорайона в середине 1993–1995 гг. и 2000–2002 гг., на поселениях Шиховское II–III, изучено жилище эпохи энеолита-бронзы, обнаружены два комплекса раннего железного века (ананьинского (пункт Шиховское VI) и гляденковского времени (на поселении Шиховское III) и могильник эпохи раннего железа.

Материалы эпохи энеолита-бронзы относятся к чойновтинской и атаманнорской археологическим культурам. К первой из названных археологических культур относится углубленное в землю жилище-полуземлянка, отапливавшееся расположенным в центре очагом. С восточной стороны в жилище вел вход. Во время раскопок прослежены остатки рухнувшей деревянной кровли. За пределами жилища изучена очажная яма, найдены фрагменты керамики, изделия из кремня. Коллекция находок представлена каменными изделиями, керамикой, предметами, связанными с металлообработкой, глиняными пряслицами, изготовленными из стенок сосудов. Наиболее представительной категорией находок являются кремневые предметы, к которым относятся орудия, их заготовки и обломки, отходы кремнеоб-

работки. Орудия изготовлены на отщепах и пластинах. К ним относятся скребки (41 экз.), ножи (15 экз.) и их обломки (3 экз.), скобели (11 экз.), заготовки наконечников (11 экз.), комбинированные орудия (2 экз.). Из других пород камня найдены абразивные инструменты, обломки шлифованного орудия, шлифовальник, сланцевая подвеска подпрямоугольной формы. Керамическая коллекция, полученная в ходе раскопок жилища, характеризуется обломками 13 сосудов чашевидной и полуяйцевидной формы диаметром 4-32 см с минеральными добавками в глиняном тесте. Орнамент покрывал венчик и всю внешнюю поверхность, три сосуда орнаментированы также под венчиком с внутренней стороны. Узоры выполнены гребенчатым, личиночным (перевитой шнур) штампом, круглым полым предметом, наколами, овальными вдавлениями. Предметы, связанные с бронзолитейным производством представлены одним целым и двумя тиглями в обломках. Сосуды ошлакованы, имеют ноздреватую поверхность. На внутренней стороне стенок всплески металла зеленого цвета (медь или медный сплав). Тигли имели продолговатую форму с выпуклыми стенками, плавно переходящими в плоское дно. Помимо основного керамического комплекса на поселении найдены фрагменты четырех глиняных пряслиц. Пряслица сделаны из стенок пришедших в негодность сосудов. На всех пряслицах сохранился гребенчатый орнамент – горизонтальные линии и ряды наклонных отрисков. Сами пряслица имеют округлую форму, диаметр 4-5 см, слегка зашлифованные края. У одного из узких краев расположено отверстие (5-8 мм), просверленное с двух сторон и сужающееся к центру. Подобное количество пряслиц в одном жилище встречено на территории Европейского Северо-Востока впервые. Наиболее близкие аналогии материалы из раскопок жилища на поселении Шиховское II обнаруживают с коллекцией поселения Галово II на Ижме, относящемуся к позднему этапу чойновтинской археологической культуры и датирующемуся В.С. Стоколосом серединой – третьей четвертью II тыс. до н.э.³ По образцам дерева из раскопок жилища на поселении Шиховское II получены две радиоуглеродные датировки – ЛЕ7477: 3950+/-100 и ЛЕ 7478: 4360+/-140 от наших дней, отличающиеся от даты предложенной В.С. Стоколосом. В то же время обе радиоуглеродные датировки достаточно существенно отличаются друг от друга, хотя первая из них более близка традиционной датировке. Памятников типа Галово II.

К атаманнорской археологической культуре относится, исследованное В.И. Канивцом и опубликованное В.С. Стоколосом жилище на поселении Шиховское I.⁴ Жилище шестиугольной в плане формы было углублено в почву на 0,4 м, пол посыпан охрой. В постройку

вели два входа, расположенные посередине длинных стен друг напротив друга. От входов вглубь жилища вели земляные пандусы. В центре жилого сооружения располагались очажные ямы. Зафиксированы также углубления (в южной части жилища) и столбовые ямки.⁵ Находки представлены керамикой, сланцевым шлифованным топором, гальками-отбойниками и кремневыми изделиями. Коллекция глиняной посуды насчитывает фрагменты от 10 сосудов полуяцевидной формы. По профилировке верхней части они подразделяются на закрытые прямостенные, профилированные и открытые прямостенные.⁶ Узоры выполнены ямками, зубчатыми оттисками, овальными вдавлениями. Ямки располагались под венчиком, зубчатые отпечатки образовывали прямые линии, горизонтальные зигзаги, наклонные ряды. В состав кремневого инвентаря входят орудия и отходы крмнеобработки. Орудия изготовлены на отщепах и пластинах. Представлены наконечники стрел и дротиков, скребки, проколки. Наконечники стрел (6 экз.) листовидной и треугольно-черешковой формы покрыты двусторонней ретушью. Наконечник дротика – треугольный с выемкой в основании, обработан двусторонней ретушью. Наиболее представительной категорией изделий являются скребки (77 экз.), изготовленные на отщепах разнообразной формы. Проколки (2 экз.) выделаны на отщепе и пластинчатом отщепе. Сложен вопрос о датировке памятника. Так, если в более ранних работах В.С. Стоколос датировал древности атаман-нюрской археологической культуры четвертой четвертью II тыс. до н.э.,⁷ то в одной из своих последних работ он относит названные древности к сейминско-турбинскому горизонту XVI-XV вв. до н.э.⁸ При этом он подчеркивает, что на поселениях Шиховское I и Топыд-нюр XIII заметно снижение уровня обработки треугольно-черешковых стрел, «абрис изделий теряет традиционную четкость»⁹ и предлагает считать памятники подобные Топыд-нюр XIII более поздними в рамках атаман-нюрской культуры. Конкретная датировка их в настоящее время не определяется.¹⁰

Наиболее масштабные раскопки были проведены на Шиховском могильнике, на котором за пять полевых сезонов на площади более 1500 кв. м изучено 43 погребения V–III вв. до н.э. (комплексы с керамикой культурных типов Перный и Ямашор) и I–IV вв. н.э. (бичевницкая археологическая культура). Еще одно захоронение вскрыто В.И. Канивцом в 1966 г.¹¹ Частично материалы исследований этого памятника опубликованы.¹² При планиграфической характеристике могильника обращают на себе внимание следующие моменты. Во-первых исследованные погребения не перекрывают жилища эпохи энеолита-бронзы. Возможно, сам выбор места для могильника связан именно с тем, что территория Сопочного бора, занятая поселением

предшествующей эпохи являлось по выражению Е.М. Данченко «хорошим местом»,¹³ произошла сакрализация пространства. Во-вторых, не зафиксировано ни одного случая нарушения захоронений середины – второй половины I тыс. до н.э. могилами первых веков I тыс. н.э. Это говорит о том, что население, использовавшее могильник в первой половине I тыс. н.э. знало о существовании более ранних захоронений. Зафиксирован единственный случай «прорезания» погребения ананьинского времени ямой, имеющей датировку начало XIII в. н.э. (радиоуглеродная дата 730+/-40 (JE 7269)). Большая часть из изученных захоронений относится к V–III вв. до н.э. Прослеживается групповое расположение могил.¹⁴ Судя по наличию следов от столбовых ямок в могильных ямах и рядом с ними, погребения имели обозначения на поверхности. Захоронения совершены в неглубоких ямах овальных и прямоугольных в плане очертаний, внутри которых прослежены остатки различных погребальных сооружений. Обряд погребения кремация (на стороне) и ингумация. Анализ антропологических остатков, проведенный А.П. Бужиловой, свидетельствует, что в могилах были захоронены взрослые люди, подростки и дети. Погребения одиночные (преобладают) и парные. Могила 26 являлась захоронением черепов. Вещевой инвентарь обнаружен в 25 могилах. Наиболее «богатými» из них являются захоронения в лодках. Здесь найдены культовые изделия, украшения, предметы вооружения, керамика, кремневые скребки. Погребальный инвентарь зафиксирован в засыпи и на дне могильных ям. Вещи располагались либо вдоль продольной оси могил, либо концентрировались в одной из половин могильной ямы. Строгих закономерностей в размещении в могилах тех или иных категорий инвентаря не наблюдается.¹⁵ Погребальный инвентарь представлен фрагментами 34 глиняных сосудов чашевидной формы, декорированных ямками, зубчатыми, фигурными и шнуровыми оттисками, бронзовыми зеркалами, железными ножами, предметами вооружения (наконечники стрел и копий, кинжалы, колчаный крючок), украшениями (височные кольца, бусина, гривны, подвески, бляхи, обоймы, пронизи, бляшки), деталями поясной гарнитуры (пряжки, поясные накладки), бронзовой ложечкой, бронзовым топором кельтом, культовыми изделиями, кремневыми скребками, обломками тигля. Значительная часть вышеперечисленных категорий изделий украшена в зверином стиле.¹⁶

Погребения первой половины I тыс. н.э. сосредоточены в северной половине могильника.¹⁷ Они совершены в неглубоких могильных ямах овальной округлой, прямоугольной формы, в которых также зафиксированы остатки разнообразных погребальных конструк-

ций. Обряд погребения – трупосожжение на стороне. Во всех могильных ямах отмечены следы воздействия огня (прокаленный песок, обугленные остатки сооружений). С захоронениями связаны кострища на территории могильника. Во всех погребениях выявлен вещевой инвентарь. В комплекс изделий первой половины – середины I тыс. н.э. входят глиняная посуда чашевидной формы (семь сосудов), украшенная ямками, горизонтальными каннелюрами, зубчатыми оттисками, овальными вдавлениями, фрагменты кольчуги, железное копьё, стеклянная бусина, бронзовые бляхи, имитация гребня, фигурка птицы.¹⁸

К раннему железному веку относятся также очаги, ямы, в которых найдены обломки глиняной посуды, кремневые изделия, кости животных, предметы, связанные с бронзолитейным производством, обнаруженные на поселениях Шиховское I, III, VI.

В ходе раскопок поселения Шиховское I расчищены два кострища, найдены обломки глиняной посуды, кремневые изделия, обломок бронзолитейного тигля, кусочек бронзы.¹⁹ К началу раннего железного века исследователем отнесены обломки двух сосудов (первый тип керамики) декорированных наклоннопоставленными рядами зубчатых оттисков, шнуровыми линиями, ямками, овальными вдавлениями, косой сеткой из зубчатых отпечатков.²⁰ Подобная керамика относится к культурному типу Лада датирующемуся VII–VI вв. до н.э. Более поздним временем датируется керамика второго типа, украшенная ямками серповидной, овальной, округлой формы, шнуровыми и волнистыми линиями, зубчатыми отпечатками. Подобную глиняную посуду исследователь относит к культурному типу Ямшор. Кремневые изделия представлены скребками на отщепях, обломками наконечников стрел и копий, ножами, заготовками орудий, отходами кремнеобработки. Второй тип керамики одновременен материалам могильника. Возможно с этим же типом керамики связаны обломки бронзолитейного тигля с толстыми стенками, округлым дном.²¹

Кострище, содержащее фрагменты девяти керамических сосудов, украшенных ямками, шнуровыми оттисками, зубчатыми отпечатками, обломки тигля, капли бронзы, кремневые скребки, расчищено в пункте Шиховское VI. Подобная керамика относится к выделенному В.И. Канивцом культурному типу Перный.²² Возможно, комплекс связан с выплавкой изделий из цветного металла. Так же как и на поселении Шиховское I керамика находит аналогии в материалах ананьинского комплекса Шиховского могильника.

Возможно, что Шиховской могильник, поселение Шиховское I и Шиховское пункт VI составляют единый комплекс.

Материалы следующего гляденовского времени, представлены находками на поселении Шиховское III. Здесь исследована яма, в которой обнаружены, глиняная посуда, обломок бронзового изделия, кремневые предметы, кальцинированные кости бобра. Глиняная посуда представлена обломками не менее чем от семи сосудов чашевидной формы с минеральными примесями в тесте, орнаментированных насечками, округлыми и овальными вдавлениями, шнуром, каннелюрами. Подобная керамика характерна для пиджской археологической культуры конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.²³ Полученные материалы позволяют предположить, что в ходе дальнейших исследований Шиховского могильника будут выявлены погребения этого времени.

В процессе раскопок жилища эпохи энеолита-бронзы на поселении Шиховское III В.И. Канивцом была получена выразительная серия из 12 сосудов, декорированных отпечатками шнура, зубчатого штампа, отступающей лопаточкой, ямками, отнесенные А.М. Мурыгиным к раннему этапу древностей типа Топыд-Нюр середины I тыс. н.э.²⁴ (Мурыгин, 1997, с. 596-597). Данная керамика имеет параллели в материалах комплекса первой половины – середины I тыс. н.э. Шиховского могильника.

Такова краткая характеристика основных культурно хронологических комплексов Шиховского геоархеологического микрорайона, включающего памятники эпохи энеолита-бронзы и раннего железного века. Имеющиеся материалы позволяют предположить, что при продолжении исследований здесь будут выявлены материалы более позднего времени. Об этом свидетельствуют находка В.И. Канивцом плакеток пермского звериного стиля и бусины во время раскопок жилища атаманнюрской археологической культуры поселения Шиховское I,²⁵ открытие ямы начала XIII в. н.э. в ходе раскопок Шиховского могильника. Наличие на территории микрорайона более 20 не изученных раскопками впадин дают возможность надеется на получении новых данных по эпохе энеолита-бронзы.

Исследователи выделяют два подхода при характеристике археологических микрорайонов: «территориальный» и «функциональный».²⁶ В настоящей публикации дана характеристика Шиховского геоархеологического микрорайона в рамках первого из них. Для характеристики его как социально-пространственной структуры необходимы новые полевые исследования. В целом же полученные в процессе раскопок материалы, относящиеся к различным этапам древней истории населения средней Печоры, позволяют охарактеризовать его материальную и духовную культуру, погребальные обычаи, связи с окружающими территориями.

Литература и источники

1. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследования). – Сыктывкар, 2002 (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451). – С. 4-5.
2. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. – М.: Наука, 1974. – С. 10; Стоколос В.С., Королев К.С. Археологическая карта Коми АССР. – М.: Наука, 1984. – С. 101.
3. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. – С. 78.
4. Стоколос В.С. Указ. соч. – С. 138-145.
5. Стоколос В.С. Указ. соч. – Рис. 55.
6. Стоколос В.С. Указ. соч. – С. 140-142.
7. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. Ч. 4. – М.: ДиК, 1997. – С. 252-253.
8. Стоколос В.С. Бронзовый век Северного Приуралья в свете новых данных. Сыктывкар, 2005. – С. 19.
9. Стоколос В.С. Бронзовый век Северного Приуралья в свете новых данных. Сыктывкар, 2005. – С. 17.
10. Стоколос В.С. Бронзовый век Северного Приуралья в свете новых данных. Сыктывкар, 2005. – С. 18-19.
11. Канивец В.И. Отчет о работах I Печорского археологического отряда в 1966 г. – Сыктывкар, 1967. – НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 143, 144, 145. – С. 12-14, рис. 11-12.
12. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследования). – Сыктывкар, 2002. – 52 с. (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451).
13. Данченко Е. М. К изучению археологических микрорайонов // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. – Тюмень, 2007. – С. 99.
14. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследования). – Сыктывкар, 2002. – 52 с. (Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 451). – Рис. 3.
15. Васкул И.О. Указ. соч. – С. 7-17.
16. Васкул И.О. Указ. соч. – С. 13-19.
17. Васкул И.О. Указ. соч. – С. 17-20.
18. Васкул И.О. Указ. соч. – Рис. 20-21.
19. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. – М.: Наука, 1974. – С. 66-74.
20. Канивец В.И. Указ. соч. – С. 74.
21. Канивец В.И. Указ. соч.
22. Канивец В.И. Указ. соч. – С. 136-138.

23. Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 380.

24. Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 596-597.

25. Стоколос В.С., Королев К.С. Указ. соч. – С. 102.

26. Данченко Е.М. Указ. соч. – С. 96-97.

В.С. Зеленский
(г. Сыктывкар)

Поселение Лебяжской культуры на Цильме

Курья I.

Памятник, открытый автором в 1982 году, расположен на 10 метровой боровой, слегка волнистой, террасе в 1,2 км на запад от пос. Синегорье Усть-Цилемского района РК (Зеленский, 1982, 1985. С.140). Терраса поросла сосновым лесом, а склон и пойма смешанным еловым и лиственным лесом. Расстояние от края террасы до реки, в данном месте, составляет примерно 150 метров. Почва террасы покрыта мхом и местами обнажена многочисленными тропами и дорожкой. Часть поселения разрушена дорогой (рис.1).

Стратиграфия отложений типична для данных боровых террас: дерн – 3-5 см, белесо – подзолистый горизонт мощностью от 2 до 16 см и желтый, материковый песок, подстилаемый коркой оргштейна.

Раскопки памятника проводились в течение четырех лет с 1996 по 1999 годы. Общая вскрытая площадь составила 204 кв. м. Первый раскоп, площадью 140 кв.м., расположен к югу от дороги, а второй раскоп, площадью 64 кв.м., расположен к северу от дороги и в 20 м. от раскопа №1 (рис.1). На первом раскопе были исследованы четыре кострища, скопление камней и три ямы (рис.2). На втором раскопе исследованы два кострища, скопление камней и две столбовые ямки (рис.3). Можно отметить одну закономерность, которая сразу бросается в глаза. Все кострища, на первом раскопе, расположены на одной линии с запада на восток. На втором раскопе с юга на север.

Характеристика кострищ

№ очага	Форма		Длина (см)	Ширина (см)	Мощность (см)	Наличие прокала	Примечание
	В плане	В разрезе					
1	круглая	выпуклая линза	120	118	12	-	
2	овальная	линзовидная	160	116	35	+	Под кострищем яма.
3	овальная	линзовидная	115	83	15	+	Сбоку яма.
4	круглая	линзовидная	154	150	14	-	
5	овальная	линзовидная	168	126	12	+	
6	овальная	линзовидная	174	132	30	+	Под кострищем яма.

Заполнение кострищ темно-коричневая, местами, бурая супесь с мелкими обломками керамики, орудиями и отщепами из кремня, пережженными косточками животных и камнями. В яме и рядом с кострищем №3 найдены обломки тигля, а под кострищем №2, в яме, найдены обломки литейной формы. В заполнении кострища №5 найдены кремневый нож, заготовки и крупные куски кремня.

На поселении раскопаны четыре ямы и две столбовые ямки. Ямы имеют круглую и овальную в плане форму и закругленное дно. Ямы №2 и 4 находятся под кострищем, а яма №3 расположена рядом с кострищем №3 и частично перекрыто им (рис.2). Заполнение ям коричневая супесь с обломками керамики, орудиями и отщепами из кремня. С южной стороны кострища №6 обнаружены рядом две столбовые ямки в плане круглой, а в разрезе цилиндрической формы (рис.3). Заполнение ямок супесь темно-коричневого цвета. В заполнении ямки №6 найден обломок керамики, кремневые отщепы, кальцинированные косточки и мелкие угольки.

Характеристика ям и ямок на раскопе

№ ямы	Форма		Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см)	Наличие находок	Примечание
	В плане	В разрезе					
1	овальная	полуовал	100	60	16	+	
2	овальная	полуокруг	75	70	33	+	Яма под кострищем
3	овальная	полуокруг	94	60	15	+	Рядом с кострищем №3
4	круглая	овал	92	88	25	+	Яма под кострищем
ямка №5	круглая	цилиндр	8	8	18	-	
ямка №6	круглая	цилиндр	16	16	18	+	

Все находки, в основном, концентрируются в заполнении кострищ, вокруг них и между кострищами. Основная масса кремневых отщепов и орудий залегала от поверхности и до материка. Фрагменты керамики залегали в основном на границе с материком. На раскопе №1 собрано 540 обломков керамики, а на раскопе №2 85. Из всей массы орнаментированных обломков керамики удалось выделить фрагменты от 20–23 сосудов. Посуда представлена, в основном, сосудами с широким горлом и округлым дном. Диаметр венчика сосудов составлял от 20 до 28 см. Толщина стенок колеблется от 6 до 8 мм, а у четырех – пяти сосудов толщина стенок составила 10–12 мм (рис.8, 2.4.7). Венчики встречаются, чаще всего, прямые, иногда наклонены слегка внутрь или отогнуты наружу. Почти во всех случаях торец венчика уплощен и только на маленьких сосудах он закруглен (рис.8, 2). У всех сосудов глиняная масса содержит примесь толченой дресвы (в одних больше в других меньше). Только один сосуд из раскопа №2 не имеет примеси дресвы в глиняной массе.

Поверхность большинства сосудов хорошо сглажена и только у трех – четырех сосудов покрыто расчесами (рис.8, 1,7,9). По степени обжига керамика различна, но в общем, все сосуды сравнительно хорошо обожжены. Поверхность сосудов имеет желтовато-серый или светло-коричневый цвет. Один фрагмент имеет оранжевый цвет. Верхняя часть сосудов украшена простым и строгим геометрическим орнаментом, образованным тремя основными элементами – оттисками зубчатого штампа, ямками под венчиком и оттисками перевитого шнура. Венчик у всех сосудов украшен наклонными оттисками зубчатого штампа, а чуть ниже, по шейке сосуда, рядом ямок. На некоторых сосудах между ямок нанесены наклонные оттиски зубчатым или гладким овальным штампом. Выше или ниже ямок нанесены зубчатым штампом один или несколько горизонтальных рядов, которые разделяют орнаментальные зоны. Ниже ямок стенки сосуда украшены либо одной зоной из перекрещивающихся оттисков зубчатого штампа (рис.7, 1,3,4,6,10), либо из двух горизонтальных зон заполненных наклонными оттисками зубчатого штампа (рис.7, 2,5,7-9, 11,12). Завершается орнаментальный фриз гладкими овальными вдавлениями (рис.7, 7; 8, 1) или кружками (рис.7, 3,8). На большинстве сосудов торец венчика также украшен наклонными оттисками зубчатого штампа. На трех-четырех сосудах венчик украшен и с внутренней стороны оттисками зубчатого штампа (рис.7, 2; 8, 5,7,9) или группой ямок (рис.7, 1). Кроме крупных сосудов были найдены фрагменты, по-видимому, двух чашевидных сосудов и одной маленькой чашечки. Диаметр чашевидных сосудов около 13 см. Торец венчика и стенки чаши украшены орнаментом (рис.8, 5). Диаметр маленькой чашечки около 3–3,5 см. Внешняя поверхность украшена только одним рядом маленьких ямок (рис.8, 2). На одном сосуде, из раскопа № 2, орнамент выполнен оттисками гладкого штампа, а в глиняном тесте отсутствует дресва (рис.7, 6).

Особый интерес из всех сосудов представляют два в орнаментальном оформлении которых использованы отпечатки шнура. На одном сосуде, традиционно украшенном оттисками зубчатого штампа, горизонтальные линии, разделяющие орнаментальные пояса, выполнены оттисками перевитого шнура (рис.8, 9). На другом сосуде только торец и внешняя сторона сосуда украшена наклонными оттисками зубчатого штампа, а выше ямок и ниже их нанесены пять горизонтальных рядов из строенных оттисков перевитого шнура (рис.8, 8).

Хочется обратить внимание на тот факт, что все орнаментальные мотивы на сосудах выполнены зубчатым штампом и единственно новым мотивом в орнаментации сосудов являются строенные, горизонтальные ряды перевитой веревочки.

Каменный инвентарь поселения составил более 7223 предметов. В состав кремневой коллекции входят 73 орудия, 10 заготовок, 220 отщепов со следами использования, 3647 отщепов, 2703 чешуйки, 554 осколка. Для изготовления орудий использовался желвачный кремль в основном светло-серого, серого, реже желтого и красновато-коричневого цветов. Самая многочисленная категория орудий это скребки – 50 экземпляров. Все они изготовлены на отщепах средних и крупных размеров. Выделяется большая группа простых, однолезвийных орудий (28 экз.). Они разделяются на концевые и боковые с прямым, слегка округлым и закругленным рабочим краем (рис.9, 17-21). Во вторую группу входят многолезвийные, комбинированные орудия (22 экз.). Скрепки подразделяются, по форме, на треугольные, трапециевидные и закругленные. Они имеют прямой, слегка округлый и овальный рабочий край (рис.9, 33,34; 10, 1-11,14-16).

Наконечников стрел найдено 10 штук, из них 4 целых и 6 обломков. Наконечники обработаны тщательной ретушью с двух сторон. По форме пера и насада они разделяются на треугольные, удлиненной формы с усеченным основанием 3 экз. (рис.9, 5,6,8), пятиугольной формы – 1 экз. (рис.9, 2), листовидной формы – 3 экз. (рис.9, 1,9), листовидной формы с усеченным основанием – 3 экз. (рис.9, 3,4). У всех наконечников линзовидное сечение.

Ножей найдено 3 экземпляра. Два целых и один сломанный. Сломанный нож выполнен на крупном пластинчатом отщепе рабочий край, которого, оформлен мелкой, пологой ретушью (рис.11, 5). Два ножа сделаны на крупных отщепах и обработаны, с двух сторон, плоской ретушью (рис.11, 4).

Проколки (7 экз.) изготовлены на небольших плоских отщепах с жальцем и выраженными плечиками. Рабочий край обработан с двух сторон мелкой ретушью (рис.9, 14-16). Из них два изделия сделаны, по-видимому, из обломков наконечника стрелы. Они имеют тщательную обработку с обеих сторон и линзовидное сечение (рис.9, 12,13).

Острия (3 экз.) выполнены на тонких отщепах. По краям орудия обработаны мелкой ретушью (рис.9, 10,11). Кроме готовых орудий на поселении были найдены десять заготовок орудий разных размеров и форм. Все они обработаны с двух сторон плоской ретушью (рис.10, 12,13,18).

Интерес представляют и несколько крупных кусков кремния оббитых со всех сторон и с остатками известковой корки. Орудия расщепления представлены отбойником из кварцевой гальки овальной формы со следами использования на торцах (рис.11, 10).

Кроме обычных орудий из кремня, около кострища № 3 найдено точило из песчаниковой породы. Его размеры 147 x 53 x 27 мм. На

поверхности точила имеются следы, которые свидетельствуют об его активном использовании в качестве абразива (рис.11, 2).

Большой интерес представляют предметы, связанные с металлургией. Они представлены обломками тиглей или льячек, обломками литейной формы и изделиями из бронзы. В яме № 3 и рядом с кострищем № 3 были собраны 17 толстостенных обломков с незначительной примесью дресвы. Они принадлежали, возможно, двум тиглям или льячкам. На некоторых обломках видны следы воздействия высокой температуры; местами ошлакованы, как внутренняя, так и внешняя поверхность их сильно растрескалась (рис.11, 6-8). В заполнении ямы № 2 были найдены четыре обломка от глиняной литейной формы. Размеры формы 140 x 26 x 10 мм. На уплощенной стороне формы сделан желобок квадратный в сечении (3 x 3 мм), по-видимому, для отливки бронзовых стержней (рис.11, 2).

Особый интерес представляет находка бронзовых ножей. Рядом с кострищем № 3 был найден нож. Он сохранился полностью и имеет прямое лезвие, выпуклую спинку и, слегка выделенный, закругленный черешок. В сечении нож имеет треугольную форму. Его размеры 97 x 24 x 3 мм (рис.11, 2). В кострище № 4 был найден обломок бронзового ножа, который имеет размеры 38 x 20 x 3 мм. Первоначальную форму и размеры ножа установить невозможно (рис.11, 1).

В кострищах и в заполнении ям был собран фаунистический материал. По определению П.А. Косинцева кости, в основном, принадлежали бобру и часть из них оленю. Эти находки подтверждают предположение В.И. Канивца о том, что во времена лебяжской культуры пушная охота была одним из важнейших промыслов населения Печерского края (Канивец, 1964).

В результате раскопок получен разнообразный материал, позволяющий делать некоторые выводы о хозяйственной деятельности обитателей этого поселения.

Каменный инвентарь памятника представлен кремневыми орудиями (наконечники стрел, скребки, ножи, проколки), галькой – отбойником, кусками кремния и отходами кремневой индустрии. Бросается в глаза большое количество кремневых отходов, которые отражают все стадии изготовления орудий. Представленный же на памятнике кремневый материал является типичным для памятников эпохи поздней бронзы на лесной территории Европейского Северо-Востока.

Керамика не столь многочисленна, как кремь, и сильно фрагментирована. Однако, это не помешало провести её изучение и сделать вывод, что все сосуды имеют чашевидную форму с прямыми

шейками, поставленными вертикально или с легким наклоном наружу. Переход к тулову плавный, тулово слабой или средней выпуклости, дно округлое. Во всех сосудах в качестве отощителя использовалась дресва. Вся керамика орнаментирована по венчику, шейке и верхней части сосуда. Узоры выполнены оттисками зубчатого штампа и овальными вдавлениями, а по шейке, рядом различных по размеру, ямками, расположенных попарно или строенных. Приведенные данные в основном совпадают с характеристикой глиняной посуды сделанной В.И. Канивцом, В.Е. Лузгиным, Л.И. Ашихминой, Необходимо отметить появление нового мотива в орнаментации двух сосудов на поселении Курья 1. На одном сосуде, традиционно оформленном оттисками зубчатого штампа, горизонтальные разделители выполнены строенными оттисками перевитого шнура (рис.8, 2), а второй сосуд украшен пятью горизонтальными рядами оттисков строенного перевитого шнура (рис.8, 8). Появление и наличие этого элемента в орнаменте лебяжской посуды считается признаком наступления новой эпохи, эпохи ананьинской культуры (Канивец, 1974, с.135-136). Находка сосуда украшенного оттисками гладкого штампа (рис.7, 6), сосуда с «ушками» (рис.7, 12) и однолезвийного бронзового ножа (рис.11, 2) говорят о наличии контактов с населением Зауралья. Находки, правда, единичные и, поэтому, говорить о серьезном взаимодействии пока не приходится.

Поселение Курья 1 является, в настоящее время, одним из памятников Лебяжской культуры раскопанный, практически, полностью. Его материалы представляют собой закрытый одновременный комплекс, который представляет большой интерес для дальнейших исследований и выводов¹.

Литература и источники

1. Зеленский В.С. Отчет о полевых работах группы северного отряда в 1982 году. – Архив Коми научного центра УбрО Академии наук РФ.
2. Зеленский В.С. Археологические памятники на р.Цильме // Археологические памятники Северного Приуралья. – Сыктывкар, 1985. – С. 140-148. (МАЕСВ; Вып.9).
3. Зеленский В.С. Отчет Синегорского археологического отряда о полевых работах в Усть-Цилемском р-не за 1996 год. – Научный архив Национального музея РК.

¹ Коллекция материалов с поселения Курья 1 хранится в фондах Усть-Цилемского историко-мемориального музея им. А.В. Журавского: кп 5510, кп 5620, кп 5825.

4. Зеленский В.С. Отчет Синегорского археологического отряда о полевых работах в Усть-Цилемском р-не за 1997 год. – Научный архив Национального музея РК.

5. Зеленский В.С. Отчет Синегорского археологического отряда о полевых работах в Усть-Цилемском р-не за 1998 год. – Научный архив Национального музея РК.

6. Зеленский В.С. Отчет Синегорского археологического отряда о полевых работах в Усть-Цилемском р-не за 1999 год. – Научный архив Национального музея РК.

7. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. – М.: Наука, 1974. – С. 126-129.

8. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. – М., 1972.

9. Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании Лебяжской культуры // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1993. – С. 69. (МАЕСВ; Вып.12).

10. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы. Журавлево 4. – Новосибирск, 1993. Рис. 4,8,16.

11. Паршуков Ю.В. Территориально-хронологические комплексы Лебяжской культуры // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 2000. – С. 208-213. Коми научный центр УрО РАН.

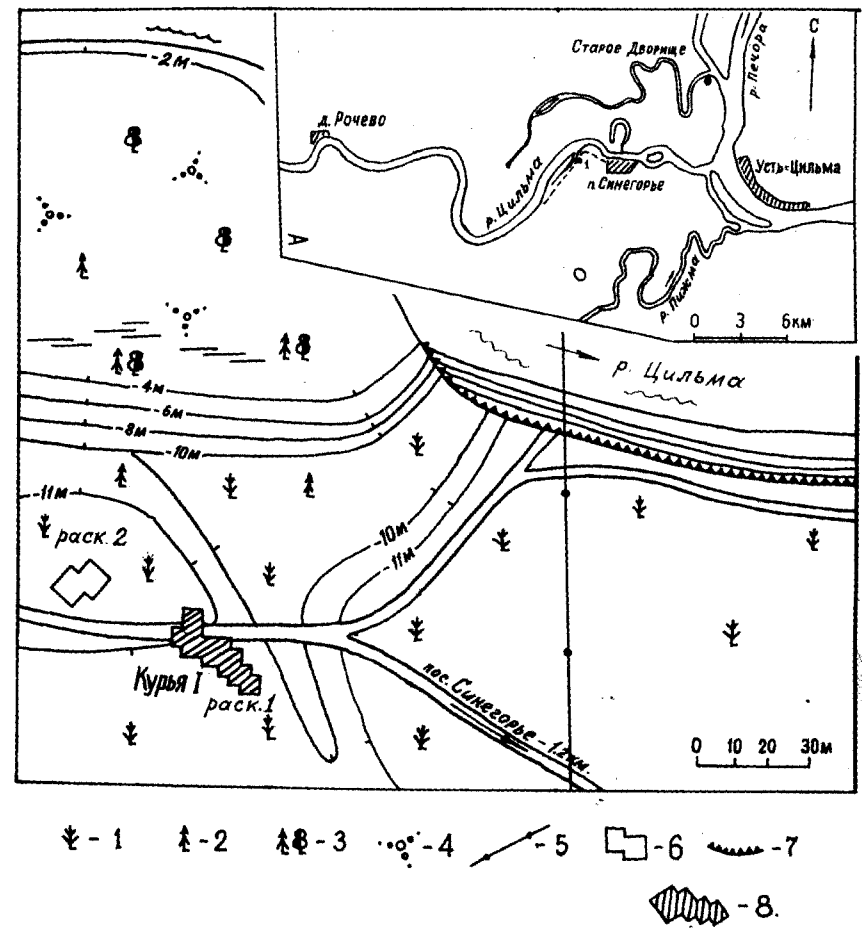

Рис.1. Поселение Курья1. Ситуационный план.

Условные обозначения: 1 – сосна, 2 – ель, 3 – смешанный лес, 4 – кустарник, 5 – линия электропередач, 6 – раскоп 1999 года, 7 – обрыв, 8 – раскопы 1996–98 гг.

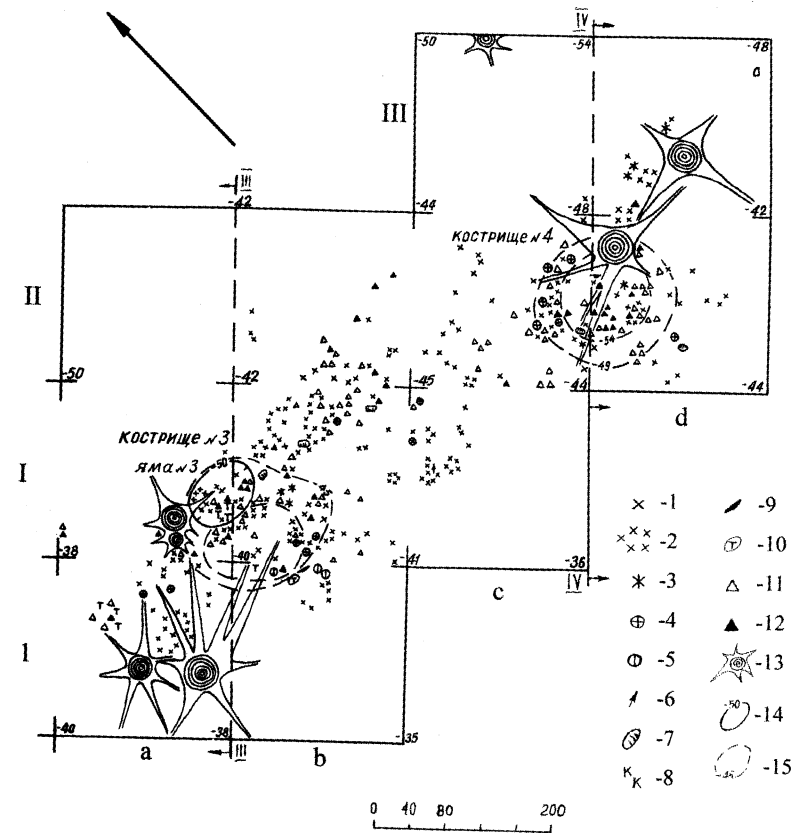
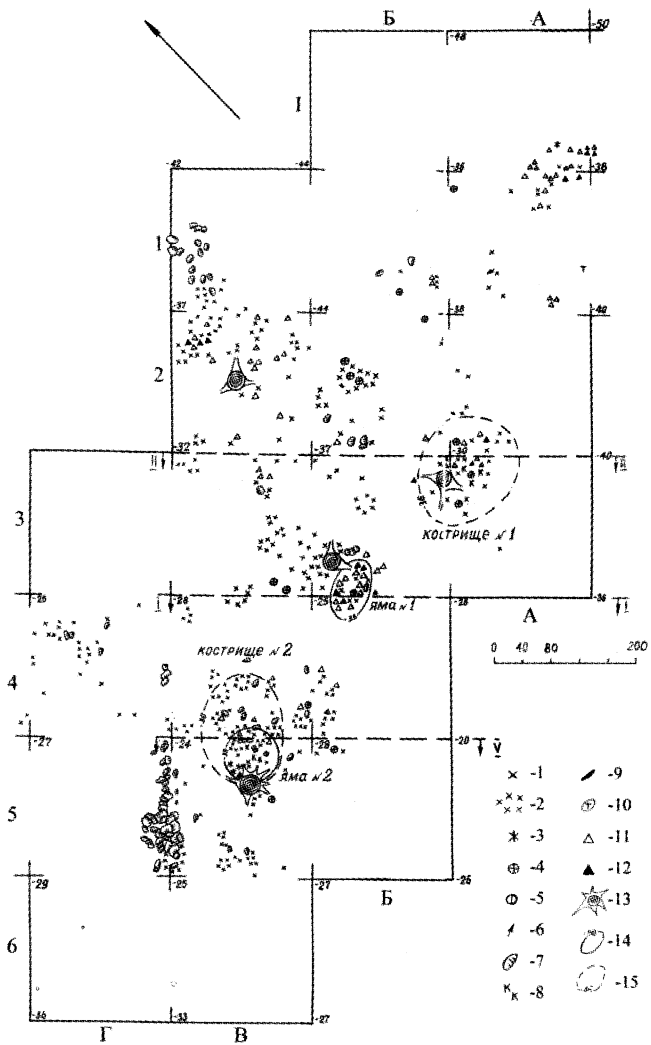

Рис. 2. Курья 1. План раскопа №1. Продолжение.

Рис.2. Курья 1. План раскопа №1.

Условные обозначения: 1 – отщеп кремневый, 2 – скопление отщепов, 3 – кучки крумня, 4 – скребки, 5 – остриё, 6 – наконечник стрелы, 7 – камни, 8 – кальцинированные кости, 9 – нож бронзовый, 10 – камень точильный, 11 – керамика неорнаментированная, 12 – керамика орнаментированная, 13 – дерево, 14 – контуры ямы, 15 – контуры кострища.

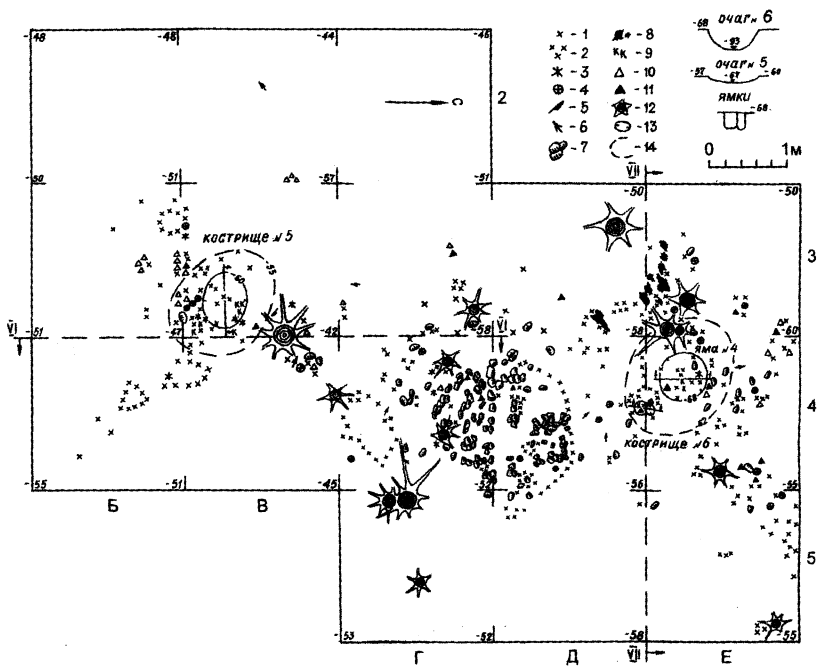

Рис. 3. Курья 1. План раскопа № 2.

Условные обозначения: 1 – отщепы кремневые, 2 – скопление отщепов, 3 – кусок кремня, 4 – скребок, 5 – нож, 6 – наконечник стрелы, 7 – камни, 8 – угли, 9 – кости, 10 – керамика неорнаментированная, 11 – керамика орнаментированная, 12 – дерево, 13 – контуры ямы, 14 – контуры кострища.

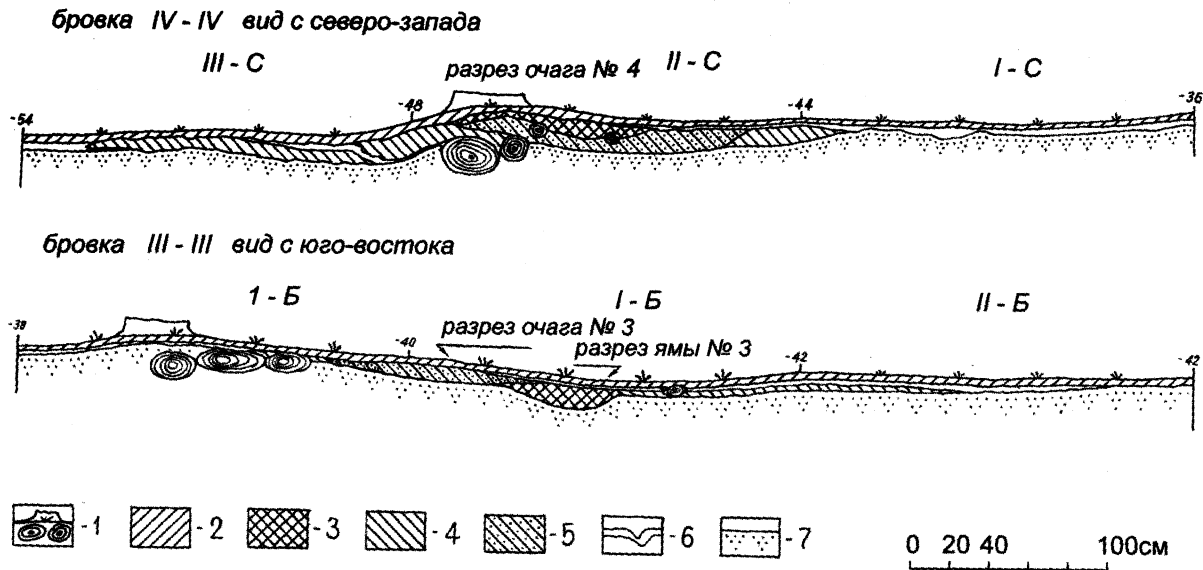

Рис. 4. Курья 1. Стратиграфия бровок и стенок раскопа № 1.
 Условные обозначения: 1 – дерево, 2 – песок серого цвета, 3 – песок темно-серого цвета, 4 – темный, желтовато-серый песок (дорога), 5 – желтый песок, 6 – темно-коричневая супесь, 7 – светло-желтый песок, 8 – зольно-углистый слой, 9 – белесый песок (подзол), 10 – материк.

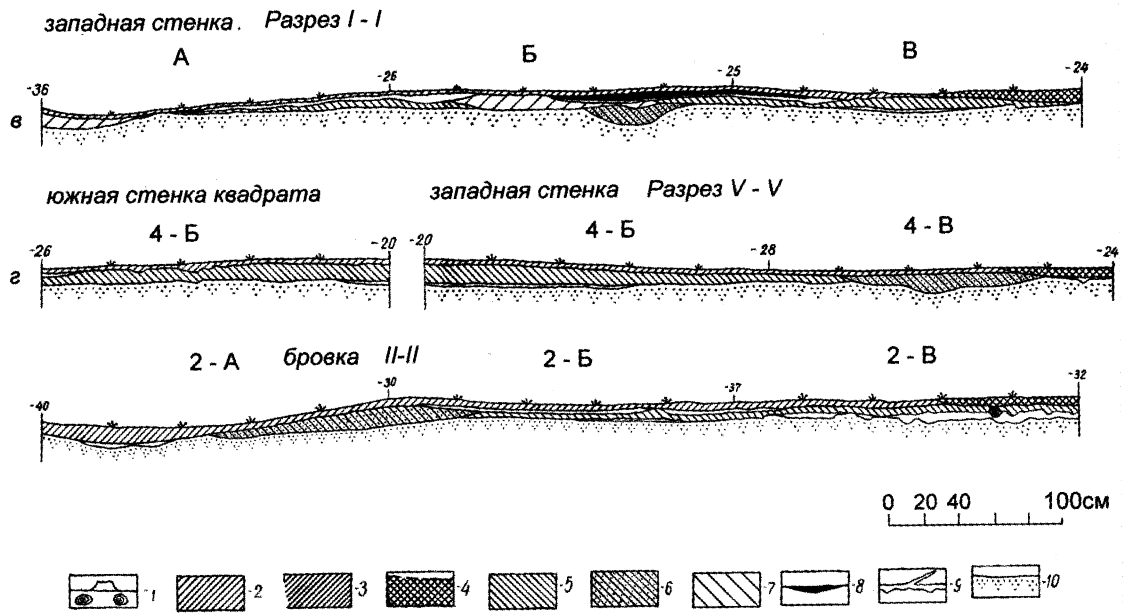

Рис. 5. Курья 1. Стратиграфия бровок и стенок раскопа № 1.

Условные обозначения: 1 – дерево, 2 – песок серого цвета, 3 – песок темно-серого цвета, 4 – темный, желтовато-серый песок (дорога), 5 – желтый песок, 6 – темно-коричневая супесь, 7 – светло-желтый песок, 8 – зольно-углистый слой, 9 – белесый песок (подзол), 10 – материк.

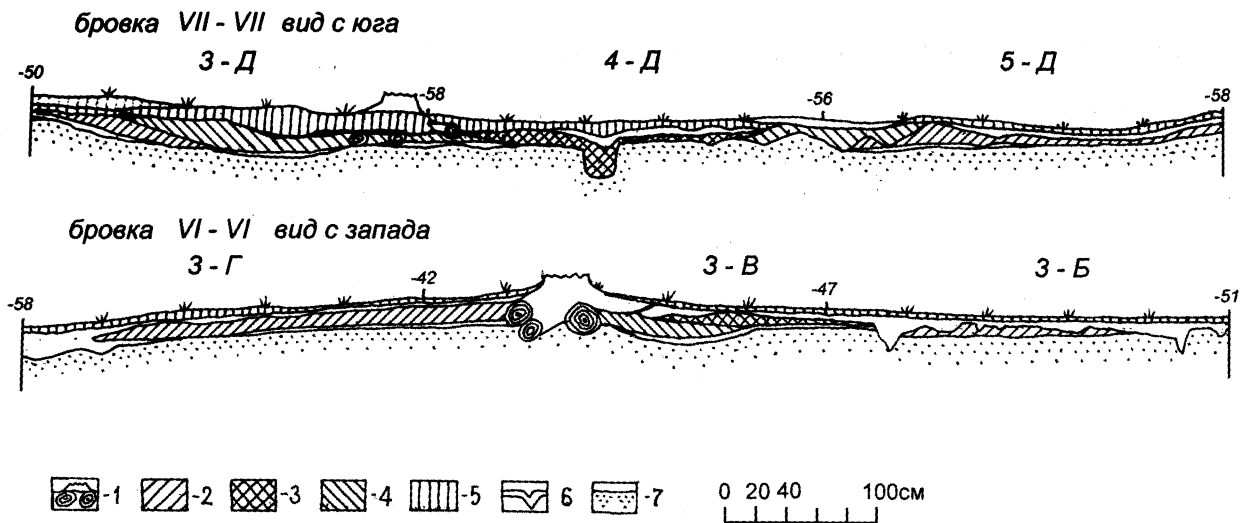

Рис. 6. Курья 1. Стратиграфия бровок и стенок раскопа № 2.

Условные обозначения: 1 – дерево, 2 – песок серого цвета, 3 – супесь бурого цвета, 4 – желтый песок – культурный слой, 5 – светлый, желтовато-серый песок, 6 – белесый песок – подзол, 7 – материк.

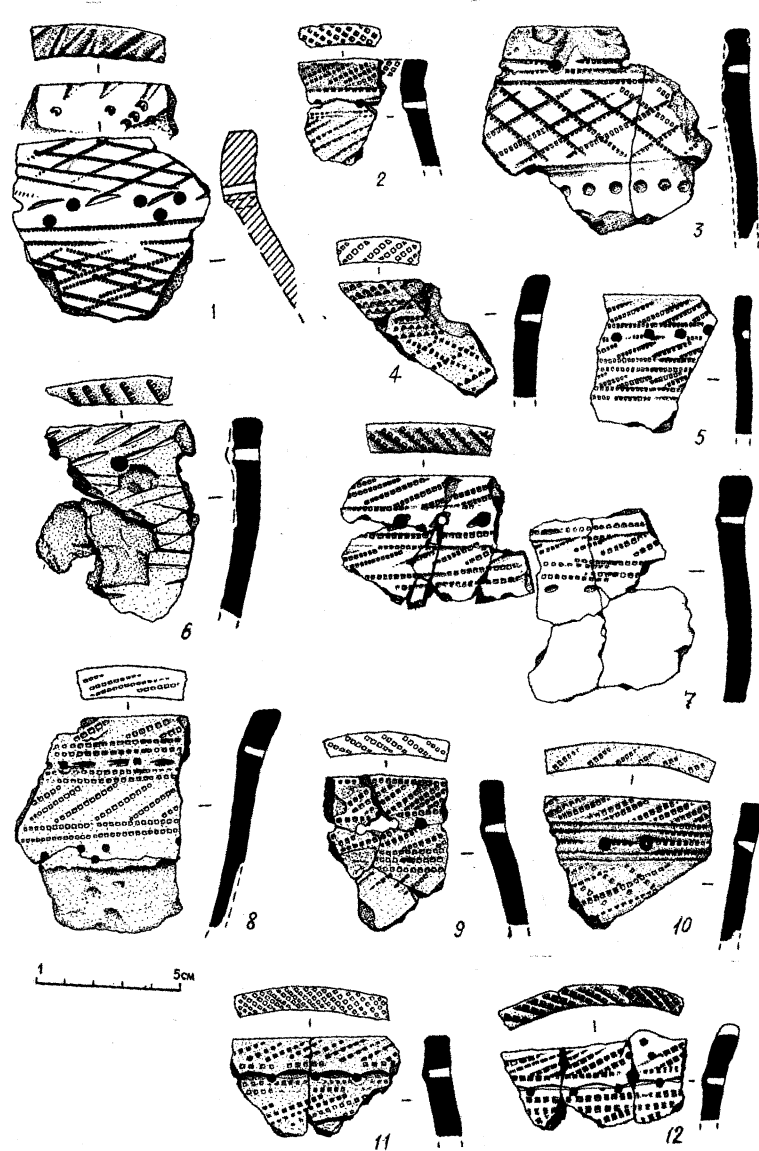

Рис. 7. Курья 1. Керамика.
№№ 1-5, 7-11 – раскоп № 1, №№ 6, 12 – раскоп № 2.

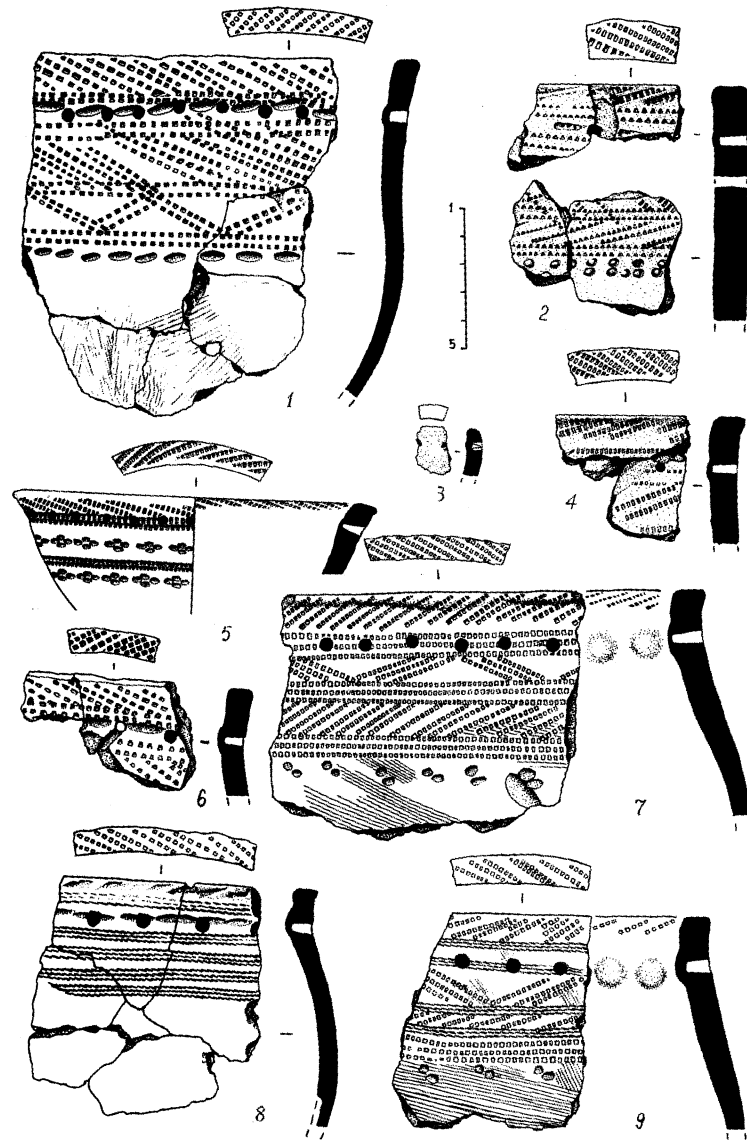

Рис. 8. Курья 1. Керамика.

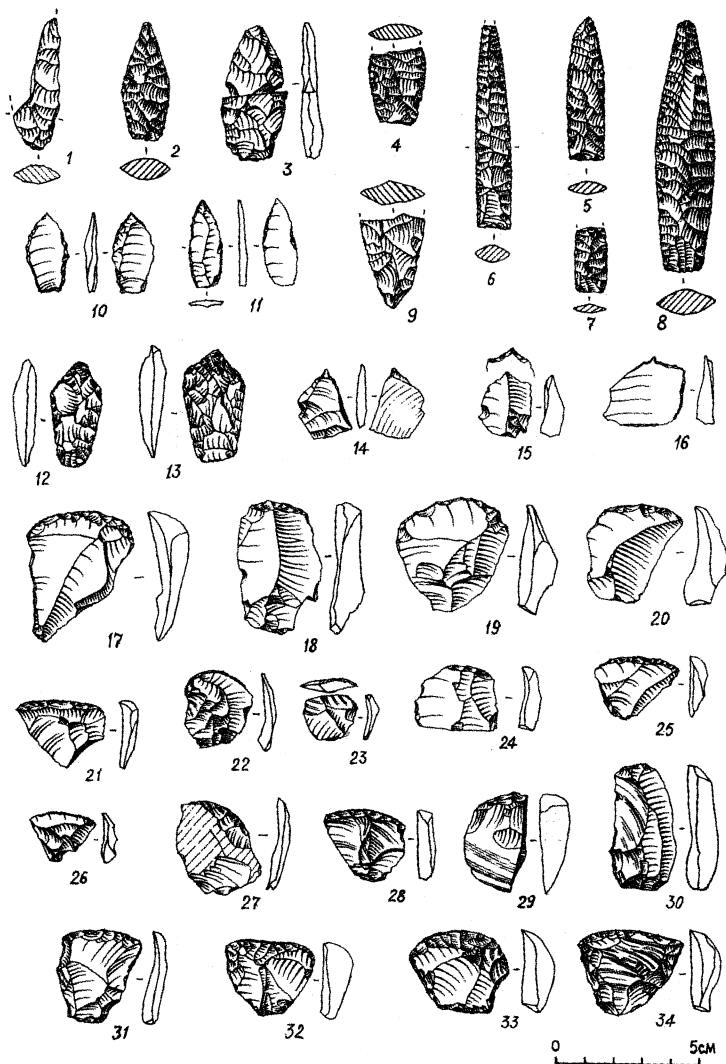

Рис. 9. Курья 1. Кремневые орудия.

1-9 - наконечники стрел, 10,11 - острия, 12 - 16 - сверла, проколки, 17 - 34 - скребки.

5-8, 12,13, 21, 26 - орудия с раскопа № 2, остальные с раскопа № 1.

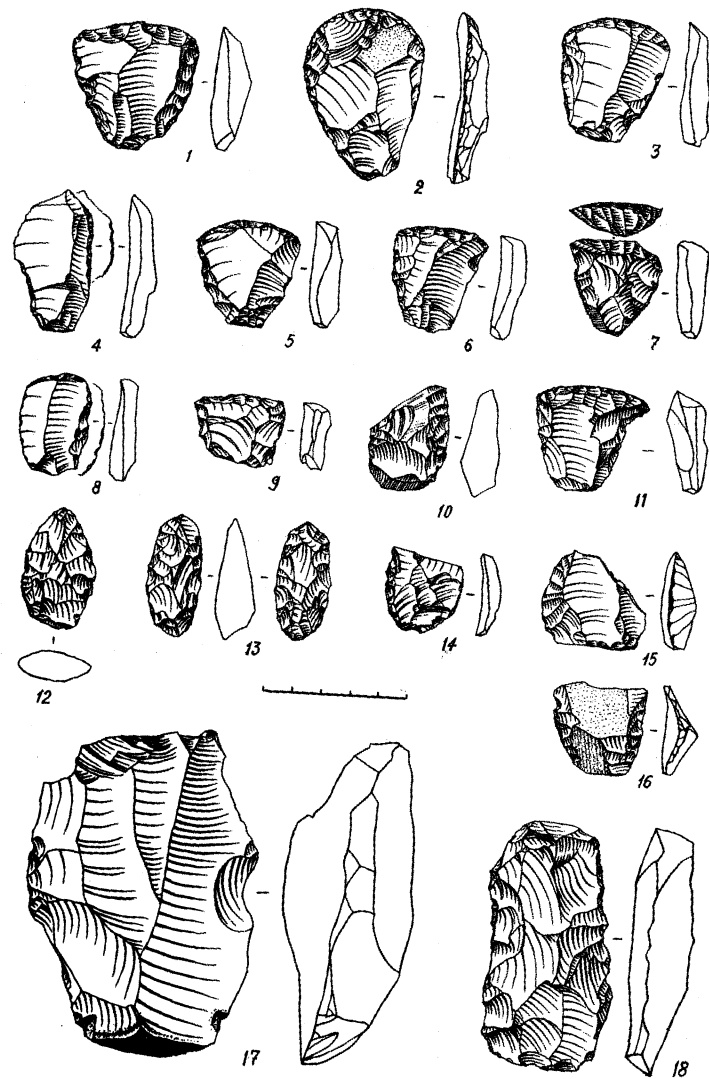

Рис. 10. Курья 1. Кремневые орудия и заготовки.

1-11, 14-16 - скребки, 12,13,17,18 - заготовки орудий.
2,5,11,14,16-18 - находки с раскопа № 2, остальные с раскопа № 1.

Усть-Цильма в конце XVII века

История каждого населенного пункта – это, прежде всего, история людей, живших в нем. Свою статью я рассматриваю, как дар уважения усть-цилемам – одному из отрядов первопроходцев, осваивавших бескрайние просторы Европейского Севера России.

Давно известно из литературы, что усть-цилемы появились на месте их сегодняшнего проживания уже в середине XVI столетия. Обосновавшись на пустом месте на берегах могучей Печоры и ее притока Цильмы, эти мужественные люди, в условиях крайнего Севера смогли наладить свое хозяйство и начать обживать окрестные места.

Первое полное представление о населении Усть-Цилемской слободы мы получаем из дошедшей до наших дней переписной книги Пустозерского уезда 1679 года. Текст этой переписной книги я в свое время скопировал с рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, и издал в 1993 году в книге: Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Очерки истории Коми крестьянства XVI–XVIII вв. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1993. С.151-168. В данной переписной книге имеются данные по Пустозерскому острогу и окружающим его «жирам» посадских и служилых людей; по Ижемской слободке; и по Усть-Цилемской слободке. Указанная книга давно перешла в разряд библиографических редкостей, поэтому я пользуюсь моментом, чтобы заново опубликовать часть этого документа, относящегося к Усть-Цильме в данном томе материалов конференции. Археографическое описание документа можно прочитать в указанной моей книге 1993 года.

Итак, в переписной книге 1679 года имеется следующий текст, относящийся к Усть-Цилемской слободке:

«Усть-Цилемская слободка, а в ней двory: церкви Николая Чюдотворца двор попа Иоакима Васильева, у него сын Лаврушка, да у него ж живет сын его, церковный дьячок Устинка, у Лаврутки сын Куземка, у Устинка сын Стахейко; двор пономаря Голохтионка Кондратьева, у него два сына: Митька 12 лет, Тимошка 7 лет; двор просвирни Ульяницы, у нее живут нищие Фомка Иванов сын Осташов, у него два брата: Петрушка без руки и без ноги да Нефедко 13 лет, да у Фомки ж сын Фотейка 2 лет, у ней же живет Перфенко Анфи-

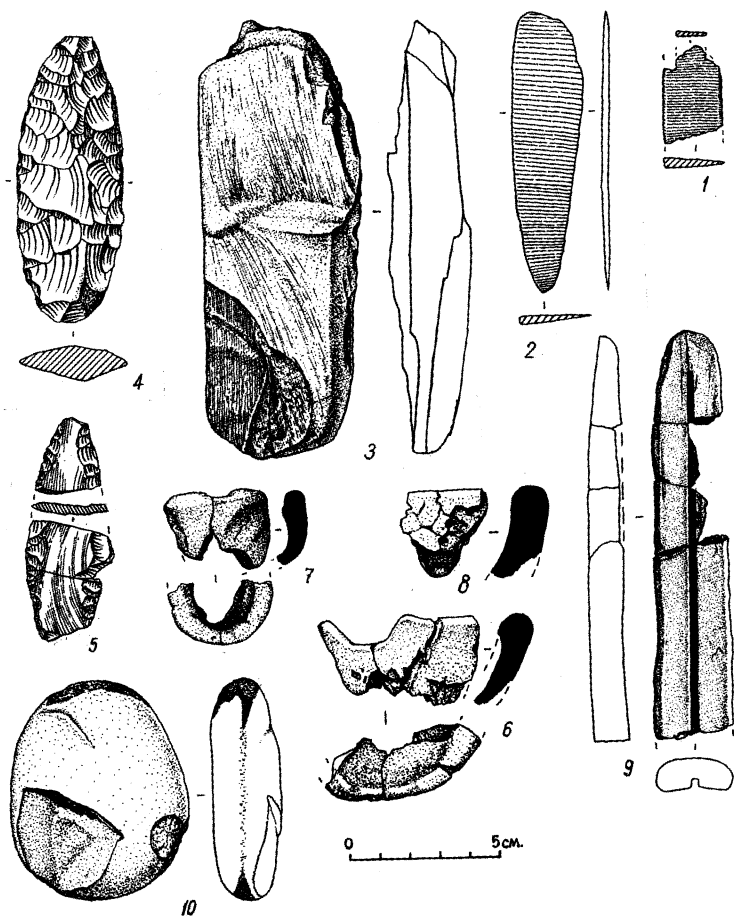

Рис. 11. Курья 1, 2 – ножи бронзовые, 4, 5 – ножи кремневые, 3 – абразивный камень, точило, 6–8 – обломки тиглей, 9 – глиняная форма, 10 – отбойник, камень.

мов сын Осташов, у Парфенка два сына: Сидорко да Трифанко 12 лет.

Да крестьянских дворов: во дворе Еремко Кирилов сын Чюпров, у него четыре сына: Ивашко да Конанко 14 лет, Кондрашко 8 лет, Бориско 4 лет; во дворе Ондрюшка Григорьев сын Комаров з братом Огафонком, у Ондрюшки сын Сенька 2 лет, у Огафонки два сына: Пронька 12 лет, Фомка 9 лет, слеп и без руки; во дворе церковной староста Онашко Максимов, у него два сына: Онтошка, слеп, да Оська, у Антошки три сына: Полуехтко 9 лет да Лаврушка 6 лет, Федосейко 4 лет; во дворе Онтошка Фомин сын Чюпров, у него два брата: Логинко 10 лет, Трифанко 5 лет, да у него ж живет устьцелемец Филька Малашев, у Фильки сын Еремка 10 лет; во дворе Васька Лукин сын Чюпров, у него сын Емелька; во дворе Савка Филипов сын Носов, у него два сына: Терешка да Кононка, у Терешки два сына: Петрушка 5 лет да Оська 3 лет, у Кононки сын Ивашко 3 же лет, да у них же живет устьцелемец Терешка Федотов сын Сипсанов, у него брат Федька 10 лет; во дворе Филька Васильев сын Дуркин, у него два сына: Васька да Созонка 8 лет, да самоядин новокрещеной Трифанко 10 лет, да у него ж живет устьцелемец Климка Петров, у Климки два сына: Кирюшка да Ульянко; во дворе Ларька Лукин сын Чюпров, у него два сына: Сидорка да Васька 14 лет; во дворе Офонька да Карпушка Васильевы дети Вокуевы, у Офоньки четыре сына: Мокейко 15 лет, Ивашко 12 лет, Пантелейко 5 лет, Ефимко 3 лет, у Карпушки два сына: Ивашко 5 лет, Игнашко 2 лет; во дворе Ивашко Софонов, у него сын Стенька; во дворе Пашко Петров сын Торопов, у него три сына: Федька, Юшка да Гришка 10 лет, у него ж живет устьцелемец Полуехтко Иванов, у Полуехтка три сына: Ивашко 12 лет, Мишка 4 лет, Оська 2 лет; во дворе Ивашко Петров сын Торопов, у него три сына: Сергушка 13 лет, Архипко 10 лет, Дениско 3 лет, да у него ж три племянника: Микулка, Логинка да Трошка 13 лет Сидорковы дети Петрова; во дворе Митрошка Дементьев сын Поздеев, у него два сына: Онтропка да Мосейка, у Онтропка три сына: Родька да Сенька 8 лет, Никонко 5 лет, у Мосейка сын Тимошка 8 ж лет, да у него ж, Митрошки, на дворе живет устьцелемец Стенька Лазырев, у Стеньки два сына: Тимошка 13 лет, Лаврутка 5 лет; во дворе Мишка да Гераська Максимовы дети Поздеева, у Мишки три сына: Овдюшка, Трошка, Петрушка, у Гераськи два сына: Гришка 13 лет, Уварко 6 лет; во дворе Михайка Савин сын Поздеева, у него братья: Алешка, Архипко, Иевко, Гришка, Савка, у Михайки¹ три сына: Ивашко, Макарко 8 лет, Федька 4 лет, у Алешки

¹ Написано поверх стертого слова.

два сына: Онтошка 11 лет, Овдюшка 4 лет, у Архипка два сына: Ивашко 12 лет, Мишка 8 лет; во дворе Сенька да Савка Афонасьевы дети, у Сеньки сын Ромашка, у Ромашки два сына: Петрушка да Онтошка, оба по 5 лет, у Савки два сына: Мишка да Трошка 12 лет; двор нищей, Федотка Васильев сын Дуркин; двор нищей, Максимко Ондреев сын Тирков, у него сын Никонко 2 лет.

Да нищие ж, которые скитаютца по миру: Ивашко Микифоров сын Тирков 10 лет; Ивашко Петров, у него два сына: Якимко да Ондрюшка 8 лет.

В Усть-Целемской же слободке пустые выморочные дворы, которые крестьяне тех дворов з женами и з детьми померли, а иные в прошлых годах збредли в сибирские и в ыные города з женами ж и з детьми, а дворы их и дворовые места пусты, ништо ими не владеет: двор пуст Пашки Шишолова, а он, Пашка, шол в Пермь Великую в прошлом во 185-м году; двор пуст Чюпрушки Поздеева, а он шол з женою и з детьми в прошлых годах в сибирские города; двор пуст умершего Офоньки Чюпрова, а жена ево и дети сошли в Сибирь в прошлом во 180-м году; двор пуст умершего Карпушки Лазырева; двор пуст Зотки Харитонова сына Горбунова, а он, Зотка, шол безвестно з женою и з детьми в прошлом во 185-м году; двор пуст умершего Гришки Плешкова, а жена ево и дети сошли на Мезень; двор пуст Кононки Чюпрова, а он шол и живет ныне в Ыжемской слободке; двор пуст умершего Панкрашки Малашева; двор пуст бывшего пономаря Баженка Дуркина, а он, Баженка, умре; двор пуст Федьки Кислякова, а он, Федька, шол безвестно в прошлом во 185-м году; двор пуст умершего Федотка Аврамова сына Чипсанова; двор пуст умершего Савки Поздеева; двор пуст Лаврушки Лазырева, а он, Лаврушка, умре, а сын ево Федька шол з женою и з детьми в Пермь Великую во 185-м году; двор пуст Ларьки Конищева, а он, Ларька, шол в Пермь Великую з женою и з детьми в прошлом во 178-м году; двор пуст Фочки Вокуева, а он, Фочка, умре з женою в давних летех, а дети ево сошли в Сибирь.

Всего в Ус(ть)-Целемской слободке крестьянских тяглых 16 дворов, опричь церковных причетников, да нищих 2 двора, а людей в тех дворах 110 человек, да нищих же бездворных 4 человека».

Итак, в Усть-Целемской слободке зафиксирован 21 жилой двор: 3 двора церковных причетников, 16 тяглых крестьянских двора и 2 двора нищих. Во дворах записаны 110 человек тяглецов и нищих, 4 человека нищих бездворных людей, 9 человек, относящихся к духовному сословию и у них во дворе 7 человек нищих. Таким образом, все мужское население Усть-Цильмы во время переписи 1679 года равнялось 129 человекам. Женское население, вероятно, могло быть

по численности равно мужскому. Поэтому численность мужского населения умножается на два и получается, что всего в Усть-Цильме в 1679 году проживало около 260 человек. То есть, Усть-Цилемская слободка конца XVII столетия представляла из себя достаточно большой населенный пункт.

Для того, чтобы сравнить отмеченные переписчиками данные о народонаселении Усть-Цильмы по сравнению с Пустозерским острогом и Ижемской слободкой, приведу итоговые данные по всему уезду. Необходимо иметь в виду, что в итоговые данные вошли сведения лишь о мужском населении тяглых и нищих дворов. Итак:

«И всего в Пустозерском остроге и в Ъжемской, и в Ус(ть)-Цилемской слободках посадских и крестьянских тяглых 121 двор, опричь церковных причетников, да нищих и вдов 16 дворов, а в тех дворах тяглых людей 634 человека да тяглых же бездворных и нищих 149 человек. И обоего 137 дворов, а людей 783 человека.

А перед прежнею переписною книгою Богдана Коковинского 154-го году убыло 29 дворов, а людей прибыло 90 человек».

Сразу бросается в глаза при анализе населенности двора в целом по уезду и в Усть-Цилемской слободе, в частности, то, что населенность двора в Усть-Цилемской слободе больше, чем в целом по уезду. 5,72 человека – мужская населенность двора по уезду и 6,88 человека – мужская населенность двора в Усть-Цильме. Всего же в одном среднестатистическом дворе в уезде проживало 11 человек, а в Усть-Цилемской слободке – 14 человек.

Вторая интересная особенность Усть-Цильмы – большая доля соседей в жилых тяглых дворах. Из 16 в шести дворах проживали, кроме хозяев, посторонние люди. Так, во дворе Онтошки Фомина сына Чюпрова жил «устьцелемец Филька Малашев, у Фильки сын Еремка 10 лет»; во дворе Савки Филиппова сына Носова – «устьцелемец Терешка Федотов сын Сипсанов, у него брат Федька 10 лет»; во дворе Фильки Васильева сына Дуркина жили: самоядин новокрещенной Трифанко 10 лет и устьцелемец Климка Петров, «у Климки два сына: Кирюшка да Ульянко»; во дворе Пашки Петрова сына Торопова проживал устьцелемец Полуехтко Иванов, «у Полуехтка три сына: Ивашко 12 лет, Мишка 4 лет, Оська 2 лет»; во дворе Ивашки Петрова сына Торопова жили три племянника: Микулка, Логинка да Трошка 13 лет Сидорковы дети Петрова; наконец, во дворе Митрошки Дементьева сына Поздеева «на дворе живет устьцелемец Стенька Лазырев, у Стеньки два сына: Тимошка 13 лет, Лаврутка 5 лет». Из приведенных данных видно, что соседями во дворах усть-цилемов были, в основном, семейные люди, имевшие своих детей.

По сведениям переписчика в 1679 году в Усть-Цилемской слободке было много пустых дворов. Всего было зафиксировано 15 пустых дворов, из них 14 дворов тяглых людей и один двор умершего церковного причетника (пономаря). Если суммировать жилые и пустые тяглые дворы, то получается, что всего прежде в Усть-Цильме было 30 тяглых дворов и запустевшие дворы составляют от общей суммы 46,7%. Весьма интересны причины запустения дворов усть-цилемов. Переписчик назвал смерть причиной запустения пяти дворов и причиной запустения девяти дворов назван уход зафиксированных ранее дворовладельцев, или оставшихся после их кончины родственников из родной слободки.

Время запустения четырех дворов из девяти отмеченных нами выше – 185-й (1676/77) год. Вероятно, это был неурожайный и голодный год, спровоцировавший уход части населения Усть-Цильмы в другие места страны. Интерес представляют также зафиксированные места ухода. Жители трех дворов ушли в Пермь Великую. Вероятно, они ушли на соликамские промыслы. Жители трех дворов ушли в Сибирь.

В Усть-Цилемской слободке во время проведения переписи действовал храм, освященный в честь святителя Николая Чудотворца. В храме был полный штат священно и церковнослужителей: поп, церковный дьячок, пономарь и просвирня. Судя по имеющимся скудным данным, клир и прихожане храма активно занимались благотворительностью. Так, во дворе просвирни Ульяницы жили нищие Фомка Иванов сын Осташов, у которого были два брата: Петрушка, инвалид, без руки и без ноги, и Нефедко 13 лет, да у Фомки же переписчики отметили сына Фотейку двух лет.

Таким образом, в конце XVII столетия Усть-Цильма была развитым населенным пунктом, в котором проживали северяне в четвертом поколении, адаптированные к суровым климатическим условиям и считавшие именно эту слободку своей малой Родиной.

Т.В. Павлина
(г. Сыктывкар)

Усть-Цилемская таможня в 1730 году

Таможня в Усть-Цильме была учреждена в 1620 году и являлась неотъемлемым атрибутом жизни слободки вплоть до отмены внутренних таможенных учреждений в России реформой 1753–1754 гг.

Между тем сегодняшние познания об этой почти полутораковой истории весьма скромны. Имеющиеся в ряде работ¹ сведения о таможенной деятельности в Усть-Цильме не дают целостной картины прошлого учреждения, которое представляло в отдаленном северном поселении «жизненно важную отрасль» государственного управления. Необходимо пояснить, что в XVII-XVIII веках таможенное дело обеспечивало треть, а в иные годы и более половины поступлений в российскую казну.² При этом в сферу компетенции таможенных учреждений входила не только внешняя торговля, но и внутренний рынок, а также операции по продаже казенных напитков и иных товаров, относящихся к предметам государственной монополии.

Один из немногих дошедших до нас документов, изданных в XVIII веке в Усть-Цилемской таможене, позволяет частично восполнить имеющийся пробел и расширить наши познания как о названном учреждении, так и в целом о содержании, характере и условиях таможенной деятельности на Европейском Севере России в постпетровскую эпоху. Источник проливает свет и на некоторые иные малоизвестные стороны жизни и быта Усть-Цилемской слободки того времени.

Речь идет о «Книге таможенных и кабацких сборов Пустозерского ведомства Усть-цилемской слободки» за 1730 год, хранящейся сегодня в Российском государственном архиве древних актов³.

В первой части книги учтены сборы с торговых операций, произведенных в Усть-Цильме с января по декабрь 1730 года, и зафиксированы все характеризующие их сведения: дата явки в таможенную, фамилия и имя торговца, место его жительства и род занятий, наименование товаров, их количество, вес и стоимость, а также расчет и сумма уплаченных пошлин.⁴ Это позволяет воспроизвести достаточно полную картину торговой деятельности в означенный период в самой малонаселенной слободке Пустозерского уезда.⁵ При этом нужно учитывать, что в таможенную книгу записывались только данные по оптовым операциям, к которым относились торговые сделки на сумму более 1 рубля. Остальные считались мелкорозничными и в книге не фиксировались.

Обобщив данные по операциям за 12 месяцев, можно подсчитать, что торговый оборот в Усть-Цилемской слободке в 1730 году составил 609 руб. 18 коп. Из них почти 60% обеспечил вывоз товаров. За год из слободки было вывезено товаров на сумму 359 руб. 48 коп.

Отпуск товаров из Усть-Цилемской таможи в 1730 году

№	Наименование товара, единица измерения	Общее количество отпущенного товара	Количество товара, отпущенного с торговыми пунктами разных населенных пунктов						
			Усть-Цильма	Пустозерск	Архангельск	Пинега	Соль Камская	Чердынь	Яренск
<i>Продукция охотничьего промысла</i>									
1	Белка, штука	1700	700	-	-	-	-	-	1000
2	Бобр, штука	35	15	-	-	-	-	-	20
3	Горностай, штука	740	-	-	-	-	-	-	740
4	Заяц, штука	750	-	-	360	-	-	-	390
5	Лисица, штука	140	-	-	-	-	-	-	140
6	Лось, штука	2	2	-	-	-	-	-	-
7	Олень, штука	4	4	-	-	-	-	-	-
8	Росомаха, штука	4	-	-	-	-	-	-	4
9	Песец, штука	297	-	-	50	-	-	-	247
10	Перо куропатки, пуд	35	35	-	-	-	-	-	-
<i>Продукция рыболовного промысла</i>									
11	Семга соленая, бочка	38	23	2	-	1	8	3	1
12	Сиг соленый, бочка	33	3	8	-	2	8	11	1
13	Щука соленая, бочка	8	2	-	-	-	-	3	3
14	Язь соленый, бочка	4	-	-	-	-	-	3	1
15	Сиг, щука, язь, лещ (смесь) соленые, бочка	7	-	-	-	-	-	6	1
16	Нельма и пелядь свежие, пуд	12	12	-	-	-	-	-	-
17	Семга свежая, пуд	17	17	-	-	-	-	-	-
18	Сиг свежий, пуд	8	8	-	-	-	-	-	-
19	Щука свежая, пуд	109	109	-	-	-	-	-	-
20	Щука сушеная, пуд	37	-	-	-	-	35	2	-
21	Икра сига, пуд	6	6	-	-	-	-	-	-
<i>Иные товары</i>									
22	Мука ржаная, пуд	60	60	-	-	-	-	-	-
23	Сукно белое, аршин	40	-	40	-	-	-	-	-
24	Сукно красное, аршин	20	-	20	-	-	-	-	-
25	Овчины, штука	20	-	20	-	-	-	-	-
26	Юфть красная, пуд	1,5	-	1,5	-	-	-	-	-

Главным предметом торга на местном рынке являлась продукция охотничьего и рыболовного промыслов, пользовавшаяся спросом на рынках Коми края и за его пределами. Явки и отпуск приобретенных в слободке мехов и рыбы в 1730 году зарегистрировали в Усть-Цилемской таможене представители 6 городов (Архангельск, Пинега, Пустозерск, Соль Камская, Чердынь, Яренск), а также местные жи-

тели, вывозившие продукцию своего промысла на продажу «в русские городы». Ассортимент и количество вывозимых товаров представлены в таблице 1.⁶ Всего из Усть-Цилемской таможни было отпущено в 1730 году более 3,6 тысяч штук разнообразных мехов, 35 пудов пера куропатки, 1099 бочек соленой, 146 пудов свежей и 37 пудов сушеной рыбы, 6 пудов сига и икры.

Любопытно, что помимо названных выше традиционных для Усть-Цильмы товаров, в таможне был зарегистрирован также отпуск 60 пудов ржаной муки «свопахотного запаса», которую усть-цилемец Артемий Чупров повез на продажу в соседнюю Ижемскую слободку. Впрочем, данный факт в 1730 году был единичным. В гораздо больших объемах хлеб и иные сельскохозяйственные товары в Усть-Цильму ввозились, поскольку выращенной в местных хозяйствах продукции, как правило, не хватало. Так, в 1730 году 480 пудов ржи, 1222 пуда ржаной муки и 3 пуда конопли были привезены на продажу в Усть-Цильму яренскими, соликамскими, чердынскими и пинежскими купцами (см. таблицу 2).⁷

Таблица 2

Оформление ввозимых товаров в Усть-Цилемской таможне в 1730 году

№	Наименование товара, единица измерения	Общее количество ввезенного товара	Количество товара, ввезенного торговцами разных населенных пунктов				
			Мезень	Пинега	Соль Камская	Чердынь	Яренск
<i>Продукция сельского хозяйства</i>							
1	Мука ржаная, пуд	1222	-	136	680	406	-
2	Рожь, пуд	480	-	-	-	-	480
3	Конопля, пуд	3	-	3	-	-	-
<i>Иные товары</i>							
4	Крашенина, аршин	100	-	100	-	-	-
5	Сукно сермяжное, аршин	50	-	50	-	-	-
6	Холст, аршин	100	-	100	-	-	-
7	Юфта красная, пуд	1	1	-	-	-	-
8	Топоры, штука	10	10	-	-	-	-

Помимо хлеба, приезжие торговцы поставляли в слободку необходимые ремесленные изделия. К примеру, пинежанин Евсей Задо-риных привез 50 аршин сукна сермяжного и по 100 аршин холста и крашенины, мезенец Евдоким Винокуров – пуд юфти красной «сво-

ей работы» и 10 железных топоров.⁸ За год было ввезено в Усть-Цильму товаров на сумму 249 руб. 70 коп.

Привозные товары приобретали на усть-цилемском торгу не только местные жители. Так, в феврале 1730 г. пустозерский отставной солдат Емельян Батманов зарегистрировал в Усть-Цилемской таможне явку денег на покупку 60 аршин сукна белого и красного, 20 овчин, 1,5 пудов юфти красной, с которыми затем был отпущен в Пустозерск.⁹

Всего же за 1730 год клиентами таможни стало более 18 торговцев из 8 населенных пунктов, включая Усть-Цильму (см. таблицу 3).

При этом лидировали на местном рынке, составляя треть от общего числа его участников, сами усть-цилемцы. На жителей слободки приходится и наибольшее количество таможенных явок. Помимо уже известного нам Артемия Чупрова, в 1730 г. зарегистрировали явки в Усть-Цилемской таможне Андрей Чупров, Григорий Вокоев (Вокуюев), Авдей и Мосей Поздеевы.

Таблица 3

Участие местных и иногородних жителей в торговле в Усть-Цильме в 1730 году

№ п/п	Населенные пункты	Торговцы	Удельный вес	Явки	Удельный вес	Сумма сделок (руб.)	Удельный вес
1	Архангельск	1	5,5%	1	4,2%	17,90	2,9%
2	Мезень	1	5,5%	1	4,2%	3,00	0,5%
3	Пинега	2	11,1%	2	8,3%	45,30	7,4%
4	Пустозерск	2	11,1%	2	8,3%	26,55	4,4%
5	Соль Камская	1	5,5%	2	8,3%	137,40	22,7%
6	Усть-Цильма	более 5*	более 27,8%	8	33,3%	103,75	17,0%
7	Чердынь	3	16,7%	3	12,5%	95,30	15,6%
8	Яренск	3	16,7%	5	20,8%	179,98	29,5%
	Итого	более 18	100%	24	100%	609,18	100%

* В одном случае поименованный торговец записывает явку в таможне совместно «с товарищи». РГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1818, л. 4.

Самым частым посетителем таможенного учреждения был первый из названных торговцев. Явки Артемия Чупрова отмечены в таможенной книге 4 раза: в феврале, июле, августе и декабре. Общая стоимость предъявленных им к оформлению в 1730 г. товаров (рыба и мука ржаная) составила 27 руб. 65 коп. Правда, по данному показателю его и всех остальных усть-цилемцев опередил Авдей Поздеев. В декабре 1730 г. он был отпущен «в русские города» с партией товара, которая включала 14 бочек соленой и 41 пуд свежей рыбы, 5 пудов сигаовой икры, 4 «оленины» и 2 «лошины» на сумму 37 руб. 15 коп. (или более трети от оборота всех местных купцов).¹⁰ Общая стоимость товаров, предъявленных к оформлению в таможене жителями Усть-Цильмы, составила 103 руб. 75 коп.

Более значительными по стоимости были операции иногородних торговцев, хотя по активности на местном рынке они и уступали местным жителям. Чаще других клиентами Усть-Цилемской таможенни были в 1730 году яренчане (3 торговца/5 явок) и чердынцы (3/3). Представители названных городов, а также Соли Камской совершили в слободке в 1730 году самые крупные торговые сделки (см. таблицу 3).

Безусловным лидером в этом отношении был яренский купец Павел Антипин, который закупил в 1730 году в Усть-Цильме две партии пушнины на общую сумму 122 руб. 48 коп. В совокупности операции иногородних жителей (продажа привозных товаров в Усть-Цильме, покупка местной продукции на вырученные от продажи и явленные деньги на общую сумму 505 руб. 43 коп.) обеспечили 83% годового торгового оборота.¹¹

Такой же весомой была и доля таможенных сборов с операций иногородних торговцев в общей сумме таможенных поступлений в Усть-Цильме за 1730 год (55 руб. 90 коп., или 85,7%). Менее значимыми были таможенные доходы казны от операций местных торговцев (9 руб. 30 коп. или 14,3%), освобожденных от уплаты некоторых пошлин (например, «весчей») при отпуске продукции «своего промыслу».

Общая сумма таможенных сборов за 1730 год в Усть-Цилемской таможене составила 65 руб. 20 коп. Виды, суммы и удельный вес пошлин представлены в таблице 4.¹²

Данные таблицы отражают систему таможенного обложения внутренней торговли, сложившуюся в России при Петре I и его преемниках. В целях изыскания средств на военные и иные чрезвычайные государственные расходы царь-реформатор расширил перечень пошлин, предусмотренных нормами Торгового 1653 г. и Новоторгового 1667 г. уставов. В частности, были восстановлены упраздненные в

середине XVII века проезжие сборы («привальные», «отвальные» с суден и др.) и введены новые пошлины («вновьприбавочная», сбор «на расходы» Военной коллегии и др.).

Впрочем, основную прибыль казне в Усть-Цилемской таможене в 1730 году дали не «новозаводные», а традиционные пошлины. Так, более 40% таможенных доходов обеспечила рублевая пошлина с каждой торговой сделки, 30% – десятая с «красной рыбы семги и мяжкой рухляди» (за исключением заячьих мехов), 13,9% – «весчая» с веса отдельных видов товаров (рожь, мука, рыба). Из «новозаводных» наибольший удельный вес (9%) в общей сумме сборов имела лишь «вновьприбавочная» пошлина, производная от суммы упомянутых пошлин, взимаемых по каждой торговой сделке.

Таблица 4

Структура, объемы и удельный вес таможенных сборов в Усть-Цильме в 1730 году

№ п/п	Вид пошлины	Ставка пошлины	Сумма сбора	Удельный вес
<i>Окладные сборы</i>				
1	Таможенная рублевая	5 коп. с рубля	26 руб. 42,5 коп.	40,5%
2	Десятая	10 коп. с рубля	19 руб. 58 коп.	30%
3	Перекупная	1,5 д. с рубля	2 руб. 36,5 коп.	3,6%
4	Вновьприбавочная	10 коп. с рубля	5 руб. 84 коп.	9%
<i>Итого окладных сборов</i>			<i>54 руб. 21 коп.</i>	<i>83,1%</i>
<i>Неокладные сборы</i>				
5	Весчая	1 д. с пуда	9 руб. 8 коп.	13,9%
6	На расходы Военной Коллегии		96 коп.	1,5%
7	Привальное и отвальное	3 д. с рубля	95 коп.	1,5%
<i>Итого неокладных сборов</i>			<i>10 руб. 99 коп.</i>	<i>16,9%</i>
Всего			65 руб. 20 коп.	100%

По-видимому, не случайно пошлины, приносящие наибольшую прибыль казне, были отнесены правительством к окладным, или, иначе говоря, прогнозируемым сборам. Годовые оклады таможенных учреждений по этим пошлинам устанавливались Камер-коллегией исходя из сумм обычных поступлений от таможи за ряд лет.

Очевидно, полученная по итогам 1730 года сумма таможенных сборов была не совсем типичной для Усть-Цилемской таможи. Окладные сборы, обеспечившие в 1730 году более 80% ее доходов, не достигли установленного для таможи оклада в размере 57 руб.

27,5 коп.¹³ Собрано было 94,7% от этой суммы (54 руб. 21 коп.). Возможными и наиболее вероятными причинами недобора в этом году могли быть не слишком удачные промыслы местных жителей и Оили недостаток на усть-цилемском торгу приезжих торговцев, операции которых обеспечивали, как мы убедились ранее, наибольшие поступления в казну. На коммерческую активность в слободке могли повлиять также неблагоприятные погодные и транспортные условия.

По-видимому, не случайно зависящая от целого ряда обстоятельств деятельность по сбору таможенных пошлин, как и торговля в Усть-Цильме, носила нерегулярный характер. Так, по свидетельству таможенной книги, в январе, марте, мае, октябре, ноябре 1730 года пошлинного и десятинного сбора в слободке не было.

Но и в эти месяцы, как показывает документ, Усть-Цилемская таможня не переставала исправно пополнять государеву казну. Источником более регулярных, чем торговля, денежных поступлений являлись кабацкие сборы, производимые с винной и пивной продаж на подведомственном таможне «Усцелемском кружечном дворе» (см. таблицу 5).¹⁴

Таблица 5

Поступление таможенных и кабацких сборов в Усть-Цильме в 1730 году (помесечно)

Кабацкие	Таможенные	Вид сборов
14 руб. 76 коп.	-	Январь
4 руб. 81 коп.	1 руб. 29 коп.	Февраль
5 руб.	-	Март
6 руб. 02 коп.	4 руб. 94,5 коп.	Апрель
5 руб. 77 коп.	-	Май
9 руб. 54 коп.	4 руб. 05 коп.	Июнь
8 руб. 52 коп.	27 руб. 47 коп.	Июль
9 руб. 34 коп.	6 руб. 54,5 коп.	Август
13 руб. 82 коп.	3 руб. 43 коп.	Сентябрь
14 руб. 56 коп.	-	Октябрь
47 руб. 80 коп.	-	Ноябрь
27 руб. 67 коп.	17 руб. 68 коп.	Декабрь
171 руб. 04 коп.	65 руб. 20 коп.	Всего

Во второй части книги зафиксированы сведения, связанные с осуществлением винной и пивной продажи в Усть-Цильме: дата посещения кружечного двора, фамилия, имя и место жительства посетителя, количество и цена приобретенного напитка, расчет и сумма кабацких сборов.

Данные книги показывают, что количество посетителей кружечного двора и число самих посещений (28 и 55 соответственно) вдвое превышало соответствующие показатели таможенной деятельности. Большую часть посетителей по понятным причинам составляли местные жители, хотя доля их в общей численности населения слободки была относительно невелика (с учетом не поименованных в книге «товарищей», сопровождавших основных клиентов, – около 9%). Среди 17 указанных в книге с фамилией и именем усть-цилемцев фигурируют и упомянутые нами выше торговцы (А.Чупров, А.Поздеев), и не названные ранее обитатели слободки, в том числе местный священник Иван Фатеев. Жители Усть-Цильмы записали в книге в 1730 году в общей сложности 42 явки.

Гораздо реже зафиксированы здесь явки иногородних посетителей (всего 13), хотя по своему количеству (11 человек) последние и не столь заметно уступали местным. Усть-Цилемский кружечный двор посетили в 1730 году 4 пинежанина, 3 соликамца, 1 пустозерец, 1 яренчанин, 1 «вымитенин» и 1 «москвитин», волею судьбы оказавшиеся в северной слободке. Думается, чаще всего приводили их сюда торговые дела. Так, среди посетителей местного кабака встречаются знакомые нам по таможенным явкам иногородние купцы П.Антипин, Е.Задориных, П.Родионов, Л.Зубков, а также не упомянутые в первой части книги пинежане Г.Кокин и Е.Собенин, соликамец З.Выдрин, известные своей коммерческой деятельностью в Пустозерском уезде по другим источникам того времени.¹⁵

Для обеспечения бесперебойной продажи «питей» посетителям в январе 1730 г. на Усть-Цилемский кружечный двор было принято «его императорского величества винной казны» 644 ведра 2 четверти «простого вина» (водки) и продукты для варения пива (21 фунт хмеля и 3,5 четверти «солоду яшного»), из которых было произведено 16 ведер хмельного напитка.

Реализация готовой продукции на кружечном дворе велась в двух помещениях: кабаке и подвале. Из подвала напитки отпускались посетителям в ведра, полуведра и четверти. В кабаке торговали на разлив: в «крушки» и чарки. Вероятно, для развлечения и удержания таким образом посетителей на кружечном дворе предусматривалась продажа игральных карт. Правда, «карточная» продажа в Усть-Цильме шла в 1730 году не очень активно. Из принятого в январе количе-

ства («одна дюжина 4 игр») была продана «во весь год» только одна игра, что пополнило казну лишь на 12 коп.

Более успешной была торговля основной продукцией. За год на кружечном дворе было реализовано 70 ведер 2 четверти «вина простого» и 15 ведер пива. И хотя продано было немногим более десятой части от принятого в январе 1730 года количества, доход казны, полученный при этом (170 руб. 92 коп.), превысил годовой таможенный сбор более чем в 2,5 раза. Прибыль обеспечивалась за счет разницы цен (ведро вина, к примеру, продавалось оптом вдвое дороже подрядной цены, на разлив – «гривною дорожке») и взимания специфических кабацких сборов («истинных» и «прибыльных» – с цены напитков, «поведерных» и «накладных» – с их количества). Винная и пивная продажа дали 72,4% всех доходов в казну от деятельности Усть-Цилемской таможни за 1730 год.

Кстати, в исправном поступлении кабацких сборов были весьма заинтересованы таможенные служащие, поскольку именно из этой доходной статьи оплачивались разнообразные расходы учреждения. Последние так же скрупулезно зафиксированы в таможенной книге, как и доходы. К ним отнесены затраты на «самыя нужная статьи, без чего пробыть не можно» (дрова, лучину, свечи для обогрева и освещения помещений таможни и кабака, бумагу для ведения таможенного делопроизводства), и на обеспечение кабацкой деятельности. К примеру, за «пивную варь» в 1730 году из казны было выдано «варцу с подварщиком» 5 алтын 2 деньги.

Кроме того, значительную долю затрат составили «прогоны» – дорожные расходы, связанные с доставкой таможенных служащих с денежной казной и документацией для отчета в воеводские канцелярии: уездную (в Пустозерский острог) и губернскую (в Архангельск). В 1730 году к ним прибавилась сумма, возможно, и не связанная напрямую с таможенными делами, но отнесенная к категории казенных расходов. Речь идет о 1,5 рублях, выданных архангельскому солдату А.Пяткову за провоз из Усть-Цильмы до Архангельска «ветошной» меди. С учетом протяженности означенных выше маршрутов (1270 верст только в одну сторону) «на прогоны» ушла почти половина от всей суммы, потраченной в 1730 году «на таможенную держь».

Впрочем, итоговая сумма расходов Усть-Цилемской таможни в этом году (12 руб. 1 коп.) лишь чуть превышала 5% от ее годового дохода (236 руб. 24 коп.). Видимо, не случайно в постпетровскую эпоху таможни в России стали называть «золотым дном», имея в виду неисчерпаемость таможенных ресурсов.¹⁶ При этом траты казны на содержание служащих таможенных учреждений были минималь-

ными. С 20-х годов XVIII века в России оплачивалась только работа служащих портовых таможен. В остальных учреждениях, к которым относились все внутренние таможни, включая Усть-Цилемскую, служба, как и в XVII веке, носила характер обязательной феодальной повинности и являлась абсолютно безвозмездной.

Сегодня трудно поверить, что широкий круг обязанностей, связанных с обеспечением таможенной и кабацкой деятельности и включающих досмотр, взвешивание, оценку товаров, ведение таможенной документации, продажу и производство казенных напитков, расчет и взимание платежей, доставку отчетов в воеводские канцелярии, выполнялся в Усть-Цильме силами не более пяти человек.

К сожалению, источник сохранил имя только одного из тех, кто служил в Усть-Цилемской таможне в 1730 году, а вернее, возглавлял ее. Это, как указывается в книге, таможенный и кружечного двора бурмистр Трифон Шишелов. Выбор его на службу (а в рассматриваемый период таможенные служащие не назначались, а избирались населением из числа местных жителей) не случаен. Как показывают источники того времени, названный человек отвечал главному условию – имел опыт коммерческой деятельности, дававший руководителю таможни необходимые знания конъюнктуры рынка и системы расчета таможенных платежей.

Известно, в частности, что в 1724 году Трифон Стефанов сын Шишелов торговал вместе с другими усть-цилемцами соленой семгой в Яренске. Здесь же он зарегистрировал в местной таможне явку денег на покупку «лошади мерина шерстью черна...шести годов» с уплатой всех необходимых пошлин. Приобретение довольно дорогого по тем временам товара («дал за тое лошади цены 4 рубли 16 алтын»)¹⁷ свидетельствует о материальной состоятельности Т.Шишелова, что считалось еще одним важным критерием при выборе кандидата на таможенную службу.

Дело в том, что по действовавшим в рассматриваемый период правилам недобор или растрата в таможне и кабаке, возникшие по вине или недосмотру таможенных служащих, погашались ими за счет собственных средств. Правда, в отличие от многих своих коллег, возглавлявших таможенные учреждения Пустозерского уезда в 30-е года XVIII века, в списке должников казны Т.Шишелов не числится. Хотя известно, что в бытность его таможенным бурмистром в 1730 году также имела место недостача в виде «12 ведер» казенного вина. По-видимому, на следствии по этому поводу бурмистру и избравшим его на службу жителям слободки удалось доказать, что утраченное вино в действительности «устояло и усохло и вытекло и вымерзло в текучих бочках».¹⁸

В силу указанных выше и иных жестких требований, предъявляемых к таможенным служащим в это время (в том числе, запрет на занятия собственными промыслами и торговлей в период выполнения таможенных обязанностей), срок их службы ограничивался одним годом. По истечении его все таможенные и кабацкие дела передавались по описи следующему руководителю таможни. Усть-Цилемская таможенная книга 1730 года засвидетельствовала некоторые моменты, связанные с приемом-передачей дел Трифоном Шишеловым, благодаря чему нам стали известны имя его предшественника, таможенного бурмистра 1729 г. Мокея Вокова (Вокуева), а также преемника, возглавившего таможню в 1731 году, – Петра Поздеева.

Подробности служебной и личной биографии названных лиц и другие, неизвестные ранее страницы истории Усть-Цилемской таможни, возможно, откроются нам уже из каких-то новых источников, что нацеливает на их дальнейший поиск и всестороннее изучение.

Старинные меры веса, длины, объема и денежные единицы
алтын – денежная единица = 3 копейки
аршин – мера длины = 0,7112 метра = 71,12 см
ведро – мера емкости = 12,3 литра
деньга – денежная единица = 0,5 копейки
гривна – денежная единица = 10 копеек
пуд – мера веса = 40 фунтов = 10,38 кг
фунт – мера веса = 409,512 грамм
чарка – мера емкости = 0,123 литра
четверть – мера емкости = 3,07 литра

Литература и источники

1. Бахрушин С.В. Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири) // Научные труды. – Т. 3. – Ч.1. – М., 1955. – С. 224; Булгаков М.Б. Народы Европейского севера России в XVII веке: управление и хозяйство. – М.: ИРИ РАН, 2008. – С. 86-87; Волков М.Я. Центры торговли Европейской России в первой четверти XVIII в. – М.: Наука, 1986. – С. 60; История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Т. 1. – Сыктывкар, 2004. – С. 150, 171; Мацук М.А. Коми край от Бориса Годунова до Петра I: Очерки истории коми крестьянства конца XVI–XVII вв. – Сыктывкар, 1993. – С. 175; Очерки по истории Коми АССР. – Т. 1. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. – С. 127-128; Павлина Т.В. «Памятуя присяжную должность...» (Очерки по истории таможенной службы в Коми крае в XV – первой половине XVIII века). – Сыктывкар, 2004. – С. 20, 27; Она же. Социально-экономические предпосылки создания

и функционирования таможенных учреждений в Коми крае в конце XVI – первой половине XVIII вв. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы VII Всероссийской научно-теоретической конференции (28 марта 2008 г., Сыктывкар). Ч. II. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – С. 93, 95; Она же. Таможенные доходы в Пустозерском уезде в 20–30-е гг. XVIII в.: источники, структура, объемы // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы VIII Всероссийской научно-теоретической конференции (17 апреля 2009 г., Сыктывкар). Ч. III. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – С. 147-153.

2. Захаров В.Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / Под ред. Н.-Б. Голиковой. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 49; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. – М.: Наука, 1966. – С. 214, табл.18; Шумилов М.М. История торговли и таможенного дела в России IX–XVII вв. – СПб.: Синтез-Полиграф, 1999. – С. 311, 316-317.

3. Российский государственный архив древних актов, далее – РГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1818, л. 1-34 об.

4. Там же, л. 10б-15.

5. По сведениям И.Л. Жеребцова, население Пустозерского уезда составляло в 1725 году 3,2 тысячи человек, из них 1060–1070 человек проживало в Ижме, 460–470 – в Усть-Цильме. (История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Т.1. – Сыктывкар, 2004. – С. 224).

6. РГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1818, л. 20б-4, 5-9об, 10об-11, 12об-14об.

7. Там же, л. 2, 4об, 5об-8, 9 об-10об, 11об.

8. Там же, л. 2, 11об.

9. Там же, л. 10б. Здесь и далее использованные в книге старинные денежные единицы (алтын, деньга) для удобства исчислений переведены в копейки.

10. Там же, л. 2-20б, 4, 8об, 11, 13-14об.

11. Там же, л. 10б-12 об.

12. Там же, л. 15.

13. Государственный архив Архангельской области, далее – ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 1597, л. 7об-8; РГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1818, л. 15.

14. Там же, л. 1, 2об, 3об, 4об, 9, 11об, 12, 14об, 15, 18об, 19 об, 21, 22, 23об, 24об, 25об, 26об, 28, 29об, 30об, 32, 33. Следует учитывать, что указанные в книге суммы сборов за год будут отличаться от сумм, полученных путем сложения сумм месячных сборов. Так, если

сложить указанные в книге суммы за 12 месяцев, годовая сумма таможенных сборов составит 65 руб. 41 коп., кабацких сборов – 167 руб. 61 коп.

15. РГАДА, ф. 829, оп. 1, д. 1505, л. 1, 3, 34об; д. 1507, л. 7, 23, 44; ГААО, ф. 58, оп. 17, д. 2, л. 6об, 8об, 24об, 26-26об.

16. Таможенное дело в России X – начало XX в. (Исторический очерк. Документы. Материалы). – СПб., 1995. – С. 40.

17. РГАДА, ф. 273, оп. 1, д. 32880, л. 4об-5.

18. ГААО, ф. 1, оп. 1, д. 1597, л. 13об-20.

П.В. Габов
(г. Сыктывкар)

Путевые заметки В.Н. Латкина об Усть-Цильме (1840–1843 гг.)

В культуре каждого народа есть свои нетленные ценности, составляющие её сокровищницу. Усть-Цильма – уголок русской культуры, где во всей полноте представлено народное творчество: обряды, традиции, обычаи, уникальное пение, которое на протяжении около 470 лет сохраняется и передается из поколения в поколение. Межрегиональная общественная организация усть-цилемов «Русь Печорская», активно выступающая в роли организаторов данного процесса на протяжении двадцати лет ведет большую краеведческую, воспитательную работу, изучая и пропагандируя историю создания родного села Усть-Цильма.

Считаю, что краеведам – усть-цилемам будет интересна, представленная мною, историческая справка о вашей малой родине. Так, на Всероссийской научно-практической конференции «Человек и эпоха», посвященной 200-летию со дня рождения Василия Николаевича Латкина», которая проходила в Сыктывкаре 16 марта 2010 года, состоялась презентация книги, изданной по инициативе известного в республике краеведа В.Н. Королева.

В этой, уникальной по содержанию книге «Василий Николаевич Латкин. К 200-летию со дня рождения», имеются сведения об Усть-Цильме. «Дневник В.Н. Латкина, во время путешествия на Печору в 1840–1843 годах», опубликованный в 1853 г. в «Записках Императорского Русского Географического Общества» в Санкт-Петербурге, достаточно интересен и для современного читателя и исследовате-

ля. Главной задачей автора «Дневника» было изучение возможности использования богатств Печорского края в торговом отношении. Но одновременно в его работе можно найти много историко-статистических и этнографических сведений.

Во второй части «Дневника» В.Н. Латкин посвятил несколько статей селу Усть-Цильма и его основателю Ивашке Ластке.

10 августа 1843 г. он приплыл в с. Усть-Цильму. Народонаселение Усть-Цилемской волости состояло из 2655 обоего пола жителей. «Дома крестьян в Усть-Цильме порядочны и много есть очень хороших с несколькими комнатами; в середине поселения деревянная, ветхая церковь; вблизи её делается фундамент для новой, деревянной же». Он интересовался многими вопросами «Мне сказали, что церковнослужителями ведется летопись. По моей просьбе принесли от священника довольно-таки толстую тетрадь». Из неё он узнал «что при устье реки Цильмы поселились в 1542 году двое Новгородцев: Ивашка Дмитриев Ластка и Власко; потом к ним присоединились пришельцы из разных мест». Для большого удобства, они переселились за Печору, против устья Цильмы на гари (т.е. на место, где выгорел лес); что это поселение они наименовали Усть-Цилемскою Слободю и завели небольшое хлебопашество; что первая церковь построена на гари Ивашкой Ласткой и Власком во имя Чудотворца Николая, при Царе Иоанна Васильевича в 1547 году и сгорела вместе с деревней в 1745 году».

Путешественник с интересом относился к истории возникновения населенных пунктов, записывал со слов жителей рассказы о первых поселенцах на пустынных берегах северных рек. Ознакомившись в Усть-Цильме с летописью, которую вели церковнослужители, Латкин записал в «Дневник» историю зарождения этого села. В Усть-Цилемском волостном правлении Латкин нашел также две грамоты, данные царем Иваном IV основателям первого здешнего поселения – новгородцам, копии этих грамот он привел в конце «Дневника».

Эти грамоты, опубликованные в «Дневнике», станут ярким свидетельством ранних исследований кандидата исторических наук Н.Н. Чесноковой – автора иллюстрированной книги «На семи ветрах, на семи холмах», изданной к 450 летию с. Усть-Цильма (1992 г.).

Несомненный интерес для изучающих историческое прошлое Коми края представляют описания образа жизни и занятий местного населения, заросовки его быта и нравов, занимающие большое место в «Дневнике». Наибольшими подробностями отличаются записи Латкина о жителях Усть-Цильмы, Ижмы, Троицкого Погоста, Пустозерской волости, причем путешественник около 200 лет тому назад не

только излагает свои личные наблюдения, но и прибегает к анализу отчетов волостных правлений.

Из памятной книжки ижемца Василия Попова он вписал в «Дневник» предание, рассказывающее о том, что первым поселенцем здесь был крестьянин из деревни Глотова Яренского уезда, зырянин, к которому присоединились затем братья Чупровы из Усть-Цилемского прихода.

В.И. Чупров
(г. Сыктывкар)

Промышленность Усть-Цильмы во второй половине XIX – начале XX вв.*

Во второй половине XIX века Усть-Цильма продолжает расти, развиваться, население ее увеличивается. Активно начинают осваиваться пространства вниз по Печоре, по рекам Пижме, Цильме, Нерице. Летом 1887 года Усть-Цильму посетил архангельский губернатор князь Н.Д.Голицын с большой свитой губернских чиновников. Один из них Н.Е.Ермилов оставил для потомков свои заметки, в которых дал характеристику Усть-Цильмы конца 80-х годов XIX века, т.е. более сто лет тому назад. Вот что он писал: «Село Усть-Цильма вмещает в себя более 1100 строений, народонаселение ее простирается до 4000 человек (цифра несколько завышена – В.Ч.). Таким образом, село это, как по своему пространству, так и по числу зданий и жителей, значительно превышает каждый из уездных городов Архангельской губернии. Такая скученность населения свидетельствует о том, что село Усть-Цильма есть естественный географический центр всего Печорского края; и действительно от Усть-Цильмы идут дороги во все стороны к окраинам Припечорья... Село Усть-Цильма приобрело значение административного центра; в нем сосредоточены все существующие в Печорском крае присутственные места и должностные лица».¹

К началу XX века Усть-Цилемская волость (рамки Усть-Цилемского района) состояла из 81 селения, образующих семь волостных обществ: Абрамовское, Хабарицкое, Усть-Цилемское, Гаревское, Нерицкое, Кривомежное (Трусово), Замежное. Большая часть селений располагалась по реке Печоре (61 селение) и меньшая часть по рекам Цильме, Пижме, Нерице (20 селений)².

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 09-01-41 105 а/С.

Чтобы говорить об экономическом развитии того или иного населенного пункта, необходимо проанализировать данные за несколько десятков лет, сравнить их и сделать соответствующие выводы. В ходе работы над докладом такие данные удалось обнаружить. Это материалы однодневной переписи Усть-Цилемской волости за 1872 год и исчерпывающие данные за 1908 год, составленные усть-цилемским волостным старшиной Хозяиновым для губернских властей, изучающих колонизационные возможности Печорского уезда³.

В 1872 году в Усть-Цилемской волости проживало 2061 мужчина и 2164 женщины, всего 4225 человек. В 1908 г. в Усть-Цилемской волости уже числилось 4016 мужчин и 4414 женщин, всего 8430 человек. За тридцать шесть лет количество населения выросло в два раза. Если сравнить показатели роста населения с XVIII в. и первой половиной XIX века, то следует признать, что темпы роста на рубеже двух столетий были впечатляющими. Причины такого роста, на наш взгляд, две: 1) улучшилась экономическая ситуация в районе в связи с развитием пароходства на Печоре и строительством Сибиряковского тракта (хлеб более дешевый, чем чердынский, начал привозиться и из Сибири). Эти успехи сказались на естественном приросте населения. 2) С образованием Печорского уезда и созданием множества различных уездных административных учреждений на Печору прибыл значительный отряд чиновников со своими семьями.

Указанный источник дает очень интересные данные о ремеслах, получивших развитие в Усть-Цильме и числа занятых в них.

Таблица № 1

Ремесленники Усть-Цилемской волости

Виды ремесла	Виды ремесла	
	1872 г.	1908 г.
Плотники	14	40
Столяры	8	9
Слесари	1	3
Кузнецы	10	6
Портные	9	19
Сапожники	19	59
Печники	13	15
Другие специальности	76	177
Итого:	150	328

Таблица № 1 наглядно показывает общий количественный рост ремесленников более чем в два раза. Если проанализировать качественное состояние ремесел, то здесь также наблюдаются изменения. Во-первых, появляются совершенно новые ремесла, характеризующие возросший культурный уровень жизни. В XX веке уже в отчете волостного старшины значатся обойщики, медники, кирпичники, экипажные мастера, переплетчики, стекольщики, булочники и калачники.

Значительно возросло за рассматриваемый период и количество кустарных заведений: мукомольных мельниц с 5 до 9, дегтярных и смолокуренных предприятий с 4 до 17, кожевенных «заводов» – с 2 до 6. Всего в 1908 г. в Усть-Цилемской волости было зарегистрировано 54 кустарных заведения с суммой производства 5640 руб.

Крупным предприятием того времени являлся камнеобрабатывающий завод Вышемирского, который находился напротив Усть-Цильмы. Он занимался выделкой оселков. Богатый купец С.Ф. Вышемирский в начале XX века развернул здесь солидное производство, пик работ которого приходился на рассматриваемые годы. На заводе действовал паровой котел, количество действующих станков доходило до 11. В 1908 году на каменоломнях Усть-Цилемской волости, в основном по реке Цильме трудилось 80 человек и непосредственно на заводе 22 человека, всего 102 человека⁴. В зимнее время количество рабочих уменьшалось. Так, к январю 1909 г. на нем работало только 9 человек, т.е. предприятие носило сезонный характер. По числу занятых завод Вышемирского был самым крупным дореволюционным предприятием Усть-Цилемской волости. Цели и задачи этого германского подданного были более обширны. Еще в начале XX века С.Ф. Вышемирский подал в Управление государственных имуществ Архангельской губернии заявление, в котором указывал, что им исследована река Косма, приток Цильмы и поставлено 18 заявочных столбов на каменный уголь и медную руду. В заявлении предприниматель просил «о выдаче заявочных свидетельств на право разведки вышепоименованных мест, выслав таковые по месту временного моего жительства в Усть-Цильме»⁵. Однако дальше разработки точильных камней Вышемирскому развернуться не удалось.

Во второй половине XIX в. начались лесозаготовки в Печорском уезде. Рабочей силой на начавшихся лесозаготовках являлись крестьяне Печорского края. Втягивались в нее и усть-цилемские крестьяне. В отчете Усть-Цилемского волостного правления за 1866 г. сказано: «Крестьяне частично занимались вырубкою леса для Печорского лесного товарищества за условленную плату»⁶. В 1866 г. в Пустозерскую волость было сплавлено пять плотов и доход крестьян составил до 50 рублей. В последующие годы лесной промысел получает разви-

тие. Таблица № 2 показывает, как расширился лесной промысел Усть-Цилемской волости к 1908 г.⁷

Таблица № 2

Лесной промысел Усть-Цилемской волости в 1908 г.

Рубка и сплав леса			Рубка леса		Работа на лесопильных заводах		Итого	
число лиц, занятых промыслом	заготовлено бревен	выручено (в руб.)	число лиц, занятых промыслом	выручено (в руб.)	число лиц, занятых промыслом	выручено (в руб.)	число лиц, занятых промыслом	Выручено (в руб.)
69	2200	1007	158	3850	60	1200	287	6057

Количество людей, занятых рубкой и сплавом леса, значительно увеличилось. С основанием в начале века в устье Печоры завода «Стелла Поларе» начался отход и на это первое крупное предприятие капиталистического типа в Печорском уезде. Развитие лесопиления, лесных промыслов характерная черта промышленного развития Усть-Цильмы.

Литература и источники

1. Поездка на Печору. Путевые заметки Н.Е. Ермилова. – Архангельск, 1888. – С. 80-81.
2. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», далее ГУРК НАРК.
3. Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Составлены помощником председателя Статистического комитета Г.Минейко, стр. 13, 37, 45, 57, 70, 71, 128, 142, 147, 197, 200, 203; ГУРК НАРК, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 6, 98-99, 102-113.

4. ГУРК НАРК, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 113.
5. Там же, ф. 304, оп. 1, д. 2, л. 1-2.
6. Государственный архив Архангельской области, ф. 6, оп. 2, д. 208, л. 72.
7. ГУРК НАРК, ф. 11, оп. 1, л. 4, л. 103.

Т.И. Лахтионова
(г. Сыктывкар)

Документы по истории культуры Коми края XIX в. в архивах Архангельской и Вологодской областей*

В рамках подготовки сборника документов «Культурная жизнь Коми края. 1800-1917 гг.» архивистами республики при поддержке РГНФ в 2010 г. была проведена работа по выявлению документов, характеризующих различные стороны культурной, социальной жизни населения коми края в дореволюционный период в архивах Вологодской и Архангельской областей.¹

В фондах Вологодского областного государственного архива отложились подлинные документы, которые в виде копий (отпусков) направлялись в уезды, в том числе Устьсысольский и Яренский. В фондах Вологодского губернского правления, Канцелярии Вологодского губернатора, Вологодского приказа общественного призрения, Дирекции народных училищ и др. выявлены многочисленные документы, характеризующие развитие народного образования, искусства, печати, архитектуры, быта населения коми края.

Автору в период работы в Вологодском архиве удалось обнаружить документы, относящиеся к периоду окончания войны с нашествием войск Наполеона и размещении пленных французов на территории нескольких уездов Вологодской губернии. В фонде Канцелярии Вологодского губернатора в письме губернатора Вологодской казенной палате от 10 января 1814 г. мы читаем: «на содержание отправляемых на жительство в города Устюг, Яренск, Сольвычегодск и Устьсысольск французских военнопленных благоволи казенная палата приказать уездным казначействам производить отпуск порционов по положению, то есть по требованию городничих под присмотром где они будут находиться и впоследствии уведомить»² 18 января 1814 г. Вологодская казенная палата уведомила, что на содержание военнопленных, находящихся в ведении Вологодского полицмейстера-

ра выделено 5 тыс. руб.³ Сумма на наш взгляд немалая, если учесть, что при конвоировании пленных до места жительства полагалось пленным офицерам довольствоваться по 50 коп., а нижних чинов по 5 коп. в сутки. При этом сверх того полагалось кормить от обывателей (жителей) пищею вместе с конвойными платя за каждого человека в сутки по уездам Вологодскому, Кадниковскому и Тотемскому по 15 коп., а Устюгскому, Сольвычегодскому, Яренскому и Устьсысольскому по 17 коп.

Об общем количестве военнопленных можно судить по донесению Вологодского полицмейстера губернатору от 16 января 1814 г. Первая партия военнопленных, отправленных из Витебска в Вологодскую губернию состояла из 288 человек», из которых во время похода было оставлено по болезни 3 человека, померло 2, бежали 4». Вторая партия состояла из 298 человек.⁴

Об условиях препровождения пленных в условиях зимы до мест их жительство, в том числе и в г. Устьсысольск имеются сведения в том же донесении. Полицмейстер докладывает: «при осмотре моем обеих партиев хотя и дана была военнопленным некоторая одежда, как-то: шинели, мундиры, панталоны, рубашки, башмаки, сапоги, но оное все ветхое и не годится к носке. Шапок же, рукавиц, чулков вовсе дано не было. Означенные пленные терпят более крайности в рубашках, ибо оным дано было по одной, которые от неперемени все сгнили и на многих совсем нет».⁵ В Вологде пленным были выданы овчинные полушубки, рубашки, суконные панталоны, шапки или фуражки, чулки, варежки и кожаные сапоги.

Об отношении к пленным, которое можно охарактеризовать скорее милостливым, чем жестоким можно судить по инструкции, данной назначенному к препровождению партии военнопленных квартальному надзирателю Озерову, в которой учтены были все стороны доставления пленных до мест их проживания в плену – от подорожных на «взятие обывательских лошадей», книг на записку прихода и расхода денег вместе с деньгами до взятия квитанций после передачи офицеров и нижних чинов полицмейстерам соответствующих пунктов. Кроме этого рекомендовалось «смотреть, чтобы пленные продолжали путешествие свое смирно, не дав ни малейшего своевольства, обид жителям, равно и если была оказываема со стороны конвоя и жителей человеколюбивая помощь и снисхождение, не допуская их до напрасных обид, изнурения или жестокости под страхом неминуемого взыскания по законам».⁶ В случае болезни пленных в пути, их оставляли под присмотром градоначальникам, с тем чтобы по выздоровлении направить к месту назначения. Конкретных сведений о проживании французов в Устьсысольске выявлено не было.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (№ 10-01-41 101а/С).

Любопытной представляется переписка Вологодского губернатора с присутственными местами об открытии театра в г. Устьсысольске в 1831 г.

1 ноября 1831 г. Устьсысольский городничий обратился к Вологодскому гражданскому губернатору с просьбой о дозволении чиновнику и купечеству города Устьсысольска открыть в частном доме театр, на что в ноябре же был получен ответ о том, что «к дозволению Домашнего театра я никакого препятствия не вижу, с тем только чтобы вы представили мне реестр пьес, которые назначены к представлению».⁷

Такой реестр был направлен в апреле 1833 г. и в него были включены драмы, комедии, оперы. Среди них такие как «Лиза или торжество благодарности» (соч. Н. Ильина); «Русской солдат или хорошо быть добрым господином» (соч. В. Федорова) – драмы. Среди комедий были названы – «Бобыль», «Братья Своеладовы или неудача лучше удачи», «Сговор Кутейкина» (соч. П. Плавильщикова); «Бригадир», «Недоросль» (соч. Д. фон Визина), «Вечеринка ученых» (соч. М. Загоскина). На сцене Домашнего театра предполагалось слушать оперы – водевили под названиями «Актер на родине или прерванная свадьба» – соч. кн. А. Шаховского, «Жених на диете» в переводе с французского, некоторые другие.

Интересные сведения содержатся в Рапорте Устьсысольского уездного исправника о состоянии г. Устьсысольска и его уезда Вологодскому губернатору за 1913 г. В документе приведены данные о числе жителей в городе и уезде с разбивкой по признакам вероисповедания, количеству мужчин и женщин. Например, в самом городе проживало 3105 мужчин и 3106 женщин, а вместе с жителями уезда 60310 мужчин и 61543 женщины православного вероисповедания, раскольников соответственно 912 и 1050, приверженцев римско-католической церкви – 32 и 15. Церквей и соборов в городе было 8, из них 4 каменных, в населенных пунктах уезда 47 каменных и 24 деревянных церкви. Здесь же приведен список чиновников и представителей власти. Вот только некоторые из них – председатель уездного съезда (представительного органа власти в уезде) Алексей Яковлевич Колясников, председатель Земской управы (исполнительный орган управления в уезде), Федор Константинович Павлов, уездный исправник (глава уездной полиции) Василий Кондратьевич Синявский, начальник тюрьмы Павел Васильевич Колотов, казначей Африкант Павлович Образцов, городской судья Иван Сергеевич Стериопулло, протоиерей о. Александр Степанович Малевинский, лесной ревизор Эмилий Антонович Смолковский, военный начальник Илья Иванович Львов, податной инспектор (должностное лицо по сбору

налогов) Петр Маркович Кириатский, Городской голова Михаил Степанович Жеребцов, городской земский врач Вячеслав Александрович Шмелев,⁸ полицейский надзиратель Иван Иванович Юрченков и др. А всего 37 должностей.

В документах архива имеются и другие сведения о жизни населения уезда. «Приговором» общего собрания купцов и мещан г. Устьсысольска 17 июня 1835 г. было решено открыть в г. Устьсысольске приходское училище «для образования юношества» и все расходы относящиеся к содержанию и открытию принять на свою ответственность.⁹

В документах за 1914 г. отложились переписка земской управы, Вологодского губернатора об «исходатайствовании» пожизненной пенсии бывшему фельдшеру Корткеросского приемного покоя Семenu Яковлевичу Попову, который проработал в Устьсысольском земстве более 37 лет и «относился к своим обязанностям весьма добросовестно», в результате государь император разрешил Устьсысольскому уездному земству вносить ежегодно в смету в качестве обязательного расхода сто восемьдесят рублей для выдачи ему пенсии.

В Архангельском государственном архиве выявлены сведения о различных сторонах культурной жизни в Мезенском уезде.

В фонде Архангельского губернского по крестьянским делам присутствия отложились сведения о состоянии училищ в «Запечорском крае». Информацией к размышлению можно назвать сведения о книгах, находящихся в Усть-Цилемском училище – среди них большинство религиозного содержания, такие как псалтирь, часосолов, исторические чтения из книг Ветхого завета, Указание пути в царствие небесное, Жития святых. Но одновременно имелись и книги школьного направления – Сокращенная русская грамматика, Руководство к умственным упражнениям при преподавании отечественного языка, Русская азбука (50 экз.), Примеры скорописания и чистописания (60 экз.), Наставление о выделывании льна (1 экз.), Как спасать и спасаться в скоропостижных случаях (1 экз.) и др., всего 58 наименований.

Представление о классной комнате того же Усть-Цилемского училища дает Опись учебным пособиям и классным принадлежностям за 1869 г. В описи указаны: портрет царствующего государя императора Александра, изображение хромофотографическое Св. Первоучителей и Просветителей славян Братьев Кирилла и Мефодия, портрет дворянина Осипа Комиссарова Костромского, спасшего жизнь царя от рук злодея 4 апреля 1866 г. Среди учебных пособий названы 4 географических карты, четыре «Аспидные дощечки», черная большая доска, «двой счеты», четыре чернильницы, перочинный ножи-

чек, бутылка с чернилами, 2 карандаша, 4 грифеля, банка для размочки перьев, 3 линейки, перья писчие и др.

Аналогичные сведения даны и по Красноборскому сельскому училищу, наставник которого просит дополнительно 30 часословов, 30 псалтирей, 20 аспидных досок, 200 грифелей.

Об обучении ремеслам, взаимоотношениях с местным населением по вопросам предоставления помощи в деле образования свидетельствует отчет попечителя Ижемского двухклассного сельского училища о своей деятельности за 1870–1873 гг. В отчете в частности указано, что за 3 года из училища было выпущено 80 мальчиков, умеющих читать и писать, а по состоянию на 1874 г. в училище состояло 74 мальчика и 32 девочки.¹⁰

Таким образом, выявленные в архивах Вологодской и Архангельской областей документы по развитию культуры в XIX – нач. XX в. на территории нынешней Республики Коми, позволяют более разносторонне и объективно оценить одну из важнейших сторон жизни наших предков в рассматриваемый период.

Литература и источники

1. Как известно, нынешняя территория Республики Коми входила в состав XIX в. к Вологодской и Архангельской губерний как Устьсысольский, Яренский и Мезенский уезды.

2. ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 289, л. 16.

3. Там же, л. 4.

4. Там же, л. 9.

5. Там же, л. 10.

6. Там же, л. 21.

7. ГАВО, ф. 18, оп. 1, д. 537, л. 2.

8. Жизнь уездного врача закончилась трагически. Рапортом уездного исправника Вологодскому губернатору донесено, что «В.А. Шмелев 51 года, 25 апреля 1916 г. «лишил себя жизни самоубийством посредством выстрела из револьвера», оставив после себя записку « в смерти моей никого не винить. Устал, пора отдохнуть. Не поминайте лихом». (ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 8916, л. 11).

9. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 644, л. 4.

10. Государственный архив Архангельской области, ф. 61, оп. 1, д. 390, л. 364-365.

Д.В. Вишнякова
(г. Сыктывкар)

Население Печорского уезда Архангельской губернии в XIX – начале XX вв.

Печорский уезд Архангельской губернии был образован в 1891 году. Созданию уезда предшествовала длительная подготовительная работа губернских и центральных органов управления. Первоначально территория Печорского уезда входила в состав 2-го и Запечорского станов Мезенского уезда Архангельской губернии. Мезенский уезд занимал довольно обширную территорию, а связь между его частями была весьма затруднена. Проблема выделения восточной территории Мезенского уезда в отдельный самостоятельный уезд стала подниматься уже со второй половины 60-х гг. XIX столетия. Как отмечает Котов П.П., население 2-го стана Мезенского уезда активно осваивало все новые территории и относительно быстро увеличивалось, происходило освоение богатейших природных ископаемых, возрастало экономическое значение Припечорья. Тем не менее, на выделение Печорского уезда понадобилось более четверти века. 21 мая 1891 г. Александр III подписал указ о создании самостоятельного уезда с уездным управлением в с. Усть-Цильма.¹

В новообразованный уезд вошли Красноборская, Пустозерская и Усть-Цилемская волости 2-го стана Мезенского уезда и Кедвавомская, Мохченская и Усть-Кожвинская Запечорского стана Мезенского уезда. К 1905 г. в Печорском уезде к шести волостям, выделенным при создании уезда в 1891 г., добавились еще четыре: Ижемская, Усть-Усинская, Сизябская и Болбанская.² В 1917 г. уезд состоял уже из 16 волостей: Брыкаланская, Верхнеусинская (или Балбанская), Галовская, Ижемская, Кедвавомская, Кипиевская, Красноборская, Мохченская, Няшебожская, Пижемская, Пустозерская, Сизябская, Усть-Кожвинская, Усть-Усинская, Усть-Цилемская и Щельюрская.³

Во второй половине XIX – начале XX вв. интенсивно шел процесс освоения новых земель по рекам Уса, Колва, Ижма, средняя Печора. В колонизации этих районов в основном принимали участие выходцы из южных и западных частей Коми края. Приток переселенцев повлек за собой как расширение этнической территории коми-зырян, так и значительный рост численности населения Печорского уезда. Изучив динамику численности населения Европейского Севера России в пореформенный период, Пинаевский Д.И. отнес Печор-

ский уезд Архангельской губернии к району с высоким уровнем прироста населения. По данным исследователя Печорский уезд наряду с Мезенским занимал второе место по уровню прироста населения на Европейском Севере.⁴ Динамика абсолютной численности населения уезда выглядела следующим образом. В 1893 г. Печорский уезд состоял из 28955 жителей (13774 муж. и 15181 жен.).⁵ В 1900г., по сведениям Архангельского ГСК, в Печорском уезде проживало 37180 человек (18198 муж. и 18982 жен.), в 1902 г. в том же уезде насчитывалось уже 38088 человек. (18262 муж. и 19826 жен.).⁶ По Печорскому уезду в 1906г. насчитывалось 40237 человек (20985 муж. и 21552 жен.).⁷ В 1910г. в Печорском уезде, по сведениям Архангельского ГСК, проживало 47407 человек (23329 муж. и 24078 жен.). По данным Памятной книжки Архангельской губернии на 1912 г., в Печорском уезде к 1911г. насчитывалось 48392 человека (24020 муж. и 24372 жен.). В Памятной книжке Архангельской губернии на 1913 г. сообщалось, что в Печорском уезде в 1911 г. проживало 48648 человек (24054 муж. и 24594 жен.). В 1914 г. в уезде насчитывалось 47556 человек (23183 муж. и 24373 жен.).⁸

Население Печорского уезда состояло в основном из представителей трех этносов, исторически населявших данную территорию: коми (зыряне), русские и ненцы (самоеды). Зыряне располагались на всей территории уезда, русские проживали на территории уезда, как правило, в отдельных волостях. Ненцы проживали на территории тундр, Ижемской, Пустозерской и Усть-Цилемской волостей. По материалам Переписи 1897 г., на основании данных о родном языке, этническая принадлежность жителей уезда выглядела следующим образом. Число зырян достигало 21971 человека, русских – 10233, ненцев – 2765. Таким образом, носители коми языка составляли 62,78%, русского языка – 29, 2%, ненецкого 7,9%, оставшаяся доля приходилась на представителей других этносов (поляков, литовцев, латышей и др.), исчисляемых единицами. Для сравнения, по Усть-Сысольскому уезду насчитывалось 79237 зырян, которые составляли 92,32% от общей численности уезда, и 6099 русских или 7,62%. В г. Усть-Сысольске на момент Переписи проживало 3699 зырян (82,86%), 731 русский (16,37%), 20 поляков (0,44%), а также пять украинцев, один литовец, два еврея, два татарина и др. (0,33%). В Яренском уезде насчитывалось 31528 зырян, на долю которых в этнической структуре населения приходилось 70,3%, также в уезде было 13222 русских (29,5%), 46 цыган (0,1%), 21 татарин (0,05%), 15 ненцев (0,03%) и др. В г. Яренске находилось 64 зырянина (6,44%) и 921 русский (92,7%).⁹ Основная доля комиязычного населения была сконцентрирована на территории Усть-Сысольского уезда и г. Усть-Сысольска,

в Яренском и Печорском уездах доля коми была заметно ниже, но и там она составляла большую часть.

В 1900 г. по Печорскому уезду среди крестьянского населения насчитывалось 22931 коми и 10003 русских, а численность ненцев достигала 3829 человек.¹⁰ В 1906г. по Печорскому уезду проживало 25816 коми (60,7%), 4645 ненцев (10,9%) и 11495 русских, которых по всей вероятности было несколько больше, так как в документе указано число русских сельского сословия.¹¹ В 1913г. удельный вес зырян в Печорском уезде составлял 61,6%, а их численность – 29307 человек, удельный вес русского населения – 30,8%, его численность – 14633 человека, на долю ненцев приходилось 7,5%, а их численность на территории уезда насчитывала 3591 человека.¹²

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют также охарактеризовать и естественное движение населения Печорского уезда. Высокие темпы прироста населения уезда обеспечивались не только за счет притока жителей из других районов Коми края, но и благодаря высоким показателям рождаемости. По Коми краю общий коэффициент рождаемости, показывающий число родившихся на тысячу человек населения, был подвержен значительным колебаниям. По Печорскому уезду в 1894 г. уровень рождаемости составлял 47,7 человек на тысячу населения, в 1897 г. – 45,8‰, в 1902 г. – 41‰, в 1906 г. – 42‰, в 1911 г. – 44,8‰, в 1914 г. – 42‰.¹³ В целом же по Архангельской губернии наблюдался рост общего коэффициента рождаемости. По расчетам Д.И. Пинаевского, в Архангельской губернии уровень рождаемости, начиная с 90-х гг. XIX в. по 1914 г., плавно увеличился с 39,9% до 46,4%.

Показатели рождаемости по Печорскому уезду в абсолютных числах представлены в таблице 1.

Таблица 1

Естественное движение населения по Печорскому уезду
с 1891 по 1914 г.

Годы	Число родившихся			Число умерших			Кол-во браков
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего	
1891	782	739	1521	465	422	887	294
1892	718	712	1430	434	426	860	203
1893	749	708	1450	365	350	715	237
1894	707	709	1416	413	389	802	236
1897	797	806	1603	317	287	604	263
1899	720	700	1420	436	408	844	303
1900	741	692	1433	578	608	1186	263
1902	787	774	1561	418	351	769	369
1903	791	722	1513	401	365	766	366
1904	747	767	1514	393	348	741	311
1905	798	738	1536	571	508	1079	237
1906	907	890	1797	520	519	1039	375
1907	799	786	1585	429	360	789	452
1910	929	898	1827	540	478	1018	411
1914	1022	939	1961	547	551	1098	380

Источники: ГАОУ, ф. 6, оп. 8, д. 159, л. 12; ф. 6, оп. 2, д. 56; ф. 6, оп. 2, д. 332, л. 25 об.-26; Обзор Архангельской губернии за 1900 г. – Архангельск, 1901; Обзор Архангельской губернии за 1914 г. – Архангельск, 1915; Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1892–1910 гг. Т. 38, 45, 50, 58, 66, 70, 74, 84, 87, 93. – СПб.: ЦСК МВД, 1993–1916.

За изучаемый период времени общее число рождений, несомненно, увеличилось, однако наблюдался неравномерный рост абсолютных показателей рождаемости за отдельные десятилетия. Общее число рождений по Печорскому уезду с 1891 по 1914 г. увеличилось в 1,3 раза. За десятилетний период с 1892 г. по 1902 г. общее число рождений по Печорскому уезду возросло на 9,2%. В 1910г. по отношению к 1902 г. число рождений по Печорскому уезду выросло на 17%. Основная доля рождений приходилась на брачную рождаемость. Однако и внебрачная рождаемость имела место. Доля внебрачных детей по Печорскому уезду была несколько выше, чем по двум дру-

гим уездам Коми края. В Архангельской губернии в целом показатели внебрачной рождаемости в сравнении с уездами были также несколько меньше. В 1892 г. доля внебрачных рождений по Печорскому уезду составила 5,6% от общего числа всех рождений, в 1897 г. – 5,7%, в 1902 г. – 6,8%, в 1905 г. – 5,9%, в 1910 г. – 5,7%. Следует отметить, что рождение внебрачных детей не осуждалось и не являлось в дальнейшем препятствием к вступлению в брак и в некоторых уездах Архангельской губернии, там, где была распространена практика более позднего вступления в брак у девушек.¹⁵ В Печорском уезде, несмотря на значительный процент ранних браков, доля внебрачных рождений была довольно большой. По данным исследователей старообрядчества, в среде староверов имело распространение некоторое санкционирование добрачных половых отношений. Дронова Т.И. приводит наблюдения дореволюционных исследователей по вопросу отношений между полами в старообрядческой среде: «...Нарушение целомудрия до брака вообще считается не только дозволенным, но вошло, кажется, в обычай. На вопрос: «Сколько у тебя детей?» – вы всегда можете получить ответ: «До свадьбы было трое, да с Иваном прижила пятерых».¹⁶

Высокому общему уровню рождаемости населения сопутствовал высокий уровень смертности. По данным В.В. Подоплелова, в конце XIX в. – начале XX в. общий показатель смертности в Коми крае колебался в пределах 26–46 в расчете на тысячу человек населения.¹⁷ В 1894 г. общий коэффициент смертности по Печорскому уезду составил 27‰, в 1897 г. – 27‰, в 1902 г. – 20,2‰, в 1906 г. – 24,5‰, в 1911 г. – 28,5‰, в 1914 г. – 23‰. По Архангельской губернии уровень смертности в последней четверти XIX в. – начале XX вв. колебался в пределах 26–28 человек на тысячу населения.¹⁸ На основании имеющихся сведений о количестве родившихся и умерших (см. таблицу 1) было рассчитано соотношение этих показателей в определенных годах. По Печорскому уезду в 1893 г. на сто умерших родившихся было 202,7, в 1900 г. – 120,8, в 1914 г. – 178,6. По другим уездам коми края аналогичный показатель выглядел следующим образом. По Усть-Сысольскому уезду на сто умерших родившихся пришлось в 1893 г. – 205,6; в 1902 г. – 201,5, в 1911 г. – 169,6. В Яренском уезде в 1893 г. – 175,6, в 1902 г. – 184,3, в 1911 г. – 144,8. В целом постепенное снижение показателей смертности повлияло на соотношение умерших и родившихся, тем не менее, соотношение по-прежнему было не стабильным.

При рассмотрении вопроса об уровне смертности, большое значение имеет ее возрастная дифференциация (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Распределение умерших по возрасту в Печорском уезде
Архангельской губернии в конце XIX – начале XX вв. (в %)**

годы	Возраст умерших								
	До 1 года	1–5 лет	5–10 лет	10–15 лет	15–20 лет	20–35 лет	35–55 лет	55–80 лет	От 80 лет
1892 г.	48,0	14,0	3,2	1,6	1,6	4,9	9,2	12,2	5,3
1897 г.	47,7	11,1	4,3	1,8	2,0	6,1	7,6	15,9	3,5
1905 г.	48,1	17,0	4,2	2,2	1,5	5,7	7,3	11,7	2,3
1910 г.	46,7	15,5	3,7	1,4	1,5	6,7	9,6	11,7	3,2

Источники: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1887–1910 г. Т. 18, 38, 50, 84, 93. – СПб.: ЦСК МВД. 1891–1916.

Огромное влияние на уровень общей смертности оказывала детская и младенческая смертность. В различные годы смертность детей в возрасте до 5 лет составляла 60–70 % от общей численности умерших. В целом, несмотря на некоторые колебания детской смертности, ее уровень оставался чрезвычайно высоким. Рассматривая вопрос о возрастной дифференциации смертности населения, мы можем отметить, что, начиная с возрастной группы 5–10 лет, смертность резко сокращалась. В целом же доля детских смертей была значительна больше, чем в более старших возрастных группах, из чего следует, что наибольший процент смертей приходился на непродолжительные возрасты. Детская смертность была чрезвычайно высокой практически среди всего населения Российской империи. По Архангельской губернии в 1886–1897 гг. на тысячу родившихся пришлось 253 умерших младенца в возрасте до года, по Европейской России – 274. В 1908–1910 гг. по Архангельской губернии в возрасте до года умерло 245 детей в расчете на тысячу родившихся, по Европейской Рос-

сии в среднем – 253.¹⁹ В 1892 г. по Печорскому уезду на тысячу родившихся пришлось 288 младенцев, умерших в возрасте до года, по Усть-Сысольскому уезду – 432, по Яренскому – 500, в 1902 г. по Печорскому уезду на тысячу родившихся умерло 208 детей младше года, по Усть-Сысольскому уезду – 249, по Яренскому – 256. В 1905 г. на тысячу родившихся детей по Печорскому уезду пришлось 339 детей, умерших в возрасте до одного года, по Усть-Сысольскому – 439, по Яренскому – 212, в 1910 г. – 260, 355 и 392 ребенка соответственно. Наибольшая смертность среди взрослых групп приходилась на возраст 55–80 лет. Процент смертей в данной возрастной категории может быть сопоставим с долей детской смертности в возрасте от 1 до 5 лет, однако в целом на группу 55–80 лет приходилось меньше смертей, чем на вышеназванное пятилетие. Доля умерших в возрасте старше 80 лет была не велика. Обращает на себя внимание тот факт, по Печорскому уезду, доля смертей в данной возрастной группе была в целом выше, чем по другим уездам края, что косвенным образом свидетельствует о наличии большего числа престарелых людей в возрастной структуре населения этого уезда. По Переписи 1897 г. лица старше 80 лет составляли в Усть-Сысольском и Яренском уездах по 0,4% от численности всего населения, а по Печорскому уезду 0,9%.²⁰ Исследователями была отмечена большая доля долгожителей у ижемских коми, а также установлен наследственный характер долгожительства в нескольких поколениях. Так, например, среди пяти поколений рода Чупровых (с. Сизябск) большинство его представителей достигло возраста 80–90 лет.²¹ В целом, исходя из материалов таблицы 2, мы можем отметить, отсутствие каких-либо существенных изменений в распределении долей умерших по возрастам в рассматриваемый период.

В структуре причин смертности населения первое место занимали болезни. Увеличение или уменьшение степени распространения инфекционных болезней отчетливо влияло на показатели общей смертности. Одной из частых эпидемических болезней являлась оспа. Единственным средством предупреждения эпидемии было оспопрививание. Распространение оспопрививания было крайне затруднено: члены оспенных комитетов никакого особого жалования не получали, медицинских работников не хватало, а со стороны населения исходило недоверие к новому методу. Еще более затруднительной была работа по оспопрививанию среди старообрядческого населения Мезенского и Печорского уездов. По данным одного из исследователей старообрядчества Ю.В. Гагарина, староверы из религиозных побуждений отказывались от медицинской помощи, лечение у врача и прививки считались страшным грехом. Когда впервые в 1845 г. в Печорский

округ были направлены оспопрививатели, жители деревень Покча, Скаляп, Кодач, Митрофан бросили свои дома и вместе с детьми укрылись в лесах. В результате с помощью местных властей удалось привить только 13 детей в селе Троицко-Печорск.²² Как показало подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, не изменилась ситуация и в начале XX в., старообрядцы все также сторонились профилактических прививок. Распространены были также брюшной и сыпной тифы, дизентерия, корь, скарлатина и дифтерия. В 1900 г. по Печорскому уезду оспой болело 300 человек. Также в 1900 г. было зарегистрировано 55 случаев заболевания тифами по Печорскому уезду. В 1906 г. брюшной тиф был распространен в Усть-кожвинской и Ижемской волостях Печорского уезда, где насчитывалось 80 заболевших.²³

Незначительное место занимали случаи смерти в результате пьянства, несчастных случаев и убийств. В Печорском уезде по причине злоупотребления алкоголем умерло в 1893 г. пять человек, в 1900 г. – пять, в 1910 г. – восемь, в 1914 г. – четыре. Все эти случаи составляли менее одного процента от числа всех умерших в том или ином году. Несчастные случаи, приведшие к смерти, составили по Печорскому уезду в 1893 г. – 0,5%, в 1900 г. – 0,7%, в 1910 г. – 1,8%, в 1914 г. – 1%. Самоубийств по Печорскому уезду было зафиксировано по два – в 1900, 1910, 1914 гг. В 1893 г. были убиты два человека, в 1900 г. – четыре, в 1910 г. – три, в 1911 г. – четыре, в 1914 г. – пять.²⁴

Вследствие естественного прироста населения увеличивалось общее число ежегодно заключаемых браков (см. таблицу 1). Увеличение числа браков происходило неравномерно, а в некоторые годы наблюдалось уменьшение брачных регистраций. Колебания числа браков зависели от ряда причин: половозрастной структуры населения того или иного района, динамики народонаселения, степени распространенности отхожих промыслов и др. Материалы переписи 1897 г. позволяют сделать определенные выводы о соотношении численности женщин и мужчин, находящихся в среднем и старшем брачных возрастах. В целом для коми были характерны самые низкие среди других восточно-финских народов показатели соотношения численности полов в возрастных группах 20-29 лет и 30-39 лет. Однако половозрастная структура населения различных районов Коми края довольно широко варьировалась. Безусловно, что колебания в соотношении полов в разные периоды времени, в различных районах оказывали влияние и на брачное поведение, и на численность заключаемых браков. Косвенным подтверждением существования диспропорции полов могут служить традиции проведения брачных обрядов,

относящиеся к концу XIX – началу XX века, зафиксированные этнографами.²⁵ Для народов Европейского Севера при заключении браков было характерно сопровождение этого процесса обменом материальными ценностями между семьями жениха и невесты. Формы и размеры подобных обменов имели свои локальные варианты. Так, например, в тех районах Коми края, где, по данным переписи 1897 г.,²⁶ нам удалось выявить значительный дефицит мужского населения в среднем и старшем брачных возрастах, были распространены символические выкупы за невесту и довольно большой размер девичьего приданого, к таковым относились, прежде всего, районы по Сыsole и Лузе. В некоторых из этих селений численность женского населения в возрасте 20-39 лет превышала мужскую почти в два раза, одновременно с этим мужчины данной возрастной группы составляли 15-16% от численности всего мужского населения. В с. Усть-Цильма, селениях по Удоре, превалирование женского населения в возрастной группе 20-39 лет было не столь значительным, а мужчины этого возраста составляли в среднем 24-25% от численности всех мужчин. В этих же районах за невесту платили калым в «чистом виде», а приданое невесты, за исключением ее личных вещей, могло и вовсе отсутствовать.

Уровень брачности населения по Печорскому уезду составил в 1894 г. – 8%, в 1906 г. – 8,8%, в 1914 г. – 8%. По Архангельской губернии в 1897 г. он составил – 9,4%, в 1903 г. – 9,1%, в 1905 г. – 6,1%; в 1909 г. – 9,4%. На протяжении рассматриваемого периода брачность населения оставалась на прежнем уровне, но сравнивая аналогичные показатели середины XIX в., мы можем констатировать постепенное снижение общего коэффициента брачности.

Учитывая значительный уровень смертности населения, вероятность прекращения брака по причине смерти одного из супругов была достаточно велика. По «Переписи» в 1897 г. процент вдовых по Печорскому уезду составлял 11,8 от численности взрослого населения (старше 18 лет). Демографическое влияние овдовения нейтрализовалось повторными браками. Доля лиц, вступающих в повторные браки (к ним были отнесены вторые и третьи браки в совокупности), колебалась на протяжении изучаемого периода (см. таблицу 3).

Таблица 3

Доля лиц, вступивших в повторный брак по Печорскому уезду в конце XIX – начале XX вв. (% к общему числу вступивших в брак)

Годы	Процент
1894	11,9
1897	8,0
1899	10,0
1902	8,4
1905	10,0
1907	8,7
1910	6,6

Источники: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за [1894–1910] год. Т. 18, 45, 50, 58, 66, 84, 93. – СПб.: ЦСК МВД, 1897–1916.

Несмотря на некоторое повышение в отдельные годы, к концу изучаемого периода доля повторных браков сократилась. Следует отметить, что большую часть среди вдовых составляли женщины. Так, по материалам Перениси, в Печорском уезде среди вдовых мужчины составляли 20%, а женщины – 80%. С одной стороны, это объясняется более поздним по возрасту вступлением в первый брак мужчин, в результате чего мужья были старше своих жен и, следовательно, последние имели больше шансов пережить своих супругов, тем более, что и средняя продолжительность жизни женщин региона была выше, чем у мужчин. А с другой стороны, такое положение было связано не столько с большей смертностью мужчин, сколько с тем обстоятельством, что, повторные браки во всех районах Коми края заключались преимущественно мужчинами. Вторично женившись, мужчины выбирали, как правило, себе в жены женщин значительно моложе их, тогда как, повторные замужества вдов были малочисленными. По имеющимся у нас данным, приблизительно только одна треть повторных браков по Коми краю приходилась на женщин и две трети на мужчин. Соответственно для мужчин, вступавших в основной своей массе в первый брак в среднем и старшем брачных возрастах, увеличивалась возможность выбора невесты значительно моложе себя. Таким образом, учитывая такие факты, как более высокая

средняя продолжительность жизни женщин региона и увеличение возрастных градаций между супругами, мы можем говорить и о постепенном сокращении количества вдовцов. Вследствие уменьшения числа вдовцов падала и доля вторых браков в общем количестве бракосочетаний, так как повторными браками, как уже было отмечено ранее, в большей степени сочетались мужчины.

Анализ основных показателей демографических процессов Печорского уезда в конце XIX – начале XX вв. свидетельствует о том, что уровень рождаемости и смертности был довольно высоким. Несмотря на ряд преобразований, произошедших в пореформенный период в социально-экономической сфере, население продолжало испытывать на себе отрицательное влияние высокого уровня смертности, что в свою очередь снижало естественный прирост. Тем не менее, Печорский уезд в силу активного переселенческого движения характеризовался высоким уровнем динамики численности населения. В целом же проведенное исследование населения Печорского уезда подтверждает общие демографические тенденции, наметившиеся в Коми крае в рассматриваемый период.

Литература и источники

1. Котов П.П. Образование Печорского уезда в 1891 г. // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. (Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию Общества изучения Коми края). – Сыктывкар, 1997. – С. 51-52.
2. Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы / И.Л. Жеребцов, Е.Н. Рожкин, А.Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2001. – С. 27.
3. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: справочник. – Архангельск, 1997. – С. 49.
4. Пинаевский Д. И. Демографические процессы на Европейском Севере России в XVIII в. – начале XX в. – Сыктывкар, 2002. – С. 11-12.
5. Государственный Архив Архангельской области (Далее – ГААО), ф. 6, оп. 8, д. 159, л. 18.
6. ГААО, ф. 6, оп. 8, д. 758, л. 5; Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1902 г. – Архангельск, 1904. – С. 46.
7. ГААО, ф. 6, оп. 2, д. 332, л. 27об.-28.
8. ГААО, ф. 6, оп. 8, д. 195, л. 2об.-3; Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. – Архангельск, 1912. – С. 228; Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. – Архангельск, 1913. – С. 108; ГААО, ф. 6, оп. 8, д. 198, л. 4об.-5.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. Тетр. 3, СПб., 1904. – С. 110-111; Вологодская губерния. Тетр. 2, СПб., 1904. – С. 66-69.
10. ГААО, ф. 6, оп. 8, д. 758, л. 8.
11. ГААО, ф. 6, оп. 2, д. 332, л. 27об.-28.
12. ГААО, ф. 6, оп. 8, д. 197, л. 7об.-8.
13. ГААО, ф. 6, оп. 8, д. 198, л. 5; Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1902 г. – Архангельск, 1904; Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 г. – Архангельск, 1912; Памятная книжка Архангельской губернии на 1915 г. – Архангельск, 1915.
14. Пинаевский Д. И. Указ. соч. – С. 9.
15. Селькова М. Л. К изучению юридических обычаев на территории Архангельской губернии XIX века // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1986. – С. 123.
16. Дронова Т. И. Русские старoverы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). – Сыктывкар, 2002. – С. 201.
17. Подоплелов, В. П. Заселение Коми АССР. – Сыктывкар, 1985. – (Научные доклады / Коми филиал АН СССР; Вып. 133). – С. 8.
18. Пинаевский Д. И. Указ. соч. – С. 9.
19. Рашин А. Г. Население России за сто лет (1811–1913 гг.). – М., 1956. – С. 195.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1899, С. 13-14; Вологодская губерния. Тетр. 2. – СПб., 1904. – С. 6-7.
21. Чермных Н. А. Этнодемографическая оценка здоровья ижемских коми в XVIII–XX вв. – Сыктывкар, 2002. – С. 41.
22. Гагарин Ю. В. Старообрядцы. – Сыктывкар, 1973. – С. 40.
23. Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведенное доктором С. В. Мартыновым. Ч. 2, – СПб., 1905. – С. 162; ГААО, ф. 6, оп. 2, д. 208, л. 19.
24. ГААО, ф. 6, оп. 1, д. 1, л. 20-20 об.; д. 1283, л. 42об.-43.
25. Использованы данные, опубликованные в работе: Плесовский Ф. П. Свадьба народа коми. – Сыктывкар, 1968. – С. 20-24.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1899. – С. 14-16; Вологодская губерния. Тетр. 1. – СПб., 1901. – С. 12-19.

Нормативно-правовая база местного самоуправления в северной деревне на рубеже XIX–XX вв. (распорядительные документы губернских органов власти)*

Под местным самоуправлением в северной деревне нами подразумеваются органы сельского и волостного управления. Формирование их началось после отмены крепостного права, и в основном пришлось на 60–70-е годы XIX в. В конечном итоге этот процесс охватил значительный период в истории нашего государства.

На рубеже XIX–XX веков местное самоуправление, несмотря на сорокалетнюю историю развития, не оправдало надежд, как монаршей власти, так и подданных империи. Для примера приведу две цитаты: в 1881 г. в печати о местном самоуправлении высказывались: «что крестьянское самоуправление идет плохо, даже очень плохо, и много хуже, чем оно шло в первые годы по освобождении крестьян – это факт грустный, но несомненный».¹ В 1889 г. неудовлетворение к существующей системе выражал и Александр III: «...Мы обратили внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей Империи. Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключается в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти...».² Возникает закономерный вопрос: в чем же причина низкого уровня системы местного самоуправления?

В основе формирования и функционирования любых административных органов в первую очередь лежит разработанная нормативно-правовая база. Поэтому, для решения возникшего вопроса, мы обратились к изучению законодательных актов, в данном случае: распорядительных документов Вологодских губернских органов власти. Нас интересовали следующие моменты:

а) Форма принимаемых документов, т.е. указы, циркуляры, послания и др.

б) Какую сферу деятельности регламентировали: социально-экономическую, политическую.

в) Выявление противоречий, если они были, между принимаемыми актами.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-41 105а/С.

При работе с архивным материалом наблюдается закономерность. Направляемые имперскими должностными лицами губернским органам власти документы с просьбой решения проблем в деревне, переправлялись волостному и сельскому управлению. Они не корректировались под условия регионального развития. Местные органы власти являлись простыми исполнителями волеизъявления монаршей власти. Единственное, что они могли, как и все подданные, — это подать в правительственные учреждения прошения, ходатайства и жалобы. Но многие из них «оставлены без удовлетворения, либо исполнены не в соответствии с выраженным просителями желанием. ...просители не редко получают от местных административно-судебных учреждений объявления об отказе в их ходатайствах или без всякого объяснения причины отказа, или с простой ссылкой на ту статью закона, в силу коей прошение не подлежит удовлетворению».³

В активном использовании в документах сокращений и отсылок к различным статьям и указам являлось особенностью и недостатком нормативно-правовых актов. Минус проявлялся в том, что большая часть деревенского люда, во-первых, была не грамотной, а, во-вторых, должностным лицам попросту негде было посмотреть указанные отсылки. На этот недостаток указывали и сами губернские должностные лица: «огромное большинство сельского населения законоположений не знает и не имеет возможности наводить справок в законах».⁴ Однако мер со стороны органов власти в решении этой проблемы не наблюдалось. В результате затруднялось понимание со стороны крестьянских должностных лиц отсылаемых им нормативно-правовых актов, а, следовательно, и их исполнение.

Не однократно местным органам самоуправления или всем крестьянам отдельного уезда специально не разъясняли смысл направляемых законоположений и даже не знакомили с ними. Причина в том, что, по мнению губернского начальства, данный акт не затрагивал их интересов. Ярким примером является прошение земского съезда от 10 августа 1902 г. за № 1112, направленное земскому начальнику, в котором он сообщает последнему, что намерен «ходатайствовать перед г. Вологодским губернатором о том, не найдет ли Его Превосходительство возможным не ознакомлять Устьсысольское крестьянское население с содержанием циркуляра от 9-го июля за № 3490 в виду того, что частных владельческих земель в уезде за единичным исключением не имеется».⁵ Причина этого явления кроется в боязни губернских властей возникновения крестьянских выступлений или любых других волнений.

В начале XX века в северной деревне наблюдалось значительное количество самых разнообразных выступлений, которые незамедли-

тельно подавлялись. Это явление нашло отражение в распорядительной документации губернских органов. К ним поступали распоряжения и инструкции действий в возникающих явлениях со стороны монаршей власти. Эти указы отличались от аналогичных актов, направляемых непосредственно волостным и сельским органам власти. В частности, в первой категории документов адресатом объяснялись причины возникших выступлений, после чего предписывались указания по ликвидации беспорядков. В циркулярах, направляемых деревенским должностным лицам, указывались лишь их непосредственные действия во время возмущений. Причем им отсылалась копия с циркуляров МВД: «выдаваемые сельскими обществами, по приговорам их, зачинщики и участники аграрных беспорядков могут быть немедленно заключены под стражу в ближайшую городскую тюрьму, а затем высланы из места своего пребывания порядком, указанным в приложении I к ст. 1 (прим. 2) Уст. Пред. Пресеч. Прест. (Т. XIV Св. Зак.), если не будут признаны властью, от которой зависит возбуждение вопроса о высылке, подлежащими задержанию на месте впрямь до судебного разбирательства».⁶

В начале века должностные лица в основном выполняли поручения и циркуляры земских начальников и решения земского съезда. Что же касается реформирования органов местного самоуправления, то сельские и волостные должностные лица имели право лишь направить «через совет министров, на Высочайшее имя виды и предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».⁷ Инициатива и решения в этой области в первую очередь должны исходить от должностных лиц региональных органов управления, т.к. лучше старосты или схода крестьян-домохозяев проблем деревни никто не знал.

Особенность нормативно-правовой базы местного самоуправления выражается в формах принимаемых документов. Основу губернской документации составляют циркуляры, нами практически не встречались указы, послания, и распоряжения. Причина кроется в назначении циркуляра. Он носил общий инструкционный характер и содержит постановления, обязательные лишь для должностных лиц, в отличие от того же распоряжения, разрешающее какое-либо конкретное дело и относящееся к тому или иному лицу, дело которого рассматривается.⁸

Что касается сферы деятельности местных органов управления, регламентирующихся губернскими документами, то преобладающее их число относится к социально-экономическим вопросам (сбор сведений о собранном урожае и земельном владении крестьян; распределение повинностей и их сбор и т.д.). Среди политических аспектов

выделяется лишь выбор должностных лиц, указания по составлению приговоров и т.д.

Литература и источники

1. О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам А. Кошелев – М.: Печатня С.П. Яковлева. 1881.– С. 3.
2. № 6195 // Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд., Т. 9, 1889. (№№ 5686–6504) и Дополнения. – СПб., 1891.– С. 507.
3. ГУРК НАРК, ф. ф-26, оп. 1, д. 8, л. 17.
4. ГУРК НАРК, ф. ф-26, оп. 1, д. 8, л. 17.
5. ГУРК НАРК, ф. ф-26, оп. 1, д. 2, л. 74об.
6. ГУРК НАРК, ф. ф-26, оп. 1, д. 9, л. 9.
7. ГУРК НАРК, ф. ф-26, оп. 1, д. 9, л. 5.
8. Энциклопедический словарь. Т. 75 (Цензурный комитет – человек) / Репринтное воспроизведение издание Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890. «Терра». 1993.– С. 218.

М.С. Гарнова
(г. Сыктывкар)

Коммерческая деятельность потребительской кооперации Коми края в начале XX века

В Коми крае первые потребительские общества возникли в конце XIX века. В этот период они являлись единственным типом кооперации, что было закономерным явлением, так как стоящие перед ними цели были ближе и понятнее для населения: снабжение своих членов предметами потребления возможно лучшего качества и по возможно дешевой цене. Причем непосредственной задачей было не понижение цен вообще, а устранение излишнего посредника, стоящего между потребителем и производителем. Весь тот доход, который торговец получал от торговли, кооперация сберегала и обратно возвращала покупателям.

Несмотря на то, что Коми край не относился к развитым фабрично-заводским районам, здесь имелись три железодельных завода. Именно на этих заводах возникли первые потребительские общества – фабрично-заводские кооперативы. В 1899 г. в Усть-Сысольском уезде при Кажимском и Ньючимском железодельных заводах

приступили к деятельности Кажимское и Ньючимское заводские потребительские общества. Другим типом потребительских обществ являлись городские. В 1899 г. в г. Усть-Сысольске Усть-Сысольского уезда было создано Усть-Сысольское общество потребителей, открывшее свою деятельность 27 июня 1900 года.

На начальном этапе своей деятельности потребительские общества Коми края закупали товары у местных торговцев, но, по мере развития торговых операций, переходили к закупкам непосредственно у торговых фирм в Москве, Вятке, Котласе, Великом Устюге. Положительную роль здесь сыграло и развитие в крае пароходного сообщения. Так, в навигацию 1911 г. на пароходах Северного пароходного общества было перевезено для Яренского потребительского общества через Котласскую, Устюгскую и Вологодскую пристани, а также из Архангельска разных товаров весом 7250 пудов, в том числе муки, мучных изделий и соли 2,7 тыс. пудов, керосина 1,7 тыс. пудов. В числе доставленных товаров были соленая рыба, колбаса, консервы, сахар, чай. Кондитерские изделия, вино, пиво и другие потребительские товары (мыло, спички, дробь, бумага, посуда, краски и т.д.).

Некоторую помощь в этом отношении им оказывали также Московский союз потребительских обществ, Вологодское общество сельского хозяйства и его Коммерческий отдел.

Потребительские общества продавали товары не только своим членам, но и сторонним. У кооперативов имелись так называемые годовые подписчики или заборщики, которые покупали товары по заборным книжкам не являясь пайщиками кооператива. Например, в Усть-Сысольском обществе потребителей в 1905 г. было 180 членопайщиков и 159 заборщиков, в Глотовском обществе в 1906 г. – 36 пайщиков и 15 заборщиков. Покупателей привлекало в лавку потребительского общества то, что товары продавались по твердым, установленным ценам. Если обществу удавалось заготовить товары первой необходимости (муку, сахар, мыло, керосин и т.д.) на всю зиму, то есть до весенней навигации, цены на них оставались неизменными. Это больше отвечало интересам потребителей, так как частные торговцы уже с января поднимали цены на все свои товары.

Продажа товаров в кредит облегчала в какой-то степени материальное положение членов потребительского общества, но затрудняла деятельность кооперативов, которые ощущали существенный недостаток оборотных средств. Незначительные паевые капиталы не могли обеспечить нормальное осуществление торговых оборотов. Капиталистическая система кредитования в Коми крае практически отсутствовала. Между тем условия деятельности кооперативов в данном

регионе (отдаленность от торговых и промышленных центров страны, слабое развитие путей сообщения, сезонность заготовки и доставки товаров) требовали наличия значительных оборотных средств. В годы войны (1914–1916) широко практиковавшийся потребительскими обществами отпуск товаров в кредит почти прекратился. Например, в 1916 г. Усть-Сысольское общество потребителей, где было наиболее распространено кредитование пайщиков товарами, приняло решение отпуск товаров в кредит прекратить и погасить задолженность членов обществу в течение трех месяцев. Прекращение продажи товаров в кредит и рост неделимых фондов улучшили в какой-то степени финансовое состояние кооперативов. Но по-прежнему их деятельность затрудняли отсутствие или недостаток оборотных средств. Для того, чтобы заготовить товары, общества вынуждены были прибегать к займам, в основном у зажиточных членов общества – из 8% годовых. Этот вид займов у членов общества получил довольно широкое распространение в годы войны в кооперативах Вологодской губернии.

Из-за недостатка оборотных средств общества брали товары в кредит у поставщиков, что ставило кооператив в большую зависимость от частного капитала. В Усть-Сысольском обществе потребителей, которое осуществляло деятельность в городе, в 1911–1912 гг. долги общества за товары и их перевозку составляли 11,65 тысяч рублей, что превышало его паевый капитал. У сельских потребительских обществ долгов было меньше. Обороты этих обществ были ниже, они закупали товары небольшими партиями в основном у местных и городских торговцев, на местных ярмарках. Иногда закупки товаров осуществлялись совместно несколькими кооперативами, что удешевляло стоимость товара. Постепенно потребительские общества стали закупать товар совместно, создавая для этого союзы кооперативов, что облегчало их совместную деятельность.

В результате своей деятельности потребительские общества Коми края активно решали одну из задач потребительской кооперации – устранение излишнего посредника в лице местного частного торговца. Однако местные торговцы нередко боролись против ослабления их монополии в сфере торговли. Были случаи, что торговцы бойкотировали сторонников потребительских обществ и не продавали им товаров, не имеющих в лавках обществ. Они переманивали покупателей, предоставляя им более широкий кредит, чем в кооперативной лавке, прибегали при отпуске товаров потребительским обществам к прямому мошенничеству, заключали сделки с доверенными торговыми фирмами с условием, чтобы те не поставляли товаров кооперативу и т.д.

Кроме продажи населению различных товаров, отдельные потребительские общества занимались также скупкой и сбытом продуктов сельского хозяйства, охотничьих промыслов (дичь, пушнина).

Всего в Коми крае к 1 января 1918 г. имелось 88 потребительских обществ из числа всех 123 кооперативов. Большинство потребительских обществ, как и в целом по стране, являлись сельскими. Высокий уровень развития сельской кооперации закономерен, т.к. крестьяне в Коми крае составляли 98% населения.

В целом, анализируя развитие кооперации в Коми крае, можно сказать, что она соответствовала общероссийским тенденциям. Как и по стране в целом, несмотря на определенные успехи, достигнутые кооперативами в устранении скупщиков и посредников, какого-либо крупного влияния на изменение экономических условий жизни населения региона они оказать не сумели, в первую очередь в связи с незначительным сроком своего существования. Для кардинальных перемен в этом отношении требовался значительно больший отрезок времени. Однако идеи кооперации к началу 1918 года уже вошли в сознание значительных масс населения Коми края.

*Т.А. Малкова
(г. Сыктывкар)*

Областные опытные станции как форма организации сельскохозяйственных научных исследований в России в XX веке (на примере Печорской опытной сельскохозяйственной станции)

Опытные сельскохозяйственные станции, как научно-исследовательские учреждения по сельскому хозяйству, проводящие в условиях, близких к производству, опыты по разработке научно обоснованных приемов возделывания сельскохозяйственных культур и ведения животноводства в хозяйствах обслуживаемого района, появились в конце XIX века. В 1901 г. намечилось частичное упорядочение опытного дела благодаря изданному положению о казенных и частных сельскохозяйственных опытных учреждениях. К началу XX века в России было 80 опытных полей и станций, половина из которых принадлежала Департаменту земледелия. Развитию, укреплению и

упорядочению опытного дела в России, обобщению полученных исследований способствовали съезды и совещания, проведенные в 1901, 1902, 1908 гг. при активном участии ученых И.А. Стебута, Д.И. Прянишникова, В.В. Зеленина, где была поставлена задача организовать работу станций в тесной связи с запросами и целями практического хозяйства. Опытные станции создавались Департаментом земледелия и переселенческим управлением по преимуществу в колонизируемых районах России.¹

Деятельность Печорской опытной сельскохозяйственной станции связана с изучением и освоением Печорского края. Впервые вопрос о значении «приполярной» станции на Печоре был поднят в 1905 г. в статье ученого А.Н. Энгельгардта, направившего в 1906 г. в Департамент земледелия записку об учреждении в Усть-Цильме селекционной и акклиматизационной станции. В 1907 г. вопрос о станции на Печоре рассматривался Ученым комитетом Главного Управления земледелия и землеустройства, признавшего необходимость учреждения станции на общих положениях опытного дела. В 1908 г. по предложению Ученого комитета старшим специалистом по опытному делу В.В. Винером была составлена докладная записка об организации районного сельскохозяйственного опытного изучения России, с приложением карты, где с. Усть-Цильма отмечалось как место проектируемой станции. Печорская станция учреждалась вне зависимости от расчетов на широкую колонизацию края и этот район признавался «внеземледельческим».²

В этот же период вопрос об открытии научного учреждения на Печоре разрабатывается А.В. Журавским, одним из первых пропагандистов колонизационных возможностей Печорского края. Он сотрудничает с органами по земледелию и землеустройству Российской империи по вопросам выявления земельных потенциалов печорских земель, по выработке научного обоснования разделения России на физико-географические районы, по вопросам землеустройства на Севере, подготовке колонизационных экспедиций.

Печорская экспедиция под руководством А.В. Журавского в 1909 г. вела поиск земель, пригодных к сельскохозяйственному освоению, и осуществляла пробные посевы в селах Куя, Усть-Цильма, Усть-Кожва, по селениям р. Усы. В 87 населенных пунктах Печорского края было испытано 180 видов и сортов сельскохозяйственных культур и получен урожай более чем 60 из них. По итогам экспедиции был сделан вывод о пригодности Печорского края для колонизации лишь после широких агрономических опытов. В 1910 г. продукты опытного поля были представлены на 1-й выставке «Русский Север» в Архангельске.³

Печорская сельскохозяйственная опытная станция была учреждена 1 января 1911 года в с. Усть-Цильма. В печати сообщалось: «В число задач этой станции, помимо общих опытных заданий по полеводству, огородничеству и луговодству, входит выяснение возможности новых для Севера культур и сортов, селекция (отбор и выработка) скороспелых семян злаков и трав, опыты по севооборотам и плодосеменам и т.д.». Планировалось, что станция со временем разрастется в универсальное сельскохозяйственное опытное учреждение с районной опытной сетью. Постановка опытного дела на станции обеспечивала развитие агрономической науки на отдаленной северной территории и предусматривала общие для основных российских опытных станций исследования. Задания станции утверждались Ученым комитетом Главного Управления землеустройства и земледелия и входили в общий план работ казенных опытных станций России. Большое внимание уделялось опытам на заболоченных и «первобытных» ландшафтах со специальными метеорологическими наблюдениями. Финансировалась станция от Департамента земледелия и землеустройства, из взносов действительных и почетных членов станции, ассигнований от музеев Академии наук.⁴

На Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1912 г. в Царском селе было выставлено свыше 1000 экспонатов по отделу сельского хозяйства из Усть-Цильмы и Печорского уезда. Станция была отмечена Дипломом Департамента Земледелия и награждена Малой золотой медалью. Образцы растений внесены в коллекцию Бюро по прикладной ботанике Академии наук. На первой Всероссийской выставке по сельскохозяйственному опытному делу в 1913 г. Печорская станция экспонировала «около 100 фотографий, частью в увеличенных копиях и художественных диапозитивах, более 50 графиков и диаграмм по сельскохозяйственной метеорологии, статистике и фенологии, а также образцы имеющихся на Печоре растений и семян».⁵

В 1920-е гг. опытное дело в СССР развивалось под непосредственным воздействием научно-организационных идей ученых-аграрников дореволюционной России А.Г. Дояренко, Н.М. Тулайкова, В.В. Таланова, Д.Н. Прянишникова. В 1917–1918 гг. Наркомзем объединил в своем составе научно-организационные подразделения дореволюционных ведомств, имевших отношение к сельскому хозяйству. 4 января 1919 г. был подписан декрет о развитии и плановой организации опытного дела и организованы первые семь комплексных областных станций в РСФСР. Централизованное руководство опытными учреждениями возлагалось на Опытный отдел Наркомзема, а методическое — на Государственный институт опытной агрономии. В 1918 г. Печорская опытная станция переходит в подчинение Архангельского

губпродкома. С целью упрочения связи научно-опытной работы с хозяйственными нуждами земельных органов и крестьянства Наркомзем утвердил в 1923 г. «Положение о сельскохозяйственном опытном деле РСФСР и об управлении им», в котором связь сельскохозяйственных научных учреждений с производством рассматривалась как программная установка. В 1923 г. в Москве проводится Всесоюзное совещание по опытному животноводству, а в 1924 г. – областное по Северному краю в Вологде, наметившие основные мероприятия по развитию животноводства на Севере. Со второй половины 1920-х г. начались экспериментальные работы по зоотехнии и формирование специальных отделов по животноводству в ряде полеводческих станций.⁶

В 1924 г. Наркомзем РСФСР включил Печорскую станцию в сеть действующих опытных станций России. Средства на содержание станции отпускались Наркомземом РСФСР, Архангельским Губземууправлением и Коми облпланом. В проекте Положения о Печорской сельскохозяйственной опытной станции отмечалось: «В виду того, что крестьянские хозяйства в Печорском крае имеют явно выраженное скотоводческое направление, Печорская опытная станция главное свое внимание уделяет разрешению вопросов животноводства».⁷

С 1923 г. Печорская опытная станция была включена в сеть географических посевов Института прикладной ботаники, целью которых было изучение зависимости развития растений от географических и климатических условий. Детальные фенологические наблюдения, проводившиеся по коллекции из 187 чистых сортов, дали основу для выявления особенностей развития их в условиях печорского Севера. Целью работ по агрометеорологии было выявление зависимости развития культур по отношению к климату и почве данной территории. Вопросы сортоиспытания, подбора и выведения новых сортов в условиях Крайнего Севера приобретали на опытной станции первостепенное значение. В питомнике проводились опыты с большим количеством яровых, бобовых культур из коллекции Института прикладной ботаники, выведенных в Северной Америке, на Аляске, в Сибири. Фенологические наблюдения позволили выделить сорта для Печорского края. Исследования по луговодству станцией начались с 1926 г. при содействии сотрудников Академии наук по обследованию лугов в пойме р. Печоры и ее притоках. Ф.М. Самбуком начались опыты по выяснению сроков возобновления ягельных площадей.⁸

В начале 1930-х годов перед сельскохозяйственной наукой была поставлена задача практического разрешения вопросов северного зем-

леделия. В 1932 г. конференция Академии сельскохозяйственных наук по осеверению земледелия наметила первостепенное развитие на Крайнем Севере животноводства, огородничества, картофелеводства. Плановыми органами Северного края разрабатывается вопрос о специализации сельского хозяйства в колхозах Печорского края, где Усть-Цилемский район отмечается как ведущий в молочном животноводстве. Такая специализация вызывала необходимость целого ряда мероприятий в области зоотехники, ветеринарии, в организации кормовой базы. В соответствии с постановлением 1931 г. Президиума ВЦИК «О состоянии и социалистической реконструкции молочного животноводства Северного края» в колхозах Ижемского, Усть-Цилемского, Усть-Куломского и Сыктывдинского районов была начата метизация местного крупного рогатого скота со скотом холмогорской породы из Архангельской области. Объектом исследования стало стадо опытной станции в количестве 25 голов. Предварительные итоги учета результатов метизации к 1936 г. на примере развития метисного молодняка показали преимущество новой породы. Целенаправленным учетом метизации в районе начал заниматься с 1935 г. П.А. Рочев, директор станции в 1935–1941 гг.⁹

На Печорской опытной станции с 1937 г. началась племенная работа по созданию новой породы овец методом воспроизводительного скрещивания северной короткохвостной породы с мясной породой Ромни-Марш. Ставилась задача изменить грубошерстное направление в овцеводстве на мясошерстное полутонкорунное, значительно увеличить продуктивность и получить животных, приспособленных к местным условиям. Низкая обеспеченность кормами значительно сдерживала формирование новой породы. На многочисленных опытах сотрудники станции пытались доказать, что путем эффективного использования северных земель животноводство способно обеспечить молочными продуктами и мясом население Севера Европейской части страны. Опытная станция проводит закладку питомника кормовых трав, опыты по селекции дикорастущих кормовых трав, опыты по агротехнике силосных культур и сортоиспытание семенников кормовых трав. К 1937 г. сотрудниками опытной станции совместно с учеными Академии наук было сделано геоботаническое описание лугов Печорского края, даны рекомендации по улучшению угодий. Была составлена характеристика кормовой базы животноводства этого региона с учетом всех природных компонентов и колхозам предоставлена методика составления годового кормового баланса.¹⁰

Государственное овощное сортоиспытание проводилось на еврейском Крайнем Севере на 3-х участках: Хибинь, Соловки и Усть-Цильма. После открытия отдела овощеводства в 1932 г. опыты на

Печорской станции проводились с основными культурами, имеющими большее распространение в хозяйстве северян, а также с теплолюбивыми культурами, произрастающими в тепличных условиях. В опубликованной станцией брошюре «Агротехника овощных культур в условиях Крайнего Севера» были даны рекомендации колхозам и совхозам северной зоны земледелия. На опытном поле станции были выведены или акклиматизированы новые сорта картофеля и распределены по колхозам края от 3 до 7 тонн для дальнейшей репродукции. На сортоиспытательном участке станции с 1928 г. проводились опыты с морозоустойчивыми сортами ржи, овса, ячменя, картофеля.

За достижения по метизации крупного рогатого скота, высокие показатели в развитии животноводства и полеводства, продвижение сельскохозяйственных культур на север Печорская станция дважды являлась участником ВСНХ и награждалась дипломами.

Начавшаяся Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для Печорской опытной станции и надолго приостановила научно-исследовательскую работу. Программа работ, предусматривающая продолжение исследований по предвоенной тематике, по разным причинам не выполнялась. Прекратился завоз племенных животных в хозяйства Печорского края, и экспериментальное хозяйство станции стало подсобным для обеспечения коллектива станции продуктами питания.¹¹

В послевоенные годы научно-исследовательская деятельность Печорской опытной станции проходила в тяжелейших условиях спада колхозного производства. Восстановление животноводства и изыскание путей увеличения производства кормов становится первоочередной задачей колхозов и совхозов Печорского края. С 1945 г. работа стала вестись в отделах: крупного рогатого скота, овцеводства и кормодобывания, а под посевы использовалась незначительная часть пахотной земли. Посевные площади станции заросли кустарником, подвергаясь вторичному заболачиванию, теплицы были разрушены. С 1947 г. прекратились исследовательские работы в плодово-ягодном питомнике станции. Опытная станция с 1948 г. прекратила научно-исследовательскую работу по полеводству и овощеводству, и хозяйство станции потеряло свое целевое назначение – как подсобноопытного участка.¹²

С 1946 г. плановая тема станции «Племенная работа с помесью печоро-холмогорского скота» ставила конечной целью выведение новой высокопродуктивной породы крупного рогатого скота, отвечающей природно-экономическим условиям печорского Севера. С 1946 г. по предложению Печорской опытной станции в колхозах Печоры было прекращено поглотительное скрещивание и началось воспроиз-

водительное. Для проведения научно-исследовательских работ на опытной станции имелась ферма крупного рогатого скота в количестве 42 голов и овцеферма в количестве 85 голов. Для возрождения племенного животноводства Совет Министров Коми АССР принял решение об организации в 1952 г. Госплемрассадника крупного рогатого скота на базе Усть-Цилемского района, как центра племенной работы республиканского значения. С 1955 г. вся научно-исследовательская работа станции была перестроена в сторону приближения к колхозному производству, тематический план станции стал решаться на колхозных фермах путем договоров с колхозами: «Сила», «Новый путь», «Борец», им. Батманова Усть-Цилемского района и колхозом «Победа» Ижемского района, совхозом «Новый Бор» Усть-Цилемского района на проведение в них опытных работ по исследуемой теме. Руководителем исследований стал директор станции Г.И. Гагиев, исполнителями – научный сотрудник В.М. Шмелев и зоотехники. Колхозы создавали необходимые условия для научных исследований, выделяя определенное количество животных в опытные и контрольные группы, обеспечивая их кормами по разработанным станцией нормам кормления. Усть-Цилемский район становится центром пропаганды передовой научной мысли в развитии племенного животноводства. В основном были закончены научно-исследовательские работы по выведению нового печорского типа скота холмогорской породы.¹³

Работа по теме «Племенная работа с Печорской полутонкорунной породной группой овец» под руководством Д.А. Епанешникова проводилась на опорных пунктах колхозов «25 лет РККА» им. Сталина, им. Батманова, им. Орджоникидзе и на ферме опытной станции. В результате многолетней работы была создана новая Печорская полутонкорунная группа овец, превосходящая по своей продуктивности местных овец по живому весу в 2,5 раза, по настригу шерсти – в 3 раза. Численность породных овец в колхозах Усть-Цилемского района в 1953 г. составила 7468 голов, а по всем районам Коми АССР – 12600 голов. Выведение новых породных групп крупного рогатого скота и овец проходило на углубленной селекционно-племенной основе. На основе исследований, проводимых по животноводству, кандидатские диссертации защитили Д.А. Епанешников и В.Ф. Канев, докторскую диссертацию – Г.И. Гагиев.¹⁴

Отдел кормодобывания начал испытания новых силосных культур подсолнечника, клевера, кукурузы, кормовой капусты, борщевика Сосновского, топинамбура. На лугах испытывались различные дозы азотных, фосфорных и калийных удобрений с целью изучения их влияния на урожайность бобовых и злаковых трав.

По показателям работы в 1953–1955 гг. Печорская сельскохозяйственная станция три года подряд была участницей ВДНХ СССР и награждалась дипломами за отличные показатели по исследованию в животноводстве.

В результате выполнения Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству», предписывающего иметь одну опытную станцию на площади в 416 тыс. кв. м., в 1957 г. на базе Печорской и Нижне-Човской опытных станций в г. Сыктывкаре была создана Государственная сельскохозяйственная опытная станция Коми АССР им. А.В. Журавского, а Печорская станция преобразована в Печорское опытное поле, просуществовавшее до 1974 г. В мае 2000 г. Печорская опытная станция вновь возобновила свою научно-исследовательскую работу в составе НИПТИ АПК Республики Коми. Восстановление станции в Усть-Цильме было вызвано необходимостью возобновления прерванной научно-исследовательской работой по дальнейшему совершенствованию, в первую очередь, печорского животноводства.

Таким образом, вопросы земледелия и животноводства на Севере тесно увязывались с проблемами заселения и освоения всех природных ресурсов Печорского края, и организация станции рассматривалась как начало широко поставленного опытного дела на всей территории Севера России. Научно-исследовательская деятельность станции была направлена на организацию помощи колхозам и совхозам республики в переходе на научно-обоснованную систему ведения сельскохозяйственного производства.

Литература и источники

1. Вербин А.А. Очерки по развитию отечественной агрономии. – М., 1958. – С. 227.
2. Об учреждении казенной сельскохозяйственной опытной станции на Печоре // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, далее – ИАОИРС, 1911, № 8-9. – С.363.
3. Журавский А.В. Северо-Печорская экспедиция // ИАОИРС, 1909, № 9. – С. 58-68.
4. Журавский А.В. Опытная станция в Усть-Цильме // ИАОИРС, 1911, № 4. – С.11.
5. Выставки // ИАОИРС, № 7. – С. 603-604; Участие Печорской сельско-хозяйственной опытной станции в первой Всероссийской выставке по сельскохозяйственному опытному делу // ИАОИРС, 1913, № 4. – С. 186.

6. Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. – Новосибирск, «Наука», 1988. – С. 107-108, 114-115.

7. Примак Ю.Я. Печорская сельскохозяйственная опытная станция. – Архангельск, 1925. – С. 4-6.; Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», далее – ГУРК «НАРК», ф. 139, оп. 1, д. 158, л. 7.

8. ГУРК «НАРК», ф. 139, оп. 1, д. 487, л. 81, 82; ф. 140, оп. 2, д. 800, л. 78; д. 1971, л. 37; д. 1989, л. 5; д. 2000, л. 22; д. 2022, л. 22; д. 3002, л. 62; ф. 139, оп. 1, д. 497, л. 94-95.

9. Вербин А.А. Указ. соч. – С. 241; ГУРК «НАРК», ф. 139, оп. 1, д. 487, л. 36, 85.

10. Канев В.Ф. Печорская сельскохозяйственная опытная станция (1911–1957). – Сыктывкар, 1999. – С. 10, 19; НАРК, ф. 139, оп. 1, д. 487, л. 12, 14, 36, 38.

11. ГУРК «НАРК», ф. 1267, оп. 1, д. 21, л. 59-61.

12. Там же, ф. 139, оп. 1, д. 238, л. 7-8.

13. Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 15, л. 1-5; д. 21, л. 1, 22-23, 27; д. 25, л. 84, 154; д. 30, л. 99-100.

14. Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 21, л. 55, 59-60; д. 25, л. 156, 243; д. 30, л. 2.

М.И. Чурсанова
(с. Усть-Цильма)

Архивные документы как источник изучения истории Усть-Цилемского района

Одним из основных источников, позволяющих осветить историю Усть-Цилемского района, является массив документов, хранящихся в архивном секторе администрации муниципального района «Усть-Цилемский» и Государственном учреждении «Национальный архив Республики Коми». Согласно постановлению 125-ФЗ от 22.10.2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации» часть документов ежегодно из районного архива, являющегося архивом дел переменного состава, передается в Национальный архив Республики Коми и хранятся там. Цель данного доклада – дать характеристику документов и материалов, хранящихся в архиве Усть-Цильмы.

Круг архивных источников по изучению района весьма разнообразен. Среди них можно выделить крупные блоки, от решений орга-

нов власти до управленческой документации учреждений, организаций и предприятий района, а также других видов документов, например, таких как фотодокументы.

До создания Усть-Цилемского районного архива, а это произошло примерно в 1937 году (точная дата не установлена), каждое учреждение хранило собственные документы, а когда надобность в них отпадала, их складывали в приспособленные или чаще всего непригодные для хранения помещения. Во время пожаров документы предприятий и учреждений сгорали. Документы также погибали от сырости и плесени, поедания грызунами, незнания и неумелого обращения, равнодушия со стороны людей.

Поэтому сегодня мы видим следующую картину. За 20–30-е гг. прошлого века и более ранний период многие документы не сохранились. Однако все же частично сохранились уникальнейшие материалы, на которые обратим сегодня особое внимание.

Самый ранний документ, хранящийся в нашем архиве, это похозяйственная книга Усть-Цилемской волости, датированная 1887–1908 гг. Она привлекает особое внимание исследователей при составлении генеалогического древа.

У нас хранятся документы Пустозерского волысполкома Печорского уезда Архангельской губернии. Они охватывают 20-е годы прошлого века. В основном, в фонде отложились материалы Пустозерского потребительского общества «Рыбак», его устав, отчет председателя, лицевые счета пайщиков, кассовая книга и т.д.

С момента образования Усть-Цилемского райисполкома (1929 г.) имеются приказы председателя и списки членов Президиума и пленумов исполкома, списки личного состава организаций района. В самостоятельных фондах находятся документы отделов исполкома: сельхоз-, дорожного и земельного отделов.

В фонде Усть-Цилемского сельсовета отложились именные списки, анкеты и автобиографии лиц, лишенных избирательных прав по сельсовету (1928–1933 гг.) (тех, кто является «кулаком», священником, торговцем, был полицейским и т.д.). Очень ценны для исследователей протоколы собраний бедняцкого актива, актива середняков единоличников и общих собраний сельхозартелей по выявлению «кулаков» и зажиточных граждан, а также именные списки «кулаков» и договоры о продаже кулацких домов (1932–1936 гг.).

В фонде Усть-Цилемского сельсовета отложились также указания Печорского уездного исполнительного комитета, президиума Архангельского губисполкома и уполномоченного Архангельского губотдела по Печорскому уезду (20-е гг.). Интересны исследователю политико-экономические обзоры Усть-Цилемской волости за 20-е годы

XX века. Можно ознакомиться со списком священнослужителей православной церкви и церковного Совета в с. Усть-Цильма за 1927 г. Имеются документы по коллективизации колхозов (1935–1936 г.).

Сохранились достаточно полные фонды по Бугаевскому и Хабарицкому и Росвинскому сельсоветам с момента их образования. В республиканский архив документы не сдавались, поэтому можно найти интересные сведения по основной деятельности этих сельских советов.

В фондах местных предприятий особое место занимают книги приказов. За скупыми строчками приказов реальные события 30-х годов XX века, а также военного и послевоенного времени.

По уникальному предприятию, известному далеко за пределами района и республики, Усть-Цилемскому замшевому заводу имеются приказы с 1930 года, то есть с начала его строительства. По Усть-Цилемскому леспромхозу – с 1933 г., Усть-Цилемскому маслозаводу – с 1932 года и т.д.

Кто был первыми депутатами Усть-Цилемского районного Совета и сельских Советов депутатов трудящихся 1939 года? Каковы итоги по выборам в Верховный Совет СССР, начиная с 1937 года? Много документов сохранилось по выборам народных судей и народных заседателей с 1948 года.

Наиболее ценными при рассмотрении вопросов развития нашего сельскохозяйственного района являются годовые отчеты колхозов. Они содержат очень важный, в ряде случаев – уникальный материал, раскрывающий практически все стороны: общая земельная площадь и поголовье скота, наличие техники и инвентаря, объемы выполненных работ, а также ценные сведения социально-демографического характера, наличие колхозных дворов, численность и половозрастной состав колхозников и их семей, уровень оплаты труда и т.д. Эти сведения, начиная с 30-х гг., содержатся в архивных фондах Усть-Цилемского управления сельского хозяйства и колхозов. В «колхозных» фондах также особое место занимают протоколы заседаний правления и общих собраний колхозников.

В архиве хранятся подшивки районной газеты «Красная Печора» с 1935 года, занимающей особое место в системе исторических источников. Коллекция фотодокументов по истории Усть-Цилемского района включает более 500 фотоснимков за период с 1924 года и двух фотоальбомов по истории районного финансового отдела и лесхоза.

Вместе с тем, важно отметить, что архивные документы содержат персональные данные, многие из которых обладают конфиденциальностью. Доступ к таким документам ограничен. В соответствии со ст. 25 (п.3) 125-ФЗ от 22.10.2004 г. «Об архивном деле в Российской

Федерации» ограничен доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности. Со дня создания указанных документов установлен срок хранения на 75 лет.

Таким образом, анализ и характеристика архивных документов позволяет сказать, что каждый листочек, будь это рукопись или печатный документ архивных фондов – это страница истории Усть-Цилемского района. Мной не ставилась задача представить обзор всех документов, хранящихся у нас. Это нереально, так как сегодня в архиве находится более 18 тысяч дел, принятых от 100 организаций, учреждений и предприятий района, действующих ныне, а также тех предприятий, которые ликвидированы: от лесоучастков и колхозов до современных предприятий-банкротов.

*Г. Ф. Доброноженко
(г. Сыктывкар)*

Волостные и сельские работники о социальной идентификации крестьян в 1920-е годы¹

В первой половине 1920-х годов в низовых органах отсутствовали какие-либо сведения о социальных отношениях в деревне, источники почти не фиксируют мнение волостных и сельских работников о социальном облике крестьян.

В 1926–1927 гг., с усилением работы с беднотой, при волостных и сельских советах, партийных ячейках создаются специальные комиссии для проведения «учета социальных групп» и «распределения крестьянства по классам».²

Документы этих комиссий, материалы уездных и губернских организаций о работе низового аппарата, докладные записки отделов ОГПУ, а также письма волостных и сельских активистов в газеты, позволяют исследователю определить критерии идентификации местными работниками социального облика крестьян.

Исследователь, изучающий эти документы, сталкивается с множеством употребляемых социальных терминов. В официальной отчетности о расслоении крестьянства выделялись «бедняки, середняки и кулаки» (иногда и зажиточные). В высказываниях низовых работников при оценке социальных типов крестьян выделялись: тру-

женик (трудолик), лодырь (лентяй), середняк «советский» и «окулаченный», «заядлый кулак-враг», «просто кулак», «лояльный кулак» и пр.

Это многообразие социальных терминов связано со сложными и противоречивым переплетением в представлениях сельских работников, не порвавших связь с земледельческим трудом, традиционных крестьянских взглядов³ и новых политических идей, своеобразно понимаемых людьми малообразованными, а иногда и элементарно неграмотными.

Можно выделить несколько основных дифференцирующих критериев, которые лежали в основе определения местными работниками социального облика крестьян: 1) отношение к труду; 2) имущественное положение; 3) бытовой признак 4) источники «достатка»; 5) взаимоотношение с другими крестьянами; 6) социальное происхождение 7) «психология», «душа» крестьянина; 8) «политические настроения» и «отношение к Советской власти».

Противоречие между традиционными и новыми представлениями и оценками, не понимание спускаемых сверху директив о признаках «классовой принадлежности», определили отсутствие у местных работников четких и ясных критериев определения социального облика крестьян. «Классы» нередко определялись по «интуиции», исходя из субъективных личных оценок. В документах, характеризующих работу низового аппарата, отмечалось, что «классовое расслоение крестьян» определялось «по своему вкусу», на «глазок», «приблизительно», «существующий учет расслоения деревни страдает субъективностью в зависимости от подбора работников ВИКа».⁴

Бедняцкое хозяйство определялось местными работниками преимущественно «по внешним признакам» («по посеву», «по коровам», «по лошадям»). Иногда особенно не мудрствуя, деревенские работники применяли бытовой критерий: «кушает белый хлеб, значит не бедняк») или «по крышам» («если крыша валится, значит – бедняк».⁵

По «отношению к труду» выделялись два типа (прослойки) бедняков: «трудолюбивые» и «лентяи». Первый тип – «это трудолюбивые крестьяне, обремененные в большинстве случаев семьей, малоземельные, бессильные подняться на ноги без посторонней помощи». Второй – «это люди, ищущие легкого труда, охладевшие к крестьянскому хозяйству». У них «земля запущена», они «любители всяких сборищ», «способные целыми днями просиживать сложа руки».⁶

В материалах проверки весной 1928 г. одной из волостных партийных организаций Вологодской губернии отмечалось, что «у всей организации, за исключением двух-трех товарищей, существовало убеж-

дение, что среди бедноты имеются лодыри». «Если взять группу бедноты, – говорил секретарь партячейки на пленуме волисполкома, – то, изучая ее, нужно разбить на ряд подгрупп для того, чтобы сказать – почему они бедны. Есть бедняки: физические инвалиды, умственные инвалиды, не по призванию, раздел и обремененность семьей, безвольные, алкоголики и картежники. На них, последних (безвольных и т.д.) Соввласть опираться не может. Есть лодыри среди них, но к ним нужно подойти осторожно. Их выявить могут только интеллигентные силы, вплоть до привлечения медицины». В индивидуальных беседах «товарищи пытались мерить их процентами не только по своей волости (2 %), а даже в союзном масштабе (5 %)».⁷

И еще одна типичная характеристика двух «прослоек» бедноты. Первая – «это трудолюбивые крестьяне, обремененные в большинстве случаев семьей, малоземельные, бессильные подняться на ноги без посторонней помощи. Коренное землеустройство и государственная помощь для них является единственным средством поднятия хозяйства». Вторая – «это люди, ищущие легкого труда, охладевшие к крестьянскому хозяйству, «лентяи», как их называют соседи. У них в полях вместо ржи часто растут васильки. Земля запущена. Огороды не загорожены. Они любители всяких сборищ, охотники на различного рода проделки, способные целыми днями просиживать сложа руки».⁸

В конце 1920-х гг. многие местные работники стали считать всех бедняков лодырями. По утверждению одного из губернских работников, высказанном на пленуме Северо-Двинского губкома в 1929 г., мнение местных коммунистов, что «бедняк-лодырь» было «общепринятым, широко распространенным понятием». О популярности этих высказываний свидетельствует и заявление секретаря партячейки: «разговоры, что бедняки лодыри можно услышать от партийцев очень часто».⁹

Среди середняков по имущественному уровню с учетом взаимоотношений с другими группами выделяли два типа хозяйств. «По-моему, – говорил секретарь партячейки, – середняка можно разбить на две группы, а именно: группу менее обеспеченную и более многочисленную, идущую в контакте с беднотой, и вторую группу – более обеспеченную, поддерживающую зажиточные хозяйства, а бедноту, в большинстве своем, причисляющую к лодырям».¹⁰

Местные работники, главным образом партийцы, среди середняков выявляли «уклоны» или «наклонности» по политическому признаку. Лояльный («советский») середняк – это тот, кто «прислушивается к голосу правительства» и является «союзником власти», в том числе и местной.¹¹ В сочетании с политическим иногда учитывал-

ся и психологический признак («кулачские взгляды», «кулачские настроения»).

В письме в газету один из сельских активистов так рассуждал о «резких и разных уклонах средняка»: «Хозяйство, имеющее в своем хозяйстве лошадь, корову, три-четыре овцы, обрабатывает своими силами; одним словом, ни бедно, ни богато живет такое хозяйство. Крестьяне зовут средним или «средняком». Теперь возьмем другое хозяйство, в котором имеется: три лошади, три коровы, штук 15 овец, весь сельхозинвентарь, обрабатывающее также своим трудом. Крестьяне такое хозяйство зовут богатым или «богачами», а правительство их ставит на одну доску. Между тем как по имущественному положению, а также по наклонностям имеется большая разница. Первый средняк скорее идет во всякого рода организации и больше прислушивается к голосу правительства. <...>. А вот другой-то средняк по-другому поет: у него одна мысль, как бы кушить землю, а Советская власть не велит, значит, он к ней относится враждебно и старается сделать подпольно или фиктивно такие дела. С этой целью он дружит с кулаком, т.к. кулак пронырливее и хитрее и в то же время поддерживает деньгами. Такого средняка, по-моему, нужно ставить на одну ставку с кулаком».¹²

Самым сложным для работников было выявление кулака: «как различить зажиточного от кулака?», «какие признаки кулацкого хозяйства?», «принимать ли во внимание психологию?». У местных работников не было «ясного понимания того, что скрывается за этим, как будто популярным выражением «кулак», «способы точного определения кулака (где кончается середняк и начинается кулак)» выработаны не были. Кулак оставался для них «недостаточно уловимой категорией».¹³

Местные работники на протяжении всех 1920-х гг. определяющими признаками кулака считали социально-экономические. Для местных активистов было характерно выявление кулака по «внешним признакам» («формам зажиточности»), «привычка находить кулака только по признаку посева или «на глаз»».¹⁴ При этом часто учитывался и «бытовой признак»: «живет не так пышно – не кулак», «тот, у кого дома чисто и корова хорошая – кулак», «одевается всех лучше в деревне – кулак».¹⁵

Популярность такой методики объяснялось как относительной простотой определения кулака по внешним признакам, так и мнением многих местных активистов о тождественности кулака и крепкого зажиточного крестьянина.

Широкое распространение на местах «совершенно неправильно и вредного по своим последствиям понятия о деревенском кулаке»

приводило, как считал нарком земледелия А.П. Смирнов, к тому, что под «позорную кличку «кулак»» подводилось «зачастую каждое крепкое трудовое хозяйство, выделяющееся из общего уровня благосостояния деревни». ¹⁶ «Грубое смешение передового зажиточного хозяина, ведущего культурное хозяйство, с хищником-кулаком» являлось одним из основных стереотипов мышления местных работников. ¹⁷

В основе другого подхода к определению признаков кулака была трактовка этого социального типа как зажиточного крестьянина, эксплуатирующего односельчан. В письме в «Крестьянскую газету» сельский работник так разъясняет свое понимание «методов определения кулака»: «Вопрос не в том, сколько скота или другого имущества имеется в хозяйстве, а в том, как это имущество приобретает. Если хозяйство крепнет за счет наемной силы, да за счет сдачи неимушим в аренду инвентаря или лошади с отработкой или высоким процентом, если крестьянин наживается за счет выдачи неимушим ссуды по высокому проценту, под новый хлеб или торговлей, то такое хозяйство кулацкое. Если хозяйство хотя и крепкое, но крепнет за счет культурных способов обработки земли с помощью кооперации без выжимания пота из бедноты, то не будет кулацким хозяйством». ¹⁸ Многие местные активисты считали, что «не годится крепкого мужика в кулаки пихать, надо посмотреть, откуда у него богатство идет». ¹⁹

Экономическая мощь «не позволяет выявить социальное лицо деревни», имущественный уровень «не есть показатель при определении социальных групп», «ибо кулаком может быть и такой крестьянин в деревне, который имеет всего одну корову и одну лошадь». Мало того, может быть при известных случаях и безлошадный крестьянин кулаком». «Отнесение к кулакам хозяйств, имеющих 3 и более коров», приводило к тому, что «в кулаки зачисляли большие крестьянские семьи, а ростовщик, торговец, эксплуататор-промысловик, имеющий 1 корову, попадал в бедняки». ²⁰

Типичным сельским эксплуататором считался кредитор-ростовщик и торговец. Причем иногда при выделении кулаков-торговцев «имущественность» совсем не учитывалось. Достаточным основанием был сам факт участия крестьянина в купле-продаже. В кулаки записывали «мелких торговцев», которые «пошла на «промысел» торговли мелочью», потому что из них «выращивается довольно противный элемент». ²¹

При определении кулака учитывалось использование наемной рабочей силы, однако далеко не всегда проводилось различие между вынужденным и эксплуататорским наймом и «всякое, даже кратковременное пользование в крестьянском хозяйстве наемного труда, на-

пример, в горячее время уборки урожая» считалось признаком кулака. ²²

Как правило, у сельских активистов не было исчерпывающей информации о степени распространения эксплуататорских отношений в деревне. В материалах обследования волостных партийных организаций и советских органов Вологодской губернии (1928 г.) отмечалось: среди местных работников было единодушное мнение, что «аренда и кредитование бедноты со стороны кулачества, несомненно, есть», «наем рабочей силы распространен широко», но «этот вопрос не только не изучен в какой-нибудь мере, но даже ни разу и не обсуждался», «в каких размерах все это, при каких условиях и какие методы применяются кулачеством – не известно», «в распоряжении волостных органов и работников нет никаких разработанных данных по этому вопросу». ²³

Типичное описание кулака-земледелца, эксплуатирующего наемную силу, приводилось в письме коммуниста в газету «Жизнь деревни» (1926 г.). По мнению автора письма «крестьянина-кулака от трудового землероба отличить по внешнему трудно». Его надо изучить «с двух сторон»: «по образу жизни» и «структуре постановки хозяйства» с одной стороны, и «по какому уклону, в какой мере, по какой плоскости направлены эти формы хозяйственного производства, а также и способы их выполнения в работе» – с другой. «Кулак даром времени не на что не тратит» – пишет автор. Он всю работу ведет по плану: «делает расчет времени, на какую работу и сколько надо потратить рабочих дней, какой силой можно располагать и какой выполнить». А так как кулаки – это «люди дальновидные», они «уделяют больше внимания на ту отрасль, которая выгоднее, которая составляет доходную статью». Кулак «без расчета свою силу не использует», он стремится выполнить работу «дешевой силой» и для этого «на первом месте и стоит наемный труд». Он «никогда не спешит реализовать свою продукцию, <...> ждет того момента, когда в районе поднимутся цены, тут он и начинает действовать: за деньги не продает, а отдает в долг, чем и приобретает таким авансированием <...> рабочую силу за бесценок». А бедняк рад заработку и на кулака смотрит как на «благодетеля, «не задаваясь мыслью: насколько он им убыточен и насколько он же набивает мощью кулака». ²⁴

Социально-политические признаки определения кулака связаны с представлением местных работников, что кулак – это крестьянин, настроенный против советской власти, «кулак – враг». В документах местных партячеек встречается прямые характеристики типов кулаков-эксплуататоров в зависимости от их политической лояльности: «заядлый кулак-враг», «просто кулак», «лояльный кулак», и даже –

«полуголодный кулак».²⁵ Один из коммунистов следующим образом пояснял свою позицию: «Разные бывают кулаки! Надо различать! Среди них есть настоящие наши, сторонники Советской власти».²⁶

Несмотря на высказывания некоторых местных работников, что «политические признаки играют решающую роль при определении кулака», до конца 1920-х гг. их использовали в качестве дополнительного, «вспомогательного» к социально-экономическим признакам.

К кулакам относили крестьян, «злостно становящихся поперек всякого общественного начинания», проявляющих «антиобщественное поведение», «срывающих культурные и хозяйственные начинания».²⁷ «Ярлык «кулак»» наклеивали на крестьянина, «только за то, что он покритиковал кого-нибудь из представителей власти».²⁸ Один из активистов разъяснял, как он находит кулаков: «В любом районе можно найти не по одному кулаку. Да их искать и не надо, они сами сказываются. Например, во время перевыборов Советов в некоторых деревнях <...>, при обсуждении кандидатур в сельсоветы были выкрики: «Коммунистов выбирать не надо». Или при введении нормы хлеба: «Надо взбунтовать, так дадут сколько угодно». Чьи это мысли? Кулаков и их подпевал».²⁹

Материалы проверок волостных и сельских партячеек «дают много фактов, когда определение кулака давалось <...> в связи с характером того или иного его выступления на сходе или в другом месте, иногда вполне правильном, но направленном против отдельных руководящих лиц волости или села, или против неправильных действий ячейки в целом». Такое «грубое причисление к кулакам каждого старательного хозяина и занесение по кулацкому ведомству каждого менее робкого крестьянина, решавшегося сказать резкое слово против власть имущих, имело место не только со стороны сельских и волостных, но и уездных и выше работников».³⁰

К кулакам относили и крестьян с дореволюционным «кулацким» прошлым. Местные работники считали, что бывший кулак «как он был эксплуататором, так и эксплуататором и умрет», «бывшие кулаки-собственники все еще классовые враги».³¹

Раскулаченный в годы Гражданской войны кулак, «у которого революция обрезала крылья», «еще более свирепый враг, чем тот буржуй, кто нажил сейчас и пользуется нажитым», у него «большая вражда к тому, кто сделал их «несчастливыми». Раскулаченный кулак «везде и всюду является первым противником и критиком Советской власти», он «поджидает удобного момента, чтобы вернуть все старое».³²

Одним их признаков кулака считалась особая «кулацкая психология», «кулацкая душа», «кулацкие замашки». В письме в газету

«Беднота» председатель волисполкома писал: «А разве таких мало крестьян, у которых хозяйство маленькое, бедное, а психология, настроения, взгляды чисто кулацкие? Такие типы есть и их невозможно определить с точки зрения материальной».³³ Местные работники предлагали «пристально всмотреться» в крестьянина с «буржуазными зачатками», «мечтавшего стать кулаком» (а как говорили в деревне: «нет такого крестьянина, который не мечтал бы стать кулаком»). Убеждение, что середняк – «будущий кулак» и объясняет такие характеристики: «кулацкие взгляды некоторых середняков», «хуторяне с кулацкими собственническими воззрениями», которых «сейчас к кулакам можно отнести с натяжкой, но через несколько лет они определенно станут кулаками».³⁴

Таким образом, в представлении местного работника «кулак» это и тот, кто эксплуатирует односельчан, и «раскулаченный, который как был кулаком, так им останется», и не богатый крестьянин, но применяющий «кулацкие приемы», «живодерствующий» и «кулачествующий», и крестьянин, враждебно относящийся к «советской политике» и критикующий власть.

В источниках приводится множество примеров, свидетельствующих о популярности «настроений об отсутствии кулака и расслоения». В середине 1920-х гг. местные работники объясняли отсутствие кулака массовой «раскулачкой» в годы «военного коммунизма» («борьба с кулаком окончена в 1919 г.»), а так же отсутствием условий для возникновения «новых кулаков».³⁵

Эти настроения усиливаются в конце 1920-х гг., что связано главным образом с неприятием многими местными работниками новой «классовой линии партии», направленной на раскол крестьянства и подготовку «Великого перелома в деревне». Эти настроения становятся столь массовым явлением, что в информационном письме ЦК ВКП(б) «Некоторые моменты подготовки к перевыборам Советов в деревне» (16 января 1929 г.) признается, что «мы имеем дело уже не с отдельными единицами, а с определенной прослойкой деревенских коммунистов, не желающих проводить классовую политику в деревне», отрицающих кулака, «стремящихся к мирному сотрудничеству с кулаком».³⁶ В документах губернских органов власти 1929 г. также отмечается, что нежелание проводить линию партии «наступления на капиталистические элементы» и усиления репрессий против кулаков «становится болезнью уже не отдельных, а очень многих коммунистов в деревне».³⁷

Представляется, что широко распространенная в литературе (особенно 1990-х гг.) и в общественном мнении точка зрения, что сельские и волостные работники в 1920-е годы в большинстве своем были

заражены «революционным энтузиазмом», «антикулацкими» и «левацкими» настроениями, слишком категорична.

Среди местных руководителей северного региона, «антикулацкие настроения» в конце 1920-х гг. были не очень популярны, о чем свидетельствуют не только приведенные выше оценки партийных документов, но и такой достаточно объективный показатель как статистические сведения низовых органов о «классовом делении» крестьян.

Сравним различные сведения о количестве кулаков в архангельской деревне в конце 1927 – первой половине 1928 г.: по данным волостных и сельских советов – 1,5%, по материалам социальных обследований, проводимых работниками губернских органов – 4,9%, по подсчетам губернской комиссии по социальной дифференциации – 4,2%, по материалам гнездового обследования, проведенного по общесоюзной программе – 3,1%.³⁸ Добавим к этой статистике сведения о количестве кулаков, выявленных (местными работниками!) в губернии в налоговую кампанию 1928/29 г. – 1,25% хозяйств.

Литература и источники

1. Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 9-01-41 103а/С) «Аграрная модернизация Европейского Севера в XX в. (на материалах коми деревни)».

2. Большеви́стская мысль. 1926. № 11(13). – С. 96; № 12(14). Л. 63; 1927. № 2 (16). – С. 73; № 3(17). – С. 78.

3. См. статью Доброноженко Г.Ф. Причины социального неравенства и признаки кулака в интерпретации северного крестьянства в 20-е годы XX в. // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10-13 июля 2006 г.). – Москва-Сыктывкар, 2006. – С. 76-83.

4. Государственное учреждение «Государственный архив Вологодской области», ф. 5, оп. 1, д. 3056, л. 6; ф. 1853, оп. 12, д. 31, л. 163-163об., 200; д. 158, л. 3, 3об.; Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», далее – ГУРК «НАРК», ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 69; оп. 2, д. 666, л. 97-99, 101; д. 667, л. 41-42, 71; д. 687, л. 77; д. 697, л. 11, 24, 38; д. 738, л. 63; Большеви́стская мысль. 1927. № 6 (20). – С. 31.

5. ГУ «ГАВО», ф. 1853, оп. 12, д. 83, л. 6об.; Большеви́стская мысль. 1928. № 16 (44). – С. 52; Каврайский В., Нусинов И. Классовое расслоение сибирской деревни. Сибкрайиздат. 1927. С. V.

6. Коми му (Коми-Зырянский край). 1930. № 8. – С. 16.

7. ГУ «ГАВО», ф. 1853, оп. 12, д. 158, л. 4.

8. Коми му (Коми-Зырянский край). 1930. № 8. – С. 16.

9. Большеви́стская мысль. 1929. № 2(8). – С. 40-41; № 13 (19). – С. 62-63.

10. ГУ «ГАВО», ф. 2, оп. 1, д. 1811, л. 61-62.

11. Российский государственный архив экономики, далее – РГАЭ, ф. 396, оп. 5, д. 25, л. 350об.; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и построение деревни (по итогам обследования Печинской волости Смоленской губернии). М.; Л., 1925. – С. 37.

12. РГАЭ, ф. 396, оп. 5, д. 25, л. 350об.

13. Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого – тружеником. Что говорят об этом крестьяне? – М., 1924. – С. 18; Гуцин Н., Чижов В. Деревня сегодня. По Алексеевскому району Тульской губернии. – М., 1928. – С. 20.

14. Каврайский В., Нусинов И. Указ. соч. С. V; Большеви́стская мысль. 1928. № 16 (44). – С. 52.

15. ГУ «ГАВО», 1853, оп. 12, д. 83, л. 6об.; Большаков А. М. Деревня 1917–1927 гг. – М., 1927. – С. 426; Каврайский В., Нусинов И. Указ. соч. С. V; Большеви́стская мысль. 1928. № 16 (44). – С. 52.

16. Смирнов А. П. Политика Советской власти в деревне и расслоение крестьянства (кулак, бедняк и середняк). – М.; Л., 1926. – С. 23-25; Он же. Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства. – М., 1925. – С. 4-5.

17. Красный Север. 1925. 13 февраля; Хозяйство и управление. 1925. № 1. – С. 46.

18. РГАЭ, ф. 396, оп. 4, д. 21, л. 485-485об.

19. Панферов Ф. От деревенских полей. Очерки современной деревни. – М.; Л., 1926. – С. 14.

20. ГУРК «НАРК», ф. 1, оп. 1, д. 699, л. 35, 36об, 39; оп. 2, д. 666, л. 98.

21. ГУ «ГАВО», ф. 2, оп. 1, д. 1811, л. 58-59, 63-64; Деревня при НЭПе... – С. 44.

22. Смирнов А. П. Политика Советской власти в деревне и расслоение крестьянства... – С. 25.

23. ГУ «ГАВО», ф. 1853, оп. 12, д. 31, л. 163об.; д. 158, л. 22-22об.

24. ГУ «ГАВО», ф. 1853, оп. 11, д. 46.

25. Большеви́стская мысль. 1929. № 4 (10). – С. 31; Деревенский коммунист. 1929. № 17. – С. 1-2; Гагарин А. Указ. соч. – С. 32.

26. Деревенский коммунист. 1929. № 17. – С. 2.

27. Деревня при НЭПе... – С. 8, 41, 72, 78.

28. Деревенский коммунист. 1926. № 5(7). – С. 50.

29. Большеви́стская мысль. 1929. № 4 (10). – С. 58.

30. Хагаевич М. Партийные ячейки в деревне. По материалам обследования комиссиями ЦК РКП (б) и ЦКК. – Л., 1925. – С. 40.
31. ГУ «ГАВО», ф. 2, оп. 1, д. 1814, л. 148; ф. 1853, оп. 11, д. 46, л. 37.
32. РГАЭ, ф. 396, оп. 4, д. 21, л. 456-456об.; Деревня при НЭПе... – С. 8, 41, 72, 78.
33. Деревня при НЭПе... – С. 22-23.
34. Гагарин А. Указ. соч. – С. 37-38, 41, 50, 63.
35. ГУ «ГАВО», ф. 2, оп. 1, д. 1944. – С. 6, 10об.; Росницкий Н. Лицо деревни. (По материалам обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств в Пензенской губернии). – М.; Л., 1926. – С. 20-21.
36. ГУРК «НАРК», ф. 1, оп. 2, д. 757, л. 1-2.
37. ГУ «ГАВО», ф. 2, оп. 1, д. 1944. – С. 10об. и др.
38. См. подробнее: Доброноженко Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х гг. XX века. – СПб., 2008. – С. 216, 241-247.

В.В. Якоб
(г. Сыктывкар)

Восстановление сельской экономики и неурожай 1925 г. в Коми Автономной области

Сельскохозяйственные угодья Российского государства находятся в зоне рискованного земледелия. Влияние климата на сельскохозяйственное производство является определяющим фактором для населения, тем более для районов Европейского Севера. Поэтому отражение указанных трудностей на настроениях населения и их своевременное выявление выступает для государства одной из важных целей.

Основными источниками при написании статьи послужили статистические отчеты и докладные записки в облисполком Советов Коми АО и информационные сводки ОГПУ в обком ВКП(б).

В историографии до настоящего момента внимания на неурожай практически не обращалось, связанные с ним проблемы не исследовались. Например, основное внимание уделялось хозяйственным мерам по завозу хлеба в область, а также на борьбе с кулачеством и мелкобуржуазными пережитками в деревне. В новейшей историографии эта тема также остается не исследованной. В целом, историками

отмечалось успешное завершение восстановительного периода для Коми области в 1925 г. При этом в выводах отмечалось, что многие хозяйственные трудности послевоенного времени были преодолены, и дальнейшее развитие экономики не будет иметь препятствий.

К тому же, главное внимание было устремлено на позитивные количественные показатели (численность населения, классовая структура, количество различных технических приспособлений и пр.). Т.е. проблема качества инвентаря, посевных площадей, животноводства практически не освещалась. Например, в 1925/1926 хозяйственном году органами управления и контроля указывалось, что крестьянский инвентарь, в т.ч. простейший, как серпы, косы, ножи, находился в крайне плачевном состоянии, до половины его было сломано.¹ Причины этого, исходя из проведенного анализа, лежали в слабом развитии кузнечного ремесла в коми деревне, и можно предположить, в недостатке местного железа, трудностях его транспортировки по волостям региона. Другой вывод, оставшийся незамеченным историографией, который сделали агрономы в 1926 г. касался того, что в силу указанных причин «земля перестала давать прежний доход.

В этом же ряду необходимо отметить серьезные проблемы в развитии кооперации, имевшей в своем потенциале возможности замены государства в обеспечении крестьян инвентарем. В кредитное товарищество, чтобы получить денег для покупки средств сельскохозяйственного производства, крестьянин обратиться не мог из-за невыгодных краткосрочных условий договора, предлагаемых государством.² Вследствие этого расширила свою сеть в основном только потребительская кооперация,³ но и она не смогла обеспечить в рассматриваемый период удовлетворение потребности крестьянских дворов в сельскохозяйственных орудиях.

Еще одним фактором снижения экономической мощи крестьянского хозяйства стало дробление большой крестьянской семьи на отдельные малые семьи именно в период 1917–1925 гг.⁴ Естественно, что в периоды стихийных бедствий, социальных катаклизмов и прочих испытаний такая ячейка имела меньшую экономико-бытовую прочность. В этом же ряду находилась проблема крайней неустроенности земельных отношений, имевшей свою главную причину в слабо развитой мелиорации.⁵

Указанные негативные обстоятельства сельской экономики за период 1920–1925 гг. частью решались, частью еще только предполагались к решению. Следовательно, прочность отдельного крестьянского двора перед очередным испытанием была крайне низка. Вследствие тяжелых географических и экологических условий функционирования крестьянской общины в Коми крае, она не могла де-

лать необходимых запасов зерна и других культур на случай бедствий, в отличие от более южных регионов России. Этим объяснялась ее низкая экономико-социальная сила.

Эти факторы обусловили и во многом усилили будущий «кризис неурожая» осени 1925 – весны 1926 гг.

Неурожай 1925 г. стал для властей Коми АО серьезным испытанием, т.к. непосредственно влиял на экономическое и социально-политическое положение населения. Недовольство могло проявиться разными способами, вследствие чего его своевременное упреждение становилось для советских властей главной задачей.

Факты, свидетельствующие о неурожае осени 1925 г. опровергают выводы историографии⁶ об окончании восстановительного периода для области к концу 1925 г. Неурожай обострил все существующие проблемы и четко высветил основные неудачи областного руководства в совершенствовании хозяйственной жизни деревни.

Напряженность возрастала на протяжении практически полугода, с июля 1925 г., когда в обком и в облисполком стали поступать первые данные о возможных проблемах для крестьянства в уплате сельхозналога. Эти сигналы послужили более пристальному вниманию обкома и облисполкома к действиям волисполкомов и партийных низовых организаций. Отсюда даже проблема невыплаты зарплат волисполкомовским работникам отошла на задний план, выдвинув вперед проблему взаимоотношений власти и крестьянства в этот кризисный период. Важность этого обуславливалась тем, что крестьянство составляло 94-96 % населения области и от его благонадежности зависела политическая стабильность региона. Например, доклады в обком в тот период пестрели такими сообщениями по отдельным волостям: «в связи с отсутствием средств у населения сельхозналог поступает слабо..., а также вследствие недовольства населения и на то, что скот сельхозналогом облагается неправильно, ибо население держит последнее из-за навоза...».⁷

Причины неурожая оказались многочисленными и обусловленными рядом факторов. Во-первых, завезенный из других областей семенной материал оказался слабо распределен. Часто крестьяне не были проинформированы в каких целях зерно завозилось в волости, т.е. в качестве продовольствия или семян.⁸ Также завезенный материал оказался употребленным в пищу вследствие голода. Во-вторых, сказались тяжелые климатические условия, когда из-за погоды произошел поздний сев, или всходы погибли от заморозков. В течение года посевы также губили град и дожди. В некоторых волостях урожай погиб из-за ранних заморозков. В-третьих, посевы были погублены растительными и животными паразитами, особенно отмечалось

осенью в обкоме плохое качество собранного хлеба вследствие поражения его спорыньей.

Это были основные причины возникшего крестьянского недовольства уже осенью 1925 г. Хозяйственный 1925/1926 г. заканчивался для советской власти в области трудностями. После сбора урожая ожидалась первая выплата по сельхозналогу, а также уход крестьян на заработки. Все это не сулило спокойствия для всех уровней власти. Если выплаты еще можно было отсрочить, то уходу крестьян на заработки воспрепятствовать было нельзя, т.к. именно содействие в них было одним из стержней всей политики советской власти в деревне. Возвращение крестьян с заработков сулило нарастание напряженности, ибо за пределами области крестьяне могли видеть более лучшее экономическое состояние, а также набраться всевозможных слухов и принести их в свои волости. Уже одно это предположение должно было усилить надзор за политической благонадежностью и он с осени 1925 г. над населением области был усилен. Доклады в ОГПУ и волисполкомов следовали еженедельно в отличие от обычной ежемесячной или двухнедельной практики. Иногда как в январе-феврале 1926 г. докладные записки и сводки следовали практически по две за неделю.

Напряженность в работе советских властей и ОГПУ свидетельствовала о том, что недовольство в крестьянской среде возрастало. Причинами этого был провал в организации крестьянских заработков в самой области, вина за это лежала на облисполкоме и его низовых структурах. Организация лесозаготовок как места приложения крестьянского внесельскохозяйственного труда и как подспорья в уплате налогов уже к январю перешла под строгое наблюдение обкома ВКП(б) и тем более ОГПУ. Невыплата крестьянами налога сулила еще и напряженность в волостных исполкомах Советов, т.к. зарплаты им шли из именно собранного налогового фонда. Следовательно, могло наступить взаимное озлобление, а это ничего хорошего не сулило для политической стабильности края. Другой причиной стало постепенное возвращение крестьян с заработков из-за Урала, Южного Урала, Пермской губернии. С ними по области в деревнях поползли слухи о возвращении в Москве и Ленинграде старых, дореволюционных, порядков, о высадке в Архангельске англичан и белогвардейцев, о том, что снова открыты духовные православные училища. Органы фиксировали собрания крестьян с высказываниями о том, что партии эсеров, меньшевиков, кадетов оказались несостоятельны, поэтому крестьяне рассуждали о возможности стать анархистами. Также к весне с нарастанием экономических трудностей появились зафиксированные ОГПУ и волостными работниками промонархичес-

кие взгляды крестьянства. Вместе с этим распространялись нелояльные к власти взгляды и высказывания. Они фиксировались на деревенских сходах, волостных собраниях, различных лекциях в избах-читальнях. В указанный период сводки ОГПУ стали более обширными, с фиксацией фактов буквально по деревням, а не только по волостному принципу. Т.е. Коми обком ВКП(б) всерьез озаботился ситуацией и возможностями выхода из сложившегося положения.

Хотя ОГПУ вполне спокойно отмечало, что в целом крестьянство вполне лояльно к советской власти и тем более к коммунистической партии, доклады волостных работников, письма крестьян, сами сводки ОГПУ, поступающие статистические данные от областного земельного управления, статбюро свидетельствовали о нарастании в уже новом 1926 г. социально-политического напряжения. Приближалось празднование пятилетия образования области, а местные власти при описанных трудностях не могли отчитаться перед Москвой о политической благонадежности населения области. Отсюда мог встать кадровый в Коми АО вопрос в ЦК ВКП(б), Совнаркоме, Реввоенсовете.

Таким образом, уже в декабре власти Коми АО стали принимать экстренные меры по преодолению неурожая и его последствий. Они выражались в заказе хлеба и семенного материала уже через центральные органы в СССР, а также, прежде всего распределении по возможности в волости уже имеющегося со складов в самой области. Затем стали приниматься меры против злоупотреблений на лесозаготовках и заготовках дров, особенно в отношении представителей Госпароходства, отметившихся злоупотреблениями в отношении крестьян.⁹

Параллельно принимались меры против злоупотреблений в должностях волисполкомов и волмилиционеров. Серьезными последствиями по мере расследования могли обернуться для этих работников нецензурные выражения, хамство, пьянство, взятки и тем более неприятие мер по хозяйственному благоустройству волостей. В этот же период начались дела против злоупотреблений комиссий по распределению строевого леса для крестьян. Данная мера была направлена на успокоение бедняцкого крестьянства Сысольского уезда.

В конце декабря 1925 – январе 1926 гг. встал остро вопрос о кооперации и в особенности потребительских обществах, также связанных с уплатой налога. Трудности были связаны с тем, что предполагалось освободить бедняцкие хозяйства от налога в данном хозяйственном году. Тем самым представители остальных категорий хозяйств начале повсеместно выражать недовольство, бедняков при этом называли «преподобные лентяи».¹⁰

К концу декабря стала нарастать поток информации о положении

в печорских волостях области. Его содержание отнюдь не успокоило ОИК и обком партии. с мест докладывали, что в Ижмо-Печорском уезде неурожаю хлеба сопутствовал плохой урожай луговых трав. Следовательно, начался забой скота, не приносящий доходов крестьянству, вследствие того, что вывозить его приходилось за сотни верст и продавать по низкой цене.¹¹

В итоге отношение к советской власти со стороны кулачества Ижмо-Печорского уезда стало отрицательным, проявляясь в форме антисоветской агитации. Вслед за этим начала поступать подобная информация и из других уездов, причем недовольство высказывали более широкие слои крестьян.

Принятые меры не принесли результата. К концу января ОГПУ опять отмечало: «...в ряде волостей Ижмо-Печорского уезда и двух районах (Прилузском, Верхне-Сысольском) Сысольского уезда ощущается острый недостаток хлеба. Особенно трудное положение в Ижмо-Печорском уезде, где в связи с недородом и отсутствием зарботков хлеб упогребляется с различными примесями».¹²

К новому хозяйственному году ситуация даже в связи с завозом хлеба из других губерний не улучшилась. В хозяйственный 1926 / 1927 г. крестьянство области вступало не в лучшем состоянии. Новый трудовой год нес очередные испытания и новый неурожай.

Литература и источники

1. Борисов Д. Некоторые данные об экономическом состоянии Айкинской волости // Коми му. 1926. № 8. Л. 11-24.
2. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее ГУРК «НАРК») (хр. 2), ф. 1, оп. 2, д. 399, л. 4-7; д. 523, л. 11-15; д. 524, л. 5.
3. Там же.
4. Яков В.В. Коми крестьянство в 1920–1930-е гг. Дисс. соиск. уч. ст.к.и.н. – Сыктывкар, 2005. – С. 95-105.
5. Там же.
6. Давыдов В.Н. Коми Автономная область в период восстановления народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.). Хозяйственное и культурное строительство. – Сыктывкар, 1955 // Архив Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 12, д. 42.
7. ГУРК «НАРК», хр. 2, ф. 1, оп. 2, д. 523, л. 2, 3, 5 и т.д.
8. Там же, дд. 399, 523 и пр.
9. ГУРК «НАРК», хр. 2, ф. 1, оп. 2, д. 523.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.

М.Н. Глумная
(г. Вологда)

Административно-хозяйственные расходы в колхозах Европейского Севера (конец 1920-х – 1930-е гг.)

Когда мы говорим об аппарате управления колхозов, неизбежно встает ряд вопросов: какова была оплата труда колхозных управленцев, во сколько их деятельность обходилась колхозу, как складывались взаимоотношения управленцев и рядовых колхозников в сфере оплаты труда и распределения.

Первые коллективные хозяйства появились в Советской России еще в конце 1917 г. В годы Гражданской войны и нэпа в коллективных хозяйствах практиковалось много различных форм и способов распределения доходов. Наиболее часто применялось уравнильное распределение продуктов и денег между членами коллективов, без учета затрат труда. Такое положение было закреплено и в уставах колхозов.¹ В 1923 г. Наркомат земледелия дал директиву о пересмотре уставов во всех коллективных хозяйствах с тем, чтобы в раздел о распределении был вписан «социалистический принцип»: «от каждого по способностям, каждому – по труду». Колхозам предлагалось самим изыскивать наиболее приемлемые формы распределения.²

Когда в 1927 г. Колхозцентр РСФСР провел обследование 843 колхозов, оказалось, что в колхозах широкое распространение имели уравнильные формы распределения продуктов и денег – по едокам и по потребности. 64,1% колхозов проводили уравнильное распределение. По количеству затраченного труда продукция и деньги распределялись в 17,2% колхозов, по числу работников – в 9,1%, в остальных – с учетом внесенного в колхоз имущества, рабочего скота, обобщественной земли и т.п.³

В 1928 и 1929 гг. органами статистики было проведено сплошное обследование колхозов в разных регионах СССР. Оно показало, что в Северо-Кавказском крае уравнильный принцип распределения осуществлялся в 36,9% колхозов, в Нижне-Волжском крае – в 57,3%, в Украинской ССР – в 25,8%, в Белорусской ССР – в 23% колхозов. Под уравнильным понималось распределение по семьям, по количеству членов колхоза, по едокам, и, наконец, «по потребности».⁴ С началом сплошной коллективизации уравнильные настроения, свойственные крестьянству, получили новый импульс. В той

или иной форме их отзвуки в сфере распределения и труда сохранялись в колхозах как минимум до конца 1930-х годов.

Как показывают материалы обследований колхозов на Европейском Севере, к концу 1920-х гг. в коллективных хозяйствах не существовало единообразия в формах оплаты труда и распределения. Это в полной мере относится и к оплате труда управленческого аппарата колхозов. Не везде существовало и освобождение руководителей от физического труда в хозяйстве. Отчасти это объяснялось соображениями хозяйственной целесообразности, поскольку колхозы были невелики по размеру и нуждались в трудоспособных работниках. Это диктовалось также своеобразным пониманием принципов равенства, справедливости и демократии. При этом такое «коммунистическое» понимание демократии было характерно не только для высшей формы коллективного хозяйства – коммуны, но и для артелей.⁵ В то же время, например, в товариществе по совместной обработке земли «Первый луч» Никифоровской волости Вельского уезда Вологодской губернии председатель освобождался от работы в поле. При распределении доходов по итогам хозяйственного года члены Совета получали дополнительную оплату в размере 20 руб.⁶

Хотя ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу создания в колхозах ситуации личной заинтересованности каждого колхозника в повышении производительности труда через сдельную оплату труда, нормирование, премирование и т.д., колхозы и колхозные организации вступили в период сплошной коллективизации, не имея четких представлений о наиболее эффективных способах оплаты труда и принципах распределения. В течение 1930 года, несмотря на директивы НКЗ и Колхозцентра СССР, настоятельно «рекомендовавшие» распределять колхозные доходы с учетом количества и качества затраченного труда, а оценку и учет труда в колхозах вести в трудоднях, в северных колхозах сохранялись разные системы оплаты труда: почасовая, по едокам, по работникам, по нуждемости.⁷

В январе 1931 г. состоялось I Всесоюзное совещание по организации труда в колхозах, провозгласившее, что наиболее целесообразной формой учета колхозного труда является трудодень с применением сдельщины. Этот вывод в марте 1931 г. получил оформление в решениях VI съезда Советов СССР, который принял решение о внедрении сдельщины и о введении во всех колхозах СССР трудодня как общей и единой меры труда и распределения доходов. Однако переход к сдельщине и трудодню занял достаточно длительный период. Особенно сложно этот процесс развивался в сфере оплаты труда управленческой верхушки колхозов.

В Примерном уставе сельхозартели 1930 г. не ставился вопрос об оплате труда аппарата управления колхозов, не называлась конкретная цифра допустимых расходов на административно-хозяйственные нужды. В п.11 Устава говорилось лишь о покрытии хозяйственных и связанных с хозяйством расходов, об отчислениях в неделимый и общественный фонды и о расчетах по оплате труда.⁸ Это обстоятельство обусловило большой разброс и разную высоту административно-хозяйственных расходов по колхозам. Поэтому вскоре Колхозцентр СССР директивно ограничил допустимый размер расходов на административно-хозяйственные нужды: 2-3% для колхозов с валовым доходом свыше 15 тыс. руб., и 1,5-2% – для остальных колхозов. Кроме того, Колхозцентр рекомендовал широкую замену платного аппарата управления колхозов развитием общественной самодеятельности колхозного актива.⁹

По данным годовых отчетов, административно-управленческие расходы в колхозах СССР составили: в 1930 г. – 2,2%, в 1931 г. – 2,1% всех доходов. Содержание аппарата управления в среднем на один колхоз обходилось в 1930 г. – в 859 руб., в 1931 г. – в 845 руб.¹⁰

В колхозах Европейского Севера доля расходов на административно-хозяйственные нужды была выше, чем в целом по стране и составляла в 1930 г. в Северном крае 6,9%, в Карельской АССР – 2,3%.¹¹ При этом большая часть этих расходов приходилась на содержание наемных служащих. В 1931 г. такая ситуация сохранялась. В отдельных районах Северного края расходы на содержание управленческого аппарата доходили до 20%.¹² В колхозе «Маяк» Кубено-Озерского района был достигнут своего рода рекорд – здесь административно-хозяйственные расходы за 1931 г. составили 60,5% денежных доходов колхоза.¹³

Председатели колхоза, их заместители, счетоводы, кладовщики, руководители отраслей обычно получали твердую ставку в трудоднях, а также денежные или натуральные выплаты. Административно-хозяйственный аппарат освобождался от участия в производственных работах, сосредотачиваясь на осуществлении управленческих функций. Это обстоятельство, а также стабильность в оплате на фоне общего организационного хаоса в колхозах вели к раздуванию управленческих штатов. Суммарная стоимость аппарата управления доходила в некоторых колхозах до 250 трудодней в месяц.¹⁴

До 1932 г. в колхозах не существовало какой-либо единой системы оплаты труда бригадиров, поэтому она различалась по районам и колхозам. Обычно отдельно оплачивалось и осуществление управленческих функций, и производственная работа в бригаде.

В 1932 г. Колхозцентр СССР попытался ограничить «разбазари-

вание» трудодней на административно-управленческий аппарат, лимитировав расходы, прежде всего на обслуживающий персонал – сторожей, уборщиц, ездовых (не более 3% от валового дохода колхоза). Началась кампания по сокращению административно-хозяйственных расходов.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1932 г. «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» и Положением о бригадирах, оплата труда бригадира должна была производиться не по твердой ставке, а в зависимости от выработки производственных заданий бригадой с учетом качества работы.¹⁵

Постановление Северного краевого комитета ВКП(б) «О выходах из колхозов» от 14 марта 1932 г. потребовало от райкомов партии при разработке практических мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов предусмотреть необходимость резкого сокращения административно-хозяйственных расходов. Предлагалось разъяснить колхозникам, что расходы на содержание аппарата свыше предусмотренных уставом 1,5-3% снижают доходность трудодня, поэтому сами колхозники должны вести борьбу с разбуханием аппарата.¹⁶ 11 августа 1932 г. были приняты постановление Северного краевого комитета ВКП(б) «О подготовке к распределению доходов и урожая в колхозах в 1932 г.», и Инструкция Крайколхозсоюза по распределению доходов в колхозах. Решающим моментом в распределении доходов и урожая колхоза в 1932 г. объявлялась обязательная оценка труда бригадиров и правлений колхозов по результатам уборки урожая. При хороших результатах стоимость трудодня управленцев повышалась на 10-20%, при плохих, соответственно, понижалась.¹⁷ Постановление Севкрайкома ВКП(б) «О подготовке к распределению доходов и урожая в колхозах в 1932 г.» от 16 августа 1932 г. требовало виновных в превышении норм расходов на содержание привлекать к ответственности вплоть до предания суду.¹⁸

Каковы же были результаты этих попыток ограничить расходы на административно-управленческий аппарат?

Имеющиеся данные об административно-управленческих расходах колхозов за 1932 г. достаточно противоречивы. Так, согласно разработкам годовых отчетов колхозов в ЦУНХУ СССР, их доля составила 1,9% всех доходов колхозов страны.¹⁹ В Северном крае доля административно-управленческих расходов составила 1% от валового дохода колхозов,²⁰ в Карельской АССР – 4,2%.²¹ Содержание аппарата управления в среднем на 1 колхоз обходилось в 1932 г. в Северном крае – в 377 руб., в целом по стране – 1000 руб.²²

В то же время данные Северного краевого земельного управления об итогах распределения доходов в колхозах за 1932 г. свидетельствуют о «чрезвычайном разбухании управленческого аппарата» в колхозах Северного края, содержание которого обходилось в 5-6% валового дохода.²³ В некоторых колхозах административно-управленческие расходы доходили до 55%.²⁴ Наиболее высокие затраты на административно-хозяйственные нужды были в мелких колхозах.²⁵

Как показали проверки оплаты труда руководящих работников колхозов в разных районах края в 1932 г., председатели колхозов получали от 30 до 60 трудодней в месяц в зависимости от размеров и мощности колхоза, счетоводы – от 25 до 50 трудодней.²⁶ При этом средний заработок колхозника мог быть ниже заработка административных работников в 1,5-3 раза. В некоторых колхозах практиковалась смешанная форма оплаты управленческого труда: по трудодням и деньгами.²⁷

Не удалось провести в жизнь и положение о строгой зависимости оплаты бригадира от результатов деятельности его бригады. Как показали обследования колхозов в 1932 г., во многих колхозах Северного края, помимо трудодней, выработанных лично, бригадиры дополнительно получали от 10 до 13 трудодней в месяц за осуществление управленческих функций.²⁸ В отдельных колхозах твердые ставки бригадиров достигали 30-40 трудодней.²⁹

Сами управленцы полагали такое решение справедливым, ведь «бригадиру нужно сделать наряд, принять работу, следить за работой, поэтому он не может выполнять норму наравне с другими»,³⁰ а, следовательно, его дневная выработка становилась меньше, чем, если бы он был занят только физическим трудом.

Данные о достаточно высоких затратах из фонда трудодней на содержание управленческого персонала при относительно малой численности этого персонала позволяют сделать вывод о более высокой оплате за осуществление управленческих функций нежели за участие в производственных работах. По всей стране оплата за 1 рабочий день в трудоднях на административно-хозяйственных работах была выше, чем в полеводстве и животноводстве.³¹

Это порождало проблему, поскольку такое положение негативно сказывалось на заинтересованности колхозников в работе в общественном хозяйстве. Ненормальность такого положения очень хорошо осознавалась и в центре и на местах. Так, распоряжение Севкрайзу от 13 февраля 1933 г. предлагало всем земельным органам проверить планы распределения доходов за 1932 г. во всех колхозах и осуществить на деле правило, по которому административно-управленческий состав колхоза получал бы натурой за выработанные им

трудодни в размерах, не выше установленных для хороших колхозников, работающих в полеводстве.³²

В соответствии с решениями январской сессии ЦИК СССР 28 февраля 1933 г. НКЗ СССР принял постановление «Об оценке в трудоднях различных сельскохозяйственных работ в колхозах», которое повышало расценки работ в трудоднях колхозникам, работающим в полеводческих бригадах.³³ 11 мая 1933 г. НКЗ СССР принял постановление «О сокращении административного аппарата в колхозах». Освобождение от непосредственной работы в поле допускалось только для председателя колхоза, счетовода, кладовщика и заведующих фермами. В колхозах, посев которых превышал 700 га, от работы в поле освобождались также заместитель председателя колхоза (он же заведующий полеводством или завхоз) и помощник счетовода. Весь остальной имевшийся в колхозах административный аппарат снимался со специальной оплаты и переводился на непосредственную работу в поле и другие отрасли сельскохозяйственного производства с установлением оплаты за произведенную работу на тех же основаниях, что и остальные колхозники.³⁴

Одновременно в колхозах шел процесс уточнения и ограничения управленческих штатов. 29 апреля 1933 г. заведующий Северным краевым земельным управлением Химчик издал приказ №59 «О штатах управленческого аппарата и административно-хозяйственных расходах в колхозах», который ограничивал количество административно-управленческого аппарата в колхозах следующими должностными единицами: а) председатель правления, б) счетоводы и бухгалтера, в) специалисты (животноводы, агрономы), г) завхоз или кладовщик, д) в крупных колхозах – сторож конторы. Колхозам запрещалось выделять освобожденных лиц для заведывания отраслями (полеводством, животноводством, огородничеством). Общее руководство этими отраслями должны были осуществлять председатели правления в мелких колхозах и члены правления – в крупных без освобождения последних от производственной работы. Численность административного аппарата ставилась в зависимость от числа колхозных дворов. На местные земельные органы возлагалась обязанность обеспечить сокращение административно-управленческих расходов в колхозах как минимум до установленных выше предельных норм. Попытки отдельных руководителей колхозов превысить установленные нормы расходов предлагалось «решительно пресекать».³⁵

Однако проверки на местах, проведенные весной-летом 1933 г., вскрыли неоднократные случаи завышения расценок обслуживающему составу колхозов (сторожам, рассыльным, завхозам, кладовщикам, членам правлений и пр.) при занижении расценок колхозникам,

работающим в полеводческих бригадах.³⁶ Более того, в отдельных колхозах вместо снижения расходов на административно-управленческий аппарат произошло повышение расценок для административно-управленческого аппарата по сравнению с предыдущим годом.³⁷ Тем не менее, определенные успехи в борьбе за снижение административно-управленческих расходов были. Содержание аппарата управления в 1933–1934 гг. в колхозах Северного края обошлось дешевле, чем в целом по стране. Налицо была и положительная динамика: удельный вес административно-управленческих расходов относительно денежного дохода снизился с 1,1% до 0,8%, относительного общего фонда трудодней с 5,7% до 5,0%.³⁸

В 1935 г. был принят новый Примерный устав сельхозартели, в котором четко прописывались предельно допустимые нормы административно-хозяйственных расходов – не больше 2% от общей суммы денежных расходов колхоза.³⁹ Укладывались в уставные нормы далеко не все колхозы Европейского Севера. Перерасход по административно-хозяйственным расходам имел место главным образом в мелких колхозах, т.к. при небольших денежных доходах они имели такие же статьи административно-хозяйственных расходов, что и крупные колхозы. Кроме того, во многих колхозах наблюдались случаи оплаты административно-управленческого персонала, помимо начисляемых трудодней, деньгами. Например, такая практика было широко распространена в Сегозерском районе Карельской АССР, где удельный вес административно-управленческих расходов в среднем по району составил 11%.⁴⁰ В 1936 г. доля расходов колхозов Карельской АССР на административно-хозяйственные нужды составила 5,1% к денежному доходу, в 1937 г. – 4,4%.⁴¹ Однако и здесь были своего рода рекорсмены. Так, в колхозе «Пятилетка» Шелтозерского района административно-хозяйственные расходы в 1936 г. составили 52%,⁴² а в целом по району только за 9 месяцев 1936 г. – 28%.⁴³

В Вологодской области в 1937–1938 гг. имела место положительная динамика сокращения административно-хозяйственных расходов: если в 1937 г. в уставные нормы укладывались только 47,3% колхозов, в 1938 г. – уже 75,8% колхозов.⁴⁴

Годовые отчеты колхозов об административно-управленческих расходах за последний предвоенный год зафиксировали в целом по стране удовлетворительную картину: колхозы укладывались в уставные нормы.⁴⁵ Однако результаты инспекторских проверок по отдельным регионам, районам и колхозам показали значительное превышение допустимых пределов.⁴⁶ Так, в Вологодской области в 1940 г., только 20 из 100 колхозов укладывались в установленные нормы.

При этом управленческий и обслуживающий персонал колхозов составлял 16% от числа колхозников, занятых на производстве.⁴⁷

Перерасход денежных средств на административно-хозяйственные нужды в колхозах происходил не только по причине малых размеров коллективов, но и за счет денежных доплат председателям и другим представителям управленческой верхушки.

В 1937–1938 гг. во многих районах Вологодской области имелись случаи нарушения устава сельхозартели: оплата председателей колхозов, помимо трудодней, производилась деньгами, что вело к значительному увеличению административно-управленческих расходов. Такой порядок оплаты часто распространялся и на счетоводов колхоза.⁴⁸ В отдельных колхозах ежемесячная денежная оплата труда председателей колхозов доходила до 200 руб. в месяц. Практиковалась также выдача продуктов из колхозной кладовой.

Аналогичные проблемы существовали и в Карельской АССР. На совещании работников земельных органов при Совпаркоме КАССР в марте 1938 г. Заведующий сельхозотделом Карельского обкома ВКП(б) Ковалев возмущенно вопрошал: «Где видно в уставе, чтобы председатели колхозов, бригадиры получали зарплату в колхозе? Нельзя этого допускать. Однако это положение существует. Что получается? Что эти председатели, бригадиры, счетоводы и прочая плеяда этих «комиссаров» получает зарплату и съедает все деньги колхоза. Разве может быть доброжелательное отношение даже честных колхозников, ... [к тому] ... что все деньги идут председателю колхоза, бригадиру и т.д. Надо с этим покончить. ...Получается такое обстоятельство, что председатели колхозов не очень заинтересованы. Я имел такой случай по Кондопожскому району, [когда один председатель] говорит, 200 руб. получаю и все, а как идет работа, это его не интересует...». ⁴⁹ Ковалева поддержал представитель Олонцкого района, где по его словам, «председатели колхозов, бригадиры превратились в управляющих», «в чиновников с портфелями», которые на производстве не работают, «а получают зарплату».⁵⁰

Несмотря на то, что затраты на административно-управленческий аппарат в колхозах часто превосходили допускаемые уставом пределы, а наряду со стабильной оплатой в трудоднях существовали еще и денежные выплаты, многие представители управленческой верхушки использовали разного рода незаконные методы повышения своих доходов.

Наиболее распространенный из них – растраты денежных средств колхозов. Как свидетельствует документация партийных и советских органов, письма колхозников этот способ обогащения колхозная управленческая верхушка использовала на протяжении всего изучаемо-

го периода. Во многих колхозах этому способствовало совмещение должности председателя колхоза и кассира (счетовода). Растраты, совершенные председателями колхозов оценивались в сотни и тысячи рублей.⁵¹ Так, на 1 января 1938 г. в 28,4% колхозов Вологодской области были выявлены растраты денежных средств с общей суммой 942,6 тыс. руб. Как правило, факты растрат имели место в тех колхозах, где председатели совмещали должности кассира.⁵² Особое возмущение у колхозников вызывали те растраты, когда колхозные деньги просто пропивались колхозным начальством.

Кроме того, у представителей управленческого персонала, в условиях бездействия колхозных ревизионных комиссий имелась возможность пользоваться продуктами из кладовой колхоза, как из своей собственной.⁵³

Известны и другие способы использования представителями колхозной администрации их должностного положения. Так, в 1934 г. члены колхоза «Красное знамя» Подосиновского района Северного края жаловались в краевой обком партии, что счетовод у них «уж слишком обнаглел», если «не подаем вина ему, да не даем денег на вино, дак и трудодни уходят от нас».⁵⁴

Одним из способов повышения уровня доходов высшего звена колхозных руководителей были разного рода незаконные земельные сделки. Так, проверка положения дел на местах в связи с известным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», выявила многочисленные факты сдачи колхозных земель в аренду разным лицам и организациям за соответствующую плату.⁵⁵ По данным заведующего Вологодским ОблЗО, в 300 колхозах области были выявлены случаи сдачи колхозных сенокосов в аренду лицам, не имеющим к колхозам никакого отношения.⁵⁶ Ежегодные переписи скота зафиксировали практику выполнения личных поставок мяса государству членами правлений за счет колхозного стада.⁵⁷

Все эти незаконные способы увеличения доходов свидетельствуют о том, что, оплата управленческого труда в представлении самих руководителей с учетом степени ответственности за невыполнение государственных заданий воспринималась как недостаточно высокая. Без дополнительных источников дохода, «у них пропадала охота работать» на руководящих постах.⁵⁸ Аналогичная ситуация была и в вопросе оплаты труда бригадиров – «младшего командного состава» колхозов. Неудовлетворенность колхозных управленцев оплатой труда порождала текучесть среди административного аппарата.

Стремление удовлетворить запросы колхозных руководителей в более высокой и стабильной оплате труда, решить проблему текуче-

сти среди управленческих кадров, одновременно поставив уровень этой оплаты в зависимость от хозяйствования, была предпринята в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об оплате председателей колхозов в восточных районах СССР» от 21 апреля 1940 г., скоро распространенном и на другие регионы страны. Оно устанавливало сетку ежемесячной оплаты председателей колхозов в зависимости от посевной площади колхозов в трудоднях (от 45 до 90 трудодней), а также размеры ежемесячных денежных доплат в зависимости от дохода колхоза (от 25 до 400 руб.). Кроме того, устанавливались стажевые надбавки – от 5 до 15%, начиная с третьего года работы председателем, к ежемесячной ставке в трудоднях.⁵⁹

Отметим, что размеры денежной доплаты в среднем на одного председателя достаточно большие в целом по стране, были невелики на Европейском Севере, что объясняется небольшими размерами колхозов.

В то же время на почве разницы в оплате труда руководителей и рядовых колхозников уже в конце 1920-х гг. в коллективных хозяйствах стали возникать конфликты. Особенно часто это случалось в коммунах, в отношении которых у вступавшей туда бедноты были свои ожидания на сытную жизнь и справедливое распределение. Начавшаяся сплошная коллективизация не сгладила подобные противоречия, а способствовала их распространению на вновь созданные коллективы. В декабре 1931 г. на выездном заседании Президиума РКК-РКИ Тотемского района Северного края в Красноармейской сельскохозяйственной коммуне один из колхозников подвел невеселый итог: «... Мы прожили в коммуне два года, но ничего не получили, а присчитывается с нас. ... Снабжение мануфактурой проходило не правильно, кто получил, а кто и не получил, которая [мануфактура] лучше была распределена среди руководителей».⁶⁰

В последующие годы недовольство колхозников более высокой оплатой труда колхозных руководителей и другими их привилегиями в сфере распределения сохранялось. Колхозников возмущало, что «... руководители правления колхоза самоснабжаются, ведут роскошную жизнь»,⁶¹ что хорошо «... живется только управлению, потому что колхозники не знают никаких доходов и расходов, только знают работать да поглядывать, как управление живет как прежние кулаки»,⁶² что «... председатель колхоза не работает, а трудодни ему давай, а мы работаем и получаем гроши». У колхозников возникал вопрос: «... Где же тогда равенство, которое проповедовали?».⁶³ Подобные настроения можно обнаружить в документах на протяжении всего изучаемого периода, они, безусловно, повышали степень напряженности во взаимоотношениях между различными социальными слоями в колхозном сообществе.

Таким образом, сплошная коллективизация начала переход от уравнительного принципа распределения доходов и оплаты труда в колхозах к оплате по количеству и качеству вложенного труда. Это в полной мере относится и к оплате труда колхозных управленцев, с той лишь разницей, что ее уровень, во-первых, был выше, чем у рядовых колхозников, и она была более стабильна, во-вторых. Колхозные руководители получали, как правило, твердую ставку в трудоднях, имели помимо этого ежемесячные денежные или натуральные выплаты. Сложившаяся практика в конечном итоге была подтверждена законодательно, правда, денежные выплаты были поставлены в зависимость от доходов колхоза. Кроме того, у административного аппарата существовали и другие, не совсем легальные возможности пополнения личных доходов. Тем не менее, более высокий уровень доходов управленческого аппарата в условиях системы жесткой ответственности за выполнение государственных обязанностей не компенсировал в достаточной мере возможные риски нахождения на руководящем посту. Сами управленцы считали уровень оплаты своего труда недостаточным, что служило одной из причин текучести среди управленческих кадров колхозов. В то же время высокие, с точки зрения рядовых колхозников, доходы административного аппарата служили основой для возникновения конфликтных ситуаций в колхозах.

Власть пыталась поставить рост административно-хозяйственных расходов и разрастание управленческого аппарата в колхозах под контроль. Хотя к середине 1930-х г. четко были определены предельные цифры расходов колхозов на административно-хозяйственные нужды, в большинстве колхозов они превышались. При этом если статистика в целом по стране и по региону давала вполне благополучную картину, то результаты инспекторских проверок выявляли очень значительные отклонения от нормы.

Литература и источники

1. Белоруков А.С. Мероприятия партии и правительства по совершенствованию форм оплаты труда в колхозах в период коллективизации сельского хозяйства (1928–1935 гг.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. XIII. Вып.4. Кафедра истории КПСС.– Петрозаводск, 1966.– С. 83.

2. Там же.– С. 84.

3. Там же.– С. 83.

4. Коллективизация советской деревни. Предварительные итоги сплошных обследований колхозов 1928 и 1929 гг.– М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1930.– С. 104-105.

5. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО), ф. 201, оп. 1, д. 1024, л. 94об.

6. Там же, д. 1228, л. 264.

7. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ), ф. 1853, оп. 13, д. 87, л. 78об. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 659, оп. 2, д. 381, л. 107, 105об., 206об.

8. Спутник колхозника.– Архангельск: Сев. краев. изд-во, 1930.– С. 70.

9. Национальный архив Республики Карелии (далее – НА РК), ф. р-695, оп. 1, д. 8/71, л. 39.

10. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 1562, оп. 76, д. 159, л. 74.

11. Там же, оп. 75, д. 44, л. 22.

12. Отдел социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (далее – ОДСПИ ГААО), ф. 290, оп. 1, д. 1100, л. 34, 107.

13. Там же, д. 1291, л. 48.

14. Там же, д. 1102, л. 16, 18.

15. ГАВО, ф. 3080, оп. 1, д. 11, л. 47.

16. Большевицкая мысль. 1932. № 1-2.– С. 99.

17. ГААО, ф. 106, оп. 13, д. 10, л. 268-268об.

18. Большевицкая мысль. 1932. №7-8.– С. 109.

19. РГАЭ, ф. 1562, оп. 76, д. 159, л. 1.

20. Там же, д. 91.

21. Там же, д. 160, л. 33.

22. Там же, д. 159, л. 74.

23. ГААО, ф. 106, оп. 13, д. 9, л. 74.

24. Большевицкая мысль. 1932. № 9-10.– С. 84.

25. Конторин Д. А. Борьба за урожай в новой обстановке. Архангельск: Партиздат, 1932. – С. 17.

26. ОДСПИ ГААО, ф. 290, оп. 1, д. 1342, л. 72-73; ГАВО, ф. 3080, оп. 1, д. 11, л. 106; ГААО, ф. 659, оп. 2, д. 929, л.18а.

27. ГААО, ф. 659, оп. 2, д. 929, л.18а.

28. ОДСПИ ГААО, ф. 290, оп. 1, д. 1291, л. 46, д. 1342, л. 72-73.

29. ГААО, ф. 659, оп. 2, д. 929, л. 18а.

30. ОДСПИ ГААО, ф. 290, оп. 1, д. 1545, л. 111.

31. Цыганов В.Б. Формирование административно-командной системы управления колхозами Урала (1933 июнь 1941 г.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.– С. 65.

32. ГААО, ф. 106, оп. 13, д. 9, л. 90.

33. Цыганов В.Б. Указ. соч.– С. 66.

34. ГААО, ф. 106, оп. 13, д. 9, л. 56.
35. Там же, л. 74-75.
36. Там же, д. 22, л. 3.
37. Там же, л. 20.
38. РГАЭ, ф. 1562, оп. 78, д. 177, л. 4, 36.
39. СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.
40. НА РК, ф. р-698, оп. 5, д. 66/624, л. 82об.
41. Народное хозяйство Карелии. 1926 г. — июнь 1941 г.: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1991.— С. 211.
42. НА РК, ф. р-698, оп. 5, д. 67/628, л. 102.
43. Там же, л. 43.
44. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 1, д. 241, л. 150.
45. РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 405, л. 57, 58, 61, 62, 102.
46. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 3, д. 191, л. 75, 113-114; д. 194, л. 24; д. 195, л. 30, 39.
47. Там же, д. 191, л. 74.
48. Там же, оп. 1, д. 42, л. 29; д. 47, л. 54; д. 176, л. 162; д. 240, л. 36; д. 241, л. 33, 75.
49. НА РК, ф. р-689, оп. 5, д. 97/861, л. 83-84.
50. Там же, д. 97/862, л. 22-23.
51. ВОАНПИ, ф. 5, оп. 1, д. 32, л. 57, 136; ф. 2522, оп. 1, д. 241, л. 33. ОДСПИ ГААО, ф. 290, оп. 1, д. 1545, л. 77, оп. 2, д. 716, л. 144об. и др.
52. Там же, оп. 1, д. 42, л. 5.
53. ОДСПИ ГААО, ф. 290, оп. 2, д. 715, л. 35. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 1, д. 241, л. 33.
54. ОДСПИ ГААО, ф. 290, оп. 2, д. 64, л. 20-21.
55. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 2, д. 175, л. 45, д. 188, л. 38.
56. Там же, д. 192, л. 94.
57. ГААО, ф. 1892, оп. 8, д. 89, л. 22.
58. Там же, ф. 106, оп. 13, д. 40, л. 340.
59. ГАВО, ф. 1705, оп. 11, д. 59, л. 6, 6об. ГАВО, ф. 1705, оп. 11, д. 59, л. 7.
60. ГААО, ф. 659, оп. 2, д. 915, л. 13.
61. ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 1, д. 47, л. 167.
62. Там же, л. 55.
63. Там же, д. 242, л. 35об.

А. А. Попов
(г. Сыктывкар)

«Зырянизация-комизация» национальной школы в Коми автономии (1930-е годы)*

Становление и развитие коми национальной школы в XX в. прошло ряд этапов. Начальный этап (1918–1921 гг.) можно охарактеризовать как этап провозглашения, декларирования самих принципов строительства качественно новой советской школы на родном языке. Достаточно отметить, что в начале 1920-х гг. преподавание на родном языке осуществлялось лишь в 2% начальных школ в Коми АО, тогда как в татарских школах почти все дети школьного возраста обучались на родном языке, в украинских – 85%, удмуртских – 47%, белорусских – 6%, в Мордовии не было ни одной школы из 480, где бы обучение на родном языке велось во всех возрастных группах¹. Реальные условия для становления коми школы с родным языком как средством обучения сложились в результате создания территориальной автономии коми народа в составе РСФСР в 1921 г. Если исходить из последовательности постановки и решения конкретных задач в последующие годы, то представляется правомерным выделение в качестве этапных – реализацию задач по организации обучения на родном языке в начальной школе (1920-е гг.) и в школе повышенного типа (1930-е гг.), соответственно этому определяя хронологию второго и третьего этапов.

К концу 1920-х годов начальная школа в Коми АО работала на родном языке. В это же время велась подготовка к зырянизации (комизации) школ повышенного типа. Она резко активизировалась после того, как 26 декабря 1930 г. Коллегией Наркомпроса (НКП) РСФСР было принято постановление о переводе в течение двух лет школ повышенного типа на родной язык обучения. Вопрос о их практической готовности к такому переходу был поставлен в марте 1931 г. инспекцией СевкрайОНО по результатам обследования итогов культурного строительства за десять лет существования Коми автономии². Состоявшееся при Коми ОБОНО совещание ответственных работников с участием заместителя наркома просвещения РСФСР М.С. Эпштейна наметило в качестве первоочередных задач: «а) изучение проблемы языков в коми школе и перевод занятий в повышенной школе на коми язык; б) создание коми учебной литературы, организовав для этого особые бригады учителей как для начальной, так и повы-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 10-01-41103а/С).

шенной школы; в) педолого-педагогическое изучение коми ребенка;... е) локализацию программ». Было отмечено, что поскольку «...задачи комизации повышенной школы ставят с особой остротой проблему подготовки национальных педагогических кадров, поэтому необходимо поставить перед СНК через НКП вопрос об открытии с января 1932 г. в пределах области педагогического института»³. Своим решением (март 1931 г.) бюро обкома ВКП(б) обязало ОБОНО «разработать вопрос о переводе на коми язык техникумов и школ повышенного типа, ...организовать широкую работу по созданию коми учебников». Практические мероприятия по решению этих задач были обсуждены на совещании работников просвещения Северного края и пленуме Комитета по просвещению национальных меньшинств при СевкрайОНО (апрель 1931 г., Архангельск), где с докладом выступил руководитель группы национальных меньшинств Краевого ОНО Н.А.Шахов⁴.

С 1931/32 уч. года был начат постепенный перевод на коми язык неполных средних школ-семилеток: школ крестьянской молодежи (ШКМ) и фабрично-заводских семилеток (ФЗС). На русском языке работали учебные заведения, которые обслуживали поселения с преобладающим русским населением. Сеть начальных школ с русским языком обучения была развернута во всех поселениях Усть-Цилемского района (за исключением Нерицкого сельсовета с преимущественно населением коми национальности), в рабочих поселках Ньючим (Сыктывдинский район) и Кажим (Сысольский район), в селах Усть-Вымь, Серегово (Усть-Вымский район), Спаспуроб, Лойма, Бебера, Изьяшор (Прилузский район) и в столице Коми АО г.Сыктывкаре (8 классов – комплектов). Из школ повышенного типа на русском языке работали Усть-Цилемская и Спаспуробская ШКМ, Сереговская и Ньючимская ФЗС⁵.

В дальнейшем с общим ростом школьной сети и особенно с развитием неполного и полного среднего образования распределение учащихся в зависимости от языка обучения несколько менялось. Введение обязательного семилетнего образования в городах и рабочих поселках началось с 1930 г., в сельской местности – с 1934 г. За период с 1930/31 уч. года по 1940/41 уч. год общее число учащихся V–VII классов выросло с 3,2 тыс. до 18,3 тыс. чел., VIII–X классов – с 0,2 тыс. до 2,4 тыс. чел.⁶ Развитие школы повышенного типа осуществлялось в полном соответствии с принципом осуществления учебно-воспитательного процесса на родном языке учащихся.

Из данных, приведенных в табл. 1 и 2, видно, что процесс формирования коми школы повышенного типа на родном языке в основном завершился во II пол. 1930-х годов.

В 1936/37 уч. году функционировали 278 начальных, 62 неполных средних и 6 средних коми и коми-русских школ. Коми язык являлся языком обучения для 34705 учащихся, кроме того, в смешанных коми-русских школах обучались 2794 учащихся. Дальней-

Таблица 1*

Распределение учащихся по типам школ в зависимости от языка обучения на начало 1936/37 уч. года**

Язык обучения	Тип школы			
	начальная	неполная средняя	средняя	итого
Коми	$\frac{275}{17625}$	$\frac{61}{15921}$	$\frac{3}{1159}$	$\frac{339}{34705}$
Русский	$\frac{70}{3816}$	$\frac{15}{3098}$	$\frac{4}{1183}$	$\frac{89}{8097}$
Коми и русский	$\frac{3}{401}$	$\frac{1}{215}$	$\frac{3}{2178}$	$\frac{7}{2794}$
Русский и немецкий	–	$\frac{1}{354}$	–	$\frac{1}{354}$
Итого	$\frac{348}{21842}$	$\frac{78}{19588}$	$\frac{10}{4520}$	$\frac{436}{45950}$

** В числителе указано количество школ, в знаменателе – число учащихся в них.

Таблица 2*

Распределение учащихся по классам в зависимости от языка обучения на начало 1936/37 уч. года

Язык обучения	Общее число школ	В них учащихся			Итого
		в I–IV кл.	в V–VII кл.	в VIII–X кл.	
Коми	339	25802	8716	187	34705
Русский	89	5639	2345	113	8097
Коми и русский	7	1505	1017	272	2794
Русский и немецкий	1	185	169	–	354
ИТОГО	436	33131	12247	572	45950

* Таблицы 1 и 2 составлены по: Национальный архив Республики Коми, ф. 148, оп. 2, д. 357, л. 1об.

шее развитие школьной сети шло в основном за счет увеличения коми-русских и русских школ. В 1938/39 уч. году из 475 школ, давших сведения, в 341 (71,8%) обучение велось на коми, в 35 (7,4%) – на коми и русском, в 99 (20,8%) – на русском языке⁷.

В табл. 1 и 2 приводятся сведения о русско-немецкой неполной средней школе в Сысольском районе. Речь идет о детях школьного возраста из семей спецпереселенцев немецкой национальности. Из 354 ее учеников 118 были по национальности немцами, в том числе 74 чел. получали образование в I–IV классах на своем родном языке. Ранее, в 1934/35 уч. году при поселках спецпереселенцев на учете числились следующие национальные дошкольные и школьные учреждения: русско-немецкие – 1 детсад и 3 школы; немецкие – 1 детсад и 1 школа (начальная); татарские – 1 детсад и 1 школа (начальная)⁸.

Для поступательного развития школы повышенного типа на родном языке требовалось безотлагательное решение таких задач, как подготовка национальных учительских кадров, а также создание и издание необходимой учебной литературы на родном языке, что в свою очередь зависело от успешной разработки целого ряда проблем в области коми языкового строительства. Необходимо отметить, что к началу 1930-х гг. объективные условия для этого имелись. В 1930-е гг. в республике сложилась развитая система подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Учителей начальных школ готовили Сыктывкарское, Усть-Вымское и Мохченское педучилища. С 1934 г. подготовка преподавателей V–VII классов проводилась Учительским двухгодичным институтом. Основная подготовка кадров для V–X классов велась в Коми государственном пединституте, открывшемся 1 января 1932 г. Из 163 студентов пединститута на 1.01.1933 г. 154 (или 94,5%) были по национальности коми⁹. За предвоенный период работы учительским и педагогическим институтами было подготовлено 628 учителей¹⁰. Систематическая работа по повышению квалификации учителей была налажена с 1935 г. при Институте повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО). В 1936 г. при нем прошли переподготовку 270 педагогических работников¹¹. В 1939 г. на базе ИПККНО и методического кабинета ОБОНО был создан Республиканский институт усовершенствования учителей. По состоянию на 1.04.1937 г. из 2218 педагогических работников 1911 (86,2%) были по национальности коми¹².

Сложнее обстояло дело с обеспечением школ стабильными оригинальными и переводными учебниками. Несмотря на значительно выросшие возможности полиграфической базы и в целом резко увеличившиеся объемы издательской деятельности (для сравнения: если

в 1920–1929 гг. Коми издательством было издано 198 названий общим объемом 431,8 п.л., то в 1930–1939 гг. соответственно – 1497 названий объемом в 4101,4 п.л.¹³), снабжение школ учебниками было крайне неудовлетворительным. Дело в том, что переход коми письменности в начале 1930-х гг. с молодцовского алфавита на латинизированный и обратный ее перевод в середине 1930-х гг. с латинизированного на молодцовский, а с конца 1930-х гг. на русскую графическую основу не только дестабилизировали нормальное обеспечение школы учебниками, но и до крайности осложнили ее перевод на родной язык, а в конечном итоге отрицательно сказались на всем учебном процессе и в целом на развитии коми школы.

О неподготовленности, спешке, а в результате волюнтаризме в деле перевода коми письменности на латинизированный алфавит свидетельствует, например, тот факт, что срок для обсуждения проекта нового коми алфавита широкой (в том числе педагогической) общественностью был определен с 1 апреля по 15 мая 1931 г., т.е. всего в полтора месяца. При этом, даже не дожидаясь его результатов, Центральный Комитет нового алфавита (ЦК НА) при ВЦИК распорядился об отливке типографских шрифтов для Коми АО¹⁴. В январе 1932 г. XII областная партийная конференция заслушала и одобрила доклад Областного комитета нового алфавита (ОК НА) «Об итогах подготовки к переходу на новый алфавит и очередных задачах»¹⁵.

Сроки, которые ОКНА наметил по завершению перевода школ на новый (латинизированный) алфавит, и сроки, принятые Коми облисполкомом по переводу школ повышенного типа на родной язык обучения, – практически совпали. Оба мероприятия планировалось завершить в 1933/34 уч. году¹⁶. На 1932/33 уч. год изучение нового алфавита в школах планировалось «по плакатам и тем учебникам, которые удастся издать»¹⁷. Форсированный характер приобрело внедрение алфавита после проверки хода комизации-латинизации в январе 1933 г. специальной бригадой из ЦК НА¹⁸.

Затратив огромные материальные средства и приложив значительные организационные усилия, к началу 1934/35 уч. года удалось обеспечить школы необходимой литературой. X областной съезд Советов в своей резолюции от 30 декабря 1934 г. констатировал: «Переведено и издано на коми языке до 54 названий стабильных учебников – что при наличии в школах коми учителей обеспечивает полностью преподавание на родном языке»¹⁹. В материалах съезда отмечалось, что «во всех школах идет обучение на новом латинизированном алфавите»²⁰.

Однако уже первые годы практического применения нового алфавита, и не только в школе, выявили его несостоятельность приме-

нительно к местным условиям. Резко снизился спрос на коми периодическую печать: в 1934 г. реализация тиражей газеты «Вирлэдзись» составила 45%, газеты «Коми комсомолец» – 39%²¹. Подтвердились опасения относительно применения нового алфавита и в школе.

В конце декабря 1934 г. бюро ОК ВКП(б) указало на поспешность и ошибочность перевода на новый алфавит периодической печати²². В постановлении президиума Коми ОИК от 7 марта 1935 г. указывалось: «Признать необходимым установить единый алфавит – так называемый Молодцовский»²³. На заседании 13 апреля 1935 г. президиум ОИК постановил прекратить выпуск изданий на латинизированном алфавите и перевести школы на молодцовский алфавит²⁴. Анализ всего комплекса отрицательных последствий был дан в объяснительной записке Коми облисполкома от 20 октября 1935 г. в Совет Национальностей ЦИК СССР, где в частности отмечалось: «Не вызывавшийся необходимостью переход... на латинизированный алфавит... задержал на 2–3 года рост печатной продукции..., потребовал неэффективного расходования больших средств и в значительной мере задержал разработку вопросов языкового строительства... Нет абсолютно никаких научно-установленных норм орфографии, терминологии и т.д. В результате вся издаваемая литература, а особенно учебники, переводы классиков марксизма-ленинизма страдают крупнейшими недостатками, затрудняющими усвоение и точное понимание содержания. ...В связи с обратным переходом с латинизированного алфавита, ...вся полиграфическая база осталась без шрифтов». В сообщении ОИК ЦК НА от 4 ноября 1935 г. говорилось об отказе от латинизированного алфавита, «как оказавшегося непонятным для трудящихся»²⁵.

На XIV областной партконференции (май 1937 г.) было указано, что обком партии допустил грубую ошибку, вынося решение о латинизации алфавита²⁶. Постановлением Президиума Верховного Совета Коми АССР от 19 сентября 1938 г. был утвержден новый коми алфавит на русской основе (ныне действующий) и правила правописания на коми языке. Совнаркому Коми АССР было предложено обеспечить обучение в школах республики на новом коми алфавите²⁷.

Таким образом, затянувшиеся на целое десятилетие эксперименты крайне болезненно отразились на коми национальной школе и прежде всего на уровне знаний учащихся. Успеваемость по целому ряду учебных дисциплин в коми школах по сравнению с русскими в эти годы резко снизилась. Так, уже в 1935 г. ОБОНО обратил внимание на низкий уровень преподавания математики, русского и коми языков²⁸. В 1936 г., выступая на

III пленуме облисполкома, зав. ОБОНО П.А. Потапов отметил

«исключительно плохое состояние учебной работы школ по русскому и коми языкам и истории». Особо были подчеркнуты недостатки в преподавании русского языка. Например, сорок учителей Усть-Вымского района, участвовавшие в проверочном диктанте, в тексте из 136 слов допустили в среднем по 20 ошибок каждый²⁹.

Несмотря на то, что в 1935/36 уч. году время на изучение русского языка в учебных планах коми школ было увеличено в два раза, положение оставалось неудовлетворительным. В постановлении Президиума исполкома Коми АССР от 5 мая 1938 г. «Об изучении русского языка в коми школах» указывалось, что неуспеваемость учащихся по русскому языку в отдельных школах доходила до 50%³⁰. Согласно данному постановлению в кратчайшее время был предпринят целый ряд мер: курсовыми мероприятиями было охвачено 368 учителей, за период 1938–1940 гг. в педагогическом и учительском институтах и внеобластных вузах было подготовлено более 90 преподавателей русского языка, издано 8 названий учебников по языку тиражом в 110 тыс. экземпляров. Проверка, проведенная Наркомпросом Коми АССР в 1939/40 уч. году, показала, что по сравнению с 1938/39 уч. годом успеваемость по русскому языку значительно повысилась³¹.

Анализируя сложности развития национальной школы в 1930-е годы, в том числе и те, которые были связаны с проблемами языкового строительства и развития филологической науки, необходимо учитывать политические условия, сложившиеся под воздействием повсеместно утверждавшейся административно-командной системы и «усиления классово-борьбы». Ошибки, имевшие место в эти годы и, видимо, неизбежные в сложнейших условиях национально-культурного возрождения народов, в этих условиях лишь усугубились, приобретая, как правило, заранее заданный им характер «происков классового врага».

Так, ошибочные по существу рекомендации Коми лингвистической конференции 1929 г. в вопросе выбора алфавита, несомненно, сыграли свою отрицательную роль в качестве «научного» обоснования последующего перевода коми письменности на латинскую графическую систему. Однако, на наш взгляд, на принятие таких рекомендаций не могли не оказать воздействия следующие обстоятельства. Во-первых, преобладавшая в конце 1920-х – начале 1930-х гг. тенденция унифицировать письменность народов СССР с помощью латинского алфавита. Во-вторых, та конкретная политическая обстановка в Коми АО, в которой проходила сама конференция. В частности, дискуссия по вопросу включения Коми АО в состав Северного края с центром в Архангельске в политическом отношении была од-

нозначно расценена как проявление «коми национал-шовинизма». Характерно и то, что именно в это время в самой научной сфере проявляется стремление свести научную полемику к политическим обвинениям. Представление об этом дает целый ряд документов, среди которых особого внимания заслуживают прения по докладу А.С. Сидорова о коми алфавите на указанной конференции³², а также рукопись Г.А. Старцева «Огонь по двурушникам – нацшовинистам!», имеющая характер подготовительного материала к научной полемике по вопросам национально-культурного строительства³³.

Ставшая в 1930-е гг. нормой политизация (вульгарная по существу) вопросов национально-культурного строительства, в том числе проблем развития языка и школы на родном языке, имела своим результатом быстро меняющиеся (порой на противоположные и взаимоисключающие) оценки политического характера. Если в первой половине 1930-х гг. оппоненты латинизации коми письменности расценивались как «национал-шовинисты» (сторонники молодцовского алфавита), то во второй половине 1930-х гг. аналогичным же образом оценивались ее приверженцы. А в конце 1930-х гг. с переходом коми письменности на русскую графическую основу и те и другие были занесены в разряд «буржуазных националистов». Так, в постановлении Президиума Исполкома Коми АССР от 5 мая 1938 г. среди основных причин слабого усвоения русского языка в коми школах указывалась: «...совершенно слабая работа ОНО и школ по ликвидации последствий вредительства контрреволюционных троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических агентов фашизма, которые срывали проведение ленинско-сталинской национальной политики, подрывали братское единство коми народа с русским»³⁴. Только за 1935/36 – 1936/37 уч. годы под предлогом борьбы с троцкистско-зиновьевским блоком и коми буржуазным национализмом из школ было уволено 65 учителей³⁵.

Таким образом, сложность и противоречивость данного этапа в развитии национальной системы образования в 1930-е гг. в Коми автономии состояли в том, что, с одной стороны, имелись несомненные достижения в развитии коми школы на родном языке, вместе с тем указанные выше трудности, носившие преимущественно субъективный характер, значительно затормозили полноценную реализацию ее потенциала, заложенного еще в начальный период ее создания – в 1920-е годы.

Литература и источники

1. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг.: Документы и материалы. – М., 1984. Т. 1. Ч. 2. – С. 313.

2. Национальный архив Республики Коми (далее НАРК), ф. 148, оп. 1, д. 455, л. 30.
3. Там же, л. 21.
4. Там же, л. 75–77.
5. Там же, ф. 148, оп. 2, д. 213, л. 74.
6. Безносиков Я.Н. Культурная революция в Коми АССР. – М.: Наука, 1968. – С. 122–123.
7. Там же. – С. 126.
8. НАРК, ф. 148, оп. 2, д. 357, л. 1 об., 7 об.; д. 322, л. 13, 58 об.
9. Там же, ф. 148, оп. 1, д. 92, л. 98.
10. Культурное строительство в Коми АССР (Материалы для агитаторов). – Сыктывкар, 1939. – С. 11.
11. НАРК, ф. 3, оп. 1, д. 1900, л. 33.
12. Там же, ф. 148, оп. 1, д. 264, л. 75 об.
13. Культурное строительство в Коми АССР... – С. 16–17.
14. НАРК, ф. 3, оп. 1, д. 345, л. 159–160.
15. Там же, д. 1251, л. 182–185.
16. Там же, д. 125, л. 174–175; д. 1249, л. 24.
17. Там же, д. 1251, л. 176.
18. Там же, д. 1250, л. 69–70.
19. Культурное строительство в Коми АССР (1918–1937): Сб. документов. – Сыктывкар, 1979. – С. 196.
20. НАРК, ф. 148, оп. 2, д. 101, л. 88.
21. Безносиков Я.Н. Указ. соч. – С. 163.
22. Там же.
23. НАРК, ф. 3, оп. 1, д. 1251, л. 285.
24. Там же, л. 278.
25. Там же, л. 203–204 об., 219.
26. Безносиков Я.Н. Указ. соч. – С. 163.
27. НАРК, ф. 870, оп. 1, д. 69, л. 16.
28. Там же, ф. 3, оп. 1, д. 1898, л. 208.
29. Там же, ф. 148, оп. 2, д. 101, л. 82–83.
30. Там же, ф. 870, оп. 1, д. 74, л. 199.
31. Культурное строительство в Коми АССР. 1938–1960: Сб. документов. – Сыктывкар, 1984. – С. 26.
32. НАРК, ф. 148, оп. 1, д. 373, л. 170.
33. Там же, ф. 710, оп. 1, д. 18.
34. Там же, ф. 870, оп. 1, д. 74, л. 199.
35. Там же, ф. 148, оп. 1, д. 264, л. 87.

*М.И. Нечайкина
(с. Усть-Цильма)*

Лесоучастки Усть-Цилемского района в 30–40-е гг. XX в.

Население Печорского края сравнительно невелико. В 1927 г. насчитывалось всего 11061 человек. В Усть-Цильме на январь 1930 г. – 886 хозяйств. Занимались жители сельским хозяйством, охотой, рыболовством, а так же извозом. Для строительства социалистического государства требовалась деловая древесина. Начиная с 1927 г. в стране начинаются лесозаготовки. Но процесс идет медленно. И в 1930 г. процесс заготовок леса усиливается, а так же усиливаются репрессии за преступления, связанные с лесозаготовками. С марта 1930 г. в сельских советах Усть-Цилемского района появляются первые приказы, касающиеся лесозаготовок. Для обеспечения лесоучастков рабочей силой были использованы два пути. Первый. Раскулаченных и их старших детей в качестве наказания за тяжелый труд и желание жить в достатке, отправляют отбывать трудовую повинность за лесозаготовки, давая твердые задания. Второй путь – колхозники, попавшие в прямую зависимость и ставшие крепостными советского государства.

В данной работе сделана попытка анализа документов архивного отдела МО «Усть-Цилемский р-н» и выявление особенностей, присущих лесозаготовительным работам в период с 1930 по 1941 гг., виды и размах сопротивления с которым пришлось столкнуться власти при проведении лесозаготовок, а также выделить общие черты, которые были присущи как для «провинившихся» перед молодым государством, так и для тех, кто «добровольно» вступил в коллективное хозяйство.

Для исследования данного вопроса были использованы материалы районного архива, воспоминания старожилов, а так же материал мартиролога Покаяние.

В «Отчете о работе Усть-Цилемского сельского совета за период с февраля 1929 г. по март 1930 г.» говорится, что «лесозаготовки проводятся впервые. Ввиду малых заработков приходится применять при посылке рубщиков и возчиков довольно жесткие меры». В мае 1930 г. сельский совет рассмотрел список граждан, «уклоняющихся от выезда на окорку балансов, при наличии всех возможностей выехать на работу». Оштрафовали 8 человек, отказавшихся ехать на работу. В постановлении записали: «Принять и выполнить в порядке

самообязательств все падающие на сельский совет лесозаготовительные работы. К уклоняющимся и дезертирующим от лесозаготовок принимать меры согласно закона ВЦИК». Дезертировало и скрывалось много. Так в Росвинском сельском совете в сентябре 1930 г. из выделенных 70 возчиков и 60 рубщиков отказалось ехать 20 человек. Их подвергли штрафу.

В начале сентября 1930 г., когда при проведении проверки и чистки колхозных административных аппаратов проводилась и разъяснительная работа. Очень интересный документ находится в архиве. ОГПУ по Печорскому уезду отправляет в Усть-Цилемский УРИК записку от 13.04.29 г., где просит составить списки граждан, опись их имущества и земельных владений. При этом просит, чтобы информация осталась секретной. Так был составлен список из 81 человека по району тех, кто в начале 1930-х гг. должен подлежать раскулачиванию.

В марте 1932 г. был составлен список кулаков Усть-Цилемского совета из 32 семей, а так же зажиточных из 20 семей. Из них на работы было отправлено 16 человек. В основном это были главы семей. В мае 1933 года в список кулаков добавились 31 семья. В марте 1934 г. добавилось еще 2 семьи. Всего 85 человек, из которых дезертировали 5 человек.

По району список более впечатляющий. По списку на 10 марта 1932 г. кулаков – 94 хозяйства и зажиточных – 84 х-ва. На работы отправлено кулаков – 101 человек, зажиточных – 411 человек. Таким образом, принудительно отправлено на лесозаготовительные работы 512 человек.

В книгах приказов РИКа за период 1933–1934 гг. говорится о правильной постановке учета и выполнения твердых заданий кулаками и зажиточными. Отмечается, что учет кулаков ведется как попало, твердые задания не выполняются, а «кулаки по своему усмотрению прогуливают целые дни». Начальника лесоучастка приказано привлечь к ответственности, так как «всю кулацкую часть Устьцилемского и Пижемского сельских советов распустил, способствуя кулаку улизнуть от твердых заданий».

В мартирологе Покаяние есть очень интересные документы за октябрь 1932 г., касающиеся кулачки Чуркиной Зинаиды Савичны, которая, дав подписку о выезде на работы, не выехала. Дело передали в следственные органы. Свидетелем выступил председатель колхоза. «Задание ей было дано вполне реальное и учтано ее здоровье, а так же ее старость». Председателю ли колхоза было не знать, что Чуркиной на то время было 57 лет, инвалид III группы и двое детей. Раймилиция дело прекратила и отправила «кулачку» домой.

Дезертировавшие бежали и скрывались в лесу, часть в количестве 18 ч. бежала в Ненецкий округ, где «есть для них спасение от твердых заданий». Их необходимо было разыскать и вернуть.

Так советское государство обеспечило лесоразработки бесплатной рабочей силой. Некоторые сбежали, часть вернулась домой, но не на долго.

В последующие годы процесс лесоразработок приобретает все больший размах. Рабочих не хватает. Тогда обеспечение рабочей силой идет через колхозные организации. В архиве представлены следующие документы: протоколы собраний бедняков и единоличников в колхозах Усть-Цилемского сельского совета за 1937 г.

В 1937 г. на территории Усть-Цилемского сельского совета было 13 колхозов. Во время собрания секретари (знающие грамоту), вели протокол собрания, где подробнейшим образом записывали все споры и предложения выступающих членов колхоза. Среди множества вопросов обсуждается вопрос и о лесозаготовках. В определенное время, например, в январе 1937 г., по всем колхозам проходит одна тема: выполнение плана по лесозаготовкам и как заставить колхозников работать в лесу.

Президиум Усть-Цилемского сельского совета от 05.01.37 года вынес решение о проведении лесозаготовок в религиозный праздник – Рождество Христово. Колхозные аппаратчики тут же приняли призыв. «Да нам, товарищи, во что бы то ни стало надо выехать в лес всем назначенным колхозникам, обязательно на религиозный праздник и вместе с председателем колхоза», решили в колхозе им. Калинина. Надо было противопоставить «новый» мир «старому», чтоб сомнений у верующих не осталось. Списки мобилизованных оглашались на собрании и были утверждены голосованием. Далее надо было подписать договор о работе в лесу, получить продукты, одежду (тюни) и к определенному дню выехать на работу. Но решения собраний выполнялись не всегда гладко. Начиналось сопротивление навязанной подневольной работе.

В колхозе им. Ворошилова развернулись резкие споры по лесозаготовкам. Представители власти заявили, что «некоторые колхозники не так смотрят на лесозаготовку как требуется. Они злобно не едут в лес работать, а если уедут то там пьянствуют... Таких людей нужно перевоспитывать». Женщины тоже саботировали. Кто-то, отработав 2-3 недели заявил, что «с них хватит, дома хозяйство». Кого-то не отпустил муж или отец. У некоторых нет обуви. Но «хоть и обувь дай, а все равно не поедете». Молодежь, наиболее активная часть общества тоже саботирует. А должна «являться застрельщиком».

С апреля начинается сплав. И вновь не могут людей отправить на работу. «Злобно не выехали на сплав», хотя выданы тюни и продукты. В колхозе «7 съезда Советов» выделили 11 человек, снабдили обувью и продуктами, но колхозники не выехали, т.к. колхозники агитировали их не выезжать. Объяснили ситуацию следующим образом: «попали под влияние кулачества». Но встречается самое простое объяснение: «не нравится» и «лихо ехать на сплав».

Среди колхозников происходит не только отказ от работы, но и дезертирство. Бежали не только по одному и скрывались в лесу, но и целыми бригадами. В колхозе «Путь социализма» в лес отказалась ехать целая бригада, что повлияло на остальных лесорубов. Даже предложили создать женскую бригаду, но процесс оказался затруднительным, т.к. «все женщины – домохозяйки». В колхозе «Путь Ленина» к 10 марта сделано 400 прогулов. Гуляют и пьют по 6-7 дней кряду и сами бригадиры, и члены правления, а что уж говорить о бригадах».

На собраниях часто звучит предложение о том, чтобы дезертировавших с лесозаготовок «Просто выбросить из колхоза». На сплав выехать не желали по две-четыре недели. Кто не хочет ехать на сплав: «исключить из колхоза, нанчиться нечего». Но всех не выбросишь, кому-то и работать надо. Поэтому «нанчались» и ограничивались обсуждениями, выговорами, предупреждениями, штрафами. Дела самых «злостных» саботажников и дезертиров передавали в следственные органы или исключали из колхоза. В результате «трое отправляются на сплав, добровольно – одна».

Власти как могли, обеспечивали лесозаготовки рабочей силой. Но и этого оказалось недостаточно. В лесу была низкая производительность труда. Обвиняли не только лодырей. Много критики прозвучало в адрес лесопункта, которые вместо продуктов привозят вино, да спивают лесорубов: «А вино дают в долг, а деньги не дают». В срок не отвели делянку, лесорубы приехали, а лес не отведен, все запало снегом. Чтобы выполнить план, в колхозе «Вторая пятилетка» предложили организовать сквозную бригаду и на рубку и на возку в количестве 10 человек, а также набрать женщин на уборку сучьев. Принимается решение развернуть стахановские методы труда.

В приказах по ЛПХ от 04.11.33 г. говорится о развертывании социалистического соревнования и создании ударнических бригад и отдельных лесорубов. Обеспечить красную и черную доску показателей. А в 1936 г. в октябре появляются премии рубщикам из Трусова: Чупров Еремей Михайлович и сын Иван Еремеевич, ставших первыми ударниками, перевыполнившими план. Им дана премия в размере 150 р. 5 человек с участка Белый ручей премируют по 100 р, из них

Чупрову Екатерину швейной машинкой. Премировали и всю бригаду Тесовой 200 рублями, а бригадира – 50 р.

С января 1938 года появляются и первые стахановцы и не только среди рубщиков, но и возчиков, освоивших подлинные стахановские методы работы. Среди них были и женщины. Таким образом, постепенно, материально заинтересовывая рабочих, налаживается работа на лесоучастках и сплавах. И с осени 1940 года можно наблюдать мирную работу ЛПХ. В письме с Бугаевского участка девушка Анастасия пишет своим родным: «живу пока хорошо... в бараке 6 человек... ездила в Якшино, купила 3 кг. рыбы и 2 литра закваски. Нам дают хлеб и 1 кг. сахара на месяц и 1 кг. крупы». Рабочим выдавали продукты, платили зарплату и выдавали аванс.

В ходе анализа документов и воспоминаний мы пришли к следующим выводам:

1. Формирование рабочей силы в 1930 гг. происходило двумя путями: из кулачества и зажиточных, отправленных в лес в качестве наказания, и колхозников, выполняющих трудовую повинность.

2. Оба пути осуществлялись насильственными методами, что объединяло сторонников социалистического и буржуазного хозяйств и создавало одинаковые условия работы и быта.

3. Лесозаготовки вызвали протест сопротивления как со стороны кулаков, зажиточных так и колхозников. Формы протеста были от примитивных – невыход на работу до дезертирства и ухода с работы целыми бригадами.

4. Государству, чтобы получить желаемый результат, пришлось перейти от насилия к материальной заинтересованности людей. Развернули движение ударничества и стахановские методы работы. И к 1940 г. лесозаготовительные работы были налажены.

А.Н. Турубанов
(г. Сыктывкар)

Колхозное крестьянство как источник пополнения кадров лесной промышленности в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР)

Приступая к анализу вышеназванной темы, необходимо, в первую очередь, сказать о хронологических рамках исследования. Известно, что колхозное строительство в коми деревне началось в 30-е

годы (отсюда – начальный период изучения данной научной проблемы). Другой вопрос – это конечный период нашего исследования. На наш взгляд, к началу 60-х годов прошлого столетия коми деревня практически исчерпала свои людские ресурсы для пополнения состава такой трудоемкой отрасли хозяйства, как лесозаготовительная промышленность.* Вот поэтому вполне логичным выглядит в Коми АССР перевод колхозов в совхозы: государственные органы власти «взвалили» на свои «плечи» отсталые коллективные хозяйства южных и центральных районов республики, чтобы сохранить тот экономический и социальный потенциал, который еще имелся в конце 50-х гг. XX в. в коми деревне. К началу 60-х годов XX века число совхозов в Коми АССР возросло до 27 единиц против 2 хозяйств в 1945 г.¹

Научная проблема – «колхозное крестьянство как источник пополнения кадров лесной промышленности Коми АССР» – конечно затрагивалась в исторической литературе, но по многим аспектам только фрагментарно. Это, в первую очередь, относится к обобщающим работам по истории республики², а также ряду других изданий³, где вопросам комплектования индустриальных отраслей народного хозяйства Коми АССР кадрами было уделено значительно больше внимания. Некоторые конкретные вопросы комплектования кадров лесной промышленности республики за счет колхозного населения затрагивали в своих статьях исследователи не только города Сыктывкара, но и Петрозаводска⁴. Таким образом, в литературе имеется задел по изучению вышеназванной темы. Однако приведенный материал является недостаточным, чтобы получить более полную картину об основных этапах формирования кадров лесной промышленности Коми АССР за счет местного колхозного населения.

Источниковой базой нашей работы являются как традиционные материалы, выявленные в архивохранилищах и библиотеках нашей страны,** так и специфические, которые впервые вводятся нами в

* По данным современных исследователей за первое послевоенное пятнадцатилетие в Коми АССР трудовой потенциал деревни сократился более чем в два раза, изменился качественный состав ее населения. – См. об этом поподробнее – История Коми с древнейших времен до конца XX века. Том второй. – Сыктывкар, 2004. – С. 496.

** К традиционным материалам, на наш взгляд, можно отнести, во-первых, опубликованные отраслевые сборники документов и материалов («История индустриализации Северного района (Архангельская, Вологодская области и Коми АССР. 1926–1941 гг.). Архангельск, 1970; Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг. Сб. док., Сыктывкар, 1989; Со-

научный оборот. В данном случае мы имеем в виду сведения из «Родословной», подготовленной нами на примере клана Турубановых из села Кобра Койгородского района Республики Коми за 1930–1950-е годы. Эти сведения документально подтверждены, позволяют в какой-то мере проследить основные этапы комплектования кадров лесной промышленности Коми АССР в рассматриваемые годы выходцами из коми колхозного села. Схематично этот источник можно представить в виде нижеприведенной таблицы № 1.

Таблица 1

**Комплектация кадров лесной промышленности
выходцами коми колхозного села
клана Турубановых в 1930–1950-е гг.**

Периоды	По линии отца, бабушки, дедушки	По линии матери, бабушки, дедушки
В 1930-е гг.	Турубанов Сергей Васильевич	Турубанов Леонид Васильевич Турубанов Егор Васильевич
С 1941 по 1945 гг.	Тебенькова (Двоглазова) Мария Павловна	Турубанова Аксиныя Егоровна Турубанов Иван Емельянович
С 1946 по 1950 гг.	Турубанова (Гужева) Нина Николаевна Клинцов Владимир Николаевич Клинцов Анатолий Николаевич Гужев Николай Николаевич	Тебенькова Анна Степановна Турубанова (Гужева) Нина Николаевна
с 1951 по 1960 гг.	Турубанов Афанасий Николаевич Турубанов Михаил Кириллович Турубанов Альберт Алексеевич	Турубанова (Костина) Лия Леонидовна Турубанов Афанасий Николаевич

ветская лесная экономика. Москва. – Север. 1917–1941 гг. Сб. док. и мат., – Петрозаводск, 2005 и др.), статистические сборники статистического управления Коми АССР, воспоминания очевидцев тех лет, периодическая печать и, конечно, архивные данные, выявленные в фондах различных хозяйствующих субъектов исследуемого периода. – А.Т.

В нашей таблице приведены фамилии, имена и отчества только 15 членов рода Турубановых, но их было значительно больше, которые пополнили ряды лесников нашего края.

В процессе индустриализации СССР, которая начала осуществляться в стране в конце 20-х годов прошлого столетия, руководство страны большое внимание уделяло поискам новых материальных и финансовых ресурсов для осуществления грандиозных планов преобразования страны. Европейский Север, в том числе и Коми край, как обширный регион наиболее богатый лесными ресурсами, должен был стать, по мнению тогдашнего руководства СССР, важным районом по заготовке древесины как для экспорта, так и для внутреннего рынка страны. Для выполнения этой важной задачи нужна была многочисленная армия лесозаготовителей. Однако людские ресурсы Севера и, в частности, Коми АО (АССР с 1936 г.) были невелики, а сельское население, в основном единоличники, неохотно откликались на призывы хозяйственных и советских органов «о походе на лесной фронт». Центральные и местные органы власти принимали меры по преодолению этих затруднений. Например, на основе постановления СНК СССР от 30 марта 1931 г. в Коми автономной области начался набор рабочей силы в сельской местности для нужд предприятий истроек в договорном порядке, а по постановлению ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» для отходников, сельских жителей, был установлен ряд льгот, а также поощрялись колхозы, заключающие с хозорганами договоры о выделении рабочих – отходников. В последующие годы исследуемого периода союзным правительством был принят ряд других решений по усовершенствованию договорных отношений между колхозами и лесозаготовительными организациями. В частности, в постановлениях СНК СССР от 16 февраля 1937 г. «О плане лесозаготовок на 1937 г. и о мероприятиях по его осуществлению» и «О взаимоотношениях лесозаготовительных организаций с колхозами», постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» были намечены меры по улучшению жилищно-бытовых условий лесных рабочих, вводилась новая оплата труда лесорубов и сплавщиков.*

* В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. в разделе «В области договорных взаимоотношений с колхозниками и колхозами» (пункт 30) было записано: «Предусмотреть в договорах лесозаготовительных организаций с колхозами отчисления из средств этих организаций колхозам в размере 10% заработной платы всех колхозников, получавших сезонные премии – надбавки за работу на лесозаготовках. Распространить эти отношения и на заработок колхозников, вступающих в состав постоян-

15 июня 1940 г. IV сессия Верховного Совета Коми АССР рассмотрела на своем заседании вопрос «О выполнении плана лесозаготовок и сплава 1940 г.». Высшим законодательным органом республики был намечен целый комплекс мер по комплектованию лесных предприятий Коми АССР кадрами постоянных работников (в основном за счет колхозного крестьянства)⁵. Аналогичные постановления коми республиканских законодательных и исполнительных органов были приняты и в последующие годы изучаемого периода.*

Итак, решению кадровой проблемы в лесной отрасли хозяйства Коми АССР, как центральные, так и местные органы власти уделяли большое внимание. Но в первую очередь надо сказать о трудовом потенциале колхозного села в рассматриваемый период. По имеющимся данным (см. об этом материалы таблицы № 2),** уже с 40-х годов XX века происходило постепенное снижение численности наличных членов колхозов Коми АССР. Это снижение объяснялось как последствиями Великой Отечественной войны, так и переходом больших групп колхозников в другие отрасли народного хозяйства республики и, в первую очередь, на лесопромышленное производство. К сожалению, мы не имеем полных данных по комплектованию постоянных кадров лесной промышленности выходцами коми колхозной деревни, но имеющиеся архивные данные (см. материалы табл.

ных кадров лесных рабочих, в течение первого года их работы в леспрохозе или на механизированном лесопункте. Отчисления производятся при условии выполнения колхозами обязательств по выделению рабочих на лесозаготовки и лесовывозку». Далее, (в пункте 31) отмечалось, что за использование колхозных лошадей на вывозке и трелевке лесозаготовительным организациям производить начисление колхозу в размере 100 процентов от заработка возчика по основным расценкам и 70 процентов от прогрессивной надбавки, получаемой возчиком за перевыполнение норм выработки. Кроме того, лесозаготовительным организациям уплачивать колхозу 20 процентов от сезонной премии – надбавки возчиков, работающих на лошадях колхоза. – см. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг. – С. 295, 324.

* См. об этом подробнее – О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанов. Указ. соч. – С. 79; Стенографический отчет заседания Верховного Совета Коми АССР – 1 сессия (Сыктывкар, 1951 г.) и другие материалы партийных и профсоюзных организаций. – А.Т.

** Как известно, колхозное строительство в коми деревне начало набирать темпы с 1932–1933 гг. и к середине 30-х гг. прошлого столетия процент коллективизации достиг более половины всех крестьянских хозяйств. В последующие годы удельный вес крестьянских хозяйств, вступивших в колхоз, возрос и в 1940 г. коллективизация сельского хозяйства в Коми АССР практически завершилась⁶.

Изменения в численности наличных членов колхозов
Коми АССР за 1937–1960 гг. (на конец года)*

1937 г. – 91,2 тыс. чел.	1953 г. – 67,8 тыс. чел.
1940 г. – 96,7 тыс. чел.**	1954 г. – 67,2 тыс. чел.
1945 г. – 39,6 тыс. чел.***	1955 г. – 65,9 тыс. чел.
1946 г. – 51,01 тыс. чел.****	1956 г. – 66,5 тыс. чел.
1948 г. – 41,3 тыс. чел.****	1958 г. – 43,5 тыс. чел.****
1950 г. – 75,6 тыс. чел.	1959 г. – 50,8 тыс. чел.
1952 г. – 69,5 тыс. чел.	1960 г. – 36,2 тыс. чел.

* Подсчитано по: Народное хозяйство Коми АССР. Стат. сб. Сыктывкар, 1957. – С. 86; Коми АССР за 40 лет. Стат. сб. Сыктывкар, 1961. – С. 53; Коми АССР к 50-летию советской власти Стат. сб. Сыктывкар, 1967. – С. 45; Республика Коми к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сборник. Сыктывкар, 1995. – С. 150; История Коми... Том второй. – С. 503; Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (Далее – ГУРК «НАРК»), ф. 1, оп. 1, д. 609, л. 48.

** Из этого количества наличных членов колхозов только 82 тыс. чел. являлись взрослыми трудоспособными работниками.

*** Численность трудоспособных колхозников, принимавших участие на сельскохозяйственных работах (среднегодовая численность).

**** Численность трудоспособных колхозников.

№ 3) позволяют заключить, что планы вербовки кадров на постоянную работу в лесную отрасль как обычно не выполнялись. Отсутствие в графе «В том числе колхозники» таблицы № 3 сведений не означает, что постоянный состав рабочих лесных предприятий не комплектовался за счет колхозного крестьянства. Как известно, коми деревня в этот период была уже колхозной. С другой стороны, большие группы трудоспособных колхозников, проживая в сельской местности, работали на предприятиях лесной промышленности уже в качестве постоянной рабочей силы. В 1946 г. почти четверть всех наличных трудоспособных колхозников работала на предприятиях лесного комплекса Коми АССР, в 1958 г. – более 21%⁷.

Хозяйственные руководители предприятий Коми АССР были заинтересованы в комплектовании постоянного состава трудовых коллективов за счет местного населения республики. В то же время местные советские и хозяйственные органы, практически за весь рассматриваемый период, препятствовали переходу колхозников в «постоянный кадр» предприятий и организаций Коми АССР⁸. Одно-

* См. об этом подробнее – История Коми... Том второй. – С. 511.

Таблица 3

**Выполнение планов вербовки колхозников
на постоянную работу лесозаготовительных предприятий
Коми АССР***

Время учета	План вербовки (чел.)	Наличие постоянных работников (чел.)	В том числе колхозников (чел.)	Примечания
май 1931 г.	10000**	1797	69	
начало 1939 г.	8000	3975	нет сведений	
август 1939 г.	8400	3985	нет сведений	
июнь 1940 г.***	9030	5745	нет сведений	
октябрь 1940 г.	10000***	нет сведений	нет сведений	

* Подсчитано: ГУРК «НАРК», ф. р-144, оп. 1, д. 241, л. 68-71; ф. р-605, оп. 1, д. 29, л. 343-345; д. 50, л. 71-76; Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Том II. Сыктывкар, 2007. – С. 150.

** На наш взгляд, такой план набора постоянных рабочих лесной промышленности был установлен с учетом вовлечения в работу этой отрасли больших групп спецпереселенцев, которые были отправлены в Коми край в основном на лесозаготовительные предприятия – «промкадровики» – А.Т.

*** Приведенные цифровые данные за 1940 г. относятся к комплектованию постоянного кадра рабочих лесной промышленности за счет местного населения, то есть в основном колхозников. С учетом всех постоянных работников, занятых на предприятиях Коми АССР (спецпереселенцев первой волны, которых стали называть промкадровиками, далее – больших групп осадников и беженцев западных областей Советского Союза), на предприятиях лесного комплекса Коми АССР в 1939 г. было занято 13,5 тыс. постоянных работников, в 1940 г. – уже 24 тыс. чел. – см. ГУРК «НАРК», ф. п-1, оп. 4, д. 259, л. 68; оп. 3, д. 720, л. 113, д. 1066, л. 51.

временно надо указать, что несмотря на различные препоны, отлив сельских жителей в другие отрасли хозяйства республики продолжался. По сведениям исследователей В.С. Дегтева и Т.Г. Каляновой только в 1948 г. в лесную, угольную и нефтяную промышленность из деревни пришло 8895, в 1949 г. – 9909 местных жителей⁹. В 1951 г. на предприятия лесной промышленности поступили 9,8 тыс. местных колхозников¹⁰. В последующие годы приток рабочей силы из местных деревень и сел Коми АССР в лесные поселки республики резко сократился.*

* См. об этом поподробнее – О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанин. Указ. соч. – С. 79-80.

На наш взгляд, трудно определить долю бывших колхозников в составе постоянных работников лесной отрасли Коми АССР. А то, что она была значительна, можно проследить как из материалов переписи 1939 г., так и из данных единовременных учетов численности рабочих и служащих за отдельные годы. (В 1939 г. удельный вес лиц коренной национальности среди работников лесозаготовительной промышленности составлял около 63%, в 1953 г. – 16%,* в 1957 г. – более 24% ¹¹).

Несколько иной была картина выполнения планов вербовки (мобилизации) рабочей силы из села на сезонные работы в лесную отрасль хозяйства Коми АССР (см. материалы таблицы № 4). Как отмечалось в архивных документах за 1937 г., в предыдущие годы сезонная рабочая сила выводилась в лес «мягко выражаясь, в принудительном порядке».^{**} Хозяйственные органы лесной отрасли заключали двусторонние договоры с колхозами Коми АССР с конкретными обязательствами друг перед другом и, в частности, со стороны коллективных хозяйств – о направлении на заготовку и вывозку леса^{***} определенного количества колхозной рабочей и гужевой силы. Но, как обычно, колхозы свои обязательства перед лесхозорганами выполняли, а вот руководство лесных предприятий зачастую свои обязательства «забывало» (оказание технической помощи колхозному производству, выделение лошадей собственного обоза на сезонные сельхозработы и др.).

В первом квартале 1941 г.^{****} сезонная рабочая и гужевая сила сел и деревень Коми АССР выводилась в лес на основе платной трудовой и гужевой повинности (см. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1941 г.), а в годы Великой Отечественной войны – по мобилизационным планам. На лесной фронт направляли мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 18 до 45 лет.^{*****}

* Сведения только среди постоянных рабочих треста «Комилес» – А.Т.

** Из выступления зам. наркома лесной промышленности СССР Б.Гантмана на собрании актива Наркомлеса СССР 9 октября 1937 г. «По вопросу об осенне-зимних лесозаготовках 1937–1938 гг.». – См. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг. – С. 294.

*** Такие же договоры с колхозами стали заключаться и на сплавные работы. – А.Т.

**** По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1941 г. срок этой платной повинности был продлен до 15 апреля 1941 г. – см. Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941 гг. – С. 379-380.

***** В 1943–1945 гг. в лес выводили 14-летних подростков, стариков старше 55 лет, женщин старше 50 лет и домашних хозяйек с малолетними детьми и личным домашним скотом. – А.Т.

Выполнение планов вербовки (мобилизации) колхозников на сезонные работы в лесной промышленности Коми АССР*

Время учета	В абсолютных цифрах (чел.)	Процент выполнения	Примечания
1938 г. (конец года)	9065	45	вербовка
1939 г.	нет сведений	71,5	вербовка
1942 г.	14800**	нет сведений	мобилизация
1944 г.	16700**	нет сведений	мобилизация

* Подсчитано по ГУРК «НАРК», ф. р-140, оп. 2, д. 1921, л. 3, 5, 9, 23; ф. р-605, оп. 1, д. 29, л. 343-345. А.Н.Турубанов. Состав рабочих промышленности Коми АССР в годы третьей пятилетки (1938–1940 гг.) // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. Ист.-фил. сбор. Вып. 12. – Сыктывкар, 1970. – С. 74.

** Сведения в целом по сельским жителям.

Численность сезонных работников в лесных поселках Коми АССР в послевоенные пятилетки (1946–1960 гг.) была не постоянной. В первые послевоенные 1940-е г. более половины состава трудоспособного населения колхозного села¹² были заняты на зимних работах в лесу. В годы пятой и шестой пятилеток (1951–1960 гг.) численность местных колхозников-сезонников на лесозаготовительных предприятиях резко снижается,¹³ так как к этому периоду формы комплектования кадров лесного комплекса Коми АССР изменились: на первое место вышел организованный набор работников из различных областей и республик страны, что является предметом для другого исследования.

Таким образом, в 30–50-е годы XX века произошли определенные изменения в формах комплектования кадров лесной индустрии Коми АССР (см. материалы таблицы № 5). Приведенные сведения убедительно подтверждает общий тезис о том, что колхозное крестьянство, с ростом кооперативного движения в крае, все больше и больше

* В сезон 1948–49 г. на лесных делянках было занято до 60 % всех трудоспособных колхозников, в декабре 1950 г. – около 14,5 тыс. чел. (сведения без данных треста «Вычегдосплав»)¹³.

** В годовом отчете треста «Комилес» за 1955 г. численность колхозников-сезонников составляет около 3 тыс. человек (за 1960 г. сведений по сезонной рабочей силе из сел и деревень Коми АССР не обнаружено, хотя известно, что она применялась на лесных делянках и сплавных работах Коми АССР и последующие годы)¹⁴.

Изменения в составе работников лесной промышленности в Коми АССР (в % к общему числу)*

Время учета	Всех работников	Из них			
		сезонных	в том числе колхозники	постоянных	в том числе колхозники
1 января 1931 г.	100	нет свед.	10,1	нет свед.	нет свед.
20 января 1931 г.	100	нет свед.	18,9	нет свед.	нет свед.
31 мая 1931 г.	100	нет свед.	нет свед.	нет свед.	4
1 марта 1932 г.	100	91,8	нет свед.	8,2	нет свед.
1933 г.	100	нет свед.	28,3**	нет свед.	
1934 г.	100	нет свед.	44,8**	нет свед.	
1935 г.	100	нет свед.	64,8**	нет свед.	
1937 г.	100	54,9	нет свед.	45,1	нет свед.
1 февраля 1941 г.***	100	45,8	нет свед.	54,2	нет свед.
1 января 1946 г.	100	51	нет свед.	49,0	нет свед.

* Подсчитано по ГУРК «НАРК», ф. р-144, оп. 1, 235, л. 74, 75; д. 241, л. 68-71; ф. р-140, оп. 2, д. 2178, л. 43, 99; В.Г. Макуров «Роль северного крестьянства в развитии лесной промышленности. 1917–1941 гг.» // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Тр. Коми НИЦ УрО АН СССР, № 112. – Сыктывкар, 1989. – С. 147; Промышленные рабочие Коми АССР 1918–1970 гг. – М., Наука, 1974. – С. 54, 90.

** Сведения с учетом данных и среди постоянных работников.

*** По тресту «Наркомлес Коми АССР» сведения с 1 января 1941 г.

втягивалось в индустриальное производство региона. В составе работников лесной промышленности возросла доля постоянных рабочих и основная часть их в рассматриваемый период комплектовалась за

* Численность работников, занятых на предприятиях лесных поселков Коми АССР, в 1960 г. составила около 40 тыс. чел., что было практически в 2 раза больше, чем в 1945 г. – см. об этом подробнее – О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанов. Указ. соч. – С. 81.

счет колхозников деревень и сел Коми АССР. Этот общий вывод подтверждают сведения, выявление в ходе подготовки «Родословной» клана Турубановых из села Кобра Койгородского района Республики Коми.

В тридцатые годы, когда ширилось в Коми крае колхозное движение, начался процесс «объединения» мелких починок, выселков в единую колхозную «центральную усадьбу»^{*}. Однако многие люди, пожив в колхозной «семье», переходили на постоянную работу в ближние лесоучастки и лесопункты. Такие семьи имелись и у рода Турубановых – это наши родственники по линии моей матери, бабушки и дедушки (9 семей), по линии моего отца, бабушки и дедушки (2 семьи). Кроме того, все наши сородичи в зимние и весенние периоды работали на лесозаготовительных и сплавных работах.

В годы Великой Отечественной войны все население села Кобры было мобилизовано на лесной фронт, а ряд наших сородичей стали работать в лесных поселках на постоянной основе – более 20 человек (с учетом демобилизованных инвалидов из рядов Красной Армии).

Третья «волна» перехода бывших колхозников села Кобры приходилась на годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.). В первую очередь, покидали село демобилизованные участники Великой Отечественной войны, не спрашивая на это разрешения ни председателя колхоза, ни председателя сельского Совета. Вторую, тоже большую группу, составляли завербованные в лесную промышленность люди, которые на основе принятых правительством Коми АССР решений на законной основе покидали село – колхоз. Общее количество таких людей по селу за 1946–1950 гг. составило более 30 человек (как уже указывалось выше, в этот период большинство трудоспособных колхозников в зимний период работали в ближних лесопунктах Койгородского района).

В последнее десятилетие изучаемого нами периода (1951–1960 гг.) наблюдалась четкая тенденция «исхода» людей из деревни, во-первых, после окончания срочной службы в рядах Советской Армии (более 20 молодых ребят из нашего рода покинули село Кобру). И, во-вторых, после окончания общеобразовательных школ (тоже более 20 человек). Они стали работать на лесных предприятиях Кажимского и Койгородского лесспромхозов. Таким образом, за 1930–50-е

* В документах этого периода разговор шел «О мероприятиях по селению хуторских хозяйств». Однако многое не удалось осуществить. В постановлении СНК Коми АССР от 28 декабря 1940 г. отмечалось, что выполнение этого важнейшего хозяйственно-политического мероприятия, в установленный срок (14 ноября) по республике сорвано... (см. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Том II. – С. 122).

годы покинули село и поменяли вид своей деятельности более 100 сородичей нашего клана – рода Турубановых села Кобры Койгородского района Республики Коми.

Итак, в 30–50-е годы XX века лесная промышленность Коми АССР постепенно пополнялась постоянными кадрами рабочих и служащих. Задачей задач являлась закрепление их на данном производстве. В исследуемый период как по линии центральных, так и местных органов власти был принят ряд мер по закреплению работников лесных поселков, созданию им необходимых условий труда и быта. На наш взгляд, в создании этих условий необходимо выделить два периода: это 30–40-е годы 20 века и 1950-е гг. В первом периоде в лесных поселках Коми АССР строилось в основном жилье временного типа – бараки, которые предназначались, в первую очередь, для спецпереселенцев, бывших «кулаков», которые были завезены в Коми край в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века. Однако качество построенного жилья было неудовлетворительным: «потолки одинарные, сложены из сырого материала и поэтому рассышаются, печи сложены из необожженного кирпича, вследствие чего разваливаются». Такое жилье для закрепления колхозников-лесозаготовителей в постоянный кадр конечно не годилось.^{*} Директивные органы страны принимали меры для исправления сложившейся ситуации. В 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об условиях труда рабочих и служащих лесной промышленности и лесного хозяйства». В целях создания условий для формирования кадров лесной промышленности в этом постановлении предусматривался ряд льгот для постоянных работников, увеличилась продолжительность очередных отпусков, предоставлялись преимущества при направлении детей в учебные заведения и т.д. 3 марта 1936 г. СНК СССР принимает новое постановление, запрещающее правлениям колхозов противодействовать зачислению колхозников-лесозаготовителей на постоянную работу в лесспромхозы. Постоянным работникам предоставлялись в пользование земельные участки под огороды, сенокосы. Для приобретения в личное пользование домашнего скота им выдавалась ссуда.^{**}

* Эту мысль можно подтвердить небольшой выдержкой из доклада председателя Коми облисполкома А.Г. Липина «Об итогах хозяйственного, социально-культурного и советского строительства за период 1921–1936 гг». – «Жилищно-бытовые условия лесорубов требуют значительного улучшения, т.к. произведенные постройки используются только в течение короткого периода (1-3 сезона)» – см. «Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг. Сб. док. – Сыктывкар, 1989. – С. 118.

** В Коми АО уже с 1932 г. практиковался отпуск средств на приобретение скота и строительство индивидуальных домов. – См. об этом поподробнее – О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанов. Указ. соч. – С. 42.

Однако во многих лесопунктах и леспромхозах Коми АССР отпускаемые государством средства на индивидуальное жилищное строительство, а также на приобретение домашнего скота использовались не полностью. Так, например, в 1939 г. по тресту «Комилес» кредиты на жилье были освоены только на 60%, на приобретение коров и свиней – на 17,6%¹⁵. Темпы жилищного строительства в постоянных поселках лесников Коми АССР во второй половине 1930-х гг. несколько возросли, но все-таки объемы ввода жилья были очень скромными. В 1940 г. по статданным для работников лесной индустрии республики было построено всего более 15 тыс. кв. м. жилья¹⁶.

В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы новое государственное жилье практически не строилось. Хозяйственные органы пытались «латать» имеющиеся помещения, поддерживая их в более или менее в рабочем состоянии. По данным В.Г. Макурова в 1946 г. около 64% всего жилого фонда лесных поселков предприятий Европейского Севера СССР было временного типа¹⁷. В некоторых леспромхозах Коми АССР ситуация с жильем была значительно хуже¹⁸. Вместе с тем в послевоенные годы, особенно после известного постановления союзного правительства от 8 августа 1947 г. «О механизации лесозаготовок, освоении новых лесных районов и создании необходимых условий для закрепления рабочих и инженерно-технических кадров Министерства лесной промышленности СССР» в лесных поселках Коми АССР началось строительство капитальных индивидуальных жилых зданий и объектов социально-культурного назначения. В эти же годы увеличились государственные затраты на оказание помощи индивидуальным застройщикам жилья, улучшилось обеспечение кадровых лесозаготовителей приусадебными и сенокосными участками, хозяйства кадровиков освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога, а нормы обязательных поставок молока и мяса были установлены в половинном размере.

В 50-е годы объемы государственных капитальных вложений на развитие социальной сферы лесных поселков Коми АССР значительно возросли.* Увеличился ввод в строй нового жилья** (в основном стандартные дома щитовой конструкции), других объектов социаль-

ной сферы.* В этот же период проводились крупномасштабные работы по переводу жилплощади временного типа в постоянные, осуществлялись электрификация и радиофикация жилых помещений. Вместе с тем, как отмечалось в отчетном докладе Председателя Коми областного комитета профсоюза рабочих лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности С.Ф. Куштысева на V областной конференции (1–2 марта 1960 г.), «жилищная проблема в лесу не решена»: в среднем на одного жильца в лесозаготовительных предприятиях приходилось всего 4,4 кв. м жилой площади.²⁰ Благоустроенные жилые дома в этот период в лесных поселках Коми АССР еще не строили.

Закреплению кадров рабочих и служащих лесного фронта Коми АССР способствовало также увеличение государственных затрат на проведение социально-культурных мероприятий. В лесных поселках появились типовые школы, детские сады (ясли), учреждения здравоохранения и культурно-досугового назначения. В этот же период развернулось строительство новых предприятий торгового и бытового обслуживания, росла заработная плата рабочих и служащих лесных предприятий республики**. Таким образом, 1930–50-е гг. явились важным периодом в комплектовании кадров постоянного состава работников лесной индустрии Коми АССР. Колхозники местных сел и деревень составили значительную часть трудовых коллективов лесных предприятий республики.

Литература и источники

1. РСФСР за 50 лет. Стат. сб. – М., 1967. – С. 208.
2. Очерки по истории Коми АССР. Том II. 1917–1961 гг. Сыктывкар, 1962; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978; История Коми с древнейших времен до конца XX века. Том второй, Сыктывкар, 2004.
3. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970 гг. – М.: Наука, 1974; В.Г. Макуров. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1940–1955 гг.), Петрозаводск, 1979; О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанов. Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. – Сыктывкар, 2004.
4. Александров А.Н. К вопросу о численности рабочего класса Коми АССР в период Великой Отечественной войны (1941–

* Та, например, за 1950–1955 гг. по тресту «Печорлес» они составили около трети всех инвестиций – см. Леса и лесная промышленность Коми АССР. – М.-Л., 1961. – С. 227.

** Только за годы пятой пятилетки по сравнению с четвертой пятилеткой объем жилищного строительства возрос почти в 4 раза (362 тыс. м² за 1951–1955 гг. против 97 тыс. м² за 1946–1950 гг.)¹⁹.

* См. об этом поподробнее – О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанов. Указ. соч. – С. 84–86.

** См. об этом поподробнее – О.Е. Бондаренко, Г.А. Князева, А.Н. Турубанов. Указ. соч. – С. 86–88.

1945 г.) // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. Ист.-фил. сбор. Вып. 12. – Сыктывкар, 1970; В.С. Дегтев. К вопросу о формировании индустриальных кадров Коми АССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) // там же; А.Н. Турубанов Состав рабочих промышленности Коми АССР в годы третьей пятилетки (1938–1940 гг.) // там же; В.Г. Макуров «Роль северного крестьянства в развитии лесной промышленности. 1917–1940 гг. // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном отчете. (Тр. Коми НЦ УрО АН СССР, № 112. – Сыктывкар, 1989; Л.П. Заборцева, А.Н. Турубанов. Рабочие кадры лесозаготовительных предприятий Коми АССР в первое послевоенное десятилетие (1946–1955 гг.) // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. (Тр. Ин-та яз. лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, Вып. 61.– Сыктывкар, 1996 и др.

5. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Том II, Сыктывкар, 2007.– С. 143–152.

6. См. об этом поподробнее – История Коми... Том 2.– С. 388–389.

7. История Коми... Том второй. – С. 503.

8. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (Далее – ГУРК «НАРК»), ф. р-605, оп. 4, д. 127, л. 4-4об; оп. 1, д. 451, л. 17.

9. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970 гг.– С. 216.

10. ГУРК «НАРК», ф. р-140, оп. 2, д. 3837, л. 124.

11. Турубанов А.Н. Национальные кадры рабочего класса Коми АССР // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Вып. 1. Тр. Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО АН СССР, Вып. 52.– Сыктывкар 1991.– С. 120. Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг. Сб. док. Сыктывкар, 1989.– С. 212.

12. Заборцева Л.П., Турубанов А.Н. Указ. соч.– С. 88.

13. Дегтев В.С. Указ. соч.– С. 114; История Коми... Том II.– С. 510.

14. История Коми... Том II.– С. 510.

15. Совнарком Коми АССР в документах и материалах (1938–1946 гг.). Том II.– С. 147.

16. ГУРК «НАРК», ф. р-140, оп. 2, д. 1088, л. 53, 56, 63. 64.

17. Макуров В.Г. Указ. соч.– С. 16.

18. ГУРК «НАРК», ф. р-144, оп. 1, д. 3287, л. 10, 19.

19. Макуров В.Г. Указ. соч.– С. 16.

20. ГУРК «НАРК», ф. р-1319, оп. 1, д. 350, л. 84–88, 101, 104–107.

Д.Т. Козлова.
(г. Сыктывкар)

Советский опыт культурно-шефской деятельности городских учреждений на селе в Республике Коми

В советский период большое место в деятельности театрально-зрелищных учреждений занимала культурно-шефская работа на селе, традиция которой была заложена в 30-е годы XX века и связана с именем основателя коми театра В.А. Савиным.

В сентябре 1930 г. по окончании месячных курсов сценического мастерства выпускники составили труппу Коми инструктивно - показательного передвижного театра (КИППТ), перед которым были поставлены задачи: развитие театрального дела в области, пропаганда и просветительская деятельность, содействие развертыванию художественно-массовой работы в сельской местности. 8 октября 1930 г. с репертуаром «Злоумышленник» А. Чехова, «В лесу» Я. Апушкина, «Вставай в ряды» А. Глебова в переводе на коми язык КИППТ открыл свой первый театральный сезон, в течение которого театральный коллектив преодолел свыше 2 000 км «где на лошадях, где пешком». Во время гастролей было поставлено 28 бесплатных спектаклей. Кроме того, театром было организовано 29 сельских кружков художественной самодеятельности и три опорных пункта. Театр проводил большую политико-просветительную деятельность: устраивал политинформации, разъяснял задачи первой пятилетки, участвовал в проведении политических кампаний, таких как антирелигиозная, реализация займа, мобилизация средств на обороноспособность страны, быт лесорубов и др.

Артисты оказывали также практическую помощь в посевной и уборочной кампаниях. В 1931 г. КИППТ взял шефство над колхозом «Лозунг» Лозымского сельского совета, где артисты проводили большую общественную работу, организовывали производственные и женские собрания. В 1931 г. актриса Ф.Г. Юранева была направлена в подшефный колхоз для организации детских яслей на период посевной кампании. В том же году на вырученные от постановки спектаклей средства при поддержке Коми отделения Всерабис, колхоз приобрел косилку и механизированные грабли. «Мы же со своей стороны обязуемся во вторую большевистскую посевную кампанию учетверить-упятерить наш колхоз, ... довести процент коллективизации до 50 %, расширить посевную площадь на 35 %. Да здравствует пролетарское искусство! Да здравствует ВКП (б) – руководитель

социалистической переделки мелко-мельчайшего раздробленного крестьянского хозяйства» – писали колхозники в благодарственном письме Коми отделению Всерабис в 1931 г.

В конце 30-х – начале 40-х годов XX века по решению руководства республики в целях культурного просвещения сельского населения были созданы Объячевский, Ижемский и Усть-Куломский колхозно-совхозные театры, в формировании которых большая помощь была оказана Коми республиканским драматическим театром. Имея статус профессиональных, труппы колхозно-совхозных театров состояли из участников художественной самодеятельности и артистов Коми драматического театра, направленных на работу в сельские театры Управлением по делам искусств при СНК Коми АССР. Художественными руководителями колхозных театров были, как правило, артисты и режиссеры молодого Коми драматического театра: первый коми профессиональный режиссер Б.П. Семячков, заслуженные артисты Коми АССР В.П. Выборов и М.А. Расторгуев, лауреат Сталинской премии, автор лирической комедии «Свадьба с приданым» Н.М. Дьяконов, народный артист СССР И.И. Аврамов. В годы Великой Отечественной войны художественным руководителем Объячевского колхозно-совхозного театра был назначен эвакуированный из Москвы А.С. Юдин. Колхозно-совхозные театры внесли существенный вклад в формирование духовной культуры села, приобщении местного населения к театральному искусству.

В годы войны Коми республиканский драматический театр считал себя мобилизованным на весь период военных действий. Основной формой работы театра стали гастрольные поездки по республике с целью культурно-массовой и пропагандистской работы среди населения. Только за девять месяцев 1942 г. поочередно двумя составами театр сделал шесть длительных поездок, обслужив восемь районов республики. Во время гастролей коми и русской труппами было показано 155 спектаклей, которые посмотрели 39870 чел. Производственно-финансовый план 1942 г. Коми республиканским драматическим театром был выполнен к 1 ноября. Всего же в 1942 г. было поставлено 290 спектаклей, тогда как в 1941 г. – только 237.

В 1943 г. Управлением по делам искусств при СНК РСФСР было принято постановление «О художественном обслуживании трудящихся колхозов, совхозов, МТС в период весенне-полевой кампании», в соответствии с которым из состава Коми республиканского драматического театра были сформированы бригады для культурного обслуживания жителей сельской местности. В 1944 г. в период с 1 по 15 августа на р.Печоре работал агитпароход «Цильма», в состав которого входил передвижной театр. Впервые с творчеством профессио-

нальных артистов познакомились жители селений Когыль, Дугово, Подчерье, Кадач. За период гастролей театром было дано 66 представлений и концертов, которые посмотрели 7200 чел.

С первых дней войны концертно-эстрадное бюро и ансамбль песни и пляски Коми АССР перестраивает свою работу в соответствии с лозунгом «Работники искусств помогают фронту». В августе 1941 г. в составе КЭБ было сформировано пять агиткультбригад, которые с эстрадными программами патриотического и антифашистского содержания, такими как «За Родину, за Сталина!», «Били, бьем и будем бить!», выехали в сельские районы республики. Перед артистами была поставлена задача «проводить в районах республики агитационную работу на лугах, в бригадах, звеньях; мобилизовать трудящихся на досрочное выполнение производственных планов, оказывать помощь фронту». За время поездки артисты обязались собрать и сдать государству по 10-15 кг грибов и ягод каждый, а также оказывать помощь в уборке урожая. В 1944 г. творческим коллективом концертно-эстрадным бюро и ансамблем песни и пляски было дано 763 концерта, что втрое больше, чем в 1942 г.

В послевоенный период произошли значительные изменения в материально-финансовом положении театральных коллективов. В марте 1948 г. в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР «О сокращении государственных дотаций театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» на полную самоокупаемость были переведены русский республиканский драматический театр, Сыктывкарский кукольный и совхозно-колхозные театры. В результате бездотационной работы в 1948 г. прекратили свое существование Объячевский и Усть-Куломский колхозные театры, что значительно обеднило культурную жизнь сельского населения.

Заккрытие колхозно-совхозных театров негативно отразилось на культурном уровне сельского населения. Если указанные коллективы в год в среднем показывали до 300 спектаклей и обслуживали до 35 тыс. зрителей, то республиканский драматический театр, на который было возложено обслуживание сельского населения, в 1950 г. обслужил 107, в 1951 г. – 90, а в 1953 г. только 51 сельский клуб. Испытывая потребность в сценических представлениях, сельские жители сел Объячево, Летка, Корткерос, Помоздино, Выльгорт, Усть-Куломе, Усть-Цильма организовывали любительские театры, в работе которых Коми республиканский театр оказывал большую практическую и творческую помощь.

В связи с выходом в 1977 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурно-го обслуживания сельского населения» активизировалась шефская

работа театральных коллективов на селе. В 1977 г. Коми республиканским драматическим театром были взяты конкретные обязательства по шефству над коллективами народных театров сел Объячево, Корткерос и Айкино. Большую помощь путем чтения лекций, организации творческих встреч и бесед оказывали профессиональные мастера сцены народным театрам. В том же году между Коми республиканским драматическим театром и коллективом совхоза «Пажгинский» был заключен договор о социалистическом содружестве. В с. Лозым совхоза «Пажгинский» был создан филиал республиканского драматического театра, репертуарная афиша которого включала пьесы коми авторов («На восходе солнца цветок увял» В.Савина, «Праздник души» П.Шахова, «Человек остался один» И.Изьюрова) и русских «Последний срок» В.Распутина и «Над светлой водой» В.Белова), которые поднимали актуальные вопросы жизни на селе.

В 70-нач. – 80-х годов XX века сложилась достаточно стройная система в организации культурного обслуживания сельского населения. В эти годы театральная жизнь республики была сосредоточена на проведении массовых мероприятий, как Дни коми литературы и искусства, недели «Театр – селу», «Театр и дети», во время которых театральные коллективы не только бесплатно ставили спектакли, но и организовывали творческие встречи. Вновь возродилась такая форма работы, как зрительские конференции, что свидетельствовало о преемственности театральных традиций. Коллегия министерства культуры Коми АССР от 27 сентября 1978 г. отмечала, что концерты и спектакли на селе стали систематическим явлением. Если в 1977 г. в сельской местности Коми драмтеатром было сыграно 220 спектаклей и обслужено 31,9 тыс. человек, то в следующем году было поставлено 269 спектаклей, которые посмотрели 35,6 тыс. зрителей.

Выполняя постановление Коми обкома КПСС «О мерах по улучшению идейно-политического и нравственного воспитания молодежи в свете требований 25 съезда КПСС», республиканский музыкальный театр в 1978 г. в течение недели «Театр и дети» обслужил более 300 сельских школьников. Творческим коллективом театра были показаны 14 спектаклей всех жанров и для всех возрастных групп детей: музыкальные сказки «Муха-цокотуха» и «Сказки старых дедов», «Судьба барабанщика», оперы «Севильский цирюльник» и «Риголетто», балет «Яг-Морт». Спектакли были показаны также детям Княж-Погоста, Визинги, Эжвы, Лесозавода. В 1979 г. коллективом музыкального театра было дано 53 шефских концерта в совхозах, воинских частях и на предприятиях.

В связи с Постановлением Совета министров РСФСР «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению концертного обслуживания

населения РСФСР» от 15 января 1973 г. значительно активизировалась деятельность Коми республиканской филармонии по культурному обслуживанию сельского населения. В 1974 г. при плане 2 650 концертов коллективом филармонии только за первое полугодие было дано свыше 2 000 концертов, из них 630 в сельской местности.

Большую шефскую помощь путем чтения лекций и организацией творческих семинаров оказывал Союз коми композиторов действовавшей с 1964 г. самостоятельной композиторской организации в Ухте путем чтения лекций и организацией семинаров.

В 1982 г., включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование театрально-зрелищных предприятий системы Министерства культуры РСФСР, Республиканский ордена Дружбы народов драматический театр им. В.Савина проводил большую работу по культурному обслуживанию сельских жителей, работников лесной, газовой и нефтяной промышленности, перевыполнив план по количеству спектаклей и обслуживанию сельских зрителей. В первом полугодии 1982 г. спектакли Республиканского драматического театра посмотрели 96,0 тыс. зрителей (из них в сельской местности 17,0 тыс. зрителей при плане 5,6 тыс.), тогда как за тот же период 1981 г. Коми Республиканским драмтеатром было обслужено 83,0 тыс. зрителей.

В первой пол. 80-х годов продолжалось творческое содружество музыкального театра с сельскими районами республики. В Княж-Погосте успешно функционировал филиал музыкального театра на базе районного Дома культуры, на сцене которого были показаны многие спектакли текущего репертуара. Только в 1984 г. состоялось четыре выезда в этот район, во время которых музыкальные спектакли были показаны не только в районном центре, но и в других населенных пунктах: Студенце, Ачиме, Тракте, Турье, а также в д. Ляли.

В 1981 г. была заложена традиция проведения республиканского фестиваля «Печорские зори», девизом которых был «Мастера искусств – селу». Участниками ежегодных фестивалей, вплоть до 1996 г., были не только ведущие певцы и музыкальные коллективы республики, но и гости из столичных городов.

Таким образом, в социальной политике советского государства значительное внимание уделялось культурному просвещению сельского населения, приобщению его к театральной и музыкальной культуре.

Литература:

См. подробнее: Козлова Д.Т. История театральной и музыкальной культуры Республики Коми. XX век. – Сыктывкар: «Эском», 2007. – С. 208-224.

А.Д. Напалков
(г. Сыктывкар)

Роль местных представительных органов власти в развитии села в военные годы. 1941–1945. (на материалах Коми АССР)

Местные органы власти в годы войны сыграли важную роль в мобилизации материальных и людских ресурсов для нужд фронта. Вместе с тем освещению их деятельности в исторической литературе уделено крайне недостаточное внимание. На материалах Республики Коми изданы единичные публикации, содержащие лишь отрывочные сведения о организационно-массовой работе советов в указанный период. В настоящей статье основное внимание уделено сельским Советам. Среди властных структур они были самыми массовыми и непосредственно работали с населением, осуществляя свои полномочия в соответствии с Конституцией СССР 1936 г.

В Коми АССР Верховный и местные Советы сформировались согласно принятой в 1937 г. Конституции республики. В высший орган власти выборы состоялись в 1938 г., в местные – 24 декабря 1939 г. В единственной республике городской Совет – Сыктывкарский – было избрано 79 депутатов, в 15 районных – 390, 2 поселковых – 37, и в 150 сельских Советов – 2412 депутатов.¹ К концу войны в Коми АССР были образованы еще два сельских Совета и общее количество народных избранников возросло до 2186 человек.² В сложнейший для страны период сельским органам власти пришлось решать вопросы организации жизни села, которое включало не только производство сельскохозяйственной продукции, но и эффективное функционирование социальной сферы. С первых дней войны вышестоящие органы власти республики постоянно напоминали об ответственности сельских Советов за состояние дел в подведомственных населенных пунктах. Достаточно конкретно об этом было сказано еще раз в письме Президиума Верховного Совета Коми АССР исполкомам районных Советов от 10 декабря 1943 г., «Забота об успешной работе колхозов, промышленных предприятий... – главное в деятельности сельского Совета и его председателя. Но вместе с тем он должен повседневно заботиться о выполнении всех видов сельскохозяйственных поставок перед государством, о выполнении финансовых планов, о нормальной работе школы, больницы, медпункта, клуба, избы читальни, о том, чтобы семьи фронтовиков постоянно чувствовали заботу и помощь, чтобы инвалиды Отечественной войны были

устроены на работу, чтобы в селе поддерживались порядок и чистота и т.д.».³

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала от властных структур коренной перестройки организационно-массовой работы. Первоочередной задачей, которую следовало решить весьма оперативно, являлся перевод экономики на военный лад, воплощение в жизнь лозунга: «Все для фронта». Для государственных органов власти на селе перевод экономики на военный лад означал, прежде всего, обеспечение в установленном объеме нужд фронта в продукции земледелия и животноводства, бесперебойной работы учреждений образования и здравоохранения.

Основой деятельности Советов оставалась организационно-массовая работа – своевременное проведение сессий, заседаний, исполкомов, постоянных комиссий, осуществление депутатского контроля за претворением в жизнь принятых решений. В условиях войны все это было направлено на повышение эффективности оказания помощи фронту. Между тем местные представительные органы, особенно сельские, ссылаясь на отсутствие кворума, в связи с призывом депутатов в армию вообще перестали созывать сессии, распустили постоянные комиссии. Несомненно, что депутатские ряды поредели сразу же после начала войны. Так, за период с июля по ноябрь 1941 г. из 79 депутатов Сыктывкарского горсовета одиннадцать ушли на фронт, в Троицко-Печорском районе из 6 председателей сельсоветов 5 были призваны в армию. В Усть-Куломском районе вскоре после начала войны пришлось вновь избрать пять председателей и 10 секретарей сельсоветов.⁴ Таким образом, каждый Совет уже в течение первых месяцев войны лишился значительной части своих депутатов.

Однако сложившаяся ситуация не давала оснований отказываться от проведения установленных законом форм и методов организационно-массовой работы. Задачи Советов в условиях войны были определены еще в письме Председателя Президиума Верховного Совета Коми АССР Г.В. Ветошкина от 19 августа 1941 г. Среди них кроме производственных как основные были отмечены работа по пополнению рядов Красной Армии, развертывание военного обучения, организация борьбы с пожарами, сбора взносов в фонд обороны страны и другие.⁵ И Президиум Верховного Совета весьма оперативно стал реагировать на случаи нарушения конституционных принципов. 8 октября 1941 г. он принял постановление «О перестройке работы постоянных комиссий Советов на военный лад в Усть-Цилемском районе». Отметив «исключительно» плохую их деятельность, Президиум указал председателю райисполкома Федотову, «что исполком Устьцилемского райсовета совершает грубейшую политическую ошибку».

ку, допустив свертывание работы постоянных комиссий Советов...» 22 октября 1941 г. Президиум Верховного Совета обращается к вопросу проведения сессий местных Советов. Своим постановлением высший орган власти обязал исполкомы Советов «обеспечить регулярный созыв и проведение сессий... независимо от наличия оставшихся в пределах Советов депутатов, привлекая к работе сессий и Совета самые широкие слои актива». Этим же решением он потребовал «немедленно восстановить работу всех постоянных комиссий».⁶

Следует отметить, что в годы войны даже в маленьких сельских населенных пунктах был не один колхоз, а в крупных – до 5-7. В этих условиях местный представительный орган власти оставался единственным центром, который был обязан координировать их работу, осуществлять контроль за выполнением задач, стоящих, в частности, перед сельхозартелями, поэтому ослабление организационно-массовой работы на местах было недопустимо.

Принимаемые меры давали свои результаты. В докладной записке Президиума Верховного Совета Коми АССР в Президиум Верховного Совета РСФСР, составленной в начале 1942 г. отмечалось, что выявленные недостатки достаточно быстро устранялись. Более того, как указывается в документе, многие Советы на местах в условиях войны стали работать «намного лучше, чем раньше».⁷ Именно при такой постановке дела удавалось решать многие социальные проблемы. Так, только в 1944–1945 гг. для семей красноармейцев было заготовлено и подвезено 50 тыс. куб. м. дров, а колхозники выдали нуждающимся до 11 тыс. ц. зерна и другие продукты питания.⁸

Одной из важнейших задач, которую следовало решать сельским властным органам, было неукоснительное выполнение планов поставок продукции земледелия и животноводства для нужд фронта. Поэтому в этот период особенно возросла роль сельскохозяйственных комиссий сельских Советов. На 1 января 1943 г. в 125 таких комиссиях работали 388 депутатов. На заседаниях ими регулярно рассматривались вопросы выполнения сельскохозяйственных планов, расширения посевных площадей, пополнения семенных и страховых фондов, подготовки к зимнему содержанию скота.* В документах содержится большое количество примеров активной работы сельскохозяйственных комиссий. В Усть-Куломском сельском Совете во главе с депутатом Д.И. Сладкоштиевым в 1941 г. она проанализировала состояние содержания скота, ход выполнения заготовки торфа и золы, кормов во всех 7 колхозах села. После проверки комиссия подготовила и поставила на обсуждение сессии доклады трех председателей

* Деятельность Советов Коми АССР.– С. 134.

колхозов. И проверка, и обсуждение на депутатском форуме оказали позитивное влияние на состояние дел в хозяйствах.⁹

В условиях военного времени чрезвычайно важным был пример самих депутатов в решении стоящих перед колхозами задач. Они сами должны были не только самоотверженно трудиться, но и побуждать к этому других. Так, депутат Аныбского сельского Совета Сторожевского района К.Г. Лобанова на уборочных работах 1942 г. ежедневно выполняла нормы на 200-300 процентов. Депутат Объединенного сельсовета Прилузского района В.П. Смолева, работая звеньевой, в 1942 г. обеспечила получение 14 ц. зерна с одного гектара, тогда как в целом по республике в указанном году средний сбор с 1 га составил 8,3 ц. Сельские органы государственной власти, их депутаты в годы войны в целом успешно справились с одной из главных задач – своевременно и в установленном объеме поставляли для нужд фронта продукцию сельского хозяйства, особенно это касалось зерна. За годы войны колхозы Коми АССР по обязательным поставкам сдали государству 47 тыс. т. зерна, 89 тыс. т. картофеля, 15,5 тыс. т. овощей и много другой продукции. Конечно, социальная цена успеха была весьма высока. Так, при существенном сокращении валового сбора поставки государству зерна увеличились почти на 20%.¹⁰

Выполнение народно-хозяйственных планов несомненно всегда стояло на первом месте во всей деятельности сельских Советов. Вместе с тем и в условиях военного времени им необходимо было решать многие вопросы, связанные с работой школ, детских дошкольных, медицинских, культурных учреждений. Казалось бы, что проблемой, связанной с обязательным обучением детей в годы войны можно было пренебречь. В принятой в 1937 г. Конституции республики говорилось, что «граждане Коми АССР имеют право на образование», и оно «обеспечивается всеобщим обязательным начальным образованием, бесплатностью образования...».¹¹ Однако, государство поощряло, чтобы после окончания начальной школы (4 класса) и получения свидетельства, дети продолжали учиться дальше, по крайней мере до завершения неполной средней школы (7 классов).*

Исходя из этого вышестоящие органы требовали от сельских властей строгого соблюдения Закона о начальном всеобщем. Между тем в годы войны резко увеличилось количество детей, не охваченных учебой, либо оставляющих ее. Так, уже в первом году войны их число составило более 2 тыс. человек, а к ноябрю 1941 г. отсев составил 175 учащихся. Эти цифры приводятся в постановлении Президиума Верховного Совета Коми АССР от 25 ноября 1941 г. Своим

* Вплоть до середины 1950-х годов на селе среднее образование было платным.

решением высший орган власти Республики потребовал от председателей местных представительных властных структур, в т.ч. сельских безусловное выполнение Закона о всеобуче.¹² Надо отметить, что органы власти на селе систематически рассматривали на сессиях, исполкомах, культурно-просветительных комиссиях вопросы охвата детей школьного возраста учебой, не допущения отсева. Однако, эта задача решалась трудно не только в военные годы, но еще долго после ее окончания. Одной из главных причин неохвата, отсева были отсутствие одежды и обуви (особенно зимней), нарастающий голод. В силу острого недостатка средств сельские Советы не могли в полной мере решать эти проблемы. Тем не менее и в таких условиях они делали все возможное для обеспечения учебного процесса, организуя своевременный ремонт школ, заготовку дров для их отопления, взаимодействие школ и колхозов.

Первый же год войны перед властными структурами поставил задачу, связанную с оказанием помощи семьям фронтовиков, устройством инвалидов на работу, выплатой пенсий и пособий. Ее решение, как важнейшего направления государственной политики, должны были обеспечивать именно Советы. Эта работа находилась под постоянным контролем вышестоящих органов, партийных комитетов. 22 января 1943 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих».¹³ В связи с этим в городах и селах проводились самые разные мероприятия: декадни и месячники помощи, создавались соответствующие фонды, финансовые и заготовительные организации представляли населению льготы при налогообложении. В 1943 г., например, материальное и денежное содействие получили 26596 семей фронтовиков. Только продуктов питания им было выделено около 23 тыс. пудов.¹⁴ Кроме того, такие семьи обеспечивались продуктивным скотом, дети фронтовиков отдыхали в пионерских лагерях и в так называемых детплощадках, организуемых в летний период. Таким образом, на примере деятельности сельских Советов в годы войны можно сделать вывод о том, что система государственной власти в тяжелейший для страны период показала себя вполне жизнеспособной.

Литература и источники

1. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», ф. 642, оп. 2, д. 634, л. 39, 42, 62.
2. Там же, оп. 3, д. 191, л. 7.
3. Деятельность Советов Коми АССР. Сборник документов. 1917–1985.– Сыктывкар, 1988.– С. 189. (Далее: Деятельность Советов...).

4. А.Д.Напалков. Советское строительство в 1940-е – первой половине 1990-х годов // Республика Коми – 80 лет. Очерки, посвященные 80-летию государственности Республики Коми в составе Российской Федерации.– Сыктывкар, 2001.– С. 91.

5. Деятельность Советов...– С. 122-124.

6. Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Том 1. (июль 1938 – апрель 1945).– Сыктывкар, 1998.– С. 15–16. (Далее: Свод правовых актов...).

7. Деятельность Советов Коми АССР...– С. 127.

8. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х томах. Т. 1.– Сыктывкар, 2004.– С. 464.

9. Деятельность Советов...– С. 129.

10. Там же.– С. 136–137; А.Ф. Сметанин, Д.В. Милохин. Производственная деятельность колхозного крестьянства Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола».– Сыктывкар, 2004.– С. 146.

11. Конституция (Основной Закон) Коми Автономной Советской Социалистической Республики. (Принята чрезвычайным XI съездом Советов Коми АССР 23 июня 1937 года) // Твои Конституции, Республика. Сборник текстов Конституций Коми АССР и Республики Коми (1937–2003).– Сыктывкар, 2004.– С. 25.

12. Напалков А.Д. Верховный Совет Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола».– Сыктывкар, 2004.– С. 125.

13. История Великой Отечественной войны Советского Союза.– Т. 3. – С. 204, 609.

14. Деятельность Советов...– С. 142.

Д.В. Милохин
(г. Сыктывкар)

Организация военной экономики в коми деревне в годы Великой Отечественной войны

22 июня 1941 года фашистская Германия, а позднее и ее европейские союзники вступили в военные действия против Советского Союза. Со стороны агрессоров война с первых дней приобрела тоталь-

ный, нацеленный на полное уничтожение населения СССР характер. Для советского народа началась Великая Отечественная война.

Осознание исключительной опасности, нависшей над всем обществом с одной стороны и справедливых целей Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией и ее сателлитами с другой – обусловили общенародный характер Великой Отечественной войны. Законом жизни для советского народа становится лозунг «Все для фронта! Все для Победы!», объективно отражающий всю суровость реалий военного времени.

Вторая Мировая война была войной ресурсов и, в долгосрочной перспективе, та сторона, у кого их оказывалось больше – выходила победителем. Следовательно, перед союзными и региональными органами власти и управления стояла задача с одной стороны сорвать блицкриг, с другой – мобилизовать возможно больше сил и средств для нужд фронта и тыла.

Наряду с остальными социальными группами советского общества колхозное крестьянство активно включилось в строительство военной экономики и, кроме того, активно пополняло ряды личного состава вооруженных сил СССР. В первый же день войны в каждом населенном пункте были организованы митинги и собрания колхозников. На них участвовало практически все население. «По первому зову партии и правительства все мы, как один, встаем на защиту социалистической Родины», – гласила резолюция митинга колхозников села Визинга Сысольского района.¹

Первоочередной задачей для организации обороны страны стала масштабная комплектация вооруженных сил. По Указу Президиума Верховного Совета Союза СССР от 22 июня 1941 г. уже на второй день войны на территории Коми АССР началась массовая мобилизация военнообязанных граждан в Красную Армию и Военно-Морской флот.

Были открыты многочисленные призывные пункты. Одновременно началась мобилизация в армию транспортных средств: коней, повозок, автомашин, тракторов и даже ездовых оленей с нартами, которые отправлялись на карельский фронт. Для организации проведения мобилизации обком ВКП(б) и райкомы партии командировали в колхозы, совхозы и МТС специальных уполномоченных.

Мобилизация военнообязанных повсеместно прошла в установленные сроки. Ярким проявлением патриотических настроений военнообязанных граждан явилось добровольческое движение в армию.²

В связи с началом войны в сельском хозяйстве, как и в других отраслях экономики было введено чрезвычайное положение. Всем

руководящим органам предписывалось осуществить любые меры (курсив – авт.) по уходу за сельскохозяйственными культурами, по сеноуборке и заготовке кормов, по подготовке к проведению уборки урожая, заготовке сельскохозяйственной продукции.

В связи с острой необходимостью были изменены все производственные планы, прежде всего – уборочной кампании 1941 г. Заново перераспределялась рабочая сила: работы, ранее выполняемые преимущественно мужчинами, теперь вынуждено перекладывались главным образом на женщин, колхозников пожилого возраста, подростков, а на посильных вспомогательных работах – даже на детей.

В приказном порядке в колхозах в период массовых сезонных работ вводились графики круглосуточного труда. В остальные периоды был увеличен рабочий день. Все наличное население, ранее не участвовавшее в общественном производстве, принудительно привлекалось к труду.

Бюро обкома ВК(б), СНК Коми АССР 30 июля 1941 г. приняли совместное постановление «О подготовке трактористок, комбайнерок и шоферов из женщин для МТС Коми АССР»,³ согласно которому в оставшиеся месяцы 1941 г. намечалось подготовить на краткосрочных курсах 535 женщин-механизаторов.

Также в связи с военной мобилизацией вводилась краткосрочная подготовка колхозных кадров преимущественно из женщин: звеньевых, полеводов, старших пастухов-оленоводов, колхозных бригадиров, заведующих МТФ, председателей колхозов. Для высвобождения на сельхозработы женщин, у которых на руках были маленькие дети, по решению райисполкомов в селах была расширена сеть сезонных колхозных детплощадок.

В июле-августе 1941 г. на работу в МТС было направлено 80 женщин механизаторов. Краткосрочные курсы были организованы при Сыктывкарской школе механизации сельского хозяйства, Ульяновской школе сельхозобразования. Срок обучения вынуждено сокращался по сравнению с довоенным временем до 25-35 дней, вместо 5-6 месяцев. В целом по Коми АССР в 1941 г. 732 женщины и девушки получили специальности трактористов, комбайнеров, шоферов, ремонтных рабочих.⁴

В целом, это позволило на период уборки урожая 1941 г. в большей части восполнить убыль в армию сельских механизаторов.

В итоге в военные месяцы 1941 г. значительно увеличилось участие нетрудоспособного населения в общественном хозяйстве колхозов. На помощь колхозам были призваны учащиеся школ, средних специальных учебных заведений, студенты вузов. Широко привлекалось к сельхозработам население самого Сыктывкара и районных

центров. Однако убыль в армию самой квалифицированной, трудоспособной части рабочих полностью возместить было невозможно.

Коми АССР всегда была потребляющим районом в отношении продукции растениеводства. Однако в военное время усилилась необходимость «самоснабжения» в потребляющих областях. Перед сельским хозяйством Коми АССР встала задача максимально использовать местные ресурсы для удовлетворения потребностей быстро растущего в республике промышленного населения⁵ в хлебе и других продуктах питания и тем самым решить общую задачу восполнения временной потери важнейших сельскохозяйственных баз страны.

Согласно новым производственным планам (которые отныне имели статус «военно-производственных») колхозы Коми АССР должны были увеличить производство картофеля, овощей, а в северных районах (в зоне Печорского угольного бассейна, Ухтинского Нефтегазопосного района, вдоль Северо-Печорской железнодорожной магистрали) также и мясо-молочных продуктов.

Уже в августе 1941 г. колхозы Коми АССР получили задание на увеличение посева озимых культур в колхозах Коми АССР, которое они смогли выполнить: засеяли озимых 20879 га или на 2966 га больше, чем в 1940 г.⁶

Военно-хозяйственным планом полевых работ по Коми АССР на 1942 г., утвержденном VI пленумом Коми обкома ВКП(б) (ноябрь 1941 г.) предписывалось резкое увеличение площади посева картофеля. По всем секторам сельского хозяйства – на 95%, в том числе в колхозах на 65%.

Своим самоотверженным, патриотическим трудом колхозное крестьянство, работники МТС, ценой исключительных усилий в основном собрали урожай 1941 г. Однако экономика далеко не всех хозяйств могла адекватно отвечать на нужды военного времени. Во многих колхозах республики из-за недостатка рабочей силы и техники были собраны низкие урожаи, часть посевов в северной зоне осталась под снегом. Это привело к снижению средней урожайности и валового сбора основных сельскохозяйственных культур.

Так, средняя урожайность с одного га уменьшилась: по зерновым с 10,2 ц в 1940 г. до 9,6 ц в 1941 г., картофеля, соответственно, с 81,7 ц до 52,2 ц. Валовой сбор зерна в колхозах также снизился с 55,3 тыс. тонн до 48,5 тыс. тонн, картофеля, соответственно, с 44,7 до 35,1 тыс. тонн.⁷ Однако, при этом, Коми АССР своевременно выполнила план 1941 г. по поставке продовольствия и сырья государству и внесла значительное количество молока, мяса, шерсти в фонд обороны.⁸ Это объясняется тем, что на указанные цели колхозам пришлось выделить практически весь объем продукции.

Таким образом, можно сделать вывод, что органы власти и управления страны всецело воспользовались колоссальными мобилизационными возможностями колхозной системы, созданной в предвоенное десятилетие. В ходе перевода экономики на военный лад из коми деревни были в весьма сжатые сроки изъяты значительные объемы трудовых, материальных и иных ресурсов. Безусловно, это не могло не нанести ущерб сельскому хозяйству. Однако, не смотря на это, аграрная система не утратила управляемость, а колхозная деревня не только не прекратила хозяйственную деятельность, но не допустила значительного падения показателей довоенного развития. Колхозы, ценой перенапряжения всех сил, продолжали функционировать и выполнять поставленные задачи.

Литература и источники

1. За новый Север. – 1941, 24 июня.
2. Подробнее см.: Боле Е.Н. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: На материалах Коми АССР. Дисс. Канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2004.
3. НА РК. Хран. № 2, ф. 1, оп. 1, д. 401, л. 96–98.
4. Очерки по истории Коми АССР. Т. II. – С. 324.
5. Подробнее см.: Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970 гг. – М.: Наука, 1974. – С. 159–175.
6. НА РК. Хран. № 1, ф. 408, оп. 5, д. 284, л. 14.
7. НА РК. Хран. № 2, ф. 1, оп. 2, д. 4106, л. 302–303.
8. НА РК. Хран. № 1, ф. 408, оп. 5, д. 284, л. 14; КРГА ОПДФ, ф. 1, оп. 2, д. 4106, л. 303.

О.Б. Молодов

(г. Вологда)

Православное духовенство Вологодской епархии в 1940–1980-е годы

Православное духовенство в советский период отечественной истории, особенно во второй половине XX столетия, являлось узким социальным слоем. Официально зарегистрированных «служителей культа» на территории Вологодской области и одноименной епархии в 1950–1980-е гг. было не более сорока человек. Однако состав православного духовенства в этот период в северном регионе практически не изучен, вследствие чего представляет особый интерес.

К началу 1943 г. на территории Вологодской епархии остался один действующий приход – Богородская кладбищенская церковь областного центра. Система епархиального управления была фактически разрушена, а значительная часть духовенства уничтожена в ходе репрессий 1930-х гг., находилась в лагерях или на фронтах Великой Отечественной войны. С осени 1943 г. в масштабах всей страны начались позитивные изменения в конфессиональной политике, позволяющие говорить о религиозном возрождении, правда, ограниченном строго определенными рамками. В результате упорной борьбы верующего населения на территории Вологодской области к 1949 г. стали действовать еще 16 православных приходов. При этом на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ И.М. Игнатова в 1944–1949 гг. поступило 477 заявлений верующих об открытии храмов.¹

К началу 1950 г. клир епархии уже состоял из 26 священников и 7 диаконов, служивших в 17 приходах.² Почти всем священникам (кроме одного) было свыше 55 лет. Рукоположены после 1945 г. были только двое. Одиннадцать – до 1918 г., двенадцать – в 1918–1930 гг., один – в 1930–1941 годах.³ Подавляющее большинство священников имели духовное образование, полученное еще до 1917 г., реже – в первые годы Советской власти, когда в Вологде работала пастырская школа. Некоторые из них имели опыт церковного служения псаломщиками и диаконами (С. Чахутин, Ф. Малышев, Н. Жуков, И. Казаков).

Будущие священники воевали в Первую мировую войну (Ф. Малышев), служили в разные годы в Красной Армии: С. Чахутин – в 1918–1921 гг., а И. Казаков – в 1918–1932 гг., участвовал в «Зимней войне» с Финляндией 1939–1940 гг., в Великой Отечественной войне в 1941–1943 годах. Сын священника протоиерей И. Птицын – кадровый офицер царской армии и участник Первой мировой войны – служил впоследствии (1919–1925 гг.) «на видных постах» в Красной Армии.

Примечательно, что многие представители клира ранее занимали должности бухгалтеров, счетоводов и плановиков на различных гражданских предприятиях (Н. Жуков, И. Казаков, И. Птицын, Г. Юрьев, И. Иванов). Будущий протодиакон кафедрального собора С. Иванов был коммерческим директором двух ленинградских заводов, прошел Финскую кампанию и Великую Отечественную войну. С 1945 по 1947 год состоял в должности артиста Ленинградской Академической капеллы. Некоторые ранее занимались педагогической деятельностью: Н. Жуков преподавал на счетных курсах в Ленинграде и Вологде, И. Птицын учил литературе и педагогике в г. Чухломе Костромской области.

Особый интерес представляет личность протоиерея Г.И. Юрьева – выдающегося исследователя и миссионера, члена Архангельского общества изучения Севера. Он имел педагогическое образование, а получив священнический сан, служил в Печоре, самоедском приходе Тельвиску (Ненецкий округ), посетил о. Вайгач, Югорский шар, Тиманскую тундру, где организовал школу и оспопрививание. Г. Юрьев был настоятелем вагона-церкви, который впоследствии сдал в железнодорожные мастерские г. Вологды и с 1948 г. начал служение в Вологодской епархии.

Таким образом, типичным для второй половины 1940-х гг. было формирование клира из заштатного духовенства, имевшего многолетний опыт церковно и священнослужения, иногда и дореволюционный. Для официальной регистрации таких кандидатов требовалось только получение соответствующей справки у уполномоченного СДРПЦ, что упрощало процедуру формирования епархиального клира.

Еще одной особенностью православного духовенства являлось наличие судимостей у многих священников. В некоторых регионах, например в Рязанской области, число судимых представителей причта на начало 50-х гг. доходило до 65 процентов.⁴ В дальнейшем практика выдачи справок об официальной регистрации ранее судимым резко сократилась, поскольку в конце 1948 г. уполномоченным СДРПЦ поступила соответствующая инструкция из головного органа, датированная 23 сентября.⁵ Именно в этом году уполномоченный Совет И. Игнатов подготовил специальную справку о судимых представителях духовенства.⁶ Поскольку запрет не имел обратной силы, на начало 1949 г. на Вологодчине официально продолжали служить 12 священников и диакон, прежде отбывавшие уголовные наказания за различные преступления. Подобные ограничения сократили кадровый потенциал Церкви и отрицательно повлияли на процесс открытия православных храмов.

Судя по имеющимся данным, в «жернова» сталинских репрессий середины 1930-х гг. попали многие православные священнослужители, в том числе на тот момент бывшие. Некоторые из них – по два-три раза. Ранее судимыми были настоятели 9 из 17 приходов, находящихся на территории области. Кроме того, три священника крупных городских храмов – Богородского кафедрального собора, Воскресенской церкви г. Череповца и Прокопьевской церкви г. Великого Устюга также имели судимость. Среди рукоположенных в 1948 г. представителей клира оказался только один диакон, освобожденный в 1947 г., отбывший почти 10 лет лагерей. Ему удалось получить сан незадолго до появления вышеупомянутого запрета.⁷

Наличие указаний на статьи действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (правда, не у всех судимых) позволяет заключить, что большинство осуждалось за политические преступления: по печально известной «контрреволюционной» статье 58 п. 10 и 11, связанной с нею статье 61 (участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии), реже – по статье 73 (измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее). В совокупности представители клира Вологодской епархии фактически отбыли в исправительно-трудовых учреждениях более 65 лет, поскольку в тот период широко применялось условно-досрочное освобождение.

Наличие «уголовного прошлого», особенно в условиях дефицита кадров, видимо, не пугало епископа Иустина (Мальцева). Возможно, данные лица, как пострадавшие за веру и принадлежность к Церкви (что в большинстве случаев очевидно), внушали больше доверия и епископу, и верующим. Назначение многих из них настоятелями приходов косвенно об этом свидетельствует. С другой стороны, судимость половины вологодского клира могла использоваться властями в антирелигиозной пропаганде и являлась своеобразным «козырем» в борьбе с религией и Церковью.

Репрессированные священнослужители по разным причинам (преклонный возраст, плохое состояние здоровья, нарушения дисциплины) служили в епархии в течение непродолжительного времени. Спустя 15 лет (на 1 января 1963 г.) из них остались только двое: А. Ч-й (Прокопьевская церковь) и В. М-в (Никола-Ламанская церковь).⁸

Своеобразным явлением послевоенного времени стали на Вологодчине «попы-передвижки», возможно, названные так с легкой руки уполномоченного И. Игнатова. Это священнослужители, не имевшие прихода и справки о регистрации и не желавшие служить легально, несмотря на предложения епископа Иустина. Они переезжали из района в район и проживали в домах верующих, совершая религиозные обряды. Естественно, что за требы они получали деньги, нигде не учитываемые и не облагаемые налогом. Это наносило определенный ущерб как государству, так и действующим приходам. Видимо, минимальное количество приходов (29 районов области из 41 были «бесцерковными») и стало основной предпосылкой деятельности «попов-передвижников» и «бродячих самозванцев».

В 1944 г. уполномоченным отмечается деятельность некоего диакона в Тарногском районе, а также бывшего послушника Заоникиев-

ского монастыря О-на в Сокольском и Харовском районах, который был позднее «привлечен и осужден» как и «священник» в Лежском районе.⁹ Некоторых из них удалось принять на службу в клир епархии – Н. Кулакова (г. Грязовец) и Ф. Малышева (Уломский район). Нелегально служивший в Сокольском районе В. О-й, по слухам, убыл в Архангельскую область.

К «самочинцам» можно отнести не имеющего сана С. Ч-на, который два-три раза в год проводил богослужения в недействующей Смоленской церкви Оштинского района, на которых собиралось до 50 верующих.¹⁰ Если в 1947 г. «безместных священников» насчитывалось около десяти, то в следующем году только пять. В 1948 г. два «нелегала» «клятвенно заверили райфинотдел, что больше исполнять религиозные требы и служить не будут».¹¹

Несмотря на предпринятые меры, неформальная религиозная жизнь на Вологодчине сохранится и в последующие десятилетия, но бывших священников заменят верующие «бабушки» и «старцы», не имевшие сана.¹² Основная причина «самочинного требоисполнительства» останется прежней – это недостаток действующих на территории области приходов. После реформы административного деления 16 из 26 районов Вологодской области так и останутся «бесцерковными».

Таким образом, православное духовенство в период возрождения Вологодской и Череповецкой епархии имело существенные особенности. Во-первых, это солидный возраст священнослужителей послевоенного пятилетия. В дальнейшем для клира епархии будет свойственно постепенное омоложение. Во-вторых, официальное возвращение в Церковь для подавляющего большинства священников того периода было связано только с оформлением справки о регистрации у уполномоченного СДРПЦ, поскольку большинство из них рукоположено в сан еще до 1930 года. Впоследствии этот источник пополнения клира иссякнет, а основным способом станет рукоположение мирян. В-третьих, это наличие судимостей у многих священнослужителей, прошедших суровые испытания в годы политических репрессий и пострадавших за веру и принадлежность к Церкви. В последующие десятилетия ранее судимые представители клира и миряне не будут получать официальной регистрации.

Сохранившиеся данные о составе духовенства в 1960–1980-е гг. также не отличаются полнотой и имеют обрывочный характер. В отчете управляющего епархией за 1962 г. содержится информация на весь состав клира Вологодской епархии, включая диаконов.¹³ Однако на 1 января 1987 г. в архивных материалах имеются персональные данные только на священников.¹⁴ Благодаря этим документам

есть возможность сопоставить некоторые характеристики «служителей культа» и выявить тенденции дальнейшего развития качественного состава клира.

В 1960-е гг. возрастной состав священнослужителей Вологодской епархии был разнообразным. Из 29 священников основную долю составляли лица среднего и старшего возраста, составлявшие около половины клира. Вместе с тем значительная его часть (41,4%) это пожилые священники, получившие религиозное воспитание в дооктябрьский период, но начавшие свое служение после революции 1917 года. В меньшей степени в среде духовенства представлены молодые люди до 30-летнего возраста, составлявшие 10,3% от количества священников епархии. Это лица, родившиеся в 1930-е гг. – в период реализации политики «воинствующего атеизма». В СССР именно на молодежь было обращено острое антирелигиозной пропаганды и тотального контроля за религиозными проявлениями, вследствие чего крайне незначительное число молодых людей поступало в духовные учебные заведения или иными путями пополняло ряды священнослужителей.

Особый интерес вызывает вопрос об особенностях клира крупных городских (многоклирных) и сельских (как правило, одноклирных) приходов. Среди крупных по масштабам епархии приходов выделяются пять, в которых служили 2/3 представителей православного духовенства: в г. Вологде – два, в Череповце, Великом Устюге и Устюжне – по одному приходу. Статистические данные показывают, что в многоклирных приходах преобладали священнослужители до 45-летнего возраста (11 из 17 или 64,7%). Возможно, эта наиболее активная и перспективная часть духовенства целенаправленно направлялась архиереями в крупные городские приходы для привлечения верующих в храм и сохранения преемственности традиций прихода. В одноклирных приходах, наоборот, подавляющее большинство составляли лица старше 45 лет (10 из 12 или 83,3%), причем половина – 6 священников – имели возраст более 60 лет. Молодежи до 30 лет не было. Можно утверждать, что в сельской местности служили преимущественно «старцы-простецы», духовно окормлявшие верующих отдаленных и небогатых приходов.

Средний возраст священников Вологодской епархии на 1962 г. составлял 54 года, в том числе в многоклирных приходах – 50, а в одноклирных – 60 лет.

В 1986 г. возрастные характеристики духовенства претерпели существенные изменения. Во-первых, в клире теперь отсутствовали молодые священники. С другой стороны, резко уменьшилось и число «пожилых», составлявших только 6,5 процентов. Таким образом,

священники среднего и старшего возраста во второй половине 1980-х гг. полностью доминировали во всех приходах Вологодчины.

Средний возраст лиц, находящихся в пресвитерском сане, составлял в 1986 г. 46,7 лет, причем по группам приходов он практически уравнился: 47,3 года в одноклирных и 46,5 лет в многоклирных приходах. Таким образом, за 25 лет наблюдается явное омоложение «служителей культа», средний возраст которых уменьшился более чем на 7 лет. Это обусловлено, на наш взгляд, постепенным смягчением государственной религиозной политики, позволявшей молодежи, в отличие от предшествующих десятилетий, чаще пополнять ряды семинаристов и православного духовенства.

Важной составляющей социального портрета клира Вологодской епархии является стаж служения в РПЦ, который определяется с момента рукоположения в сан диакона или пресвитера (иерея). После хиротонии в сан правящим архиереем священнослужителю необходимо было получить справку о регистрации на конкретном приходе от областного уполномоченного СДРПЦ (с 1965 г. – Совета по делам религий).

Значительная часть духовенства начала 1960-х гг. (58,9%) имела стаж служения от 4 до 10 лет, а от 11 до 20 лет – 10,3% (в совокупности 69,2%). В период оживления религиозной активности (1943–1958 гг.) на территории Вологодской области открылись 16 из 17 действующих приходов, массовый характер имели и рукоположения священнослужителей. С другой стороны, невелика доля лиц со стажем служения в Церкви от 20 до 30 лет (5,1%), поскольку период их хиротонии (1930 – нач. 1940-х гг.) был неблагоприятным, и характеризовался массовым закрытием приходов и репрессиями верующих и духовенства.

По имеющимся данным видно, что в крупных приходах служили священники с большим стажем и заслугами перед Церковью. Согласно нормам церковного права, сан протоиерея присваивается после 10 лет служения иереем, при этом из 7 протоиереев двое имели сан «митрофорного протоиерея» (то есть награжденного митрой – почетным головным убором). Из двенадцати одноклирных приходов только пять возглавляли протоиереи, а семь – священники с небольшим стажем.

Представители монашеского (черного) духовенства, как правило, служили в сельских приходах – двое в сане игумена и двое иеромонаха. Только игумен Поликарп (Кищенко) входил в состав клира Прокопьевского собора г. В. Устюга. В описываемый период жилье для священнослужителей приобреталось на средства общины в так называемом «частном секторе» и представляло собой комнату

или квартиру в деревянном доме «без удобств», иногда и без электрического освещения. Такие условия вряд ли устраивали семейных священнослужителей и больше подходили монашествующему духовенству, привыкшему к уединению и скромному быту.

Уровень образования, прежде всего духовного, является важным условием для более удачного назначения священника на приход и дальнейшей его успешной карьеры. Из шестерых высокообразованных священников начала 1960-х гг. четверо имели высшее духовное образование и двое обучались в духовной академии. Из их числа Василий (Чугунов) ранее окончил Московский государственный университет, а Михаил (Мудьюгин) был кандидатом технических наук с дипломом высших курсов иностранных языков. Не случайно наиболее подготовленные в богословском отношении иереи служили в г. Вологде – трое в кафедральном соборе и один в Лазаревской церкви. Возможно по причине одинаковой близости к Вологде двух высших учебных заведений РПЦ, двое окончили полный курс Московской, а двое – Ленинградской духовной академии.

Из числа служителей многоклирных приходов каждый пятый на момент исследования повышал свою квалификацию – Михаил (Мудьюгин) заочно обучался в духовной академии, четверо – в духовных семинариях. Среди остальных священников учился в семинарии только один. Это обусловлено, прежде всего, возрастом сельских настоятелей, о чем говорилось ранее, а также организационными неудобствами во время сессии священника-заочника. Если в многоклирном приходе поездка на учебу кого-либо из клира незначительно увеличивала нагрузку на остальных, то сельский приход, оставшийся без настоятеля, в течение срока его сессии фактически бездействовал. В условиях дефицита кадров священнослужителей обеспечение бесперебойной службы во всех храмах епархии было важнейшей задачей епископа и благочинных.

В 1986 г. наиболее образованные представители духовенства по-прежнему служили в многоклирных приходах. Только 5 из 21 священника не имели духовного образования, но один из них завершил обучение в светском вузе. Из пяти кандидатов богословия четыре служили в храмах Вологды и Череповца. В десяти сельских приходах также произошел существенный рост образовательного уровня настоятелей, 40% из которых имели высшее и среднее духовное образование (в 1962 г. – никто), а один – Г.Эдельштейн – высшее светское.

Таким образом, за четверть века качественный состав вологодского духовенства существенно изменился. С точки зрения возраста очевидно его существенное омоложение. Хотя к началу «перестрой-

ки» среди священников не осталось представителей молодого поколения (до 30 лет), втрое сократилось число «возрастных» (старше 60 лет) служителей культа. Костяк священнослужителей в 1980-х гг. представляли лица среднего и старшего возраста (93,5%), которых на начало 1960-х гг. насчитывалось около половины. По персональному составу священников можно отметить, что на начало 1987 г. только четыре священника сохранились из состава клира начала 1960-х годов.

Что касается образовательного уровня, то заметен только рост священников, имеющих среднее духовное образование (в два раза), получивших его, как правило, заочно, в духовных семинариях Москвы и Ленинграда. Отдельные всесторонне подготовленные священники обеспечили себе значительный карьерный рост. Михаил (Мудьюгин) – один из наиболее образованных служителей Церкви в СССР, с 1968 г. управлял Астраханской, а с 1979 по 1993 гг. – Вологодской епархией, уже будучи в сане архиепископа.

К началу коренной перестройки отношений Церкви и государства клир Вологодской епархии представляли собой немногочисленную социальную группу, в основном достаточно хорошо подготовленную к предстоящим переменам: резкому росту интереса к православию, массовому совершению религиозных обрядов, свободной проповеднической и иной деятельности, хозяйственной самостоятельности приходов.

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. р-6991, оп. 1, д. 630, л. 111.
2. ГАРФ, ф. р-6991, оп. 1, д. 630, л. 4–5.
3. Там же, д. 479, л. 77.
4. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – С. 412.
5. ГАРФ, ф. р-6991, оп. 1, д. 320, л. 101.
6. Там же, л. 80–81об.
7. Там же, л. 101.
8. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1962 год. – С. 14.
9. ГАРФ, ф. р-6991, оп. 2, д. 13, л. 110, 153–153об.
10. Там же, оп. 1, д. 320, л. 117–118.
11. Там же, л. 39.
12. Текущий архив Вологодского епархиального управления. Годовой отчет за 1960 год. – С. 15.

13. Там же. Годовой отчет за 1962 год. – С. 13–17.
14. Государственный архив Вологодской области (ГАВО), ф. 1300, оп. 14, д. 58, л. 20.

Л.П. Кучеренко, М.Б. Назаркина
(г. Сыктывкар)

**«Впервые переступил порог
советской школы в качестве учителя»
(по материалам дневника П.Ф. Аншукова)**

В основу исследования положены материалы дневниковых записей Аншукова Прокопия Федотовича – фронтовика, учителя физики и математики Короворучейской восьмилетней школы с 1949 по 1975 гг., возглавившего школу в 60-е – 70-гг. В дневнике нашел отражение один из самых тяжелых периодов российской истории XX в. – предвоенный этап, годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы.¹ По теме учительства информация достаточно полная и самого разного характера. Записи велись регулярно, недантично и были доведены до начала 60-х гг.

По окончании войны и возвращении в родные края для автора дневника начинаются поиски работы. Некоторое время он трудился в артели, которая занималась изготовлением фотографий (пригодился трофейный «Кодак»). Но спрос на фотографии был невелик, и денег на жизнь не хватало. Отсюда записи типа: «опять не работаю», «плохо нынче будет с дровами, да и вообще шансы на жизнь небольшие», «зарабатываю мало», «туго с питанием и деньгами».² Выручала охота и рыбалка. Охотничий промысел помогал выжить, но и только. Постоянные командировки тоже были тяжелы для семьи. Приходило понимание овладения более надежной профессией.

Весной 1949 г. произошло нечто такое, что переломило ход всей жизни. Запись от 22 марта 1949 г. сделана крупно, красными чернилами и дважды подчеркнута: «Улыбнется ли счастье наконец-то?». От 2 апреля 1949 г.: «В райфо дают совет... Значит... Надо поду-

¹ Более подробную характеристику дневника см. в: *Кучеренко Л.П.* Великая Отечественная война в дневниковых записях уроженца Печорского края // Первые Мяндинские чтения. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Сыктывкар. 2009. – С. 144-145.

² При цитировании сохранен стиль и орфография автора.

мать..... В жизни как будто чего-то не хватает». Последующие записи раскрывают суть этих изменений. Отправив малолетних детей к родственникам в деревню (одного в Замежную, другого – в Скитскую), супруги поехали в Сыктывкар получать педагогическое образование. В стране в это время, с целью восполнения педагогических кадров, открывались краткосрочные курсы по подготовке учителей. По их окончании можно было сразу поступить в педагогический институт. Их приняли «на 3-х месячные курсы подготовки учителей начальных школ при Институте Усовершенствования учителей» (далее – ИУУ). Учиться было нелегко, в первую очередь, из-за материального положения: «Работать пришлось очень много, стипендия была 200 рублей на человека. Пришлось туго. 23 августа закончили курсы и получили удостоверения. У меня все оценки отличные, у Ани (супруга автора дневника) большинство отличных и хороших, но есть и тройки». В записи от 29 августа подводятся итоги: «Закончили государственные экзамены за Педучилище и получили аттестаты с присвоением звания учителя в начальной школе. В тот же день поступили на заочное отделение Коми учительского института (я на физико-математическое отделение, а Аня на отделение языка и литературы, но учиться она вряд ли будет)». Получение учительской профессии было важнейшей вехой в биографии молодых людей. Они не изменили выбранной профессии, состоялись как учителя, работа которых впоследствии была отмечена правительственными наградами. Ну, а тем летом, по возвращении в Усть-Цильму, они «получили назначение в РОНО в Короворучейскую школу». Прокопию Федотовичу поручили преподавать физику в VI и VII классах; рисование в V-ых и VI классах и физкультуру в 3, 4, 5-а, 5-б, 6 и 7 классах». Внушительный перечень классов показателен, поскольку отражает политику государства в области образования на местах. Коровий Ручей на то время – глухая и небольшая по численности населения деревушка, но даже в этом отдаленном селении образовательный процесс был налажен уже в первые послевоенные годы. Именно здесь и появляется в дневнике запись от 5 сентября, давшая название публикации: «Впервые переступил порог советской школы в качестве учителя. Пока еще есть затруднения, но надеюсь, что справлюсь со всеми трудностями». Эта фраза, на первый взгляд столь пафосная, отражает чувства и настроение молодого человека, стоявшего на пороге новой жизни. В ней ощущение больших перемен в жизни и надежда на будущее, гордость и радость, опасения и оптимизм. Его профессиональный путь еще только начинался, и все трудности были впереди. Нужно было продолжать заочное образование в пединституте. Автор начинал эту работу с составления календарного плана на каждое по-

лугодие. Хорошо представлял задачи, которые перед ним стояли в плане самостоятельной работы. «Надо заниматься самообразованием» записывает он 6.01.50. С первой сессией он справился, о чем свидетельствует запись от 5.08.50: «За первый курс института рассчитался». Совмещать учебу и работу было трудно. Дважды до конца года (13.11.50 и 14.12.50) появляются записи: «Заочной учебой все-таки не занимаюсь. Теперь еще зам. пред. окружной изб. комиссии по выборам в местные советы»; «С заочной учебой дело несколько не продвигается». Было желание перейти на очную форму обучения, но, пишет сам автор, «основное препятствие – деньги». Очередная сессия лета 1951 г. не была успешной: «Учебный план не довыполнил (высшая и элементарная математика)». Автор настраивает себя на более серьезное отношение к учебе: «Заочной учебой мало приходится заниматься. Так нельзя. Надо все бросить, а заниматься, заниматься во что бы то ни стало» (6.10.51). Весной 1952 г. появилась перспектива получить юридическое образование в Ленинграде, либо перевестись на очное отделение в Коми пединституте. Ни первый, ни второй вариант не был реализован. Вопрос о получении высшего образования стоял остро, так как от этого зависело материальное благополучие в семье: «С очной учебой ничего нынче не выйдет, но надо бы поступить, ибо это последняя возможность добиться климатических» (последние слова подчеркнуты жирной чертой) (10.05.52). Автору все же удалось переломить себя и доказательством этого является запись после летней сессии 1952 г.: «Эта заочная сессия прошла удачно и без всяких происшествий. Сдал экзамены (2) за II курс и полностью выполнил план III курса. Т.о. вышел на гос. экзамены. Предстоит год трудной работы, упорной подготовки к экзаменам» (6.08.52). Осенью 1953 года учеба в институте была завершена: «4 октября прилетел из Сыктывкара с дипломом. Учеба пока окончена» (7.10.53). Учеба действительно была окончена «пока», потому что в дальнейшем квалификация постоянно повышалась через курсы усовершенствования учителей в Сыктывкаре, записи о которых появляются, начиная с 1955 г.

В дневнике имеются сведения об учебном процессе. Он строго планировался на год – составлялись «календарные планы для проведения занятий и самостоятельной работы, готовились контрольные работы» (6.01.50). Для этого периода характерны регулярные записи о состоянии успеваемости во вверенных ему классах и ощущаются переживания молодого учителя по поводу «неуспехов» своих учеников. Так, 22 мая 1952 г. он констатирует: «В классе из 25 допущены 20 (3 на осень, 2 на повторный). Но вряд ли все выдержат экзамены». Ситуация повторяется весной 1953 г.: «По работе в школе успе-

хов не добились ни я, ни Аня. Все как-то не так получается как хочется» (25.11.53). Для этого были объективные причины. Предстояла серьезная операция супруги. Сам же он «дает уроки на курсах механизаторов» и очень сильно устает. Но что значит «успехов»? Каких конкретно результатов должны добиваться учителя? Ответ находим ниже: «... не можем добиться 100 % успеваемости». Волна «процентомании», как известно, захлестнула в те годы советскую школу, о чем и свидетельствуют записи: «Успеваемость в школе за I полугодие 89,3 %, но в некоторой степени дутая» (15.01.55). Но со своим дневником автор честен: «Сегодня принимали экзамен письменно по арифметике в шестых классах. Написали работу все, но считаю в целом только на удовлетворительно» (от 20.05.54); «Учебный год я закончил плохо – на экзамене полный провал (6 двоек из 19 работ)» (1.06.57). По существу, дневник являлся, в данном случае, своеобразным инструментом психологической разрядки.

По окончании учебного года, обычно в конце мая, учителя выезжали в отдаленные соседние деревни для приема экзаменов: «17 мая последний день занятий в школе и вечером ...выехали для приема экзаменов в 4-х классах в Ильинке и Нерице» (29.05.50). Скорее всего, эти деревни в сфере образования относились к Короворучейской школе и учителя их постоянно курировали. В начале зимы педагогов отправляли в командировки по всеобщему обучению: «Сегодня собираюсь в командировку по обеспечению всеобща до Ильинки» (27.11.50). Со временем приходил опыт работы: «Работать, кажется, становится легче, т.к. кой в чем напрактиковался» (20.09.51). Автор взял за правило подводить итоги учебного процесса каждого года и кратко характеризовать успехи и недоработки в нем: «1954–1955 учебный год закончили неплохо» (21.06.55); «1955–1956 учебный год начался неорганизованно».

Общие итоги работы подводились на районных совещаниях учителей. Первое совещание, в котором участвовал автор, проходило в Усть-Цильме с 3 по 6 января 1950 г.: «Закончилось районное совещание учителей, на котором участвовал и я и даже 1 раз выступал. Отмечена моя неплохая работа» (6.01.50). О совещании 1952 г.: «Конец августовского совещания был для нас очень тяжелый, Аню чуть не оставили без работы». Запись 1954 г.: «Сегодня закончилось августовское совещание учителей. На этом совещании я оказался не на плохом счету. На работу остались опять в Коровьем Ручье».

В 1957 г. Прокопию Федотовичу предложили должность завуча школы. Он продолжает повышать квалификацию во время стажировок в ИУУ, в частности, на курсах заведующих учебной работой, «... где получил много полезного для своей работы». Успеваемость в школе

на должном уровне – 89, 2 %. В планах учителя улучшение воспитательной работы в школе. 1958 учебный год закончили с успеваемостью по школе 91, 6 %, в начальных классах выше – 97, 4 %. Записи констатируют позитивные перемены начала 60-х гг., когда в школу пришло много новых учителей и технического персонала. Было завершено строительство нового (типового) здания школы. К началу 1961 учебного года численность учащихся выросла до 250 человек. Несмотря на то, что принимались меры по пополнению кадрового состава учителей, к новому 1961 учебному году школа не была полностью обеспечена кадрами. Надо сказать, что фраза «учебный год начался с нехватки учителей» типична для записей этих лет.

В сфере воспитательной работы, согласно тексту, можно выделить традиционные формы работы (школьные вечера, родительские собрания и т.д.) и нетрадиционные. О первом направлении свидетельствуют такие краткие записи: «С ребятами в школе проводили 1949 год» (30.12.49). «Вчера с Пантелеймоном Вениаминовичем (Меньшенин П.В. – директор Короворучейской школы) проводили родительское собрание в д. Гарево» (8.01.50). О новых формах позволяет судить более подробная информация. В июне 1954 г. учитель проводит увлекательный туристический поход по реке Пижме до Великого порога (24.06.54). Позже все материалы по походу были отосланы в ИУУ. В июне 1955 г., пишет автор, «ИУУ прислал обратно текст дневника «Поход по Пижме» для срочной переработки, для подготовки в печать. Неужели это будет мой первый письменный труд, который появиться в печати? Что-то не верится» (23.03.55). Впоследствии гонорар за «первенца» в размере 1700 рублей позволил начать строительство собственного дома (13.04.56). В 1955 г. был предпринят второй поход по Пижме, на этот раз до Ям-озера. Памятники материальной культуры, обнаруженные во время похода, были затем переданы Коми отделению Академии Наук СССР: «Заходил в филиал Академии, занес археологическую находку. Это оказалось тесло конца II тысячелетия или начала I до нашей эры (русско-карельское тесло, которое на Печоре найдено второе, а всего по СССР 2-3 десятка); надо будет отправить каменное пушечное ядро» (9.07.56). По результатам этих походов Прокопий Федотович выступал с докладом перед учителями республики на I Республиканском съезде учителей (9.07.56).

В дневнике нашла отражение также тема учительского быта и досуга. Лейтмотивом этих записей являются сетования по поводу безденежья, особенно в первые послевоенные годы. Например, 3.01.50 он пишет, что «деньги за вторую половину декабря 49 года еще не получили». Главная проблема для учительской семьи – низкая зарп-

лата. Только с марта 1952 г. наблюдается некоторое улучшение в этом вопросе и впервые появляется запись «материально обеспечены по-среднему». В связи с этим постоянно записываются сведения о расходах, тратах на покупку одежды, обуви, указывается цена приобретенного: «Из отпускных купил Ане и всем детям туфли и больше ничего не придется покупать. Никак не собьемся деньгами, а выиграть никак не могу» (10.06.52). Конец фразы интересен в следующем плане. Речь идет об облигациях государственного займа. Автор время от времени делает записи о выигрышах в 500 и более рублей. Но 26.04.57 он констатирует: «Проблема выигрыша отпадает, т.к. розыгрыш отложен на 20-25 лет». Сложившуюся ситуацию он связывает со строительством дома: «Достраиваться будет трудно». То есть, как ни малы были выигрыши, они позволяли решать достаточно сложные материальные проблемы.

Решались бытовые проблемы и другим путем. Прокопий Федотович был хорошим охотником и рыбаком. Записи об охоте (особенно весенней) носят регулярный характер. Чувствуется важность промысла для поддержания семьи. Подводя итог охоты весны 1952 г., например, он пишет, что: «убил 10 тетеревов, 74 утки, 3 крысы» (10.06.52). Рыбалка обеспечивала семью рыбой: «На зиму было засолено рыбы кг 100» (10.12.1956). Не всегда промысел был удачным. Встречаются записи типа «весной охота и рыбалка очень плохая». Иногда это было и просто опасным занятием: «Вчера переезжал Печору с охоты. Сам смерил глубину в заливе, повоевал со льдом, вода испытала лодку» (2.05.50). Записи свидетельствуют о том, что учителя по весне сами заготавливали дрова, сажали много картофеля и, видимо, не только для собственного потребления. Так 40-пудовый урожай 1952 г. позволил «полностью рассчитаться с долгами» (19.09.52). Мастер на все руки, он для обустройства дома сам изготавливал мебель: «Закончил книжный шкаф и гардероб. Для начала получилось сносно» (23.03.54). На следующий год сделал «три мягких кресла, кухонный комод-шифоньерку и мягкую кушетку» (23.03.55). Времени для отдыха не оставалось: «Музыкой нынче совсем не увлекаюсь» (от 23.03.54). И тогда от трудностей и забот руки опускались: «Зачем даны головы и человеческое сознание? (подчеркнуто жирной чертой) Себя чувствую очень слабо: общая усталость и усталость глаз».

В тексте дневника автор упоминает много имен своих коллег-учителей, друзей, соседей, родственников, с которыми его связывали теплые, дружеские или товарищеские отношения. Например, на начальном этапе строительства своего дома его выручили коллеги-учителя, дав займы денег.

В дневнике время от времени фиксируются события государственного масштаба, например, день рождения Сталина. Есть и запись о кончине руководителя страны: «Вчера в 9 часов 50 минут вечера, после тяжелой болезни (с ночи на 2 марта) скончался Иосиф Виссарионович Сталин. 9 марта были похороны» (6.03.53). Она дополнена другой записью: «Скончался Климент Готвальд (Прага-Чехословакия), так же, как и тов. Сталин. Что это значит?» (14.03.53). Помимо этого отмечаются события, которые были жизненно важными для самого автора дневника и его семьи, например о снижении цен «на продукты и промтовары» (11.03.50; 1.04.53). Регулярно записываются выборы как в местные органы власти, так и в Верховный совет СССР и Коми АССР. «Сегодня была встреча с кандид. в депутаты в Райсовет с Сергеевой Гал. Петровной» (27. 11. 50). Сам учитель неоднократно возглавлял избирательную комиссию, постоянно участвовал в проведении переписи населения.

Таким образом, дневник позволил нам воспроизвести образ рядового сельского учителя послевоенных лет. Учителю приходилось трудно в послевоенные годы. Но они нашли свое место в жизни, жили ярко, интересно. Благодаря им получали образование дети отдаленных северных деревень. Несомненно, сельское учительство сыграло важную роль в жизни послевоенной деревни.

*Е.Т. Чупрова
(с. Усть-Цильма)*

Старовер Филат Васильевич Чупров: страницы жизни (7.04.1911 – 11.04.1996)

Вот уже 468 лет стоит святая усть-цилемская земля. Жестокие морозы, неурожай, заливные дожди, всё вынесли люди, пришедшие в эти места на житьё-бытьё. Не просто выстояли, а закоренились, по колена вросли в эту горькую, но такую дорогую сердцу землю. Проходят века, но жива старина в этих заповедных местах. Она всюду: и в особой, ни на чью не похожей «говоре», в «усть-цилемских песнях», в старинных нарядах. Она ещё и в старинных книгах, доставшихся нам от предков, в вере, в которую они верили истово и завещали нам.

Были на Печоре люди, которые несмотря на все запреты, угрозы со стороны властей не пожелали отказаться от веры, завещанной им

предками. Их дело не кануло в Лету. Нашлись последователи, носители староверия. Один из них Филат Васильевич Чупров.

Старовер Феофил (в миру Филат Васильевич Чупров) принадлежал к тем редким исключительным людям, которые соединяли в себе широкие познания, огромное трудолюбие и мудрость, основанную на глубокой вере. Он был человеком, к которому люди обращались как к источнику спасения. Кто бы к нему не обращался, мужчина или женщина, молодой человек, ищущий опору в вере, он брал каждого и вел спасительным путём ко Христу.

Родился Филат Васильевич Чупров 7 апреля 1911 года в деревне Карпушовка Усть-Цилемского района в крестьянской семье. Семья его, как и многие семьи того времени, держалась строгих старообрядческих обычаев и нравов. Родители, Василий Егорович и Агафья Ефремовна, были людьми религиозными, что отражалось в укладе семейной жизни – молились перед едой и после. Соблюдали посты. В доме было много старинных книг и икон. Эта семья не была в деревне исключением. В какой дом не войди – всюду было то же самое. Вера имела влияние на поведение, привычки людей. Большим грехом считалось курить, пить спиртные напитки, воспитывая детей, зачитывали им выдержки из старинных книг. Неудивительно, что среди местного населения редкий человек употреблял спиртные напитки и курил табак.

Василий Егорович работал по дому, ухаживал за скотом. Охотился, рыбачил. Санки делал деревянные, лодки. Занимался вместе с соседями извозом – выезжали зимой обозами в Архангельск. Увозили масло, мясо, рыбу, писанные носки, рукавицы. Привозили отту-да продукты, ткани, шелка.

Агафья Ефремовна умела лечить людей. Растирала по просьбе обратившихся за лечением больные места: ноги, руки, поясницу. Многим людям жизнь спасла. Она была второй женой Василия Егоровича. Сам он был родом с нижнего конца Усть-Цильмы, из рода Головкиных. Отец его, Егор Афанасьевич, в молодости был бурлаком. Бурлаком был и дед Василия Афанасий. В то время Усть-Цильма была оторвана от внешнего мира. Время словно остановилось здесь. Использовались древние орудия производства: борона из сучьев, соха, коса-горбуша, которая оказалась самой живучей – до сих пор активно используется на сенокосах, ею прикашивают возле домов, обкашивают на сенокосе остожье. Женщины мололи ячмень, который являлся главной кормовой культурой – он единственный мог вызреть в суровых условиях Севера и то не каждый год. Торговля была меновой. Как только открывалась навигация, появлялись чердынские купцы. Они привозили товар на баржах, а баржи волокли бурла-

ки – крепкие, рослые усть-цилемские мужики, с которыми купцы договаривались заранее. Вот так и бурлачили с ними, пока могли, дед и прадед Филата Васильевича, тащили баржи по течению Печоры, останавливались в селениях. Возникали импровизированные ярмарки. Продавалось чаще всё в кредит – за будущую добычу на промыслах.

Василий Егорович невесту себе нашёл в Карпушовке. Евдокия, первая его жена, была из зажиточной семьи, единственная дочь у родителей. Когда собралась замуж, родители не захотели с ней расставаться, и зять, Василий Егорович, пришёл, как принято говорить в Усть-Цильме, «в приматы». У них родились две дочери: обе Анны (имена были даны по святым). Чтобы детей не путать, старшую называли Анна Большая, младшую – Анна Малая. Но вскоре жена умерла. Василий Егорович женился снова. Вторая жена, Агафья Ефремовна, тоже карпушовская, родила ещё двух детей: сына Филата и дочь Александру (последняя умерла от болезни в возрасте 19 лет).

Когда началась коллективизация, Василий Егорович всё добро сдал в колхоз, но вступать в это хозяйство не захотел. В то время, у всех тех, кто сдавал свой скот в колхоз, брали подписи об отречении от веры. В противном случае не оплачивали трудовни. Крепка, казалось, была вера предков, но в эти смутные времена она дала трещину в сознании некоторых людей. В Карпушовке были случаи, когда люди, отрекаясь от веры, брали иконы в руки, выкалывали на них изображенным святым глаза и выбрасывали образа в ручей. Василий Егорович достал их оттуда, принёс домой и поставил на божницу. Это были иконы «Никола-чудотворец» и «Страсти Господни».

Вот в такой семье воспитывались их дети.

Сын его Филат рос очень любознательным, к учебе способным. Знал и старинную грамоту. Читал набожные книги, которые были дома. Так получилось, что в школу ходил недолго, всего полгода. Учительницей его была жена Андрея Владимировича Журавского, основателя Опытной станции на Печоре, Ольга Васильевна.

Филат окончил курсы капитанов. Плавал капитаном на катерах некоторое время. Во время Великой Отечественной войны был начальником кирпичного завода в Карпушовке. Время было трудное, голодное: старался поддержать как-то людей, не дать им умереть с голода. Мужиков, какие были, посылал ловить рыбу – этой рыбой премировал работниц. Купил в Нерице двух коров для кирпичного завода. Это молоко делилось между работниками кирпичного завода. Так и выжили. У него всё получилось. Многие потом добром вспоминали Филата Васильевича. За хорошую работу был занесен в Книгу Почёта от 4 ноября 1955 года.

Он был добрым человеком, никогда никого не осуждал, не ругал. Не отказывал людям в помощи, если они обращались к нему.

В семейной жизни был счастлив. Стал отцом. Дочерей назвали Анна, Елена и Александра, сына – Михаил. Жена, Степанида Матвеевна, прожила недолго, умерла, когда их младшей дочери было всего полгода.

В 1958 г. Филат Васильевич перенёс жестокий инфаркт. Было ему тогда 47 лет. Больного отправили санитарным рейсом в Сыктывкар. Мужчину он был высокий, грузный. Когда врач его стал осматривать, Филат Васильевич пожаловался:

– Мне ведь жить надо, у меня ещё девки маленькие, мать умерла у них. Не ожидал он, наверно, такой ответ услышать, но врач ему сказал:

– Худеть надо, тогда и девок своих увидишь. Посты-то зря что ли люди верующие соблюдают?

После больницы работал на Опытной станции завхозом. В то время там агрономом был Огрызков Петр Герасимович: человек энциклопедически образованный. Научился от него выращивать огурцы. Первые парники под огурцы в Карпушовке были сделаны у Филата Васильевича. Сеял морковь, редьку, репу.

Но самое главное – после того как он побывал между жизнью и смертью – у него изменилось мировоззрение. Появились новые мысли. Отступником веры он никогда не был. Но и истово верующим его назвать было нельзя. Теперь он решил напрямую обратиться к вере. Вере предков. Стал соблюдать посты. Молился много. Не только утром, днём. Но и по ночам. Он считал ночное моление очень значимым. В кн. Гагарина «Старообрядцы» указано, что «Филат Ч. из Карпушовки проводит за молитвами по 5 ч. в сутки, соблюдая полушницу, утреню, часы вечерню и навечерницу, отмаливая, как он общал «свои, родителей и всего мира грехи» (Ю. Гагарин. Старообрядцы. Коми кн. изд-во. 1973. – С. 124). Чаще и чаще он стал обращаться к старинным книгам, доставшимся ему от родителей. В них находил он для себя ответ на вопрос вечности: «Как жить?» «Побожески». «Надо верить в Бога». Многие его тогда не понимали. Осуждали. Детям внушалось, что Бога нет. Выросло новое поколение людей, получившее атеистическое воспитание. Как-то один из мужиков сказал ему:

– Филат, ты вот Богу молишься, а Гагарин вон в космосе был, Бога там нет.

Филат Васильевич ответил:

– Ваш Гагарин под изгородь летает, А Бог-то намного выше, где ему до него долететь.

Филат Васильевич стал искать общения с людьми, близкими ему по духу. Много лет переписывался со старообрядцем с Бугаево, наставником Носовым Стефаном Афиногеновичем. Встречался с ним не раз.

Свои деревенские приходили к нему поделиться горем. Искали поддержки. Он умел успокоить, укрепить человека. Как-то пришел односельчанин: дочери без мужей родили. Тогда считалось это большим грехом. Плакал. Филат Васильевич утешил его, сказал:

– Раз родили, пусть теперь сами и рожьют.

Беседовал с мужиками о вреде пьянства, табака.

Когда он умер, мужики сетовали:

– Ну, вот, не стало Филата, к кому сейчас пойдёшь? А так к немуходим, поговорим, глядишь, опять какое-то время не пьём, терпим.

Он умел не только убеждать людей. Однажды случилось большое горе у соссдей Чуириовых. Пропап 15-летний подросток. Ушёл в субботу на танцы в клуб и не вернулся. Его нигде не могли найти уже две недели. Было это в феврале 1986 года. В ночь с 8 на 9. Филат Васильевич ответил кратко:

– Не нашли на земле, ищите в воде.

Время было зимнее, река была покрыта льдом.

На следующий день Тимофей Егорович с зятем запрягли лошадь, взяли с собой соседа Ивана Андреевича и решили проверить проруби. Проехали пока мимо карпушовской проруби – там полоскали бельё. Решили съездить до короворучейской. Только опустили пешню и сразу зацепили тело. Утешились тем, что сейчас хоть тело можно было предать земле и проститься с убитым.

Впоследствии, когда Филата Васильевича спрашивали, кто сказал ему это, он ответил: «Бог».

А ещё добавил, что Вася пострадал за грехи своих же близких. Не падо было родственникам с людьми ссориться, осуждать людей – «на своих родных наводишь».

Болезнь не раз посещала его. Как-то заболел воспалением лёгких – в очень тяжелой форме. Лечиться в стационаре больной отказался наотрез – верующему человеку пользоваться медикаментами – большой грех. Надо молиться Богу. Бог поможет. Филат Васильевич и вправду победил болезнь. Но следует сделать одну оговорку – всё-таки приходила делать уколы фельдшер Карпушовского ФАПА Лашкова Г.В.. А остальное лечение он не принял..

Филат Васильевич в повседневной жизни был простым и общительным человеком, мог шутить. Интересовался тем, что происходило в мире. Его младшая дочь, Александра Филатовна, несколько раз

была за границей: в ГДР, ФРГ, Венгрии, Чехословакии, Болгарии... Он с нетерпением ждал её приезда. Всё интересовался, как там у них, за границей. Внимательно слушал, расспрашивал.

Филат Васильевич жил уединённо. То место, которое он определил себе в мире, обязывало его уединяться. Он избегал «гостьб», развлечений, праздных разговоров – согласно вере, это могло привести к погибели души. По той же причине использовал он для себя отдельную посуду.

К нему приходили люди исповедоваться. Стояли как общую исповедь, так и калялись наедине. Он пользовался большим доверием у верующих – свято хранил тайну исповеди. Приходили *каяться в грехах или прощаться наединке*, как мужчины, так и женщины. Он преображался, когда исповедовал. Становился строг, проникал в самые потаённые глубины сердца исповедуемого, так что люди поверяли ему всю свою душу. Людей принимал всех. Они уходили от него с просветлёнными лицами. Был у него и нынешний настоятель старообрядческой поморской общины Алексей Григорьевич Носов. Встретил Филат Васильевич его благожелательно. Про веру спрашивал. Напоследок положил ему руку на голову и сказал:

– Иди этой дорогой и никуда не сворачивай.

Домашним Филат Васильевич любил повторять:

– Я по Уставу живу, живу не просто так.

Старообрядцам за грех считается пользоваться мирскими благами – у него не было в доме электричества, пищу готовил себе на печке, хлеб выпекал сам, пока мог.

Примерно за три года до смерти попросил, чтобы дочь его, Александра Филатовна, приготовила ему смертную одежду: косоворотку, штаны, носки, пояс, десять метров белого полотна на саван. Сам себе заготовил доски на гроб и могильный столб.

Бог дал ему долгую жизнь. Он умер в возрасте 85 лет в здравом уме и памяти. Это случилось 11 апреля 1996 года. В день смерти молился по молитвенной книге «Поморский устав о христианском житии» и отошёл к Господу с этой книгой в руках.

Ещё при жизни передал и завещал религиозные книги и иконы людям, достойным, по его мнению, Божьих даров.

Так книга, по которой следует читать исповеди, была передана И.А. Кирилловой, ныне уже покойной. И.А. Кириллова, почувствовав, что здоровье её становится хуже, в свою очередь передала её Дуркиной З.С., ставшей уже наставницей после неё.

Жизнь не остановилась после смерти Филата Васильевича. По-прежнему служат панафиды, совершают обряды, молятся, стоят исповеди. Всякий раз, в нужный момент находится человек, готовый

принять на себя дело, завещанное предками. Дело служения Богу по старой вере, истинно правильной, как считают усть-цильма.

Наши предки завещали нам – веру, боголюбивую и светлую; богатый, меткий язык; фольклор, красочный, яркий, как перелив репсовых платов, матерчатых сарафанов на Горке; умное, разнообразное сочетание пословиц; традиции бытовой и хозяйственной жизни.

Все мы с детства, юности вобрали в себя из этого наследства...

Сколько духовного богатства оставили нам в завет и подражание предки! Так сохраним же всё это во веки веков, во славу нашей родины, во славу наших предков!

*Илья Чупров
(с. Усть-Цильма)*

Я из роду Демёшкиных

Родословие... Что это такое? В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой этому слову дается такое определение: «Родословие то же, что и генеалогия». Следовательно, это синонимы. Генеалогия в свою очередь обозначает история рода.

Из былинных времен далеких,
Из бездонных озер глубоких,
Из бескрайних полей ковыльных
Смотрят пращуров наших глаза.
Эй, потомки! Сквозь суетность будней
Наши слышите голоса?

Как набатный, призывный, прорвавшийся звон
Из запаятных, смутных, далеких времен...

Многие люди интересуются историей своего рода. Я тоже заинтересовался этой темой. Мне кажется нельзя жить, не зная прошлого. Слова род, родословная, родина должны жить в сердце каждого человека. Материалом для написания моей родословной послужили воспоминания моих родителей, бабушки. Многие о них рассказали вещи, которые хранятся у нас до сих пор.

История моего рода, как и всякого другого вообще, на мой взгляд, очень важна и ценна, как и история деревни, села, края и страны в целом.

История нашего села очень древняя. С 1542 года. Кто были эти люди, пришедшие сюда, на эту неласковую северную землю? Что оставили они в память о себе последующим поколениям?

Жила-была когда-то в деревне Чукчино большая семья: шестеро братьев и пять сестер. Отца их звали Андрей Дементьевич Дуркин, а их всех по имени деда – Демёшкины. И род этот до сих пор называют демёшкинский. Из роду Демёшкиных был мой прапрадед Василий Андреевич Дуркин. Год рождения его пока установить не удалось, но знаю, что он был моложе брата своего Никифора Андреевича (1873), а тот был моложе Ивана Андреевича (1871 г.р.). были ещё братья Микира, Зотей и Алексей. Алексей был самый младший.

– Из шести братьев, – рассказывала Марфа Никифоровна Епишина, – ему она доводится племянницей, а моей прабабушке Марфе Васильевне двоюродной сестрой, – Вася был самый смиренный, спокойный, сдержанный по характеру.

Женился он на Марфе Ивановне, она была из роду Железниковых..

Братья были дружные, работающие. Дома строили не на года, а на века. Дом Василия Андреевича снесли не так давно. Был он двухэтажный, с поветью, с хлевами. Рублен был из ливьяка, так рассказывали, что когда его раскатали, так бензопила дерево не брала, как железные брёвна стали.

Братья жить умели. Скота много держали, пожни имели. Осталась на противоположном берегу пожня, которую раскорчевали они когда-то, так и зовется Демёшкинская. Возили на добрых, откормленных лошадях груз в Архангельск: пушнину, сёмгу, масло, молоко. Чтоб довезти до города, его замораживали особым способом, кругами. Носки, рукавицы возили, писанные чулки.

Взамен везли мебель, одежду красивую, мужскую и женскую. Живет в Усть-Цильме бабушкина двоюродная сестра, Анна Григорьевна. Она как-то рассказывала:

– Я уже плохо помню, как было в доме Марфы Васильевны (моей прабабушки), помню только на втором этаже в комнате большой полкированный шкаф. Стулья были гнутые, венские. Зеркала до полу. Упряжь на лошадях красивая была.

Алексей (самый младший из братьев) любил красиво одеться: у него был синий китель, часы наручные серебряные.

Когда началась коллективизация, Алексей всем говорил, что его не раскулачат. Для этого он принял следующие меры: дом продал, все хозяйство распродал, а сам уехал с семьей в Нарьян-Мар. Туда же уехал и его брат Зотей.

В скором времени Никифор Алексею написал письмо, в котором спросил о жизни в Нарьян-Маре. Ответ пришел скоро: «Никиша, хоть куда ворон не лети, все равно одну хвою зобать». Кулакам везде плохо.

Пришел к нему в гости как-то земляк, звали его Егор, родом он был с Пижмы, а работал милиционером. Вот и спросил невзначай:

– Слышь, Алёшка, говорят, скоро белые в город морем придут. Встанешь за них с винтовкой? Алексей ответил, не задумываясь:

– Могу и встать. Какой мне толк от красных. Я из-за них всего лишился.

Гость ушел, а уже через час пришли милиционеры, и Алексея арестовали. Сначала избивали зверски на допросах. Об этом рассказала его племянница, Марья Зотеевна. Когда его вели мимо, она его едва узнала, так сильно он был избит. Он поклонился ей до земли и велел передать родным, что скоро его расстреляют. Встреча эта и в самом деле была незадолго до его смерти. Лишь в одном он ошибся: его не расстреляли, его живьем утопили в проруби.

Тяжела человеческая жизнь. Жил-был Алексей Андреевич, имел семью, хозяйство. И вот нет ничего. Даже жизнь отняли.

Тяжело было его жене, Дарье Александровне, одной поднимать четырех детей, но выстояла, всех на ноги подняла. Выросли Алёшкины дети. И пошли от них внуки, правнуки. Один из них, известный наш лыжник Родион Овчинников. Он пока студент. Правнучка Ольга Попова закончила в этом году исторический факультет СГУ, по книгам изучила те исторические события, мощные волны которых захлестнули их род.

Про Никифора Андреевича известно, что он был толковый, любил чистоту в доме. Жена у него была очень красивая. Он тоже попал под раскулачивание. Два года отбывал в ссылке. Потом вернулся к жене.

Никифор Андреевич поставил два дома больших: двухэтажные, с поветями. Первый дом когда поставил, мать стала его уговаривать, чтоб продал дом брату Васе.

– Продай, у него детей много.

Продал за 500 рублей керенками. Марфа Никифоровна Епишина, дочь его, рассказала, что эти деньги очень быстро обесценились, и она помнит, как они в детстве играли ими.

Вскоре пришли раскулачивать и их. Раскулачивали 10 хозяйств по сельсовету. В первую и вторую партию они не попали, попали в третью. Никифор Андреевич, после того как его раскулачивали, был отправлен в лагерь, в Ухту. Срок отбывал 5 лет. Работал много, все домой хотел. Приехала к нему на свидание жена. Разрешили им пожить 2-е суток в красном уголке. А там был стенд с портретами передовиков. Жена смотрела-смотрела на стенд, да и говорит:

– Никиша, а это кто на портрете? Вроде как на тебя похож. А он отвечает.

– Это я и есть. Начальник сказал, что если буду хорошо работать, выпустят раньше.

Но домой вернуться Никифору Андреевичу не пришлось. Кормили плохо, еще и надорвался, операцию делать нужно было. Операцию ему делать не стали. Там и умер.

В августе этого года мы были с мамой в Ухте. На том месте, где были когда-то лагеря, поставлена часовенка и памятник тем людям, которые были захоронены там, на чужой земле, в общей могиле, безвинно осужденные.

Зотей Андреевича раскулачили тоже. У него остались дети: Иван и Марья. Вырастила их мать одна, замуж она больше не вышла.

Раскулачивали и моего прапрадеда Василия Андреевича. Он умер в Воркуте, в ссылке. О нем речь еще впереди.

Из шестерых братьев одного всё-таки не тронули. Это – Иван Андреевич. Он был матросом, на кораблях плавал, в Америке жил год. Очень умный, говорят, был. Ленина видел, в одной тюрьме с большевиками сидел. Честный был, принципиальный. Фамилию он себе поменял. Записал себя по документам Дубняковым. Объясняют это тем, что был ещё один Иван Андреевич Дуркин. Их часто путали, вот он и решил вместо Дуркина назваться Дубняковым, а почему так, никто уже не знает. Теперь его в Усть-Цильме не путали ни с кем.

У нас дома хранится портрет. На нем вы видите двух людей. Это мои прабабушка и прадедушка. Прабабушку звали Марфа Васильевна. На этой фотографии она еще совсем молодая, она только-только вышла замуж. На ней одет великолепный усть-цилемский наряд – синий репсовый плат с липнями, старинные матерчатые рукава с золотыми ластовицами, серебряные цепи. Все это великолепие хранится сейчас в сундуке моей бабушки, Ирины Ивановны – перешло по наследству.

Известно, что фотографировались моя прабабушка с мужем Иваном Кондратьевичем, моим прадедом, в далеком 1931 году. Муж моей прабабушки был с деревни Рочевской. Деревня эта находится на территории нашего Усть-Цилемского района в Республике Коми. Прабабушка была из славного рода Демлшкиных. Так они назывались по имени прадеда моей прабабушки Демьяна. У Демьяна и сыновья, и внуки были дружные и работающие. Они имели свои пожни (луга) на левом берегу нашей красавицы Печоры. Это выкорчеванные ими под сенокосные угодья земли до сих пор зовутся Демлшкинскими. Они помогли построить друг другу листовенничные двухэтажные дома с большими поветями (так хранилось сено) и хлевами. Два из этих домов сохранились до сих пор: в одном из них располагается Чук-

чинский детский сад, а в другом живет дочь двоюродного брата моей прабабушки Ивана Зотсевича, Вера Ивановна с семьей. Занимались братья извозом. Зимой по санному пути они возили в Архангельск рыбу, масло, мороженое молоко, вязанные рукавицы, носки. А оттуда привозили различные товары: сахар, чай, муку. А еще привозили одежду. А для своих жен и дочерей привозили, как раньше говорили, «товар». Из него шили усть-цилемские праздничные наряды: сарафаны, рукава, фартуки. Привозили очень красивые платки: репсовые, канафатные с липнями (золотыми цветами). Чем больше был плат, тем считался богаче. До сих пор хранятся они в домах усть-циллм, передаются по женской линии. Эта одежда одевалась по великим праздникам – на Горку. Горка – это праздник усть-циллм. Она до сих пор проводится в Усть-Цильме на 7 и 12 июля. Собираются мужчины и женщины в старинных нарядах, водят хоровод с одновременным исполнением усть-цилемских песен. Это зрелище масштабное и очень красивое. Всеми красками радуги горит Горка! Парчой золотого, бардового, малинового цвета. А платки! Темно-синие с узорами, зелеными, как молодая трава. А цепи, одетые поверх рукав (рубашка, одеваемая под сарафан), а барки (вороты рукав), горящие серебром и золотом! А матерчатые и парчовые сарафаны!

С Архангельска привозили Демлшкины и мебель. Одним из внуков Демьяна был отец моей прабабушки, Василий Андреевич. Про него говорили, что был он нраву короткого, «Смиранные» (так говорят у нас). Он хорошо содержал семью. В Усть-Цильме живет одна женщина, Анна Григорьевна, двоюродная сестра моей прабабушки, ей уже более 80 лет, но она помнит, как было в доме отца моей прабабушки: «Я ничего такого уже не помню, но помню, но помню, что на втором этаже в комнате был большой лакированный шкаф». Но чтобы так хорошо жить, нужно было много трудиться. Они трудились. В хозяйстве были коровы, лошади, олени. Для того чтобы управляться со всем хозяйством, вставали ни свет ни заря.

Кроме моей прабабушки в семье были еще дети: сыновья Егор, Иван, Петр и дочери Мария и Наталья. Марфа была самой старшей. С ранних лет они приучались к труду.

Замуж ее выдали за Торопова Ивана Кондратьевича. Он был из того же рода, Демлшкиных. Но по крови они были чужие. Дело в том, что в Рочевской, в той семье, где он вырос, в работницах была молодая девушка с Мезени. Она забеременела и родила. Сама она умерла во время родов, а ребенок выжил. Его взяли в семью, усыновили, вырастили, а потом женили. Приемная мать его, Анна Андреевна, очень хорошо относилась к невестке и души не чаяла в своей внучке Ирине. Теперь это моя бабушка, мама моей мамы.

Судьба моей прабабушки была очень трудной. Она только еще вышла замуж, и тут началась коллективизация. Мать и отца у нее раскулачили, дом их, скот отобрали. Семью выгнали на улицу. Младший ее братик, Петя, лежал в колыбельке. Эту колыбельку вынесли на улицу и поставили на снег вместе с ребенком. Люди плакали и не понимали: «Почему так поступают с ними?». Прадеда моего, Василия Андреевича, сослали в Воркуту. Больше домой ему не суждено было вернуться. А прапрабабушка, его жена, Марфа Ивановна, мыкалась с детьми по чужим квартирам. Старшие сыновья, Иван и Егор, уехали в Нарьян-Мар. В этом городе они работали, отсюда их взяли на Великую Отечественную войну. Оба они пропали без вести. Женились они не успели, были еще молоды. И после них не осталось детей. Они не продолжили род Демлшкиных. Оборвалась ниточка.

У сестры моей прабабушки Марии судьба сложилась так. Мать их, Марфа Ивановна, не перенесла этих трагических событий. Она умерла раньше времени. В то самое время были раскулачены и братья Василия Андреевича. Одному из них, Никифору, повезло больше других. После раскулачивания его отправили не в Воркуту, а в поселок Новый Бор Усть-Цилемского района на рыбацкие тони. Там рыбаки ловили рыбу для колхоза. И вот 16-летнюю Марию отправили в рыбаки. Когда она туда приехала, ее послали к бригадиру. Смотрит она, а это дядя Никифор. Но он ее не признал и спросил:

– Чья ты, девушка, будешь?

– Я Василия Андреевича дочь, Демлшкиных мы, нас ведь раскулачили, – сказала она и горько заплакала.

Тут же на тоне встретила она свое счастье – Виктора Герасимовича Дуркина и вышла за него замуж. Место жительства они поменяли. А младшая сестра Наташа потом приехала к ней и жила некоторое время с ними, в деревне Каменке, близ Нарьян-Мара, пока не поступила в педучилище. Но стать учителем ей не пришлось, помогать было некому и учебу пришлось бросить. Зато ее дочь Надя стала учителем. Она окончила педагогический институт в Ленинграде, сама вышла замуж за учителя. По распределению они много лет проработали на Севере, в Анадыри. А уже сын их, Андрей, окончил новосибирский университет на физика-ядерщика. А потом окончил аспирантуру. Так вот пробилась демлшкинская семена.

Марфа Васильевна сильно переживала за родных. Но у нее была уже своя семья. На этой фотографии с мужем они еще такие молодые. А ведь ровно через десять лет начнется война. Прабабушка Марфа говорила моей маме, своей внучке: «Беда ведь страшна война-то была. Много людей полегло».

Когда мой прадед ушел на войну, Марфа Васильевна взяла детей

и уехала с ними в деревню Щельяюр Ижемского района. Их у нее к тому времени было уже трое: сын Финоген, дочери Ирина и Агафья. Агафьюшка прожила мало. Как-то раз, когда она спала в колыбельке, Финоген начал баловаться спичками и уронил горящую спичку прямо на полог, которым бала занавешена колыбелька. Ткань загорелась, и у Агафьюшки очень сильно обгорели ручки. Сколько-то она еще жила, а потом умерла. Так моя прабабушка потеряла дочь во время войны. Ведь она дома не находилась, ей нужно было работать, и дети оставались одни, без присмотра.

Но вот закончилась война. Фронтовики стали возвращаться домой. Возвратился с войны и мой прадед, Иван Кондратьевич. Но недолго семья радовалась. В 1946 году он умер – был весь израненный. Вновь Марфа Васильевна осталась с детьми одна. Решила вернуться в Рочевскую. В деревне прожить проще. Но нерадостным оказалось это возвращение. Она возила на лошади молоко в больших флягах на маслозавод. Только вот силы не рассчитала. Была она худенькой, хрупкой, а фляги здоровенные. Подняла флягу, да и выскочили у нее от непомерной тяжести позвонки. Спина стала сильно болеть. Пошла в больницу, в ней в то время работал знаменитый хирург Гинце. Он был осужден и выслан в Усть-Цильму из Москвы. Он ей сказал

– Если хочешь жить, нужно будет ложиться на три года в гипс. Он освободил ее от работы, выписав справку о нетрудоспособности (Эта справка, выписанная рукой знаменитого хирурга хранится в нашем доме до сих пор). Она согласилась. Долгих три года пролежала в гипсе на койке в больнице в Сыктывкаре. Вставать ей нельзя было. Но когда лечение закончилось, она рада была тому, что все у нее срослось, что жить она будет, вновь детей своих увидит. За это время дети ее подросли. Тяжело было, конечно. Жили у родственников, а когда постарше стали, самостоятельно.

Прабабушка моя была искусной рукодельницей. Она очень хорошо вязала рукавицы, носки из овечьей шерсти. Вязка у нее была ровной и плотной, и носки, и рукавицы получались теплыми и носились долго. Пока лежала в больнице, научилась от других вязать крючком кружева. И они у нее тоже очень хорошо получались. Она была очень ласковой. Жизнь не озлобила ее. Обожала свою дочь и внуков. У нее был красивый голос. Она очень любила петь устьцилемские песни. Но часто, бывало, слушая их в исполнении других, она плакала. Что они ей напоминали? Детство, молодых отца и мать, так и не успевших стать стариками, братьев, не пришедших с войны, всю ее нелегкую жизнь?

Она любила ходить на Горку. Нарядится соответственно ее воз-

расту и идет. Заезжий фотограф как-то снял ее со спины. Она была уже в возрасте, лет семидесяти с лишним. Очень хорошо виден весь ее наряд. Трубистый (со складками, ровными и твердыми по всей длине сарафана) зеленый бархатный сарафан, рукава ему под цвет, плат на голове. Все скромно и красиво. Выбрал фотограф такую позицию, что и лицо вполборота видно. На лице написаны волнение и трепет. Ведь Горка для них все: вся жизнь. Вот она совсем еще молодой девушкой входит в круг молодежи. Она на выданье, красива и счастлива. А вот она уже замужняя женщина. Вот привела на Горку любимую единственную дочь. А вот и внучки в тех нарядах, в которых она сама ходила на праздник когда-то, встали в круг. Не стоит жизнь на месте...

Одним из любимых ее праздников было и Рождество. Когда к ней в это день заходили гости, она, суетясь, выкладывала все, что было у нее вкусного на стол и радостно приговаривала:

– Рождество ведь сегодня, Рождество!

А как она пекла! Мама до сих пор не может забыть ее загибыши из житней муки. Это такие загнутые, заглаженные по краям пирожки с картошкой. А кулебяки с семгой, а шанежки с картошкой. А кулебяки с семгой, а шанежки с картошкой и рисом! Добрыми людьми она была воспитана и пущена в мир, потому что несла одно добро.

Она очень любила своих внуков. Дети ее сына живут на Украине, и пока была жива, она переписывалась с ними, посылала им посылки. Они ей отвечали тем же. Послали как-то яблоки. Целых три посылки, а яблоки тогда в магазине были очень редко, мама это помнит. Так вот она сразу же принесла их другим внукам, детям дочери.

Старшая внучка ее не может без слез вспоминать те ласковые слова, с которыми бабушка обращалась к ней. Как-то она к ней зашла и слышит:

– Проходи, Катеринушка, проходи, проходи, белая лебедь. Ни когда ей уже таких слов не услышать. Прабабушки Марфы Васильевны не стало 29 декабря 1993 года, за шесть лет до моего рождения.

Екатерина окончила университет, стала учителем и говорит, что выучится ей помогла бабушка, Марфа Васильевна. Она ей постоянно посылала деньги. Она была очень доброй. Внуков своих называла уважительно: «Катерина, Виктор, Александр, Алексей, Сергей, Татьяна, Анна». Когда дядя Витя поступил в Ухтинский индустриальный институт учиться на инженера, она с гордостью говорила людям: «На большого учиться», У ее дочери с мужем было семь детей. И она помогла им поднять их. Няничалась с ними, обвязывала, стирала, мыла.

На портрете стоит дата: 3-е мая 1931 года. Смотрят с него молодые красивые люди, смотрят в свою будущую жизнь. Да только увидишь ли ее? А вот прожить нужно с честью. И они выдержали жизненные испытания. Прабабушка моя Марфа Васильевна гордилась своими корнями. Тогда еще больно ей было про это говорить, ведь были они когда-то раскулаченные. Все это было так свежо в памяти: и лишения, и презрение со стороны некоторых людей, и непонимание. Осталась рана на всю жизнь. Своей внучке, она сказала:

– Катерина, высоко голову носи, ты из рода славного, Демёшкиных.

Она прожила долгую жизнь – 83 года.

В каждой семье хранятся вещи, свято хранимые как память о прошлом. Хранятся они и у нас.

Крепко пострадала семья Демёшкиных в пору коллективизации, как и другие зажиточные семьи в то время. Правда, была какая-то надежда, может, не тронут. Но тронули. Не пострадал только брат Иван.

А вот прапрадеда моего раскулачили. Рассказывали, что пришел ночью Петруша-прокурор, он работал тогда председателем колхоза. Сообщил, что Васю завтра раскулачивать будут.

Пришли на следующий день, семью выгнали на улицу. Младший ребенок, Петя, спал в это время в зыбке. Зыбку вынесли на улицу. Имущество описали. В доме том долгое время находился Чукчинский детский сад. Потом дом отдали под квартиры, а детсад перевели в дом по соседству. Этот дом принадлежал раскулаченному тоже брату нашего прадеда Василия – Микифору.

Прадеда нашего отправили в Воркуту, а семья мыкалась по чужим квартирам. Люди разные попадались. Кто-то сочувствовал, а кто-то злорадствовал.

Что успели с собой захватить из одежды, прятали в туесах. Часть, бывало так, что попросят квартиру освободить, впопыхах, где уж тут усмотришь, то одно забудут, то другое. Чаше бывало, что оставленное уже не возвращали.

Но прабабушке моей, Марфе Васильевне, удалось кое-что сохранить. Из старинной одежды сохранился синий матерчатый костюм. Это было приданое нашей прабабушки Марфы Ивановны. Он считался очень богатым и достойным невесты и сейчас стоит немалых денег. Она отдала его своей старшей дочери Марфе Васильевне тоже в качестве приданого. Прабабушка подарила своей дочери, Ирине Ивановне (у нее была всего одна дочь и сын, вторую дочку потеряла во время войны), а от моей матери он уже достался ее младшей дочери, а моей тёте, Анне Тимофеевне. Она одевала его на второй

день свадьбы. У нее он сейчас и хранится. Он считается горочным костюмом. Как-то на Горке ее сфотографировал корреспондент для своей газеты. И на первой полосе крупным планом был дан портрет усть-цилёмки в наряде, который напоминает нам теперь о том, что было в жизни наших предков и о том, как он оказался у нас.

Штофный костюм достался прабабушке тоже от матери. Рукава новой штофи (так назывался штоф красного цвета), сарафан тоже штофный (старая штофь), он темнее, фартук штофный и канафатный плат (золотой). Нашей прабабушке Марфе Васильевне от матери в приданое достался также репсовый плат (синий), бывает другого цвета, зелёного, например. Плат шёлковый с липнями, шаль пуховая старинная оранжевого цвета с золотой каймой, шаль в клетку старинная с кистями. Есть кофта плюшевая старинного цвета. Цепи старинные, старинный крест. Есть старинные сундуки, обитые железом. Рубахи бархатные маличные синего и зелёного цвета.

Все эти вещи прабабушка Марфа Васильевна сберегла, как трудно ей не было. Муж ее воевал, пришел с фронта, как она говорила, весь израненный. Года не прожил. Она в годы войны инвалидом стала. Молоко возила во флягах, а фляги большие были. Сломала позвоночник. Три года в гипсе лежала. Но из того, что сохранила, ничего не продала. Всё оставила своей единственной дочери. Мы и бабушке своей благодарны. Она постоянно следит за старинной одеждой, просушивает, проветривает ее в июльскую жару, как бабушка когда-то делала.

Давно уже нет в живых тех людей, которые покупали эту одежду когда-то, любовались на своих детей, когда они примеряли ее, а вещи всё живут. И когда мы берём её в руки и одеваем её, мы чувствуем тепло рук наших предков, рук, которые трудились ради того, чтобы их дети жили хорошо и счастливо.

Я думаю, человек должен знать, какого он роду-племени. Он должен прославить свой род или, по крайней мере, не посрамить его. Я постараюсь жить по заветам своих предков: любить свою землю, как любили они её, трудиться на ней, продолжить свой род и прославить его добрыми делами. Так жили мои прадеды, и так буду жить я, Чупров Илья, сын Алексея, внук Тимофея, правнук Ивана, праправнук Василия, прапраправнук Андрея, прапрапраправнук Демьяна.

Изменения в численности сельского населения Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР в 1960–1980-е годы*

Рассматриваемый период характеризовался значительной активизацией демографических процессов. Изменились все важнейшие показатели сельского населения, что было вызвано как ускоренным социально-экономическим развитием деревни, так и последствиями аграрной политики, осуществлявшейся советским государством. Несомненно, одной из доминирующих тенденций в указанные годы являлось сокращение численности сельского населения.

Общая картина движения народонаселения Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР в 1959–1989 гг. показана в табл. 1. Количество жителей региона за указанное время увеличилось на 798,2 тыс. чел. Большую часть этого прироста (446,0 тыс. чел., или 55,6%) дала Коми республика. За 1959–1989 гг. численность проживающих на ее территории увеличилась в 1,8 раза. В Коми АССР в данный период шло ускоренное освоение месторождений нефти и газа, угля, продвижение лесозаготовок на Север. Это вызывало не просто общее увеличение населения республики, а его рост именно в северных районах, где за короткий период появились новые крупные города, значительно выросли уже существующие.¹ Промышленное освоение территории требовало существенных ресурсов рабочей силы. Так как они не покрывались за счет местных источников, то преобладающее значение в обеспечении трудовыми ресурсами промышленности имел приток населения из-за пределов республики. Роль механического прироста упала только в двенадцатой пятилетке, когда сократились темпы освоения северных территорий. Тем не менее и в это пятилетие он остался на уровне 12,9%. В известной мере подобное положение наблюдалось и в Архангельской области, где развернулось освоение нефтегазовых месторождений и Северо-Онежских бокситов. Наибольший прирост населения здесь произошел в 1960-е гг. (в 1,5 раза за 1959–1970 гг.). Однако и в последующий период в некоторых районах области, мало приспособленных для ведения сельского хозяйства, но обладающих богатыми природными ресурсами, население росло высокими темпами. В Ненецком автономном округе в 1985 г.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 09-01-41103а/С.

Численность населения Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР, тыс. чел*

Год	Архангельская область				Вологодская область				Коми АССР			
	Всего	В том числе		Удельный вес сельского населения, %	Всего	В том числе		Удельный вес сельского населения, %	Всего	В том числе		Удельный вес сельского населения, %
		городское	сельское			городское	сельское			городское	сельское	
1959	1267,3	666,3	601,0	47	1308,6	451,9	856,7	65,4	815,0	484,0	331,0	41
1970	1402,1	921,1	481,0	34	1290,1	628,7	661,4	51,3	964,8	597,4	367,4	38
1979	1467,1	1057,8	409,3	28	1309,8	768,1	541,7	41,4	1118,4	793,4	325,0	29
1985	1528,9	1145,9	383,5	25	1314,0	793,0	521,0	39,5	1213,0	900,0	313,0	26
1989	1566,9	1186,7	380,2	24	1361,0	898,0	463,0	34,0	1261,0	952,3	308,7	24

* Таблица составлена по данным: Архив Госкомстата Республики Коми, д. Социально-демографическая характеристика населения Коми АССР.– Сыктывкар, 1990.– С. 9, 11; Вологодская область в цифрах (1990–1991 гг.).– Вологда, 1991.– С. 20; Архив Госкомстата Архангельской области, д. Основные показатели по сельскому хозяйству, капитальному строительству и торговле, л. 106; Народное хозяйство Архангельской области в одиннадцатой пятилетке: Стат. сбор. – Архангельск, 1986.– С. 4.

проживало 53 тыс. чел., тогда как в 1977 г. – 42 тыс. чел.² Удельный вес городского населения в округе за этот период сократился с 40,5 до 35,8%.

По данным табл.1, наименьший рост населения наблюдался в Вологодской области. За 1959–1985 гг. оно возросло лишь на 5,4 тыс. чел. Это объясняется двумя факторами. Во-первых, относительно высоким механическим выбытием жителей за пределы области, и, во-вторых, интенсивным внутриобластным перераспределением рабочей силы. Хотя с конца 50-х гг. здесь были размещены крупные предприятия машиностроения, пополнение их трудовыми ресурсами происходило за счет внутренних источников, одним из которых, в частности, являлось сельское население вологодской деревни. Преимущественно сельчане обеспечили рост городского населения за период с 1959 по 1975 г. на 52,2%.³

Масштабы сокращения сельского населения в Вологодской области были самыми высокими в северном регионе. За 1959–1985 гг. вологодская деревня потеряла 394 тыс. чел., что больше всего сельского населения Коми АССР в начале 1960-х гг. Такие масштабы можно считать естественными, ибо из трех изучаемых областей вологодская деревня являлась наиболее многолюдной.⁴ Отток сельских жителей здесь был настолько велик, что в 1989 г. удельный вес пустующих домов в сельском индивидуальном секторе достиг 21,2%.⁵ Прирост же городского населения в области значительно превышал средние темпы по стране.

В Коми АССР абсолютное сокращение сельского населения не было столь заметным, как в соседних областях. До 1970 г. в республике численность сельских жителей, наоборот, увеличивалась. Причиной тому послужило освоение новых территорий и развитие тех или иных отраслей промышленности. Например, значительный рост сельского населения произошел в тех районах, где развивались лесозаготовки.⁶ Отметим, что в 1970 г. в лесных поселках Коми АССР проживало свыше 35%, Архангельской области – более 25% сельского населения.⁷

Сохранялся также достаточно высокий уровень естественного прироста за счет, с одной стороны, повышенной плодовитости сельских жителей⁸, с другой – уменьшения смертности, которая на 1000 чел. в сельской местности сократилась с 36,6 (в 1940 г.) до 8,5 (в 1970 г.), т.е. в 43 раза. Несмотря на то, что в Коми АССР в период с 1959 по 1970 г. среднее годовое снижение рождаемости составляло примерно 4%, естественный прирост в 1970 г. был на 12,4% выше, чем в среднем по СССР, и на 43,8% – чем в среднем по РСФСР.⁹

По убыли сельского населения Архангельская область в регионе

занимала промежуточное положение, но и в ней за 1959–1985 гг. деревня сократилась более чем на 200 тыс. чел. В этих колебаниях в каждой области были свои пики и относительная стабилизация. Так, в 70-е гг. в результате принятых мер по укреплению сельского хозяйства, улучшению материального положения сельских жителей миграционный поток в города несколько сократился.

В литературе указаны основные причины сокращения сельского населения и его миграции в города. Исследователи ссылаются на неудовлетворительные социально-бытовые и культурные условия, характер труда в сельском хозяйстве, во многом остававшийся физическим, на малую возможность для молодежи выбора предстоящей профессии и другие (учитывая, что среди мигрантов значительную часть составляли лица молодых возрастов). Эти факторы, несомненно, играли важную роль. Так, на 1 января 1988 г. в Вологодской области 84% сельских населенных пунктов не имело дневных общеобразовательных школ, 50% – стационарных предприятий торговли, 72% – стационарных отделений связи и т.д.¹⁰ В.В.Терентьев по результатам опроса рабочих ряда совхозов Коми АССР, проведенного в 1981 и 1982 гг., отмечал, что «имея высокий уровень образования, молодежь предъявляет все более высокие требования к содержанию и характеру труда, к организационно-техническим факторам».¹¹ Г.А. Буданов тоже приходит к выводу о том, что «в Вологодской области миграция жителей из села в город происходила не столько вследствие повышения производительности труда, сколько из-за неудовлетворенности сельским трудом, большими социально-экономическими различиями между городом и деревней».¹²

Тем не менее имеются основания определеннее указать и на другие причины сокращения сельского населения. Данные табл. 1 свидетельствуют, что в регионе оставалось значительное количество сельских жителей и процесс его сокращения был далеко не завершен. Если же рассматривать проблему с точки зрения обеспечения необходимых темпов развития сельского хозяйства, то вряд ли правомерно утверждать, что недостаток рабочей силы на селе являлся главным тормозом наращивания сельскохозяйственного производства. На это указывает и опыт развитых стран.¹³

Необходимо также обратить внимание на высвобождение рабочей силы в сельском хозяйстве в результате повышения производительности труда. К середине 1980-х гг. каждый работающий в сельскохозяйственном производстве вырабатывал продукции в 2-3 раза больше, чем в начале 60-х гг. Эта тенденция была объективной и, пожалуй, составляла одну из фундаментальных причин сокращения жителей деревни.

Структурная перестройка экономики требовала и перераспределения населения в системе город – село. Максимально использовать на новостройках в качестве рабочей силы местные трудовые ресурсы – наиболее эффективный путь индустриализации региона. Что и делалось. Причем на новостройках социально-бытовые и культурные условия зачастую были не лучше, чем на селе, однако сельское население все равно стремилось участвовать в промышленном строительстве. Привлекала повышенная по сравнению с сельским хозяйством возможность улучшить материальное положение, получить новую профессию, поменять социальный статус. Условия для этого создавала урбанизация. С известной осторожностью можно сделать вывод, что миграция по линии село–город не в меньшей степени была вызвана сдвигами в структуре материального производства, чем неудовлетворительными условиями труда и быта в деревне.

На передний план среди причин сокращения сельского населения исследователями выдвигается так называемая политика перспективных и неперспективных деревень. Ее масштабы действительно были впечатляющими. В соответствии с предложениями Госплана РСФСР в одной только Вологодской области к 1980 г. намечалось селить в укрупненные благоустроенные села свыше 40 тыс. дворов, израсходовав на эти цели 150 млн. руб.¹⁴ В первой половине 60-х гг. разрабатывались схемы районных планировок. По ним определялась перспективность каждой деревни. Затем они корректировались, как правило, в сторону увеличения неперспективных населенных пунктов. В одном из документов Архангельского облисполкома эта политика обосновывалась следующим образом: «Большое количество мелких населенных пунктов и их разбросанность вызывают нерациональное распыление капитальных вложений..., а также серьезно ослабляют оперативное руководство производственной деятельностью колхозов и совхозов, затрудняют политико-массовую и культурно-воспитательную работу. Поэтому выбор перспективных населенных пунктов и рациональное укрупнение является одним из основных вопросов районной планировки».¹⁵ Предполагалось, что в новой системе расселения особая роль будет принадлежать центральным усадьбам, средний размер которых определялся в 1200 чел. К началу 1970-х гг. в Коми АССР из 1054 населенных пунктов в число перспективных было включено 97, в Вологодской области из 10 068 – лишь около 2000.¹⁶

Результаты указанной политики известны. Только за 1970–1989 гг. численность сельских населенных пунктов в Коми республике сократилась с 1055 до 740.¹⁷ В Вологодской области между переписями населения 1959 и 1989 гг. количество сел, деревень и поселков умень-

шилось с 12495 до 8459, или на 4036 единиц.¹⁸ Кроме того к явно вымирающим можно было отнести еще, по крайней мере, 2476 деревень с числом жителей до 10 чел.¹⁹ В Архангельской области за 1975–1985 гг. прекратили существование 984 сельских населенных пункта. Конечно, среди них были не только сельскохозяйственные пункты. В Архангельской области и Коми АССР в сельской местности располагалось много поселков лесозаготовителей. Так, в 1979 г. в Коми республике из 780 сельских населенных пунктов 617, или 79%, относились к сельскохозяйственным, остальные имели промышленный профиль хозяйства. Из общего количества свернутых за 1970–1979 гг. сел и поселков на них пришлось ровно половина.²⁰ Только в Вологодской области в абсолютном большинстве населенных пунктов основная часть населения была занята в сельском хозяйстве. Несомненно, закрытие многих сел и деревень усугубило демографическую ситуацию в сельской местности.

Однако нам кажется, что из поля зрения исследователей выпали оправдательные мотивы, лежащие в основе подобной политики. Они заключались не только в благих намерениях государства обеспечить сельчанам достойные условия жизни (эта цель фиксировалась во всех официальных документах). В то же время деревня представляла территорию со значительным избыточным населением. В 1970 г. в сельском хозяйстве Коми АССР было занято 5,2% трудовых ресурсов республики (в Архангельской области 7,4 и в Вологодской – 18,6%).²¹ В Вологодской и Архангельской областях это население порой было рассредоточено по мельчайшим населенным пунктам. Средняя плотность поселения в Архангельской области в 1970 г. составляла 91 чел. В Вологодской области даже после реорганизации поселенческой структуры удельный вес деревень с населением до 50 чел. к концу 1980-х гг. составлял 79,4%.²² По числу сельских населенных пунктов область занимала четвертое место в стране (без Прибалтики).²³ Возникла альтернатива: или оставить все как есть и попытаться создать соответствующую производственную и социальную инфраструктуру на селе, или же реорганизовать саму систему сельских поселений. Предпочтительным было совмещение обоих вариантов, но этот путь имел ограничители и прежде всего финансовые. Для создания хотя бы в большинстве сел и деревень сбалансированной социальной сферы, необходимых культурных и бытовых условий, строительства дорог нужны гигантские ресурсы, которых не было. Весьма характерный пример в этом отношении мы находим в выступлении директора Тимшерского леспромхоза Коми АССР на пленуме райкома партии в апреле 1962 г., который использован в работе М.К. Игнатова. Он говорил: «На наш леспромхоз возложена задача

приведения в порядок деревень, входящих в колхоз им. Бабушкина... В этом хозяйстве пять деревень, в каждой из них по несколько дворов. Расстояние от первой до последней деревни – 30 километров, по воде все 75. Всего трудоспособных в этих деревнях 22 человека... Начальная школа находится далеко, постройки развалились. Чтобы построить дорогу от поселка Тимшер до ближайшей деревни, надо засыпать шесть болот из-за нескольких проживающих там семей. Есть ли смысл?...»²⁴ Укажем, что удельный вес мелких населенных пунктов в Коми АССР был несравненно ниже, чем в Архангельской и Вологодской областях. Мы не утверждаем, что политика перспективных и неперспективных деревень, вызвавшая убыль сельского населения, как официальный курс государства, не имела изъянов. В итоге непродуманных мер сельское хозяйство стало остро ощущать нехватку рабочей силы. По расчетам В.В. Терентьева, ее среднегодовой дефицит в совхозах Коми АССР в 1980–1983 гг. составлял 16% от потребности, а в период уборочных работ увеличивался до 35%, зимой снижался до 5%.²⁵ Однако и в этом случае свою роль играла общая тенденция сокращения сельского населения, негативные последствия которой возможно было бы преодолеть на пути интенсификации сельскохозяйственного производства и создания развитой социальной сферы в деревне. Г.А. Буданов на материалах Вологодской области показал, что особенно велик был отток населения из экономически слабых хозяйств.²⁶ Материал данной статьи указывает на то, что необходимо дальнейшее изучение социально-экономических процессов в северной деревне.

Литература и источники

1. Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. – Сыктывкар, 1990. – С. 6. (Сер. препринтов «Науч. докл.» / Коми науч. центр УрО АН СССР; Вып. 231).
2. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. – М., 1977. – С. 9; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. – М., 1986. – С. 7.
3. Гарабцов В.В., Дураидина Л.А. Особенности экономико-демографического развития Северо-Запада // Проблемы социально-экономического развития Северо-Запада. Вып. 33. – М., 1977. – С. 42.
4. Буданов Г.А. Социально-демографические изменения в Вологодской области за 1959–1985 годы // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). – Вологда, 1992. – С. 104.
5. Архив Статуправления Вологодской области, д. Социальное развитие села Вологодской области. – Вологда, 1991. – С. 11.

6. Загайнова Г.В. Типы промышленных поселений Коми АССР // Известия Коми филиала географического общества СССР. – Сыктывкар, 1973. – С. 36.

7. Загайнова Г.В., Варламов Г.И. Особенности размещения населения Коми АССР и Архангельской области // Проблемы повышения эффективности производства и развития производительных сил Коми АССР. – Сыктывкар, 1973. – С. 146.

8. Шумахер Р.Э. Здоровье народа Коми. – Сыктывкар, 1974. – С. 10.

9. Подоплелов В. Население Коми АССР // Всст. полит. инф. – Сыктывкар, 1974. № 23. – С. 29.

10. Архив Статуправления Вологодской области, д. Социальное развитие села Вологодской области. – Вологда, 1991. – С. 30.

11. Терентьев В.В. Трудовые ресурсы села. – Сыктывкар, 1986. – С. 21.

12. Буданов Г.А. Указ. соч. – С. 105.

13. Кара-Мурза С. Село, которое сегодня уничтожают // Правда. – 1993. – 1 апреля.

14. Развитие и размещение производительных сил областей и автономных республик Северо-Западного экономического района в 1961–1980 гг. – М., 1973. – С. 72.

15. Государственный архив Архангельской области, ф. 2063, оп. 2, д. 1177, л. 300-301.

16. Кравцова М.Д., Мельников Б.П. К вопросу о роли социального планирования в сближении города и деревни в условиях развитого социализма // Из истории сельского хозяйства Коми АССР. – Сыктывкар, 1977. – С. 131.

17. Архив Госкомстата Республики Коми, д. Сельские населенные пункты Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). – Сыктывкар, 1989. – С. 11; Веселовская В.И. География населения Вологодской области. – Вологда, 1973. – С. 27.

18. Веселовская В.И. География населения Вологодской области. – Вологда, 1973. – С. 17; Архив Статуправления Вологодской области, д. Социальное развитие села Вологодской области. – Вологда, февраль 1991 г. – С. 37.

19. Там же

20. Архив Госкомстата Республики Коми, д. Основные итоги переписи населения 1979 г. по Коми АССР: Стат. сб. – Сыктывкар, апрель 1980 г. – С. 11.

21. Экономическое развитие Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР в десятой пятилетке (1976–1980 гг.). – Л., 1975. – С. 194.

22. Вологодская область в цифрах.– Вологда, 1991.– С. 23.
 23. Веселовская В.И. Указ. соч.– С. 17.
 24. Игнатов М.К. Взгляд сквозь годы // Ориентир.– Сыктывкар, 1992.– № 8-9.– С. 45.
 25. Терентьев В.В. Трудовые ресурсы села. – Сыктывкар, 1986.– С. 15.
 26. Буданов Г.А. Указ. соч.– С. 108-109.

А.М. Мацук
 (г. Сыктывкар)

ГАИ в Усть-Цилемском районе: становление и развитие

Государственная автомобильная инспекция в СССР была создана в 1935 году, подчинена НКВД СССР и стала одной из составных частей советской милиции с 3 июля 1936 года. Она входила и входит в состав исполнительных органов страны и конкретная история ее подразделений представляет интерес, в том числе и со стороны истории государственной власти в регионах нашей страны.

В представленной статье рассматривается процесс становления и развития подразделения ГАИ-ГИБДД Усть-Цилемского района Коми АССР – Республики Коми. Причем главный упор мы делаем на выявление структурных и кадровых изменений в данном подразделении. Мы опираемся на документы, почерпнутые из ведомственного архива Министерства внутренних дел Республики Коми – Отдела специальных фондов Информационного центра по Республике Коми при МВД Республики Коми.

Усть-Цилемский район Коми АССР в советское время считался «глубинкой» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Дорожное строительство на территории района велось вяло, поэтому и автомобильное движение по району не отличалось интенсивностью. В то же время автомобилей и мотоциклов в районе становилось все больше и больше. Все это сказалось на становлении и развитии службы безопасности дорожного движения в районе.

Впервые инспектор ГАИ в объединенном Ижмо-Цилемском районе появился в 1963 году. Введение этой должности в штат районного отделения милиции произошло по приказу министра охраны общественного порядка Коми АССР от 11 февраля 1963 года.¹

31 марта 1965 г. было объявлено новое штатное расписание милиции РУД.² В бывшем Ижмо-Цилемском районе, несмотря на его официальное разделение на Ижемский и Усть-Цилемский, продолжал трудиться лишь один сотрудник ГАИ на два района.

Очередные изменения штатного расписания милиции РУД произошли в 1967 г. в соответствии с приказом министра ООП Коми АССР № 67 от 16 февраля 1967 г.³ Но в Ижемском и Усть-Цилемском районах, как и ранее, работал один сотрудник ГАИ на два района.

Жизнь диктовала свои условия, и изменения в расстановке кадров ГАИ и РУД в сельских районах происходили достаточно часто. Так, по данным Г. Филиппова в 1970 г. отдельная должность госавтоинспектора была введена в ОВД Усть-Цилемского района.⁴

В 1972 г. в очередной раз были изменены штатные расписания республиканской милиции. 12 октября 1972 г. приказом МВД Коми АССР были утверждены штаты Министерства внутренних дел Коми АССР и, соответственно, штаты городских и районных отделов внутренних дел. Напомним, что в эти подразделения входили и сотрудники ГАИ. Этим приказом в ОВД сельских районов были созданы группы ГАИ. Они были разными по численности и статусу сотрудников. Так, в группу ГАИ ОВД Усть-Цилемского района, как и Койгородского, Ижемского и Удорского районов входили по одному госавтоинспектору.

1 января 1983 г. был обнародован очередной приказ министра внутренних дел Коми АССР № 1 «Об утверждении штата дорожного надзора и дорожно-патрульной службы милиции ГАИ МВД Коми АССР». Этим приказом увеличивалась численность сотрудников ДПС в республике. Но в Ижемском и Усть-Цилемском отделах внутренних дел продолжали работать по одному инспектору ДПС.⁵

Приказ МВД Коми АССР № 090 от 17 июля 1986 г. утвердил новые штаты подразделений дорожно-патрульной службы городских и районных органов внутренних дел республики. В соответствии с этим приказом в группах ДПС Ижемского и Усть-Цилемского ОВД трудились уже по одному старшему инспектору ДПС.⁶ То есть статус сотрудника ГАИ в Усть-Цилемском районе был повышен.

В демократической России большое внимание стало уделяться укреплению органов охраны правопорядка, в том числе и Государственной автомобильной инспекции. Это сразу сказалось на увеличении штатной численности сотрудников ГАИ в подразделениях. 22 декабря 1993 г. был обнародован приказ МВД РК № 940 «Об утверждении штатов горрайорганов внутренних дел Республики Коми». Этим приказом были утверждены, в числе прочих подразделений, штаты отделений ГАИ во всех сельских районах. В Усть-Цилемском районе

в ГАИ после реализации этого приказа трудились 5 сотрудников: начальник отделения, старший инспектор ДПС и 3 инспектора ДПС.⁷

В этом приказе был помещен перечень нормативов штатной численности сотрудников. Так, должность госавтоинспектора и старшего госавтоинспектора вводилась из расчета – один госавтоинспектор на 3000 единиц автотранспорта, но не менее 1 единицы в каждом органе внутренних дел. Должности инспектора и старшего инспектора дорожно-патрульной службы, согласно нормативам, вводятся в отделение ГАИ при отсутствии в органе внутренних дел строевого подразделения ДПС ГАИ (рота, взвод) из расчета: один инспектор ДПС на 35 километров протяженности дорог общегосударственного и республиканского значения или один инспектор ДПС на 200 километров дорог областного и местного значения.⁸ Приведенные нормативы объясняют численность сотрудников ГАИ ОВД разных сельских районов, в том числе и Усть-Цилемского.

В 1996 г. произошли существенные изменения в численности сотрудников ГАИ и ДПС. Сначала приказом министра внутренних дел Республики Коми «Об организационно-штатных вопросах в горрайорганах внутренних дел» (приказ № 104 от 25 февраля 1996 г.) несколько возросла численность сотрудников ГАИ. В приказе приведена следующая аргументация этого: «В целях приведения штатной численности должностей инспекторов по пропаганде и госавтоинспекторов дорожного надзора ГАИ горрайорганов внутренних дел в соответствие с нормативами, утвержденными МВД России согласно закону РСФСР «О милиции», а также в целях решения других организационно-штатных вопросов, вытекающих из оперативно-служебной деятельности». В результате, в отделение ГАИ Усть-Цилемского района была введена одна должность инспектора по пропаганде.⁹

18 марта 1996 г. был издан очередной приказ министра внутренних дел Республики Коми № 140, которым были утверждены новые штаты строевых подразделений ДПС ГАИ. Этим приказом во всех сельских районах республики были созданы моторизованные взводы ДПС ГАИ.

В штате взводов всех районов служили по одному командиру взвода, по одному инспектору по административной практике и по одному инспектору по розыску. Естественно, что обязательно в состав всех взводов входили инспектора и старшие инспектора ДПС. Наконец, в большинстве районов в штате мотовзвода ДПС были должности машинистки, а в некоторых районах (Троицко-Печорский, Усть-Цилемский, Княжпогостский, Удорский) и по одной должности уборщика служебных помещений.

Численность личного состава моторизованного взвода ДПС ГАИ

ОВД сельских районов была установлена следующая: Ижемский – 22, Троицко-Печорский – 32, Усть-Цилемский – 24, Удорский – 26, Княжпогостский – 38, Койгородский – 18.¹⁰ То есть, в Усть-Цилемском районе в это время было больше сотрудников ГАИ, чем в Койгородском и Ижемском.

Последнее в XX столетии изменение численности сотрудников ГИБДД сельских районов республики произошло в 1999 г. 24 июня 1999 г. министр внутренних дел Республики Коми подписал приказ № 380 «Об утверждении штатов строевых подразделений ДПС и РЭП ГИБДД». Значительные изменения произошли в численности личного состава взводов ДПС ГИБДД ОВД сельских районов. Причем уменьшилась численность в Усть-Цилемском, Ижемском, Троицко-Печорском, Удорском, Койгородском, Корткеросском, Усть-Вымском и Усть-Куломском районах. Приведем данные по взводам некоторых районов, поскольку показатели изменений везде разные. В скобках для наглядности укажем разницу по сравнению с предыдущим приказом со знаком плюс или минус. Ижемский район – 13 (- 9), Троицко-Печорский – 23 (- 9), Усть-Цилемский – 12 (- 12).¹¹

В начале XXI века, а именно в 2006 г. в Усть-Цилемском районе продолжали работать 12 сотрудников ГИБДД, как и в 1999 г.¹²

В конце статьи назовем некоторых сотрудников Усть-Цилемской ГАИ-ГИБДД. В 1965 – 1966 годах инспектором на два района (Усть-Цилемский и Ижемский) работал Д.В. Сабодаж. В 2006 г. отделение ГИБДД ОВД Усть-Цилемского района возглавлял подполковник милиции Г. Филиппов. В этом отделении также служили старший лейтенант милиции В.Ю. Семяшкин, капитан милиции В.В. Выучейский, старший лейтенант милиции Л.А. Чупров, лейтенант милиции Т.К. Дуркин, младший лейтенант милиции А.М. Коваль и другие.¹³

Таким образом, подразделение ГАИ-ГИБДД Усть-Цилемского района прошло путь от одного сотрудника, притом обслуживавшего два смежных района, до достаточно большого и боеспособного подразделения, выполняющего в настоящее время сложные задачи, стоящие перед ними.

Литература и источники

1. Отдел специальных фондов Информационного центра по Республике Коми при МВД Республики Коми, ф. 21, оп. 1-п, д. 95«с», л. 54, 55, 59, 64, 67, 72, 77, 80, 93, 94; Филиппов Г. 70 лет ГАИ-ГИБДД // Газета «Красная Печора». № 80. 1 июля 2006 г. Г. Филиппов назвал неверную дату, когда в Ижмо-Цилемском районе был впервые введена должность сотрудника ГАИ – 1965 год. На самом деле это произошло на два года раньше.

2. Отдел специальных фондов Информационного центра по Республике Коми при МВД Республики Коми, ф. 21, оп. 1-п, д. 105«с», л. 262.
3. Там же, д. 55, л. 129.
4. Филиппов Г. 70 лет ГАИ-ГИБДД // Газета «Красная Печора». № 80. 1 июля 2006 г.; Павлов Б. За плечами – 70 лет // Газета «Выль туйод». 1 июля 2006 г.
5. Там же, д. 172 «с», л. 3, 4, 7, 8.
6. Там же, д. 188 «с», л. 80, 81, 82, 83.
7. Там же, д. 214, л. 105, 107, 111, 113, 118, 120, 140, 142, 146, 148, 169, 172, 188, 190-191.
8. Там же, л. 211.
9. Там же, д. 233, к. 16, 26-30.
10. Там же, л. 144-155.
11. Там же, д. 263, л. 178-189, 197, 198.
12. Филиппов Г. 70 лет ГАИ-ГИБДД // Газета «Красная Печора». № 80. 1 июля 2006 г.
13. Там же.

М.А. Петровский
(г. Сыктывкар)

Развитие учреждений службы крови на территории сельских районов Коми АССР в 1960–1980-х гг.

Сохранение здоровья населения всегда должно занимать первое место в системе жизненных ценностей любого государства. Сегодня, качество медицинского обслуживания, а также доступность лекарственного обеспечения в большинстве северо-западных районов Российской Федерации не соответствуют тому уровню, который необходим для сохранения здоровья работающих и проживающих в экстремальных природно-климатических условиях людей. Во многом причиной недостаточного развития здравоохранения является действующая система финансирования. При решении важнейших социально-экономических задач по сохранению общественного здоровья и снижению заболеваемости, стоящих перед государством и здравоохранением, необходимо учитывать исторический опыт. Поэтому изучение развития учреждений службы крови, которая является страте-

гической отраслью здравоохранения, становится все более актуальным.

В 1960-х гг. Коми АССР временно имела отрицательное сальдо миграции. В последующее десятилетие вновь начался механический прирост населения, который определялся темпами развития производительных сил республики. С 1959 по 1989 г. население Коми АССР увеличилось на 54,5%. Количество городского населения увеличилось почти в 2 раза, однако сельское население уменьшилось на 7%.¹ Демографический рост требовал скорейшего развития сети здравоохранения, в лечебных учреждениях которого продолжало активно расти число койко-мест. Если в 1966 г. в Коми АССР было всего 11320 койко-мест, то на 1 января 1986 г. в 134 лечебных учреждениях было развернуто уже 15420 койко-мест, т.е. их количество увеличилось на 36,2%. При этом значительно выросло количество койко-мест вне столицы Коми АССР.² Развитие здравоохранения в районах предусматривало, не только увеличение количественных показателей, но и качественных – оснащение новейшим оборудованием и внедрение эффективных методов лечения, в том числе гемотрансфузионной терапии. Следовательно, чтобы обеспечивать лечебные учреждения донорской кровью и ее препаратами в достаточном количестве, нужно было расширять сеть учреждений службы крови и многократно увеличивать производственные возможности, что было жизненно важным в обеспечении здоровья населения.

В 1960–80-х гг. продолжали активно развиваться учреждения службы крови в северо-восточных городах Коми АССР. В 1960-х и в первой половине 1970-х гг. произошла реорганизация этих учреждений в станции переливания крови (далее – СПК) в гг. Ухта, Воркута, Инта, Печора. Однако мероприятия по открытию новых отделений переливания крови в сельских районах, которые должны были улучшить обеспечение районных больниц донорской кровью, затягивались.

Все большее увеличение потребности лечебных учреждений в гемотрансфузионных средствах, развитие безвозмездного донорства, необходимость существенного улучшения трансфузиологической помощи в районных лечебных учреждениях, повышения эффективности и безопасности гемотрансфузионной терапии обусловили разработку нового «Положения об отделении переливания крови», которое было утверждено приказом Минздрава СССР от 03.02.1969 г. № 82. Согласно ему отделение переливания крови (далее – ОПК) должно было быть трансфузиологическим центром больницы и в большей мере заниматься организацией трансфузиологической помощи в больнице и всеми вопросами клинической трансфузиологии. Такое

отделение организовывалось в больницах с числом коек не менее 150 и потребностью в цельной донорской крови (для переливания) не менее 120 литров в год.

Отделения переливания крови при Центральных районных больницах (далее – ЦРБ) в п. Троицко-Печорск и с. Усть-Цильма организованные в 1964 г. продолжали функционировать. Отделение переливания крови при Троицко-Печорской ЦРБ занимало отдельное здание из четырех комнат общей площадью 104 кв. м., однако было оборудовано недостаточно. Работу отделения в п. Троицко-Печорск с 1968 по 1980 гг. возглавляла врач Новикова. Отделение переливания крови, функционировавшее в с. Усть-Цильма находилось при хирургическом отделении ЦРБ и занимало две смежные комнаты общей площадью 20 кв. м, но было недостаточно оснащено. Работу отделения в с. Усть-Цильма с 1964 по 1989 гг. (с перерывами) возглавлял врач-хирург М.Я. Дуркин. Эти учреждения службы крови часто обращались за помощью к руководству Республиканской СПК (г. Сыктывкар).³

Несмотря на распорядительную документацию Минздрава СССР, в сельских районах Коми АССР к середине 1970-х гг. функционировали лишь два упомянутых отделения. Складывается впечатление, что все усилия были брошены на организацию и реорганизацию станций переливания в городах на северо-востоке Коми АССР. Возможно, это было связано с тем, что количество койко-мест в лечебных учреждениях этих городов было больше в 2,4 раза, чем в сельских районах. Например, если в 1970 г. в сельских районах было 3020, то в северо-восточных городах 7345 койко-мест.⁴ Тем не менее, Республиканской СПК с помощью санитарной авиации удавалось дополнительно снабжать больницы сельских районов консервированной кровью и ее препаратами, а также флаконами с консервантом 7 «б», которые использовались в экстренных случаях, для заготовки и переливания свежечитратной крови.⁵

Во исполнение вышеупомянутого приказа Минздрава СССР и в соответствии с приказом Минздрава Коми АССР от 7 июля 1969 г. № 81-р только с середины 1970-х гг. начали активно разворачивать сеть отделений переливания крови при сельских Центральных районных больницах, и таким образом улучшать обеспечение лечебных учреждений консервированной кровью.⁶ С открытием нового корпуса в Эжвинской больнице ежегодно с 1971 г. планировали открыть отделение переливания крови, которое из-за отсутствия соответствующих помещений и не укомплектованности штатами, было организовано только 13 июня 1974 г. Оно занимало площадь 26 кв. м и единственное из отделений работало с большей мощностью – от 25 до 49

литров в месяц и всегда перевыполняло план, что связано с непосредственной близостью Республиканской СПК. Заведующими Эжвинским ОПК с 1974 г. был врач Бородаенко, с 1981 г. И.Петров, а с 1983 по конец 1990-х гг. З.П. Глазкова.⁷ В октябре 1975 г. на базе Княжпогостской ЦРБ (пгт. Железнодорожный, с 1985 г. – город Емва) было организовано отделение переливания крови. Оно занимало общую площадь 70 кв. м и работало с мощностью заготовки от 10 до 24 литров в месяц.⁸ Заведующим отделением в первой половине 1980-х гг. был М.И. Потапов. При Усинской ЦРБ (пгт. Усинск, город с 1984 г.), на первом этаже жилого пятиэтажного дома, 19 апреля 1977 г. было организовано ОПК. Оно занимало общую площадь 48 кв. м и работало с мощностью заготовки от 10 до 24 литров в месяц. Заведующими отделением были Э.Р. Апханов, а затем врач Ляхов.⁹ В августе 1977 г. на базе Вуктыльской ЦРБ (пгт. Выктыл, город с 1984 г.) было организовано отделение переливания крови. Оно сначала занимало помещение общей площадью 28 кв. м, а с 1986 г. 70 кв. м и работало с мощностью заготовки от 10 до 24 литров в месяц. Заведующими отделением были К.И. Морохина, а затем А.А. Феклина.¹⁰ Открытие ОПК при Усть-Куломской ЦРБ было запланировано еще в 1970 г., но не было открыто, так как выделенное помещение требовало капитального ремонта и не были укомплектованы штаты.¹¹ В августе 1978 г. на базе Усть-Куломской ЦРБ было организовано отделение переливания крови. Оно занимало общую площадь 28 кв. м и работало с мощностью заготовки от 10 до 24 литров в месяц. Заведующим отделением был назначен врач Андрусевич.¹²

По данным таблицы 1 (см. на стр. 206) видно, что активное развитие отделений переливания крови при ЦРБ в сельских районах началось с середины 1970-х гг. Отделения выполняли своевременно плановые задания и был стабильный рост количества заготовленной крови к предыдущему году. По отчетам известно, что доля донорской крови заготовленной отделениями от общего количества была стабильной с конца 1980-х до середины 1990-х гг.

Обеспечение лечебных учреждений консервированной кровью, ее препаратами ежегодно улучшалось. Косвенным показателем активного развития службы крови на территории районов Коми АССР является положительная динамика по общему количеству переливаний консервированной крови и её препаратов. Например, если с 1966 г. по 1971 г. количество переливаний крови увеличилось на 4,5%, то с 1971 г. по 1977 г. на 157%¹³. Чтобы получить такие показатели нужна была подготовка кадров из сельской лечебной сети. Республиканская СПК совместно с лечебными учреждениями Коми АССР в 1960–1980-х гг. проделали огромную работу по подготовке медицинских

Таблица 1

Динамика заготовки цельной донорской крови (без консерванта) отделениями переливания крови в сельских районах Коми АССР в 1973–1985 гг.

Годы	Заготовлено цельной донорской крови (без консерванта)				
	план (в литрах)	всего (в литрах)	выполнение плана (в %)	рост к предыдущему году (в %)	доля от общего количества (в %)
1973*	360	134	-63	-60	1,0
1974**	450	326	-28	+143	2,3
1975***	420	505	+20	+54	3,4
1976	700	658	-6	+30	4,0
1977****	830	863	+4	+31	4,8
1978*****	1060	1068	+0,7	+23	5,4
1979	1100	1152	+4	+7	5,7
1980	1150	1244	+8	+7	5,6
1981	1150	1162	+1	-6	5,1
1982	–	1388	–	+19	6,0
1983	–	1467	–	+5	6,0
1984	–	1556	–	+6	5,9
1985	1355	1590	+17	+2	5,9

* В 1973 г. функционировали два отделения – при Троицко-Печорской и Усть-Цилемской ЦРБ.

** С 1974 г. функционировали три отделения – в том числе при Эжвинской горбольнице.

*** С 1975 г. функционировали четыре отделения – в том числе при Княжпогостской ЦРБ.

**** С 1977 г. функционировали шесть отделений – в том числе при Усинской и Вуктыльской ЦРБ.

***** С 1978 г. функционировали семь отделений – в том числе при Усть-Куломской ЦРБ.

Тире обозначает, что в источниках нет данных.

Источники: ГУ РК «НАРК», р-2070, оп. 1, д. 67, л. 34, 40; д. 78, л. 32, 38, 44; д. 90, л. 4; д. 107, л. 6; д. 91, л. 39, 48, 54; д. 108, л. 59, 70, 81, 91; д. 125, л. 61, 71, 81, 91, 107; д. 142, л. 19, 47, 58, 68, 78, 88, 111; д. 160, л. 2; д. 173, л. 3; д. 186, л. 6; д. 201, л. 3; д. 217, л. 7; д. 235, л. 2; д. 236, л. 38; д. 254, л. 27, 28, 32, 36, 37, 39, 43, 52, 57.

кадров Коми АССР методам переливания и заготовки крови. Однако уровень внедрения компонентной терапии в районных лечебных учреждениях все же оставался недостаточным, что снижало эффективность и качество трансфузионной терапии.

Исследуя динамику переливаний консервированной крови и её препаратов в районах необходимо учитывать работу не только отделений переливания крови, но и активное участие в этом процессе крупных районных больниц. Так как до середины 1970-х гг. в сельских районах Коми АССР сеть отделений переливания крови не развивали, то Центральные районные и крупные больницы по экстренным показаниям стали широко практиковать заготовку свежеситратной крови от безвозмездных доноров на местах, что позволяло компенсировать отсутствие отделений. К 1980 г. заготовка свежеситратной крови проводилась уже в 24 крупных больницах республики и практиковалась уже не только в лечебных учреждениях удаленных от учреждений службы крови, но и в местах, где активно функционировали отделения и станции переливания крови. В 1980 г. отмечалось, что при наличии в городах и селах учреждений службы крови в лечебных учреждениях продолжают в экстренных случаях проводить взятие свежеситратной крови, что является грубым нарушением инструкции. К 1986 гг. заготовка крови в лечебных учреждениях, которые находились в непосредственной близости, от учреждений службы крови была почти полностью прекращена, так как было налажено стабильное снабжение из отделений переливания при ЦРБ и Городских СПК. Однако некоторые близлежащие больницы продолжали применять переливания крови, не подвергшейся серологическому исследованию, как например в Ухтинском Роддоме, что было злостным нарушением инструкций¹⁴. С 1986 г. в отчетах не прослеживается участие больниц в заготовке крови, хотя известно, о практике использования необследованной крови в экстренных случаях в 1990-е и 2000-е гг.

Рассмотрев развитие учреждений службы крови на территории сельских районов Коми АССР в 1960–1980 гг. необходимо заявить,

что сеть отделений переливаний крови при сельских ЦРБ была организована лишь во второй половине 1970-х гг. Приоритетным было развитие учреждений службы крови в северо-восточных городах республики, т.к. там был значительный демографический рост, следовательно, быстрыми темпами в лечебных учреждениях росло количество койко-мест, требовавших обеспечения донорской кровью. Открытию сельских ОПК мешали плохие условия размещения больниц и их недостаточная укомплектованность штатными единицами, а так же невнимательное отношение главных врачей лечебных учреждений к этой проблеме. Крупные лечебные учреждения в районах стали самостоятельно заготавливать донорскую кровь и оказывать гемотранфузионную терапию. Впоследствии, мотивируя необходимость безопасности трансфузионной терапии, было запрещено переливания необследованной крови даже в экстренных случаях.

В течение первого десятилетия XXI века отделения переливания крови почти при всех Центральном районных больницах были ликвидированы, т.к. требовали технического переоснащения и поэтому не смогли получить лицензии на право заниматься заготовкой донорской крови. На сегодняшний день функционирует лишь одно ОПК при Прилузской ЦРБ (организовано в 1990 г.), которое получило лицензию на свою деятельность. Содержание и оснащение отделения переливания крови для местных ЦРБ является делом чрезвычайно дорогим. При больницах существуют кабинеты переливания крови, в холодильниках которых имеется только пополняемый запас свежемороженой плазмы. Даже в случае экстренных ситуаций (острая кровопотеря), больницы не имеют права, заготавливать свежую (необследованную) донорскую кровь на месте, т.к. должны транспортировать ее из ближайшей станции переливания крови. Экстренные кровопотери случаются редко, однако при тяжелом состоянии больного исход нам предельно ясен. Экономия финансовых средств в медицинском обслуживании населения в районах стала выше, чем цена человеческой жизни.

Литература и источники

1. История Коми с древнейших времен до конца XX века. 2-х т. / Под. ред. А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар, 2004. – Т.2. – С. 489.
2. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (Далее ГУ РК НАРК), ф. р-2070, оп. 1, д. 107, л. 1; д. 382, л. 4.
3. Там же, д. 11, л. 4, 5; д. 46, л. 27, 40.
4. Там же, д. 33, л. 1.
5. Там же, д. 6, л. 12; д. 7, л. 14.

6. Там же, д. 125, л. 32; д. 253, л. 15.
7. Там же, д. 78, л. 32; д. 173, л. 6; д. 201, л. 2.
8. Там же, д. 90, л. 6, 17; д. 344, л. 4.
9. Там же, д. 124, л. 1, 7; д. 125, л. 102, 103.
10. Там же, д. 142, л. 111; д. 295, л. 25.
11. Там же, д. 33, л. 6-7, 20-21; д. 56, л. 2; д. 78, л. 32, 49.
12. Там же, д. 141, л. 5; д. 142, л. 89, 90.
13. Там же, д. 10, л. 12, 16; д. 45, л. 1, 11; д. 124, л. 1, 11.
14. Там же, д. 90, л. 16; д. 174, л. 25; д. 238, л. 10.

Г.П. Полтавская, В.К. Бойков
(г. Сыктывкар)

Потребительская кооперация Коми АССР в 60–80-е годы XX века

К началу 60-х годов XX в. в СССР жизнь тружеников села (примерно 40% населения страны) была неразрывно связана с деятельностью потребительской кооперации. В розничном товарообороте страны доля потребительской кооперации составляла 26–29%. Кроме того, основную часть заготовок картофеля, бахчевых культур, дикорастущей продукции, более трети производства хлеба и т.д. осуществляли предприятия и организации потребительской кооперации.

В 60–80-е годы XX века в Республике Коми произошли важные перемены. Вырос ее экономический потенциал, получили развитие такие важные отрасли хозяйства, как промышленность, транспорт, капитальное строительство. Вместе с тем, сельское хозяйство постепенно теряло свои позиции. Его доля в общественном валовом продукте постепенно снижалась. Если в 1932 г. сельское хозяйство Коми АССР давало около трети всего валового продукта, то в 1970 г. уже только 7,4%.

С изменением административно-территориального деления Коми АССР значительные изменения произошли в численности сельских населенных пунктов. Если все население Коми АССР возросло за это время почти в полтора раза, то численность сельского населения начала уменьшаться уже с 1970 г. За 30 лет (с 1961 по 1991 г.) удельный вес сельского населения Коми АССР сократился с 40% до 24%, в абсолютных цифрах жителей села стало меньше на 37,7 тыс. чел.

Абсолютная численность населения, обслуживаемого потребительской кооперацией Коми АССР, постепенно росла и достигла в 1990 г. 224 тыс. чел. против 207 тыс. чел. в 1985 г. и 141 тыс. чел. в 1970 г. Однако этот рост был обусловлен за счет городских жителей, обслуживаемых горпо и горкоопторгами республики. В целом удельный вес обслуживаемого потребкооперацией населения Коми АССР оставался на одном и том же уровне – примерно 15–18%.

За 1960–1990 гг. возросла численность оптовых торговых баз (с 2 до 6), а районные заготовительные конторы в основном были реорганизованы в райкоопзаготпромы и сельхопзаготпромы. На базе предприятий общественного питания в районных потребительских обществах были созданы автотранспортные предприятия, леспромхозы, строительное управление, зверохозяйство, коопзверпромхоз, пищевкомбинат в Сыктывкаре и ряд других подразделений.

В основном 60–80-е гг. XX в. в системе потребкооперации республики появились новые производства по выпуску товаров народного потребления – это цеха по выработке безалкогольных напитков, по производству колбасных, булочно-баранных и мучных, кондитерских изделий. Получило дальнейшее развитие производство свинины: были построены свинофермы и типовые свинарники. В основном для собственных нужд заготовкой древесины занимался леспромхоз Коми респотребсоюза. За этот период была укреплена материально-техническая база автотранспортного предприятия: значительно вырос парк автомашин, станков, другого оборудования. В течение 70–80-х гг. XX в. были построены новый учебный корпус СКТ и общежитие со всеми элементами удобства.

Потребительская кооперация Коми АССР как собственными силами, так и силами подрядных строительных организаций занималась возведением жилья для своих работников, были построены детский сад, пионерский лагерь «Тимуровец» в районе с. Вьльгорт Сыктывдинского района.

Для увеличения производства товаров народного потребления потребкооперация республики уделяла значительное внимание развитию собственной промышленности, в первую очередь пищевой. Выработка безалкогольных напитков (дкл) увеличилась в 10 раз (с 2429 дкл в 1961 до 2412 дкл в 1990 г.), колбасных изделий увеличилась с 25,4 т в 1961 до 707 т в 1990 г., кондитерских изделий – с 14 т в 1961 г. до 297 т в 1990 г.

Доля потребительской кооперации республики в общем объеме выработки безалкогольных напитков не превышала 1%, по производству кондитерских изделий – соответственно – 0,7% и 2,6%.

Промышленное звероводство в условиях Коми АССР являлось перспективной отраслью кооперативной промышленности республики. Однако созданные в Троицко-Печорском районе и окрестностях с. Вьльгорт Сыктывдинского р-на зверохозяйства так и не вышли на проектные мощности. В 1988 г. зверохозяйства Коми потребсоюза произвели и сдали на Вологодскую шубно-меховую базу 321 шт. шкурок серебристо-черных лисиц (план 300 шт.) и 2026 шкурок песца (план 2000 шт.).

Леспромхозом Коми респотребсоюза объемы заготовки и вывозки деловой древесины в 1985 г. по сравнению 1961 г. увеличились с 17 тыс. куб. м. до 54 тыс. куб. м.

Незначительная роль была таких производств, как рыбокопильные предприятия, швейный, виноразливочный цехи Сыктывкарской универсальной базы. Все же производства зависели от сырья, материалов, кадров, да и спроса, т.к. качество вырабатываемой на этих предприятиях продукции не всегда было высоким.

Большое место в хозяйственной деятельности потребкооперации Коми АССР принадлежало ее заготовительно-перерабатывающему комплексу. В 60–80-е гг. XX в. в республике велись заготовки почти по 30-ти видам, в собственности по заготовке и закупке продуктов животноводства и растениеводства. Ее доля в общих объемах государственных закупок и картофеля и овощей была значительной и составляла в 1967 г. по картофелю почти 81%, а по овощам – 52%, в 1990 г. была заготовлена только третья часть картофеля и около пятой части овощей (по госзакупкам). Вместе с тем доля потребкооперации в закупке картофеля в личных подсобных хозяйствах республики осталась значительной.

Более успешно работали заготовители по сбору черных и цветных металлов.

К заготовительной деятельности потребкооперации можно отнести и выращивание скота (свиней, кроликов и т.д.).

В целом объем заготовительного оборота потребкооперацией республики (в денежном выражении) за 60–80-е гг. XX в. возрос (примерно в 9,5 раза), общие объемы розничного товарооборота в потребкооперации республики (в ценах соответствующих лет) возросли в 4,5 раза.

Удельный вес кооперативной торговли в общем объеме товарооборота Коми АССР снижался и составлял в 1960 г. – 16,5%, в 1970 г. – 16%, в 1980 г. – 15,5% и в 1990 г. – 13,5%.

На протяжении 70–80-х гг. XX в. одним из главных условий повышения культуры и эффективности работы торговых предприятий было призвано повсеместное внедрение самообслуживания. Только

за 1971–1972 гг. по Коми респотребсоюзу было переведено на самообслуживание 156 магазинов и на 01 января 1973 г. по методу самообслуживания работали 239 предприятий, удельный вес которых составил в общем количестве магазинов системы 25,3%, в торговой площади – 32,5% и в розничном товарообороте – 30,6%. В 1975 г. более 55% товаров на селе продавалось методом самообслуживания, 1977 г. – 65–68%, а в 1983 г. – уже 74,5%.

В системе Коми респотребсоюза росло и число магазинов, торгующих в кредит, по предварительным заказам населения, большое внимание уделялось организации посылочной и развозной торговле, обслуживанию населения мелких, отдаленных сел, труженников сельского хозяйства по месту их работы.

В 1964 г. на товары сложного ассортимента в 195 магазинах Коми респотребсоюза принимались заказы от населения, а в 178 магазинах производилась продажа в кредит. В 1964 г. сельские покупатели получили более 4 тыс. посылок.

В 1983 г. в системе Коми респотребсоюза функционировали 19 автомагазинов и авторазвозок, в летний период работали более 100 палаток и киосков, в т.ч. 13 квасцистерн. В 60–80-е гг. XX в. в селах и городах республики получили распространение проведение базаров-ярмарок, выставок-продаж, других форм активизации торговой деятельности кооперативов республик.

Капитальное строительство в системе потребкооперации республики развивались в значительной мере за счет государственных кредитов. Но большую долю в инвестициях составляли собственные средства потребкооперации.

Из года в год на многих стройках не осваивало выделенные капитальные вложения строительное управление Коми респотребсоюза. Одна из причин – слабая индустриальная база этого подразделения: цех железобетонных изделий и арболитовых конструкций длительное время осваивал свои производительные мощности. Материально-техническая база потребкооперации Коми АССР в целом развивалась медленно, урывками. За 30 лет не произошло коренных изменений в укреплении базы предприятий Коми респотребсоюза.

Зверохозяйство на 2200 голов в с. Вильгорт Сыктывдинского района строилось более 10 лет (с 1972 г.). В 3,5 раза превысил нормативные сроки продолжительность строительства трест «Печорлесстрой» при возведении объектов первой очереди Печорской межрайбазы, в результате чего задерживалось не только начало строительства второй очереди этого объекта, но и дальнейшее его проектирование.

Объединение «Комитязстрой» на объектах Коми респотребсоюза за 1976–1979 гг. освоило только 0,4 млн. руб. капитальных вложе-

ний при лимите 1,4 млн. руб., а управление «Печорстрой» – то же за три года – выполнил план подрядных работ только на 49,3%.

В 1983 г. Трест «Комисельстрой» выполнил план строительномонтажных работ для потребительской кооперации только на 30%.

Происходило постепенное укрупнение предприятий общепита и розничной торговли. С одной стороны появились возможности улучшить обслуживание сельского населения на основе рационализации торгового обслуживания (реконструкция, переоборудование и технологическое переоснащение действующих торговых предприятий), но, с другой стороны, во многих населенных пунктах были закрыты маленькие магазины («малокомплектные лавки»), тем самым ухудшилось торговое обслуживание больших групп сельских жителей республики.

За 30 лет количественный состав хлебопекарен сократился наполовину, ледников осталось одна треть. Резко сократилось число овощехранилищ – более чем на 80%, складские помещения были сокращены на 25%.

В 60-х годах XX в. Коми респотребсоюзом были организованы мастерские бытового обслуживания во всех сельских и крупных населенных пунктах республики. В 1965 г. эти мастерские были «переданы» в ведение Управления бытового обслуживания при Коми АССР. Огромные средства кооперативов республики, израсходованные на создание этой сети, были потеряны для пайщиков Коми АССР.

На треть сократилась выпечка хлеба (с 27010 в 1961 до 16127 в 1990 г.). Доля потребкооперации Коми АССР в общем объеме производства хлеба и хлебобулочных изделий в республике составляла в 1960 г. 22%, в 1970 г. – 18,1%, в 1980 и 1990 гг. – 12%.

Причины снижения объемов хлебобулочной продукции:

– в 1983 г. из 114 хлебопекарных предприятий в системе Коми респотребсоюза с фактической выработкой в 62 т в сутки 99 пекарен выпекали в сутки менее 1 т, т.е. эти предприятия были чрезвычайно мелкими и убыточными производствами;

– ветхая материально-техническая база пекарен, нехватка квалифицированных кадров, слабая специализация производства и т.д.

Значительно слабее была поставлена работа со сдатчиками животноводческой продукции. В 1986 г. договорами на сдачу в целом сельскохозяйственной продукции было охвачено только 16,8 тыс. дворов или 20% от их общего количества. Вместе с тем наблюдалось снижение объемов заготовки даров природы (грибы, ягоды), а также дичи и рыбы, связанных с природно-климатическими особенностями республики.

В Коми АССР слабой была материально-техническая база прием-

но-заготовительных, грибоварочных и скотобойных пунктов, холодильников, цехов по переработке мяса и молока. Например, имеющаяся на конец 80-х гг. XX в. сеть универсальных приемозаготовительных пунктов Коми респотребсоюза (около 20 ед.) конечно не удовлетворяли потребности сельского населения.

Таким образом, в заготовительной деятельности кооперативов Коми АССР были свои достижения и недостатки, связанные с общим уровнем развития экономики республики. Заготовители Коми АССР слабо влияли на развитие собственного производства, городской кооперативной торговли, да и на укрепление экспортно-импортного потенциала системы.

Общая оценка деятельности кооперативов Коми АССР была дана в постановлении бюро Обкома КПСС от 25.04.1980 г., где отмечалось, что Коми респотребсоюз не проявлял инициативы по дополнительному вовлечению в товарооборот местных товарных ресурсов, увеличению выработки товаров на своих предприятиях, не использовал в полной мере имеющиеся возможности для расширения закупок сельскохозяйственных продуктов и сырья в совхозах и личных подсобных хозяйствах граждан, увеличению заготовок дикорастущих грибов и ягод, лектехсырья, улова рыбы, производства свинины на пищевых отходах.

Потребкооперация Коми АССР в основном успешно реализовывала товары, полученные из государственных рыночных фондов, а т.к. эти фонды возрастали по мере расширения объемов производства товаров народного потребления в СССР, то и увеличивались объемы товарооборота потребительских обществ республики.

Удельный вес собственных товарных ресурсов потребкооперации (производимых и закупаемых) в общем товарообороте был незначительным и только за последние 80-е годы XX в. он несколько возрос (примерно до 20%). Однако советский товарный дефицит (имманентная черта социалистической экономики) и система централизованного распределения государственных рыночных фондов стали постоянными спутниками потребительской кооперации Коми АССР.

Доля общепита в общем объеме розничного товарооборота потребительской кооперации республики возросла с 1961 г. по 1990 г. незначительно – с 4,1% до 5,4%, а в обороте продовольственных товаров с 6,9% в 1960 г. до 8,4% в 1985 г.

К концу 80-х гг. XX в. только половина населения Коми АССР была обеспечена общедоступной сетью общественного питания, свыше трети производственных предприятий республики не имели столовых и закусок для своих работников.

Таким образом, неувязок на стыках между торговыми, заготови-

тельными, производственными и строительными отраслями кооперативного хозяйства Коми АССР было немало. Потребительские общества республики не являлись самостоятельными субъектами хозяйствования в сельской местности. Это подтвердилось ходом развития потребительской кооперации Республики Коми в 90-х гг. XX в.

Т.В. Сидоровская
(г. Архангельск)

Роль потребительской кооперации Архангельской области в обеспечении жизнедеятельности сельского населения

Среди основных направлений современной государственной аграрной политики особое место занимает обеспечение жизнедеятельности сельского населения в контексте устойчивого развития сельских территорий, под которым понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель.¹ По мнению академика Российской академии сельского хозяйства А.Петрикова, долгосрочная цель политики по устойчивому развитию сельских территорий – формирование на селе социально равных с городом условий жизни населения, оптимизация выполнения селом его народнохозяйственных функций – производственной, демографической, социально-культурной, природоохранной, рекреационной, пространственно-коммуникационной, социального контроля над территорией. Среднесрочная цель этой политики – снижение сельской бедности путем обеспечения роста доходов от сельского хозяйства, расширения несельскохозяйственной занятости населения, улучшения доступа сельских жителей к услугам социальной и инженерной инфраструктуры.²

Активным участником социально-экономических преобразований в сфере агропромышленного комплекса и в развитии инфраструктуры сельских территорий выступает потребительская кооперация. Потребительская кооперация – организация некоммерческая, социально ориентированная, основу которой составляет пайщик. Согласно Закону РФ «О потребительской кооперации (потребительских

обществах, их союзах) в Российской Федерации» потребительская кооперация – система потребительских обществ и их союзов разных уровней, созданных в целях удовлетворения материальных и иных потребностей их членов.³ Для достижения указанных целей потребительская кооперация осуществляет торговую, производственную, заготовительную деятельность, оказывает различные виды производственных и бытовых услуг и иную деятельность, не запрещенную законом. Пайщики потребительской кооперации имеют право на экономическое участие в деятельности кооперативной организации и получение кооперативных выплат, принимать участие в общественной и культурной жизни потребительского общества, а также получать образование и навыки управления кооперативной организацией.

Исторически сложившейся особенностью потребительской кооперации РФ является ее направленность на обслуживание в первую очередь сельского населения. Главной отличительной чертой потребительской кооперации и ее преимуществом является оптимальное сочетание социальной миссии с хозяйственной деятельностью. Осуществление хозяйственной деятельности позволяет потребительской кооперации принимать участие в реализации социальных программ. Решение социальных проблем, в свою очередь, служит важным фактором устойчивого экономического роста организаций потребительской кооперации.

На территории Архангельской области потребительскую кооперацию представляет Архангельский областной союз потребительских обществ (Архангельский облпотребсоюз), в зоне деятельности которого расположено 4004 населенных пунктов, в том числе 2244 сельских, что составляет 71,9% от общего количества сельских населенных пунктов региона; численность обслуживаемого населения, в 2008 году составляла 244,5 тыс. чел., в том числе сельского – 185,7 тыс. чел., или 54,1% от общей численности сельского населения региона. В состав Архангельского облпотребсоюза входит 121 юридическое лицо, в том числе, Ненецкий окрпотребсоюз, Вельский райпотребсоюз, районные, городские и сельские потребительские общества, НОУ «Архангельский кооперативный техникум». Численность пайщиков – 42,0 тыс. чел; численность работающих в системе потребительской кооперации Архангельской области – 6331 чел., что составляет 12,8% от числа занятых в сфере торговли, производства пищевых продуктов и бытового обслуживания региона.⁴ Развивая многоотраслевое хозяйство и реализуя социальную миссию, Архангельский облпотребсоюз остается фактически единственной хозяйственной структурой, осуществляющей свою деятельность на всей территории региона, преимущественно в сельской местности.

Материально-техническая база потребительской кооперации представляет собой важную составляющую социально-экономической инфраструктуры села. Потребительская кооперация Архангельской области располагает разветвленной сетью торговых, заготовительных, производственных объектов, повышает трудовую занятость населения, в том числе и сельского. Потребительская кооперация Архангельской области располагает разветвленной сетью торговых, заготовительных, производственных объектов. Так, по состоянию на 1 января 2009 года в системе Архангельского облпотребсоюза действовало 925 магазинов, 4 рынка, 110 предприятий общественного питания, 212 цехов по производству товаров народного потребления, 27 приемозаготовительных пунктов, 196 общетоварных складов, 18 овощекартофелефруктохранилищ.⁵

Совокупный объем деятельности в 2008 году составил 4833 млн. руб., увеличившись по сравнению с 2002 годом в 2,8 раза, в сопоставимых ценах на 46,7% (табл. 1). Согласно рейтинговой оценке Центросоюза РФ Архангельский облпотребсоюз по данному показателю находится на 16 месте среди 73 потребительских союзов России, переместившись с 23 места, которое он занимал в 2002 году.⁶

Основным видом деятельности потребительской кооперации остается реализация товаров через розничную торговую сеть и предприятия общественного питания, удельный вес которой в совокупном объеме деятельности составляет 78,2%. Розничный товароборот, включая общественное питание, за 2008 год в целом по Архангельскому облпотребсоюзу составил 3778,6 млн. руб., увеличился по сравнению с 2002 годом в действующих ценах в 2,9 раза, по сравнению с 2007 годом на 23,5%, в сопоставимых ценах - на 50,6% и 8,5% соответственно (табл. 1).

Наибольший удельный вес в розничном товарообороте занимают такие группы продовольственных товаров, как хлеб и хлебобулочные изделия, кондитерские изделия, мясо и птица, колбасные изделия, цельномолочная продукция, овощи фрукты. Повышенным спросом у сельских жителей пользуются строительные материалы, мебель, парфюмерно-косметические и медицинские товары и другие.

Удельный вес организаций потребительской кооперации в розничном товарообороте торговых предприятий, функционирующих в сельской местности, составляет 21,9%, а в отдельных районах области превышает 50%. Для улучшения обслуживания населения 96 магазинов работают по методу самообслуживания, 193 - с круглосуточным и удлиненным режимом, 336 – на непрерывной рабочей неделе, 688 населенных пунктов обслуживаются автомагазинами.⁷

Оборот общественного питания Архангельского облпотребсоюза

Таблица 1

**Основные показатели хозяйственной деятельности
Архангельского облпотребсоюза за 2008 год**

Показатели	2008 год				
	Сумма, млн. руб.	Темпы роста к (в действующих ценах), %, раз		Темпы роста к (в сопоставимых ценах), %	
		2002	2007	2002	2007
Совокупный объем деятельности	4833	в 2,8 раза	118,9	146,3	106,8
Розничный товарооборот (включая общественное питание)	3778,6	в 2,9 раза	123,5	150,6	108,5
в том числе Оборот общественного питания	246,9	в 2,7 раза	110,6	140,3	93,2
Объем производства промышленной продукции	550,6	в 2,6 раза	120,1	135,8	94,9
Объем закупок сельхозпродукции и сырья	356,8	в 2,5 раза	127,4	129,0	112,0

Расчитано по: Статистические данные управления экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения, контроля Архангельского облпотребсоюза; Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за 2008 год. – М.: Центросоюз РФ. 2009. – С. 1, 4, 19, 34, 55.

в 2008 году вырос по сравнению с 2002 годом в действующих ценах в 2,7 раза, в сопоставимых ценах на 40,3% и составил в 2008 году 246,9 млн.руб. По сравнению с 2007 годом оборот общественного питания в действующих ценах вырос на 10,6%, в сопоставимых ценах – снизился на 6,8%. В 2008 году удельный вес собственной продукции в обороте общественного питания составил 62,1%, вырос по сравнению с 2007 годом на 4%.⁸ Перспективными направлениями следует рас-

смаивать увеличение производства полуфабрикатов и кулинарных изделий на базе предприятий общественного питания, расширение ассортимента выпечных и кондитерских изделий.

В целях наиболее полного удовлетворения спроса сельских жителей организации потребительской кооперации региона развивают производственную деятельность. Объем производства промышленной продукции в 2008 году вырос по сравнению с 2002 годом в действующих ценах в 2,6 раза, достигнув 550,6 млн. руб., в сопоставимых ценах – на 35,8%. По данному показателю согласно рейтинговой оценке Центросоюза РФ Архангельский облпотребсоюз занимает 9 место среди 73 потребительских союзов России, переместившись с 24 места, которое он занимал в 2002 году.⁹

Объем закупок сельскохозяйственной продукции и сырья по Архангельскому облпотребсоюзу составил в 2008 году 356,8 млн. руб., вырос по сравнению с 2002 годом в действующих ценах почти в 2,5 раза, в сопоставимых ценах – на 29%. По сравнению с 2007 годом объем закупок в действующих ценах увеличился на 27,4%, в сопоставимых ценах – на 12%, что отражает положительные тенденции в развитии данного вида деятельности потребительской кооперации. В 2008 году закуплено у населения 143 тонны мяса, 161 тонна молока, 358 тонн картофеля, 79 тонн овощей, 7,2 тонны лекарственного сырья и др.¹⁰

Закупка излишков сельскохозяйственной продукции у населения, ее переработка и доведение до потребителей имеет важное стратегическое значение. Здесь резервы потребительской кооперации далеко не исчерпаны. Для многих сельских жителей региона доходы от реализации продукции подворий представляют собой основной, а зачастую и единственный заработок. Ежегодно численность сдатчиков сельхозпродукции и сырья составляет от 8 до 10 тысяч человек, а объем дополнительных доходов в семейные бюджеты от реализации сельскохозяйственной продукции и сырья в 2008 году составил 44,2 млн. руб. Кроме того, потребительская кооперация региона оказывает содействие сельским жителям в реализации продукции надомного труда и народных промыслов.

В целях наиболее полного удовлетворения спроса пайщиков и всего сельского населения потребительская кооперация региона осваивает нетрадиционные виды деятельности и новые услуги: открывает парикмахерские, мастерские по ремонту и пошиву одежды и обуви, ремонту сложной бытовой техники, аптеки и аптечные киоски, ветаптеки и другие предприятия, содействует развитию надомного труда. Так, в 2008 году в системе Архангельского облпотребсоюза функционировали 19 аптек и аптечных киосков, 148 ветаптек и киосков,

2 дома быта, 94 парикмахерских. Кроме того, прием заказов на бытовые услуги осуществляется непосредственно в магазинах. За 2008 год оказано платных у услуг населению на сумму 29 млн. руб., в том числе бытовых 5,8 млн.руб.¹¹

Деятельность потребительских обществ и потребительских союзов в отличие от организаций других организационно-правовых форм имеет ярко выраженную социальную составляющую, которая обусловлена особенностями кооперативной формы хозяйствования.

В рамках выполнения социальной миссии и обеспечения занятости населения кооперативными организациями Архангельской области за период с 2003 по 2008 гг. создано 1213 новых рабочих мест, принято 1029 работников на вновь созданные рабочие места, 828 чел. привлечено на выполнение общественных работ по договорам со службой занятости. Ежегодно на временную сезонную работу и на условия неполного рабочего дня привлекается порядка 900–1000 чел.¹²

Данные о доходах населения, полученных от организаций потребительской кооперации, приведены в таблице 2.

Как видно из табл. 2 доходы населения, полученные от организаций потребительской кооперации Архангельской области, имеют тенденцию к росту. В 2008 году они выросли почти в 2,4 раза по сравнению с 2003 годом и составили 824,6 млн. руб. Наибольший удельный вес в доходах приходится на заработную плату работников потребительской кооперации, на втором месте – доходы населения от реализации сельскохозяйственной продукции и сырья, на третьем месте – выплаты за пользование заемными средствами населения.

На протяжении последних лет организации потребительской кооперации Архангельской области оказывают социальную поддержку пайщикам и некооперированному населению: осуществляют доставку товаров в магазины, расположенные в отдаленных населенных пунктах, реализуют хлеб ниже себестоимости, содержат планово-убыточные магазины, отпускают товары в долг и т.п. В 2008 году кооперативные организации Архангельской области оказали такую поддержку на сумму 147,4 млн. руб., что на 47,7 млн. руб. больше, чем в 2003 (табл. 2).¹³

Деятельность потребительской кооперации Архангельской области как социально ориентированной системы характеризуют данные экспертного опроса, проведенного в декабре 2007 г. – январе 2008 г. автором статьи.

Средняя оценка степени выполнения социальной миссии Архангельским облпотребсоюзом, данная экспертами, составила 3,5 балла (по пятибалльной шкале). При этом оценка, данная экспертами, работающими в системе потребительской кооперации, несколько выше

**Данные о доходах населения, полученных от организаций потребительской кооперации
Архангельской области, за 2003–2008 гг., тыс. руб.**

Показатели	2003 год	2004 год	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	Темпы роста (2008 г. к 2003 г.), %, раз
Заработная плата работников потребительской кооперации	304564	351876	478277	567685	622592	771807	в 2,5 раза
Средняя заработная плата, руб.	4774	4991	5990	7029	8045	10159	в 2 раза
Кооперативные выплаты за участие в хозяйственной деятельности потребительской кооперации	353	98	142	904	304	590	167,1
Доходы населения от реализации сельскохозяйственной продукции и сырья	34887	36971	34571	42030	37695	44210	126,7
Выплаты за пользование заемными средствами	6385	7641	8968	8829	8841	8017	125,6
Итого получено доходов:	346189	396586	521958	619448	669432	824624	в 2,4 раза

Рассчитано по: Статистические материалы управления экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения, контроля Архангельского облпотребсоюза

оценки, данной остальными экспертами (4,0 и 3,3 балла соответственно). Балльные оценки степени важности конкретного направления социальной политики (по пятибалльной шкале) и уровня реализации отдельных направлений (интегральная оценка по десятибалльной шкале) приведены на рис.1.

Наиболее важными, по мнению экспертов, направлениями социальной политики кооперативных организаций Архангельской области признаны: содействие занятости сельского населения – 4,3 балла (средняя оценка по пятибалльной шкале); содействие повышению уровня доходов сельского населения – 4,15 балла; участие в реализации региональных социальных программ – 4,10 балла; формирование благоприятного имиджа потребительской кооперации как социально ориентированной системы – 4,05 балла; организация работы с молодежью, формирование кадрового потенциала организации – 4,0 балла и др.

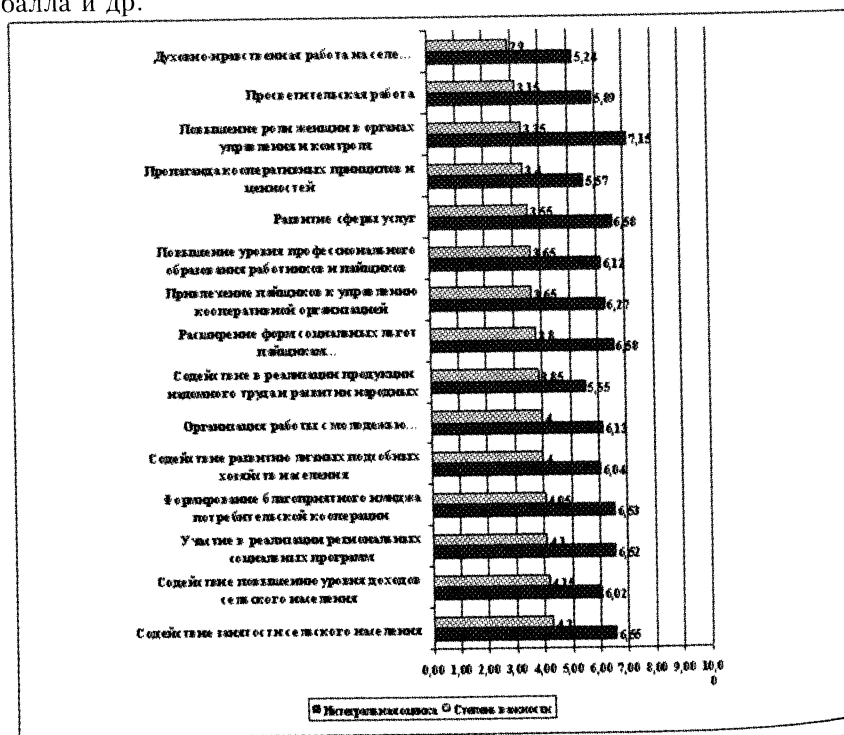

Рис. 1. Данные экспертной оценки степени важности и уровня реализации отдельных направлений социальной политики Архангельским облпотребсоюзом

Наиболее высокая оценка дана деятельности кооперативных организаций региона по таким направлениям социальной политики, как: повышение роли женщин в органах управления и контроля – 7,15 балла (интегральная оценка с учетом важности данного направления по десятибалльной шкале); развитие сферы услуг – 6,58 балла; расширение форм социальных льгот – 6,58 балла; содействие занятости сельского населения – 6,55 балла; формирование благоприятного имиджа потребительской кооперации как социально ориентированной системы – 6,53 балла; участие в реализации региональных социальных программ – 6,52 балла; привлечение пайщиков к управлению кооперативной организацией – 6,27 балла; организация работы с молодежью, формирование кадрового потенциала организации – 6,13 балла.

Анализ мнений экспертов в отношении услуг, которые необходимо развивать организациям потребительской кооперации Архангельской области для наиболее полного удовлетворения обслуживаемого населения, представлен на рис. 2.

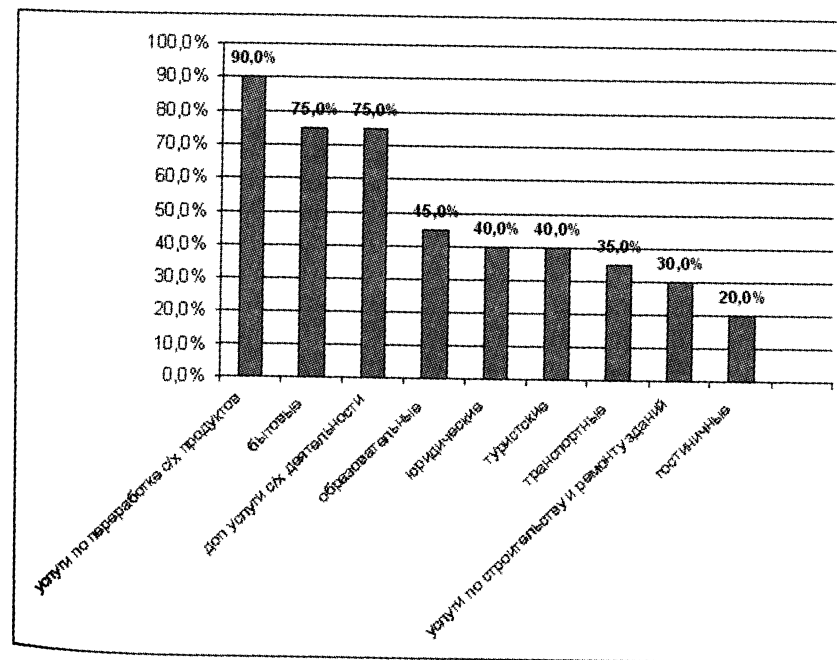

Рис. 2. Анализ мнений экспертов в отношении услуг, которые необходимо развивать организациям потребительской кооперации Архангельской области в перспективе.

Как видно из рис. 2, приоритетное значение для сельского населения имеют услуги по переработке сельскохозяйственных продуктов и даров леса, дополнительные услуги сельскохозяйственной деятельности (вспашка земли, обеспечение населения рассадой, саженцами, продажа молодняка скота, птицы и т.п.), бытовые, образовательные, юридические, туристские и др.

Таким образом, осуществляя хозяйственную деятельность, потребительская кооперация проводит целенаправленную работу по решению социальных проблем на селе. В большинстве сел и деревень потребительская кооперация остается единственной организацией надежно обеспечивающей жителей товарами и услугами. При этом, при любых социальных потрясениях она не оставляет их в беде, оказывая помощь и поддержку. Это наглядное проявление принципов и ценностей кооперации, главными из которых являются справедливость, взаимопомощь, солидарность.

Литература и источники

1. О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ.
2. Петриков А. Обеспечить устойчивое развитие сельских территорий // АПК: экономика и управление. 2005. № 6.– С. 18.
3. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1.
4. Статистические данные управления экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения, контроля Архангельского облпотребсоюза.
5. Там же.
6. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за 2003–2007 годы.– М.: Центросоюз РФ, 2008.– С. 7; Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за 2008 год.– М.: Центросоюз РФ, 2009.– С. 1.
7. Статистические данные управления экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения, контроля Архангельского облпотребсоюза.
8. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за 2008 год.– М.: Центросоюз РФ, 2009.– С. 22.
9. Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за 2003–2007 годы.– М.: Центросоюз РФ, 2008.– С. 73; Основные показатели социально-экономической деятельности потребительской кооперации России за 2008 год.– М.: Центросоюз РФ, 2009.– С. 55.

10. Статистические данные управления экономики, финансов, бухгалтерского учета, налогообложения, контроля Архангельского облпотребсоюза.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

Г.П. Полтавская, В.К. Бойков

(г. Сыктывкар)

Кооперативное образование в Коми АССР в 60–80 гг. XX в.

Важные перемены происходили в развитии народного образования. Если в 1960–1961 учебном году в республике было 795 общеобразовательных школ, в т.ч. 510 начальных, 184 восьмилетних и 97 средних, то в 1975–1976 учебных годах функционировало 597 общеобразовательных школ, в том числе 205 начальных, 189 восьмилетних, 187 средних. Сокращение общего количества школ произошло за счет закрытия национальных (начальных), путем объединения их с восьмилетними и средними. В результате число учащихся увеличилось с 112 тыс. человек в 1960–1961 годы до 181,8 тыс. человек в 1975–1976 учебном году.

В 1965–1971 году школы республики постепенно перешли с четырехлетнего к трехлетнему начальному образованию. В старших классах был начат переход на новые программы, в которых учитывались современные достижения науки и техники.

В это время в республике действовали 17 техникумов и училищ. Всего за 1960–1970 годы ими было подготовлено 22 тыс. специалистов. 96% молодежи, окончивших восьмилетку, было охвачено всеми видами среднего профессионального образования. Развивалось и высшее образование. Кроме педагогического института, в 1967 году был открыт Ухтинский индустриальный институт, а в 1972 году – Сыктывкарский государственный университет. В результате прием студентов увеличился с 700 человек в 1965–1966 учебном году до 2.776 человек в 1975–1976 уч. году. К концу 70-х – началу 80-х годов в вузах республики обучалось 11,4 тыс. студентов по 48 специальностям.

Единственным образовательным учреждением, который готовил кадры для системы потребительской кооперации, оставался Сыктыв-

карский кооперативный техникум. Он являлся частью системы потребительской кооперации, зависел от нее и ориентировался на нее.

Среднее кооперативное профессиональное образование, сформированное к началу 60-х годов, по мере возможности решало проблему обеспечения кадрами отраслей народного хозяйства. Вместе с тем, как уже указывалось, кооперативное образование, являясь частью системы потребительской кооперации, было подвержено тем же негативным моментам, которые начали проявляться в целом по стране. Это формализм по отношению к пайщикам, отсутствие самостоятельности в решении хозяйственных вопросов, заорганизовать и т.д. Все кооперативные принципы, на которых строилась система кооперативного образования в 20-е годы, были забыты.

Как и в предшествующее время, состав работающих в отрасли состоял из выпускников Сыктывкарского кооперативного техникума, а также профессионально-технического училища и обученных на местах. Часть молодых людей, в основном, из села поступала на работу по комсомольским путевкам.

За этот период возрос процент подготовки кадров Сыктывкарским кооперативным техникумом с 13,8% в 1960 годы до 24,3% в 1980 гг. Вместе с тем, сократилось индивидуально-практическое обучение и подготовка кадров в школах – предприятиях (школа-магазин, школа-пекарня, школа-столовая и т.д.). К 80-м годам данная форма подготовки прекратила свое существование. Для удовлетворения спроса и улучшения качества подготовки специалистов низового звена в 1958 году торгово-кооперативная школа была преобразована в 1959 году в профессионально-техническое училище для подготовки специалистов массовых профессий. Училище готовило: кулинаров, пекарей, продавцов, портных. Набор в училище проводился, в основном, по направлениям от организаций и предприятий потребительской кооперации.

В училище, в основном, работали преподаватели техникума. В этот период здесь было несколько отделений: кулинарное, торговое, кондитерское, заготовителей, специалистов массовых профессий. В 1960 учебном году создан технологический кабинет, где проводились технические занятия по кулинарии.

Учебно-материальная база полностью обеспечивала учебный процесс и занятия шли в одну смену. У учащихся имелись свои специализированные лаборатории, где проводились практические занятия. Они были оснащены современным оборудованием и наглядными пособиями, учащиеся были обеспечены общежитием.

В училище работали 11 штатных преподавателей и 12 совместителей, в том числе такие высококвалифицированные преподаватели-

специалисты, как Колпакова А.Д, Коба С.П., Юшкова А.В., выпускница кооперативного техникума и другие.

На базе техникума и училища постоянно проводились месячные и трехмесячные курсы повышения квалификации. В 50–60 годы здесь повысили квалификацию более трех тысяч человек. За 30 лет работы техникума столько же студентов получили специальности товароведов, плановиков и бухгалтеров.

В 60-е годы техникум проводил набор студентов на два отделения: товароведное и бухгалтерское. Всего набиралось 100 человек. Кроме этого, техникум объявлял прием на кулинарное отделение – 40 человек и десятимесячные курсы продавцов – 60 человек. Как указывалось в отчетах по работе Сыктывкарского кооперативного техникума, «По указанию Комипотребсоюза, техникум набирал учащихся только из числа сельской молодежи, в основном по направлениям райпотребсоюзов, сельпо». Техникум и торговые курсы были полностью обеспечены учебными планами, программами, учебниками и необходимыми учебными пособиями.

В подготовке кадров для системы потребкооперации неоценимую роль сыграло заочное отделение, которое работало с 1968 по 1986 годы. Возглавляли – Цветкова Тамара Кондратьева, затем Соловьева Валентина Захаровна. Выпускниками заочного отделения были и такие известные кооператоры как Мурзанаев Н.С., Габова А.М., Морозова В.Н. и другие.

Этому способствовала и материально-техническая база техникума, и то, что обучение без отрыва от производства имело ряд преимуществ: происходило закрепление постоянных кадров на предприятиях потребительской кооперации. Вначале заочное отделение имело три факультета: продовольственных и промышленных товаров; бухгалтерское; плановое, (первый выпуск которого состоялся только в 1964 году), а с 1971 года заочное отделение имело уже 4 факультета: товароведение продтоваров; товароведение промтоваров; бухгалтерское; плановое.

За двадцать лет работы отделение заочного обучения подготовило в общей сложности около 2000 специалистов. В 1999 году заочное отделение возобновило работу.

На начало 1960–1961-го учебного года учебное заведение было полностью укомплектовано преподавательскими кадрами.

Все преподаватели имели личный план повышения квалификации, который контролировался дирекцией, заведующими циклами.

На учебный год был утвержден следующий план набора:

- на товароведное отделение (после 7-х классов) – 60 человек;
- на бухгалтерское отделение (после 7-х классов) – 30 человек;

- на кулинарное отделение (годовые курсы) – 40 человек;
- на 10-ти месячные курсы продавцов – 60 человек.

Набор учащихся в основном осуществлялся из числа сельской молодежи по направлениям райпотребсоюзов и сельпо.

Учебное заведение было полностью обеспечено учебными планами, программами, учебниками и необходимыми учебными пособиями.

В учебном процессе широко использовалась киноустановка «Украина», демонстрировались короткометражные фильмы по специальным и общеобразовательным дисциплинам, а также художественные и научно-популярные фильмы для учащихся.

В техникуме работал педагогический кабинет, который оказывал значительную помощь молодым преподавателям в совершенствовании методики преподавания, внедрения опыта ведущих педагогов.

Во внеучебное время учащиеся посещали предметные кружки: литературный, исторический, химический, оргтехнический, кулинарный, промтоварный, а также кружок по бухучету, фото кружок, кружок по малярным работам, киномехаников. В качестве материальной базы предметные кружки использовали кабинеты, лаборатории, библиотеку, Сыктывкарское ГОРПо, краеведческий музей, магазин Сыктывкарторга, республиканские и городские выставки. Работа в предметных кружках по специальным предметам велась в увязке с работой торговых предприятий.

Каждые 10 дней выпускалась ученическая газета «За отличную учебу» в две недели 1 раз демонстрировалась светозвуковая газета. Стенная печать оказывала большое воздействие на учащихся, она боролась не только за успеваемость, но и за культуру, быт, мораль.

Работали кружки художественной самодеятельности: хоровой, музыкальный, драматический, танцевальный, вокальный. Коллектив художественной самодеятельности неоднократно награждался грамотами Обкома и горкома комсомола. Хорошо была поставлена физкультурно-массовая работа. Работали первичные организации ДСО «Урожай», ДОСААФ, общество Красного креста и др.

Работал Совет коллектива физкультуры, спортивные секции: волейбольная, баскетбольная, конькобежная, лыжная, гимнастическая, стрелковая и мотокружок.

На протяжении трех лет команды учащихся техникума принимали участие в соревнованиях по лыжам, проводимых Роспотребсоюзом. Так, в 1965 году в г. Саранске команда техникума заняла 5-е место из 72 команд. В 1966 году в г. Кинешма Ивановской области команда техникума заняла общекомандное первое место и была награждена первым призом – хрустальным кубком.

С 1962 года начинают работать 7-ми месячные курсы по пошиву легкого женского платья и 11-ти месячные курсы мастеров по пошиву верхней одежды.

Значительную работу проводил ученический кооператив, объединяя 138 пайщиков. Паевой фонд Учпо составляет 342 рубля. Основной деятельностью Учпо была торговля. Для ведения торговли ученический кооператив имел ларек на одно рабочее место по продаже промтоваров, а также использовался в качестве базы учебной практики. Учащиеся самостоятельно получали товары от поставщиков, торговали, составляли торгово-денежные отчеты, сдавали вырученные деньги в Госбанк, проводили инвентаризацию.

В 1967–1968 учебном году началось строительство общежития на 500 мест и продолжилось строительство учебного корпуса на 600 учащихся. Поскольку для нормального ведения учебного процесса в прежнем здании не хватало кабинетов, аудиторий, не было и спортивного зала.

С конца 70-х годов, по данным годовых отчетов Коми респотребсоюза, наблюдаются определенные изменения в численности специалистов системы потребительской кооперации. Если в 1970 году Коми потребсоюзу не хватало по штатному расписанию 173 специалистов с высшим и 330 специалистов со средним специальным образованием, или 30% и 75% от потребностей соответственно, то к 1980 году Сыктывкарский кооперативный техникум полностью выполнил заявки по таким специальностям, как товароведы промышленных и продовольственных товаров, бухгалтеров кооперативного учета, плановиков-экономистов. Среди работающих в кооперативных организациях республики большой удельный вес занимала молодежь. Однако специалисты с высшим образованием в республике не готовились. Они учились в центральных вузах по линии внеконкурсного отбора и по направлениям райсоюзов и райпо.

За этот период возрос удельный вес работников с высшим образованием: с 0,5% в 1965 г. до 4,1% в 1990 гг. Продолжалась наметившаяся в 60-х годах динамика роста специалистов со средним образованием (в 3,4 раза). Однако удельный вес специалистов с высшим образованием составил в 1970 году лишь 7,3% или 73 человека, со средним – 92,7% или 930 человек. Причем, здесь не учтены практики с большим стажем работы, поскольку они не всегда имели высшее образование.

1 сентября была проведена торжественная линейка с участием строителей и представителей Коми респотребсоюза по открытию нового здания техникума.

Техникум получил 12 аудиторий для проведения занятий с пол-

ной группой учащихся. Было оборудовано 9 кабинетов: кабинет промышленных товаров, кабинет продтоваров, учебный магазин по продовольственным и промышленным товарам, две лаборатории по химии и физике и другие.

В начале 70-х годов XX века коллектив Сыктывкарского кооперативного техникума продолжил работу по реализации задач по подготовке кадров массовых профессий для системы потребительской кооперации Коми АССР.

Педагогический коллектив постоянно работал над совершенствованием профессионального уровня, форм и методов обучения.

В 1972–1973 учебном году педколлектив продолжал работу по совершенствованию, активизации учебного процесса. На уроках стали шире применяться элементы проблемного обучения, программирования проверки знаний и изложения материала, использовались технические средства, Практические материалы о деятельности организаций потребкооперации, чаще проводились уроки непосредственно на производстве, уроки-встречи с практическими работниками. Особое внимание уделялось развитию экономического мышления учащихся. С этой целью был разработан комплексный план экономической подготовки учащихся на весь период обучения. В пенях активизации познавательной деятельности учащихся, повышения их интереса к изучаемой специальности преподавателями проводились конкурсы, викторины, олимпиады и др. мероприятия на лучшее знание учебных предметов по отдельным специальностям.

При Коми респотребсоюзе был совет по оказанию помощи выпускникам, возглавляемый зам. председателя правления по кадрам Перкиным В.А. Совет оказывал практическую помощь выпускникам, проверял условия труда и быта, проводил конференции выпускников.

Преподаватели выезжали в районы для оказания практической помощи в работе молодых специалистов, после чего руководители организаций стали обращать больше внимания на условия работы и быта молодых специалистов. Большое внимание уделялось военно-практическому воспитанию. Этой работой занимались военный руководитель физвоспитания, медицинская служба, общество Красного креста, комитет комсомола, ДОССАФ. Ежемесячно выпускались санитарные бюллетени, проводились лекции на медицинские темы. Четыре раза и ГОД проводились «Дни здоровья». Ко Дню Советской Армии проводилась военизированная эстафета для юношей. Студенты принимали участие во Всесоюзной комсомольской военно-спортивной игре «Орленок», «Зарница». Регулярно проводились занятия по гражданской обороне.

21 января 1975 года состоялся выездной педсовет в Сыктывдинский райпотребсоюз с повесткой дня: «Роль молодых специалистов в выполнении решений XXIV съезда КПСС по дальнейшему развитию торговли на селе». На педсовете кроме преподавателей присутствовали: Самарин И.А. – начальник отдела кадров Коми респотребсоюза, Елькин И.С. – инструктор по кадрам Сыктывдинского райпотребсоюза, Иевлев П.П. – главный бухгалтер, Карнаухова З.Х. – зам. председателя правления райпотребсоюза, Лыткина Е.Л. – председатель правления Вильгортского сельпо, молодые специалисты – выпускники техникума.

В 1980 году коллектив техникума достойно встретил свое 50-летие, о чем подробно свидетельствует статья в газете «Красное знамя». «Наследство, которым нужно дорожить» (автор Козлова Э.М.). Здесь же публикуется Указ Президиума Верховного Совета Коми АССР.

Среди выпускников есть уже династии кооператоров: Филатовы из Сыктывкара, Шевелевы из Печоры, Винтер из Объячева и другие.

За последние годы в техникуме сложился сильный квалифицированный состав преподавателей. Все они имеют высшее образование, а преподаватели спецдисциплин, кроме основного, окончили педагогический факультет при Московском кооперативном институте. Четвертым присвоено звание «Заслуженный учитель школы Коми АССР», более десяти – отличники потребительской кооперации.

Вышеприведенный материал дает полную картину кооперативного образования Коми АССР: система потребительской кооперации республики комплектовалась кадрами среднего звена в основном выпускниками очного и заочного отделений Сыктывкарского кооперативного техникума, а также инками массовых профессий, которые готовились и в различных других заведениях как в Коми АССР, так и за ее пределами. Сложнее решалась проблема кадров с высшей квалификацией. Как уже указывалось выше, значительное количество молодых людей после окончания центральных вузов страны пополняли кадры кооператоров Коми АССР. Кроме того, ежегодно большая группа (также в основном молодежь) работников потребительской кооперации республики поступала на заочные высшие и средние специальные учебные заведения. На наш взгляд, наибольшее количество работников потребительской кооперации Коми АССР обучалось в этих учебных заведениях в начале 80-х гг. – примерно 3–4% от общего количества работников системы. Проблема состояла в том, чтобы удержать подготовленные кадры. В этом отношении потребительская кооперация Коми АССР во многом недорабатыва-

ла. Текучесть кадров была настоящим бичом этой системы. В годовом статистическом отчете Коми респотребсоюза за 1959 г. отмечалось, что из выпускников Сыктывкарского кооперативного техникума 1956–1959 гг. в количестве 454 человек «добрая половина перешла в другие системы по причине низкой зарплаты». Аналогичные выписки из документов последующих лет можно привести сколько угодно. Но в начале надо привести цифровые данные о движении кадров по Коми респотребсоюзу. Из этого материала можно сделать общий вывод: масштабы движения кадров в системе потребительской кооперации Коми АССР были велики и при том они росли из года в год. Во всех годовых статистических отчетах системы в 80-е гг. утверждалось, что ежегодно из системы по разным причинам выбывают около 2000 человек, в том числе специалистов с высшим и средним специальным образованием до 300 чел., т.е. в равной степени столько же, сколько их готовилось в год.

В системе мер по совершенствованию работы с кадрами в потребительской кооперации Коми АССР получило распространение проведение слетов молодых специалистов, дни торгового работника, вечера трудовых династий и т.д. Значительную работу в этом направлении проводил музей потребительской кооперации Республики Коми, созданный в 1973 г. в новом здании Сыктывкарского кооперативного техникума.

Таким образом, в 60–80-е гг. состоялось становление трудовых коллективов Комиреспотребсоюза: они количественно и качественно окрепли и несмотря на имеющиеся трудности и недостатки в этом деле, работники системы могли в основном решать вопросы по организации торгового обслуживания сельского населения Коми АССР.

Н.Ю. Линкова
(г.Сыктывкар)

Отражение сельской жизни в работе Коми регионального телевидения в 1970-е годы

Телевидение, пришедшее в Коми АССР в конце 50-х – нач. 60-х гг. XX столетия, в 1970-е гг. становится явлением практически обыденным. В это время в республике работало три студии телевидения: Воркутинская, Ухтинская, Сыктывкарская. Начиная с 1964 г., на территории республики велось активное строительство и ввод в эксп-

луатацию радиорелейных линий связи, позволяющих доставлять телевизионный сигнал, и мощных радиотелевизионных передающих станций в городах и крупных районных центрах. В 1967 г. начали работу спутниковые станции «Орбита», благодаря чему сначала жители Воркуты и Сыктывкара, а затем и сельских районов, вместе с местными телевизионными программами получили возможность смотреть передачи центрального телевидения. Роль телевидения в жизни жителей республики постоянно возрастала еще и потому, что с каждым годом приобретение телевизионных приемников становилось все более доступным. Только в 1971–1975 гг. населением республики было приобретено около 170 тыс. телевизоров. В расчете на каждые 100 семей в Коми АССР приходилось 97, тогда как в РСФСР – 71 телевизионных приемников (1). Телевидение становится все более популярным средством массовой информации, действенным идеологическим инструментом. Повысилось качество телепередач, они стали более содержательными, оперативными и интересными.

По итогам переписи населения в 1970 г. в Коми АССР сельское население составляло более 38% – 368,9 тыс. человек, причем за 10 лет количество проживающих на селе возросло на 37,6 тыс. человек (2). Жители и труженики села составляли значительную часть телезрительской аудитории. Не случайно в структуре Сыктывкарской студии телевидения работала редакция сельского хозяйства. Впрочем, жизнь и работа сельчан отражалась в передачах практически всех редакций: информации, пропаганды, молодежной, художественной.

Телевидение становилось важной и неотъемлемой частью досуга сельского населения. В работе А.А. Попова и А.Ф. Сметанина «Социально-культурный облик сельского населения Коми АССР (60–70-е годы)» приводятся данные социологического опроса, проведенного в 1979 г. среди сельских жителей Коми АССР (табл.1), который показал, что телепередачи смотрят 64% сельских жителей, в т.ч. 33% регулярно.

Таблица 1

Использование сельским населением средств массовой информации (в % от числа опрошенных по группам)

Группы	Смотрят телепередачи	В том числе регулярно
По полу		
Мужчины	59	32
Женщины	70	34
По возрасту		
до 24 лет	58	26
25-34 года	74	37
35-49 лет	61	36
50 лет и старше	57	35
По образованию		
Без начального и с начальным	52	23
С неполным средним	62	32
С полным средним	72	40
Со средним специальным и высшим	76	38
По профессиональной принадлежности		
Специалисты и служащие	73	43
Механизаторы	69	38
Рабочие неиндустриального физического труда	61	29
Итого по группам	64	33

Характерно, что наибольший интерес к телевизионным передачам проявляли женщины. Что касается возрастных категорий, то более значимую роль телевидение играло в досуге жителей 25-49 лет, то есть наиболее активной части сельского населения. Необходимо отметить также и то, что больший интерес к новому средству массовой информации проявляли люди с более высоким образованием (3). Зрительские пристрастия отчетливо просматриваются из данных табл.2 (4).

Тематические предпочтения в сельской телевизионной аудитории (в % по профессиональным группам)

Телепередачи	Специалисты и служащие	Механизаторы	Рабочие неиндустриального физического труда	Всего по группам
Программа «Время»	61	39	27	33
Местные новости	26	17	21	20
Познавательные	35	40	24	29
Художественные телефильмы	49	52	48	46
Концертные программы	35	42	30	34
Спортивные программы	24	40	15	23

Более детально остановимся на тематике и содержании передач Сыктывкарской студии телевидения о жизни села в первой половине 1970-х гг., подчеркнув при этом особую значимость для тружеников сельского хозяйства 1975 года – завершающего года девятой пятилетки. Именно в 1975 г. началось осуществление программы по преобразованию Нечерноземной зоны Российской Федерации, включающей в себя комплексную программу развития сельского хозяйства, выработанную XXIV съездом КПСС и подкрепленную Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». В основе данной программы лежали решения Мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на ускоренное развитие сельского хозяйства страны. Это стало основополагающим в составлении тематических планов телестудии.

В передачах редакции сельского хозяйства Сыктывкарской студии телевидения большое внимание уделялось вопросам повышения производительности труда, улучшению качества продукции, бережливому и экономному отношению к технике. Цикловые передачи «Урожай-75», «Программа освоения Нечерноземья – в действии», «Корма – забота главная», «Забота о технике – забота об урожае» знакомили зрителей с опытом передовых коллективов: совхозов

«Сыктывкарский», «Палевицкий», «Большая Инга», «Часовский», «Лоемский». Характерно, что участниками передач становились не только руководители предприятий, но и специалисты (агрономы, зоотехники и др.), звеньевые, бригадиры, рядовые труженики: механизаторы, животноводы, доярки, овощеводы. Авторы передач стремились поставить в центр каждой передачи человека, показать влияние морального климата в коллективе на положительные итоги труда.

Телевизионные программы играли значительную роль как в освещении социалистического соревнования в аграрном секторе. Например, в одной из передач цикла «Забота о технике – забота об урожае», которая велась из механических мастерских Сыктывкарского районного объединения «Сельхозтехника», участниками программы были: управляющий объединением П.Громов, заведующий РММ Н.Скорыходов, бригадир участка двигателей Л.Попов, мастер участка общей сборки В.Рубцов. Они делились опытом, как на этом предприятии, обслуживающем 24 совхоза из 8 районов республики, обстоят дела по подготовке к посевной. В заключение передачи было озвучено обращение коллектива предприятия ко всем работникам сельского хозяйства включиться в социалистическое соревнование за своевременную и качественную подготовку техники к весенне-полевым работам (5).

Большой зрительский интерес вызывали также передачи «Соревнование районов: Сысола – Прилузье». Эти цикловые программы в 1975 г. выходили в эфир ежеквартально. Участниками были представители обоих районов. Например, 11 августа 1975 г. участниками программы стали директор совхоза «Лоемский» Ю.Яборов, звеньевой по возделыванию картофеля А.Жебов, директор совхоза «Курадовский» А.Гелимханов, звеньевой по картофелю Н.Коннин. Из киносюжетов, снятых непосредственно на местах, зрители познакомились с управляющим Октябрьским отделением В.Смолевым, звеньевым картофелеводов из Лоймы А.Низовцевым, доярками хозяйства. Фоторепортажи рассказали о работе механизаторов на заготовке кормов. Определенный дух соперничества в передачах, безусловно, присутствовал. Но, как правило, в завершение каждой такой встречи акцент делался на достигнутых результатах в хозяйствах обоих районов (6).

Постоянно подчеркивалась роль здорового конкурентного духа социалистического соревнования. Например, информационный сюжет о днях культуры Усть-Куломского района в Корткеросе завершился выводом: «Обмен творческими делегациями стал традицией, это свидетельство крепнущей дружбы соревнующихся районов» (7).

В 1975 г. Сыктывкарская студия телевидения начала новый цикл «Поиск. Новаторство. Доблесть». В первой передаче, вышедшей в эфир 10 февраля, автор и ведущий – известный в республике журналист А.Ануфриев – подчеркнул, что задача цикла: рассказывать о патриотической инициативе трудовых коллективов, о путях повышения культуры земледелия и животноводства, о новых формах организации труда и производства, о людях, которые своим творческим трудом украшают землю, добиваются наивысшей производительности труда, показывают пример другим (8).

Весомым подспорьем для тружеников села республики были передачи цикла «Телевизионный университет сельскохозяйственных знаний». Они выходили в эфир 1-2 раза в месяц и рассказывали о внедрении новых форм организации труда, методов повышения урожайности и снижения себестоимости продукции. В этих передачах анализировался и обобщался передовой опыт ведущих хозяйств республики. К участию привлекались ученые, руководители предприятий. Одним из ведущих передач цикла был В.Емелин – старший научный сотрудник опытной станции Коми АССР. Такие беседы ученого и практиков, как правило, отличались, с одной стороны, глубиной, с другой – строились на конкретном, уже внедренном в передовых хозяйствах региона, опыте. Весьма актуальными для сельскохозяйственных предприятий были такие вопросы как внедрение работы механизированных звеньев – об этом рассказал управляющий отделением совхоза «Усть-Усинский» В. Канев, использование новых тракторов «ДТ-55 Б» – опытом работы в этом направлении поделился директор совхоза «Имени 50-летия СССР» А.Попов (9). Частым гостем «Телевизионного университета» был один из крупных ученых-аграрников директор Государственной сельскохозяйственной опытной станции доктор наук Г.Гагиев (10).

Соответствующее внимание уделялось и актуальной проблеме подготовки кадров для села, – она поднималась в передачах «Рабочая смена». Ряд выпусков под этим названием освещал проблемы повышения квалификации, наставничества, профориентации выпускников школ, подготовки специалистов в профтехучилищах, закрепления молодых специалистов (11).

Объем передач сельхозредакции Сыктывкарской студии телевидения в 1970-е гг. был внушительным и приближался к 30 часам в год, в среднем – 2,5 часа в месяц. Программы выходили на двух языках: коми и русском в соотношении примерно 1:1. Чаще всего продолжительность передач составляла 20-30 минут, реже – 45-50 минут – это, как правило, передачи с большим количеством участников, например, рассказывающие о соревновании районов, либо про-

грамма журнального типа «Сикста бияс» (Сельские огни).

Программа «Сикста бияс» вообще стоит в особом ряду. Форма тележурнала позволяла делать её содержание разнообразным и многоплановым. Речь шла не только о работе, но и о других сторонах жизни сельчан: художественной самодеятельности, народных промыслах, других формах проведения досуга. Живая, неформальная беседа многочисленных гостей в специально оформленной студии, которая дополнялась кино- и видеосюжетами, нередко – выступлениями самодеятельных артистов, воспринималась зрителями как своего рода праздник. Отличием программы было её ведение в форме диалога: диктор А. Филиппова и журналист, автор сценария Л. Лыткин (12).

Чаще всего автором и ведущим передач сельхозредакции являлся талантливый и опытный журналист Л. Лыткин, свободно владеющий коми и русским языками. В качестве ведущих различных цикловых передач редакции нередко выступали журналисты А. Ларев, А. Ануфиров, П. Столповский. Это вносило разнообразие – каждый из них владел своим, характерным стилем ведения.

При подготовке передач, адресованных труженикам села, режиссеры С. Лыткин и Р. Забоева старались использовать различные формы подачи материалов и жанры: беседа, интервью, выступление в кадре, комментарий, кино- и фотосюжет, репортаж с ПТС (передвижной телевизионной станции).

Широко освещались вопросы сельского хозяйства в выпусках новостей, которые выходили в эфир ежедневно по будням на двух языках: русском – «Панорама республики» и коми – «Вьльторьяс» («Последние известия»). Тематика информационных сюжетов была разнообразной и многогранной: текущие сезонные работы, починки передовиков производства, выполнение взятых обязательств, ход социалистического соревнования, строительство сельскохозяйственных объектов. Большое внимание уделялось и блоку социальной информации о селе: досугу, быту, культуре. Нередко давались критические кино- и фотосюжеты против бесхозяйственности, направленные на более рациональное использование резервов производства. Действенным было также особое внимание к отдельным объектам. Так, в III и IV кварталах 1973 г. редакция информации и редакция промышленности большое внимание уделяли строительству трассы Визинга – Объячево. Пуск этой федеральной автомагистрали играл важную роль как с экономической, так и с политической точки зрения (13).

Земледельцы и животноводы Коми АССР в то время добивались хороших результатов. Только в марте 1975 г. в информационных выпусках «Панорамы республики» рассказывалось о вручении Кор-

ткеросскому району переходящего Красного Знамени Совета Министров РСФСР и ВЦСПС за первое место во Всероссийском социалистическом соревновании за увеличение производства и заготовок продуктов земледелия и животноводства в 1974 г., Сыктывдинскому району и совхозу «Сторожевский» – переходящих Красных Знамен ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за большие успехи в производстве и заготовке продуктов земледелия и животноводства, за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании в 1974 г. Орденом Октябрьской революции был награжден директор совхоза «Сторожевский» Г. Михайлов, правительственных наград были удостоены и другие труженики села. В августе 1975 г. Коми АССР была признана победителем во Всероссийском социалистическом соревновании за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства, повышение продуктивности скота и птицы по Северной зоне за первое полугодие 1975 г.

Одной из актуальных проблем было повышение уровня бытового обслуживания сельского населения. В первой половине 70-х гг. XX века в стране значительное внимание уделялось созданию материально-технической базы и увеличению численности работающих в сфере бытового обслуживания. Именно это определяло темпы роста отрасли. В 1970–1974 гг. прирост бытовых услуг в Коми АССР в сельской местности составил 80%. В 1974 г. Коми занимала седьмое место из 73 областей РСФСР по общему приросту услуг в сельской местности. Работники сельских райбыткомбиатов нередко становились героями информационных сюжетов и телепередач. Это кавалеры ордена Трудовой Славы 3-й степени закройщица Э. Карб из Койгородка и Л. Суранова из Вьльгорта, портная Л. Липина из Усть-Кулома, бригада портных Л. Швецовоной из Айкино и другие. Внимание зрителей неоднократно привлекалось к возведению комбината бытового обслуживания в Усть-Куломе – одного из важнейших пусковых объектов (14).

Жизнь села отражалась и в передачах молодежной редакции. Цикл телепередач на лучшее по профессии «Внимание, конкурс!», посвященный большой зрительский отклик, в 1975 г. был полностью посвящен труженикам села. Это на записи первой программы отметил в приветственном слове заместитель министра сельского хозяйства Коми АССР П. Поздеев. Передачи записывались в актовом зале Сыктывкарского сельхозтехникума с использованием ПТС. Хронометраж каждой смонтированной программы – 1 час. Задачей цикла была профориентация молодежи. В конкурсных передачах на звание «Лучший по профессии» принимали участие молодые доярки, работники сельских клубов и домов культуры, агрономы, работники почтовой

связи. Авторы передач – журналист Г.Бутырева и режиссер Н.Чадоромцева – старались разнообразить состязания, сделать передачи увлекательными.

Цикловые передачи молодежной редакции «Мы в комсомолки живем» в рубрике «Стройкам Нечерноземья – наш труд, инициативу, поиск» рассказывали о Всесоюзной ударной комсомольской стройке – мелиоративном и сельском строительстве в Нечерноземной зоне РСФСР, а также об объектах сельского строительства, объявленными республиканскими ударными комсомольскими стройками. Крупнейшие из них – Межадорский животноводческий и Зеленецкий свиноводческий комплексы. Героями и участниками этих передач были молодые труженики села, передовики производства: доярка совхоза «Обьячевский» Прилузского района кавалер ордена Трудового Красного Знамени З.Стрекалова, токарь совхоза «Сторожевский» Корткеросского района Е.Микушев, бригадир животноводства Тентюковского отделения совхоза «Сыктывкарский» Т.Гуляева, доярка совхоза «Коквицкий» Усть-Вымского района Г.Козлова, механизатор Г.Черных из совхоза «Гурьевский» Прилузского района, доярка совхоза «Усть-Куломский» И.Соколова и многие другие (15).

В передачах «Равняться на лучших» редакции молодежных программ был поднят вопрос – почему две бригады, поставленные в равные условия, работают по-разному: одна перевыполняет задания, другая отстает? Журналисты неформально отнеслись к освещению темы соревнования, стремясь понять и объяснить подлинные причины как успехов, так и неудач, актуализируя проблему микроклимата в трудовом коллективе (16).

Одним из направлений государственной политики, активно освещаемым СМИ в первой половине 70-х гг. XX столетия, было завершение в 9-й пятилетке перехода к всеобщему среднему образованию. Для сельских выпускников школ особенно актуальной была возможность получения вместе с аттестатом рабочей специальности. Это наряду с развитием наставничества становилось залогом того, что выпускники сельских школ, уже имеющие профессию, оставались работать на малой родине.

Немало внимания освещению проблемы закрепления кадров на селе уделяла в цикловых программах «Молодые хозяева земли» молодежная редакция. В одной из передач рассказывалось о роли в судьбе доярок В.Моториной и И.Королевой звеньевой комсомольско-молодежного коллектива из Подбельска Н.Коряковцевой, о механизаторах совхоза «Сторожевский» В.Макаровой, Н.Габове, Н.Ширяевой, которые освоили профессию еще в школьные годы. Героями передач были и представители сельской интеллигенции: зубной тех-

ник Т.Шешукова, амбулаторный фельдшер В.Павлова, медсестра Т.Савина (17).

В цикловой передаче «Пятилетка республики» (14 ноября 1973 г.) зам. председателя Совета Министров Коми АССР В.Попов подчеркнул, что только за последние три года на селе введены школы на 9590 мест. В ближайшие два года намечается строительство новых типовых зданий сельских школ с высоким техническим оснащением на 6,1 тыс. ученических мест, интернатов на 760 мест. Повышалась и роль учительства. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» в 1974–1980 годах в Коми АССР для учителей в сельской местности намечалось ввести общей жилой площади 23,5 тыс.кв.м. 88 % выпускников Коми государственного педагогического института направлялось для работы в сельские школы (18). Эти вопросы освещались и в цикле передач «Сельская школа сегодня и завтра», который в 1973 году начала готовить художественная редакция (19). Личности учителя были посвящены кино-рассказ «Югидлань» о семье сельских учителей Габовых (автор З.Мурашова), киноочерк «Человек, посади дерево» об учителе Винингской школы А.Другове (автор Г.Бутырева) (20).

Подводя итог, следует отметить, что телевидение стало занимать все более значимое место в бюджете свободного времени сельского населения. На примере работы Сыктывкарской студии телевидения в 70-е гг. XX века по освещению сельской тематики можно сделать вывод, что, отражая все аспекты государственной политики, телевизионные передачи выполняли функцию информационную, просветительскую, идеологическую. Однако во главу угла ставился человек труда, его успехи и проблемы. Особенно это характерно для передач регионального телевидения.

Литература и источники

1. История Коми АССР.– Сыктывкар, 1981.– С. 427.
2. Коми АССР в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник.– Сыктывкар, 1986.– С. 3-4.
3. Попов А.А., Сметанин А.Ф Социально-культурный облик сельского населения Коми АССР (60–70-е годы).– Сыктывкар. 1986.– С. 19.
4. Там же.– С. 21.
5. ГУРК «Национальный архив Республики Коми», ф. 1336, оп. 1, д. 2008, л. 127-136.
6. Там же, д. 2012, л. 21-33.
7. Там же, д. 1998, л. 1-7.

8. Там же, д. 2008, л. 70-78.
9. Там же, д. 2008, л. 109-118, 137-142.
10. Там же, д. 2012, л. 16-20.
11. Там же, д. 2008, л. 19-27.
12. Там же, д. 2008, л. 159-168; д. 2012, л. 49-64.
13. Там же, д. 1771, л. 30.
14. Там же, д. 2015, л. 117-120.
15. Там же, д. 2024, л. 33-62.
16. Там же, д. 1769, л. 9.
17. Там же, д. 1914, л. 27-38.
18. Там же, д. 1937, л. 30-41.
19. Там же, д. 1776, л. 34.
20. Там же, д. 1771, л. 68-71.

В.В. Терентьев
(г. Сыктывкар)

Проблемы сельской жизни (на примере Республики Коми)

Современная социально-экономическая и демографическая ситуация на селе характеризуется комплексом накопившихся проблем, препятствующих динамичному устойчивому развитию сельских территорий и аграрного сектора Республики Коми. Из-за низкого уровня и качества сельской жизни, увеличения преимуществ города по условиям жизнедеятельности за 1990–2009 гг., несмотря на административно-территориальные преобразования городских населенных пунктов в сельские, численность сельского населения сократилось на 72,1 тыс. чел. или на 23,8%. Наблюдается интенсивное снижение демографического и трудового потенциала сельского населения. За 1989–2009 гг. доля лиц моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 28,9 до 18,2%, а старше трудоспособного возраста возросла с 13,9 до 17,3%. За 1990–2006 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении у сельского населения снизилась с 67,5 до 61,3 года. На всем протяжении исторического развития уровень смертности сельского населения был выше городского. В последние годы естественная убыль сельского населения превышала городскую в расчете на 1000 чел. населения в три раза. Со значительным сокращением сельского населения средняя плотность его за 1990-2008 гг. уменьшилась с 1,3 до 1 чел. на 1 кв.км.

Центральной проблемой сельского рынка труда является проблема безработицы и текучести кадров. Уровень общей безработицы в 2006 г. достигал 21%, в 2007 г. 16,3%, зарегистрированной соответственно 5,8 и 5,9%. На начало 2008 г. напряженность на рынке труда составляла 8,2 чел. на одну вакансию.

В республике, численность работников, занятых в сельхозорганизациях за 1990-2008 гг. из-за спада производства, неблагоприятной демографической ситуации, низкой зарплаты уменьшилась на 22,9 тыс. чел. (с 29,5 до 6,6 тыс. чел.). Коэффициент выбытия работников из сельхозпредприятий в 2008 г. достигал 48%. По данным официальной статистики, в 2008 г. в сельской местности насчитывалось 14,1 тыс. безработных, из них 6,4 тыс. – состояли на регистрационном учете в государственных учреждениях службы занятости.

Обострилось положение в социальной сфере села, в связи с сокращением строительства жилья, объектов здравоохранения, образования, культуры, бытового обслуживания. Закрылись в сельской местности многие школы, дошкольные учреждения, магазины, клубы, предприятия общественного питания, комплексные приемные пункты.

Снизилась темпы жилищного строительства. Если за 1981–1990 гг. в селах республики в среднем за год вводилось 115, то в 1999–2008 гг. только 56 тыс. кв.м жилья. Индивидуальный жилой фонд, составляющий 72% общего жилого фонда села, практически не имеет коммунальных удобств и его значительная часть (21%) находится в ветхом и аварийном состоянии. Низким остается инженерное обустройство жилищного фонда на селе. На конец 2008 г. жилищный фонд села был обеспечен водопроводом в четыре, канализацией в пять, центральным отоплением в три, газом в два, горячим водоснабжением в девять, ваннами в восемь раз меньше, чем в городе. Снижается территориальная доступность для сельчан образовательных, медицинских, культурных, торговых, бытовых и других социальных услуг. Разрыв между городом и селом по уровню обеспеченности врачами в расчете на 10000 населения составляет почти в три раза, средним медицинским персоналом – в два раза. На начало 2007 г. обеспеченность сельского населения больничными койками была в 2,5 раза ниже, чем городского. Разрыв уровня оборота розничной торговли в расчете на одного городского и сельского жителя доходит до 2,5-3 раз. Происходит сокращение и опустение сел и деревень, растёт число мелких населенных пунктов.

Экономически и социально несправедливая общественная оценка сельскохозяйственного труда не обеспечивает сельскому населению социально приемлемый уровень доходов. В 2007 г. среднедушевые

денежные доходы населения республики находились на уровне 16,2 тыс. руб., в т.ч. городского 19,2 тыс.руб. (расчетно), сельского – 8,4 тыс.руб. (расчетно) или в 2,3 раза ниже городского уровня.

В структуре денежных доходов наибольший удельный вес приходится на заработную плату. Несмотря на рост зарплаток за 2005–2008 гг. в 1,8 раза, фактическая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций сельского хозяйства за 2006–2008 гг. была ниже уровня всех отраслей народного хозяйства в 2,2 раза, а по сравнению с отраслями по добыче полезных ископаемых – в 4,3 раза. Она составляла всего 1,5 прожиточных минимума трудоспособного населения. Зарплата в сельских районах (за исключением Сыктывдинского и Прилузского) была значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. По географическому расположению наиболее низкая зарплата работников сельского хозяйства была в таких периферийных сельских районах как Ижемский, Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Койгородский, Удорский, где ее величина к прожиточному минимуму в 2008 г. составляла всего 44–67%. Значительная часть сельского населения находится за чертой бедности. Низкий уровень зарплат в аграрной сфере обусловлен недостатком источников средств для ее повышения вследствие нарушения межотраслевого обмена результатами производства и недостаточностью государственной поддержки, сложностью сбыта произведенной продукции и из-за ограниченного платежеспособного спроса населения, импорта продукции и недостаточной конкурентоспособности ее. Между тем, сельские жители должны иметь доходы, сопоставимые со средними доходами горожан, в противном случае подрывается устойчивость сельского развития. Увеличение оплаты труда только за счет доходов сельскохозяйственной деятельности нереально, так как многие сельхозорганизации убыточны или низкорентабельны. Необходимо государственное регулирование уровня оплаты труда, дающую возможность семье прожить в деревне и работать в сельском хозяйстве.

Выжить селянину удается благодаря своему приусадебному хозяйству, хотя ведение его в основном построено на ручном труде, а также занятиям рыболовства и охоты, заготовкам грибов и ягод. За годы реформ стержень деревенской жизни оказался надломленным. Общинные отношения ослабли. Сельхозпредприятия утратили позиции на селе, многие из них были ликвидированы и перестали выполнять средообразующую функцию. Многие сельчане ощущают свою ненужность, поскольку не могут устроиться на работу. Последствия реформ проявляются в деградации населения села, снижении продолжительности жизни сельчан, усилении бедности и алкоголизма,

увеличении неперспективных деревень и т.д. На селе не прослеживается преемственность передачи подворного хозяйства молодому поколению.

Основными причинами сложившейся кризисной ситуации на селе и в аграрном секторе являются: диспаритет цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-технические ресурсы, поставляемой селу; жесткая кредитная политика государства и коммерческих банков и резкое удорожание кредитных ресурсов; неплатежеспособность потребителей и несвоевременные расчеты за реализованную продукцию; низкие закупочные цены, высокие цены на энергоресурсы, технику, удобрения; снижение государственной поддержки, изношенность материально-технической базы; нарушение корпоративных связей, акционирование агросервисных предприятий, призванных обслуживать сельских товаропроизводителей, сделавшие их фактически независимыми от тружеников деревни; падение платежеспособного спроса населения, дефицит квалифицированных кадров в отрасли.

Для вывода села из кризисной ситуации, сохранения и наращивания его природного, экономического и социального потенциалов необходимо разработать концепцию устойчивого развития сельских территорий республики и на ее основе целевую программу устойчивого развития сельских территорий на 2013–2020 гг. Цели государственной политики устойчивого развития сельских территорий и решения проблем сельской жизни должны предусматривать:

- повышение уровня и качества жизни сельского населения, выравнивание среднедушевых доходов в сельской и городской местности;
- обеспечение полной занятости трудоспособного населения и сбалансированности сельского рынка труда;
- кардинальное улучшение социальной среды обитания сельского населения – удовлетворение потребностей в благоустроенном жилье с учетом сельского образа жизни, повышение доступа к социально-культурным и торгово-бытовым услугам, медицинской помощи, повышению качества образования, улучшение дорожно-транспортного обслуживания;
- устойчивый рост сельской экономики, повышение эффективности АПК и лесопромышленного комплекса;
- улучшение демографической ситуации, увеличение ожидаемой продолжительности жизни;
- стабилизация численности сельского населения и закрепление трудовых ресурсов села;
- рациональное использование природных ресурсов и сохранение природной среды.

Разумеется при решении проблем сельской жизни первостепенное значение имеет решение проблемы снижения сельской бедности, как основы возрождения села.

Для повышения доходов сельского населения в условиях рыночных отношений необходим комплекс мер:

- развитие сельских территорий при опоре на экономический рост сельского и лесного хозяйства, сельской промышленности, являющихся градообразующими видами экономической деятельности в сельской местности, в сочетании с развитием альтернативной занятости в подсобных производствах, торговле, сфере услуг, в малом предпринимательстве;

- взаимодействие в борьбе с сельской бедностью государства, органов местного самоуправления, бизнеса, профессиональных общественных объединений и самого населения;

- повышение общественной оценки сельскохозяйственного труда, создание условий для расширенного воспроизводства рабочей силы и сельского хозяйства на основе государственного регулирования оплаты труда и эквивалентности между сельским хозяйством и промышленностью, увеличения бюджетной поддержки сельхозтоваропроизводителей, осуществления политики их льготного налогообложения, возмещения затрат на содержание социальной и инженерной инфраструктуры из государственного бюджета. Для оплаты труда в сельском хозяйстве могут осваиваться тарифные сетки отраслей близкие по уровню оплаты труда к зарплатам в народном хозяйстве;

- создание общереспубликанского фонда регулирования оплаты труда работников сельского хозяйства или увеличение размера господдержки с менее 2% применяемой в последние годы до 5–7% расходной части республиканского бюджета;

- обеспечение доступа сельхозтоваропроизводителей к объектам розничной торговли, к продовольственным рынкам в городах и на селе, открытие фирменных магазинов сельхозорганизаций и кооперативов;

- увеличение объемов госзакупок сельхозпродукции в региональные фонды за счет местной продукции;

- технико-технологическое перевооружение и укрепление материально-технической базы сельского хозяйства. Предоставление льготных ссуд по долгосрочному доступному проценту на приобретение техники и оборудования, а в ряде случаев безвозмездно целевое финансирование строительства современных молочных ферм, комплексов, необходимых для республики;

- развитие многоукладной экономики, наряду с крупными коллективными предприятиями, развивать фермерские хозяйства и хо-

зяйства населения. Основу аграрной экономики должно составить крупнотоварное сельхозпроизводство;

- выравнивание территориальных социально-экономических различий за счет: введение более высоких размеров уровня господдержки сельских товаропроизводителей, работающих в неблагоприятных природно-экономических условиях; компенсаций части затрат на приобретение удобрений, семян, концентратов, горюче-смазочных материалов; управления компенсацией процентной ставки рефинансирования Центрального банка России при получении кредитов и ссуд и т.д.

- развитие сельского рынка труда и повышение занятости сельского населения на основе размещения альтернативных несельскохозяйственных видов деятельности – строительство и реконструкция дорог и мостов, лесовосстановление, производство стройматериалов, строительство жилья и объектов социальной инфраструктуры, развитие национально-художественных и народных промыслов, социальной сферы села, туризма, технического обслуживания населения, заготовки и переработки дикорастущих грибов и ягод, лекарственных растений и т.д.;

- квотирование рабочих мест для сельской молодежи. Профессиональное переобучение и повышение квалификации кадров, подготовка и переподготовка безработных, профессиональная ориентация сельской молодежи;

- повышение доступа населения к земельным, материальным, финансовым, информационным ресурсам, услугам образования, здравоохранения, культуры;

- повышение доходов работников социальной сферы села, приближение их зарплаты к среднему показателю регионального сектора экономики;

- регулирование тарифов на коммунальные услуги и транспорт;

- совершенствование системы налогообложения. Повышение налогооблагаемого минимума зарплаты до величины МРОТ. Введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов с физических лиц;

- укрепление социальных гарантий. Повышение минимальной зарплаты до величины прожиточного минимума, ежеквартальная индексация зарплаты и пенсий в соответствии с темпами инфляции. Организация помощи нуждающимся в форме продовольственных талонов. Малообеспеченным семьям с детьми дошкольного возраста: при отсутствии детских дошкольных учреждений, необходимо выплачивать денежную компенсацию на содержание детей в пределах расходов на эти цели в муниципальных учреждениях дошкольного образования; субсидировать бесплатное содержание детей в детских

дошкольных учреждениях; обеспечивать сельских школьников учебниками и бесплатным питанием по месту обучения;

– выделение малообеспеченным семьям строительных материалов, предоставление транспортных услуг, топлива на льготных условиях;

– повышение уровня социального обеспечения на селе (развитие здравоохранения, образования, сферы культуры и досуга), развитие жилищного строительства на современном техническом уровне.

Люди в сельской местности на Севере традиционно жили, трудились, и надо находить специальные механизмы с тем, чтобы жизнь этих людей была такой же достойной, как и горожан.

Совместными усилиями федеральных, республиканских и муниципальных органов власти можно переломить ситуацию в сельской местности, обеспечить ее динамичное развитие с тем, чтобы из года в год повышать уровень жизни сельского населения, укреплять продовольственную безопасность страны и региона.

*И.С. Мальцева
(г. Сыктывкар)*

Классификация и типология локальных систем АПК Республики Коми*

Тенденции развития современной российской экономической науки и практики связаны с пересмотром базовых подходов к выбору путей и инструментов модернизации экономики и институционального реформирования, повышением роли отраслевой политики как системы согласованного частно-государственного соуправления развитием отраслей и территориально-отраслевых комплексов, которая призвана смягчить кризисные явления и стимулировать развитие различных отраслей экономики. Получают развитие новые научные концепции, в частности, системно-синергетические (самоорганизационные), позволяющие обогатить теории развития и управления, пересмотреть роль государства в экономике и определяющие необходимость

* Работа выполнена в рамках подготовки Программы Президиума РАН № 26 «Научно-технологический прогноз развития России», рук. акад. А.Д. Непелов. Подпроект «Экзогенные ограничения и внутренние возможности саморазвития локальных экономических систем», рук. член-корр. РАН В.Н. Лаженцев.

применения гибкого управляющего воздействия в зависимости от этапов развития и уровня управляемой самоорганизующейся системы.

Эти концепции основаны на исследовании опыта как развитых, так и развивающихся стран, которые показали, что в переходный период развития стран отраслевая политика являлась ключевым фактором в успешном решении задачи перестройки, восстановления и ускоренной модернизации экономики, существенным образом повлияла на активизацию инвестиционной и инновационной деятельности. Аналогичные тенденции намечаются и при осуществлении мер экономической политики на локальном уровне.

Актуальным становится формирование соответствующей методологической и методической базы отраслевой политики, адаптированной к институциональным особенностям развития российской экономики, специфике ее регионов. Существует потребность и в научном анализе уже имеющегося опыта региональной отраслевой политики, и формировании на этой основе приоритетов и направлений государственного управления отраслевыми и территориально-отраслевыми звеньями экономики. Необходимо также определение принципов разграничения полномочий и ответственности в реализации отраслевой политики на федеральном, региональном и локальном уровнях управления. Востребованным является установление потенциала и критериев применимости отраслевой политики как фактора влияния на инвестиционно-инновационную активность мезоэкономики.

В различных отраслевых системах (черная металлургия, цветная металлургия, тяжелое машиностроение, производство удобрений, нефтепереработка, судостроение, авиастроение, автомобилестроение, целлюлозно-бумажная промышленность и др.) место элементов определено масштабами и стадией производства, ориентацией связей по сбыту выпускаемой продукции. Некоторые из отраслевых систем характеризуются многоярусной производственной иерархией. Иерархичность особенно характерна для локальных и региональных отраслевых систем ресурсного профиля.

Локальная отраслевая система (ЛОС) представляет совокупность мезо- и микросистем и хозяйствующих агентов, взаимодействующих в рамках муниципального управления и расселения. Предметом изучения ЛОС являются экзогенные ограничения и внутренние возможности их саморазвития.

В настоящее время, в качестве одной из эффективных форм территориальной организации производства в развитых странах, рассматриваются промышленные кластеры, которые представляют собой группу географически соседствующих и взаимодействующих ком-

паний и связанных с ним организаций, функционирующих в определенной отраслевой (многоотраслевой) сфере и взаимодополняющих друг друга. Кластерный подход к анализу структуры экономики и для разработки промышленной политики отдельных регионов был впервые сформулирован в работах М. Портера. Структура кластера состоит из следующих элементов: 1) сеть независимых производственных и/или сервисных фирм (включая их поставщиков), 2) создатели технологий и ноу-хау (университеты, научно-исследовательские институты, инжиниринговые компании), 3) рыночные институты (брокеры, консультанты) и 4) потребителей. Все элементы кластера тесным образом взаимодействуют друг с другом в составе единой производственно-технологической и сбытовой цепочки создания стоимости.

Представляется сложным применение данного подхода при изучении локальных отраслевых систем АПК, в силу особенностей функционирования регионального АПК, специфики его звеньев и взаимосвязей между ними. Поэтому локальные отраслевые системы АПК будут рассматриваться с позиции состава и достаточности элементов систем и отношений между ними.

Локальные отраслевые системы АПК можно классифицировать по различным критериям. В данном случае можно использовать понятие мезоэкономики, определенное Ардашевой Е.П. как «совокупность компонентов национальной экономики, представляющих собой относительно устойчивые системы и совокупности субъектов микроуровня экономики) и разработанную типологию мезоэкономических объектов, включающую их дифференциацию, с одной стороны, на системы и несистемы, с другой стороны, на формальную (жесткую) и неформальную (мягкую) мезоэкономику. В составе «мягкой» мезоэкономики обосновано выделение двух групп по признаку соответствия условным стадиям развития национальной экономики – переходной от традиционного или планового общества «к рынку» и переходной от рыночного общества к постиндустриальному. «Мягкими» мезоэкономическими системами названы экономические системы, включающие в свой состав экономические субъекты микроуровня, связанные между собой гибридными связями и кооперирующиеся для достижения некоторых общих целей, но одновременно сохраняющие самостоятельность (автономность в принятии решений и права собственности на активы). Термин «гибридные связи» означает, что в мезосистемах могут одновременно существовать различные типы связей между субъектами. Анализ таких мезообъектов как регионы, отрасли, комплексы, кластеры Ардашевой Е.П. предложено выполнять через призму выявленных типов мезоэкономики, связи между ними,

с учетом обусловленных процессом развития предпосылок, преимуществ и негативных сторон мезолокализации¹.

Общность проблем сельских поселений и путей формирования структуры сельской местности служит основанием для того, чтобы рассматривать локальные аграрные отраслевые системы как системы сельских населенных пунктов, а не только как системы аграрного производства.

Для Республики Коми характерны низкая сельскохозяйственная освоенность территории и неравномерность размещения по зонам, муниципальным районам и поселениям. Основные площади сельскохозяйственных земель сосредоточены в южной и центральной части республики, а также в Удорском, Ижемском и Усть-Цилемском муниципальных районах (табл. 1.). Значительные земельные площади используются традиционной отраслью сельского хозяйства – оленеводством. В 2008 г. 7702,1 тыс. га земель на севере Республике Коми использовалось под оленьи пастбища.

Низкая хозяйственная освоенность территории, суровость климата определила сравнительно небольшие площади сельхозугодий, приходящихся на одно поселение. Размеры угодий не превышают 300-700 га. Несколько большие площади – на территории Усть-Цилемского района, городов Ухта, Сыктывкар, Воркута (в данном случае угодья заброшены и только числятся таковыми). Вместе с тем, на 1 сельского жителя в среднем приходится 1,8 га сельхозугодий. За исключением Усть-Цилемского района и Прилузского района размер угодий на 1 сельского жителя во всех муниципальных районах не превышает 2 га (табл. 1).

Наряду с природными условиями ведение агропроизводства осложняется экономическими условиями, в частности недостаточно развитой транспортной сетью, особенно внутрихозяйственной. Для республики характерно и несоответствие размещения производства сельскохозяйственной продукции сложившемуся расселению населения, что обусловлено развитием промышленности в суровых необжитых районах, где до этого сельскохозяйственное производство ранее отсутствовало или было слабо развито. Сельское хозяйство Республики Коми территориально рассредоточено, однако выделяются МО г. Сыктывкар и МО г. Ухта, около которых расположены крупные сельскохозяйственные предприятия и наиболее крупные перерабатывающие молоко и мясо организации.

Особое место в системе АПК РК занимают птицефабрики, являющиеся, по сути, комбинатами, осуществляющими производство продукции птицеводства, ее переработку и имеющие собственную торговую сеть для реализации. Две из них расположены вблизи г. Сык-

**Наличие земель и сельхозугодий по муниципальным образованиям
Республики Коми на 1 января 2009г., тыс. га**

Муниципальные образования	Общая площадь, тыс. кв. км	Численность сельского населения, чел.	Количество сельских населенных пунктов	Сельскохозяйственные угодья	Пашня	В среднем приходится сельхозугодий на:	
						1 посе-ление, га	1 чел., га
Республика Коми	416,8	231454	721	418,2	102,4	580	1,8
Районы:							
Ижемский	18,4	19671	34	25,9	2,9	761,1	1,3
Княжпогостский	24,6	8291	46	15,4	5,0	335,1	1,9
Койгородский	10,4	9121	21	8,6	2,0	407,2	0,9
Корткеросский	19,7	22542	53	30,8	7,4	582	1,4
Прилузский	13,2	22393	89	48,2	20,2	541,6	2,2
Сыктывдинский	7,4	24586	49	36,0	10,2	734,6	1,5
Сысольский	6,1	15768	79	31,7	11,2	401,6	2,0
Троицко-Печорский	40,7	7545	32	9,4	0,8	292,7	1,2
Удорский	35,8	13554	52	20,9	3,4	401,9	1,5
Усть-Вымский	4,8	10960	51	17,6	6,3	345,5	1,6
Усть-Куломский	26,4	30189	63	38,0	10,5	602,9	1,3
Усть-Цилемский	42,5	13913	37	44,1	1,4	1191,8	3,2
г. Сыктывкар	0,7	1028	3	8,2	1,8	2731,3	8,0
г. Воркута	24,2	576	7	9,6	5,3	1373,4	16,7
г. Вуктыл	22,6	3186	10	8,2	0,7	816,4	2,6
г. Инта	30,1	2616	20	10,7	1,1	537,2	4,1
г. Печора	28,9	9909	28	19,2	1,6	686,4	1,9
г. Сосногорск	16,5	6596	16	5,9	1,6	367,5	0,9
г. Усинск	30,6	5908	18	12,6	1,4	700,4	2,1
г. Ухта	13,2	3102	13	17,2	7,6	1324,7	5,6

* Сборники «Сельское хозяйство в Республике Коми, – Сыктывкар, 2009; Бюллетень «Социально-экономические показатели муниципальных образований Республики Коми в 2007–2008 гг.», – Сыктывкар, 2009.

тивкара, другая – в г. Инта. Данные предприятия стабильно развиваются, наращивают объемы производства, активно работают по направлениям ассортиментной и сбытовой политики. В последнее время деятельность птицефабрик связана с интеграционными процессами присоединения к ним сельскохозяйственных производств других отраслей (ОАО «Зеленецкая птицефабрика» включила в свой состав ОАО «Зеленецкий свинокомплекс», а ОАО «Интинская птицефабрика» – ООО «Большая Инта»).

На остальной территории республики рассредоточены средние и небольшие по размерам сельскохозяйственные и подсобные и обслуживающие организации, фермерские хозяйства. Повсеместно присутствуют личные подсобные хозяйства населения, производящие продукцию сельскохозяйственной продукции региона. Уровень товарности личных подсобных хозяйств очень низок – это, в основном, хозяйства потребительского типа.

Для Республики Коми характерна типичная для северных регионов страны узкая отраслевая структура перерабатывающей промышленности, преимущественное развитие отраслей внутрирайонного значения и низкий их удельный вес в совокупном валовом продукте. Большая территориальная рассредоточенность населенных пунктов и мест производства сельскохозяйственного сырья при существующем недостаточном развитии транспортной сети объективно обуславливают низкий уровень концентрации производства в этих отраслях и локализацию аграрных производств. Все отрасли перерабатывающей промышленности, за исключением молочной и мясной, работают почти полностью на привозном сырье, то есть не имеют производственных связей с сельскохозяйственными предприятиями. Переработкой мяса в основном занимаются специализированные предприятия, а переработкой молока – и специализированные организации, и сельскохозяйственные организации, имеющие собственные перерабатывающие мощности. Такие предприятия расположены в основном в районных центрах, или в крупных сельских населенных пунктах и зачастую являются селообразующими. В республике функционирует около 39 организаций, перерабатывающих молоко (из них около 6 – крупных, специализированных предприятий). 18 предприятий перерабатывают мясо, из которых шесть являются специализированными. Одна из организаций – ОАО Молочно-мясной завод «Ижма» – перерабатывает и молоко и мясо. Причем, если перерабатывающие молоко предприятия в основном перерабатывают местное сырье, то мясоперерабатывающие – ориентированы в равной мере и на местное, и на привозное сырье. Перерабатывающие мясо и молоко предприятия работают в основном на местный рынок.

Таким образом, можно сделать вывод, что локальные аграрные отраслевые системы Республики Коми являются «мягкими» мезоэкономическими системами, которые включают в свой состав экономические субъекты АПК, связанные между собой гибридными связями. «Гибридные связи» предполагают наличие различных типов связей между субъектами (основанные на продвижении сельскохозяйственной продукции (сырье – переработка – реализация), на привлечении рабочей силы, совместном использовании угодий и т.п.

Более детальная характеристика ЛОС может быть произведена по следующим признакам (критериям):

По масштабам деятельности:

- Крупные (ЛОС г. Ухта)
- Средние (ЛОС с. Корткерос)
- Малые (ЛОС с. Подтыкерес Корткеросского района)

По связям (сырье – переработка):

- ЛОС связанные по поставкам сырья с производителями сельхозпродукции других ЛОС (ЛОС г. Сыктывкар, ЛОС г. Ухты)
- ЛОС, ориентированные на переработку своего сырья (ЛОС г. Печора, ЛОС с. Ижма)

По товарности производства:

- ЛОС товарные (ЛОС г. Инта, ЛОС с. Маджа Корткеросского района)
- ЛОС потребительские (ЛОС п. Усть-Лэкчим Корткеросского района)

По технологиям:

- ЛОС, имеющие современные технологии (с. Зеленец, г. Сыктывкар)
- ЛОС, использующие устаревшие технологии производства (ЛОС с. Маджа Корткеросского района).
- ЛОС, использующие примитивные (ручные) технологии производства сельхозпродукции (ЛОС п. Усть - Лэкчим Корткеросского района)

По местоположению:

- Отдаленные ЛОС (ЛОС с. Замежная Усть-Цилемского района)
- ЛОС, расположенные рядом с рынками сбыта (ЛОС с. Зеленец)

По транспортным связям:

- ЛОС, имеющие круглогодичное транспортное сообщение с рынками сбыта (ЛОС с. Маджа Корткеросского района)
- ЛОС, не имеющие круглогодичного транспортного сообщения с рынками сбыта (ЛОС с. Замежная Усть-Цилемского района).

Приведенная классификация локальных аграрных систем позволила предложить следующую типологию аграрных локальных систем (табл. 2).

Типология аграрных локальных систем Республики Коми

Крупные, расположенные рядом с рынками сбыта, имеющие современные технологии			
<p>Многокомпонентные ЛОС, связанные многоуровневыми связями г. Сыктывкар</p>	<p>Многокомпонентные ЛОС, связанные поставками сырья, обслуживанием, управлением г. Ухта, г. Печора</p>	<p>Комплексные ЛОС, замкнутые по производству, но имеющие широкий сбыт – г. Инта</p>	
Средние, расположенные в районных центрах и крупных населенных пунктах			
<p>ЛОС, имеющие сельхозпроизводство и переработку, связанные поставками сырья, обслуживанием, управлением, расположенные рядом с рынками сбыта с. Корткерос</p>	<p>ЛОС, имеющие сельхозпроизводство и переработку, связанные поставками сырья, обслуживанием, управлением, отдаленные от рынков сбыта с. Ижма (Ижемский район)</p>	<p>ЛОС, имеющие сельхозпроизводство и переработку, связанные поставками сырья, отдаленные от рынков сбыта п. Бортом (Сысольский район)</p>	<p>ЛОС, имеющие сельхозпроизводство, отдаленные от рынков сбыта с. Палевицы (Сыктывдинский район)</p>
Малые			
<p>ЛОС, имеющие сельхозпроизводство и переработку, связанные поставками сырья, отдаленные от рынков сбыта.</p>	<p>ЛОС, имеющие сельхозпроизводство связанные поставками сырья, отдаленные от рынков сбыта. с. Вотча (Сысольский район)</p>	<p>Дисперсные</p>	

Литература и источники

1. Ардашева Е.П. Частно-государственное соуправление развитием регионального нефтегазохимического комплекса в системе отраслевой политики. Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук [Текст] / Е.П. Ардашева. – Казань: НОУ ВПО «Академии управления «ТИСБИ», 2008. 33 с.

А.А. Мустафаев, В.И. Спирыгин
(г. Сыктывкар)

Инвестиционный прогноз в историческом развитии АПК северного региона: стратегические ориентиры

Исследование показывает, что низкая конкурентоспособность региональной агропромышленной продукции, выпускаемой в большей степени с использованием морально и физически устаревшего основного капитала, неблагоприятным состоянием трудового и земельного потенциала, выдвигает на первый план инвестиционные факторы роста. Это требует детального изучения долгосрочных источников финансирования, оценки позитивного влияния финансовых рынков на процессы возобновления инвестиционной активности АПК Республики Коми, а в последующем – и устойчивости развития.

Отметим, что прогнозы не только обозначают перспективу, но и обосновывают причинно-следственные связи долгосрочного развития АПК, выявляют соответствующие факторы позитивного воздействия на дальнейшее функционирование. Вместе с тем, процесс прогнозирования требует более детальной проработки – учета отраслевых особенностей и наличия внутренних проблем развития АПК, сопоставления расчетных показателей различного рода прогнозов, таких, как: научно-технические, воспроизводства основного капитала, показатели демографического прогноза, прогноза трудовых ресурсов, доходов, расходов и т.п. Следовательно, исходя из сложившейся действительности, любое прогнозирование имеет общий план работы, т.е. характер и стратегию, и подразумевает перспективную оценку развития основных факторных составляющих производственной сферы. Немаловажной задачей при этом является не только разработка прогнозов по соответствующим видам деятельности, но и реализация их результатов в процессе принятия управленческих решений.

По сути, АПК как территориально-производственная система представляет собой тесное взаимодействие трех разнокачественных подсистем: экономической (производство), социальной (население), природной (территория с ее естественными и климатическими условиями, а также природными ресурсами), дальнейшее развитие которой требует огромных финансовых вливаний. Расширение потенциальных возможностей функционирования и обеспечение эффективности различных отношений (интеграционных, производственных, социальных, экологических и т.д.) диктует необходимость комплексного подхода к долгосрочному инвестированию АПК, разработке стратегии социально-экономического и территориального развития его отраслей на перспективу. Возрастает актуальность прогнозов, особенно в области реализации крупных отраслевых проектов, выработки оптимальных вариантов размещения сфер производства и производительных сил, улучшения качественной характеристики производственной, социальной и экологической структуры АПК региона в целом.

Существующая экономическая обстановка в АПК республики настолько изменчива, что из-за неопределенности общих и индивидуальных условий хозяйствования предприятия не могут уделять должного внимания побудительным мотивам роста производства и расширения сфер деятельности. В таких случаях очень сложно прогнозировать долгосрочное инвестирование предприятий и обеспечивать разработку их стратегического развития, находить более приемлемую форму хозяйствования, сопряженную с наименьшими финансовыми затруднениями и не вводящую в заблуждение предпринимательской деятельностью.

Неустойчивое динамичное развитие и диспропорциональная отраслевая инвестиционная деятельность АПК региона не отвечают растущим потребностям инновационной активности – целенаправленному вложению в новую технику и технологии, улучшение ассортимента и качества товарной продукции и их соответствие современным стандартам. Следовательно, в условиях отсутствия крупномасштабных инвестиционных мер не возможно осуществить долгосрочные целевые программы развития АПК, максимально использовать новейшие достижения научно-технического прогресса (НТП). Так как автономные источники финансирования не позволяют переходить к прогрессивным методам инвестиционной деятельности, совершенствовать механизмы хозяйствования, то утрачиваются позиции не только на товарном рынке, но и в материально-технических источниках ресурсного обеспечения.

Происходит дезориентация в процессах управления АПК регио-

на, наблюдается резкая дифференциация сельхозпредприятий по их финансовому состоянию, разрушается их производственный потенциал. Катастрофический дефицит денег в межхозяйственном обороте АПК региона крайне обостряет ситуацию платежного спроса предприятий. Отсутствие ясных инвестиционных приоритетов и стратегий, а также правил игры обусловило некоторую размытость критерием отбора бизнес-проектов, осуществления эффективной инвестиционной АПК республики.

Ретроспективный анализ по основным экономическим показателям подтверждает, что непростая ситуация складывается в АПК региона, где происходит не только сильное ослабление различных потенциалов, но и хозяйственной деятельности в целом. В результате технико-технологическое отставание предприятий АПК нарастает ускоренными темпами, а объемы производства имеют негативную тенденцию к снижению, ускоряется разрыв интеграционных отношений между аграрными и перерабатывающими предприятиями (табл. 1).

Задачи обеспечения динамической сбалансированности совокупных отношений АПК неизмеримо сложнее, чем обеспечение эффективности отдельных его отраслей или предприятий. Большую сложность представляет здесь проблема несоответствия между выделяемыми инвестициями и применяемыми достижениями НТП.

В целом, обеспечение динамической сбалансированности АПК особенно затруднено в области синхронизации затрат и результатов, отделенных не только длительностью локальных инвестиционных циклов и сроками службы средств труда, но и намного большей длительностью всего агропромышленного хозяйственного оборота. Это предъявляет особые требования к разработке методических вариантов и нормативных материалов, использованию традиционных и сценарных методов к прогнозированию долгосрочного социально-экономического развития АПК, определению инвестиционных приоритетов отраслевого функционирования с разной типологией.

Расчетный прогноз инвестирования и развития АПК региона должен представлять собой совокупных оценочных показателей по трем периодам: ближайшему, современному и перспективному. Это наиболее ярко характеризует динамические и структурные изменения в долгосрочном функционировании АПК, дает представление о выборе возможных вариантов расширения сфер деятельности, повышении уровня концентрации капитала и производства. По сути, прогнозные расчеты должны описывать не только различные варианты перспективного развития, но и диверсификацию капитала в системе воспроизводства, изменение рыночных ситуаций, которой в той или иной форме отражается в темпе и объеме производства АПК.

Основные экономические показатели АПК Республики Коми по годам

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.:	110,8	131,8	215,4	311,9	203,6	276,4	293,2	348,6	588,0
Сельское хозяйство									
Пищевая промышленность	38,4	43,5	25,5	18,4	86,2	76,5	54,8	111,2	123,2
Все основные фонды, млн. руб.:	4000,0	3744,0	3446,0	3026,1	2756,1	2466,7	2630,6	2569,6	2875,7
Сельское хозяйство									
Пищевая промышленность	525,0	451,0	512,0	500,3	545,0	671,5	787,0	661,8	759,6
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.:	24,0	23,7	20,9	18,5	15,6	19,6	18,6	18,5	18,2
Сельское хозяйство									
Пищевая промышленность	7,6	5,8	5,5	5,9	5,8	5,9	5,9	6,3	6,2
Земельный фонд, тыс. га:	419,2	418,7	419,1	418,3	418,5	418,5	418,4	418,3	418,2
Сельскохозяйственные угодья									
в том числе пашня	104,4	103,9	103,9	102,7	102,9	102,5	102,5	102,5	102,4
Поголовье скота, тыс. голов:	83,3	80,1	69,0	57,5	49,7	45,3	44,0	43,7	41,5
Крупный рогатый скот									
в том числе коровы	41,7	39,5	34,5	29,8	26,4	23,5	21,8	21,0	20,1
свињи	23,8	23,3	22,5	21,8	21,4	22,7	23,6	27,1	24,7
олени	110,1	105,9	105,9	85,3	84,4	89,5	83,7	83,5	86,7

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Производство основных видов продукции растениеводства, тыс. т: Картофель	218,9	179,8	214,3	135,3	132,2	116,9	111,1	70,5	92,7
Овощи - всего	34,2	45,9	34,1	29,0	25,4	24,5	21,4	20,1	20,2
Производство основных видов продукции животноводства (в живом весе), тыс.т	24,1	24,9	26,9	24,1	24,2	23,8	25,9	25,6	28,8
в том числе крупный рогатый скот	6,5	6,8	2,7	6,0	5,4	4,2	3,6	3,2	3,7
свиньи	2,4	2,3	1,7	1,7	1,9	1,7	1,9	1,6	2,3
птица	3,8	4,3	4,8	5,0	5,9	8,1	9,7	9,8	10,9
Молока	105,9	106,7	96,7	88,8	80,6	78,6	73,4	67,3	61,8
Сальдированный финансовый результат (прибыль, минус убыток), млн.руб.: Сельское хозяйство	-8,9	-107,4	-76,8	-35,7	-40,3	93,6	143,1	184,7	422,5
Пищевая промышленность	71,8	112,0	11,0	-482,1	67,8	65,4	76,5	156,0	216,1

Источник: Статистический сборник «Сельское хозяйство в Республике Коми». – Сыктывкар, 2009. – С. 14, 15, 18, 30, 46.

Следует особо отметить, что современное прогнозирование инвестиций в стратегическом развитии АПК не возможно без освоения новых методов, позволяющих охватить широкий диапазон хозяйственных принципов и необходимых условий эффективного функционирования. Необходимость обеспечения устойчивого темпа воспроизводства предъявляет особые требования к разработке методических вариантов и нормативных материалов, использованию традиционных и сценарных методов к прогнозированию долгосрочного социально-экономического развития.

Известно, что основой устойчивого ведения сельского хозяйства является разработка, освоение и широкое распространение инновационной продукции, применение новейших видов техники и технологий в процессах выращивания сельскохозяйственных культур и производстве животноводческой продукции. Достижение данной цели возможно без особых изменений как в системе целевых установок и механизмах управления инвестициями, так и в разработанных вариантах долгосрочного развития, Учитывая, что решающая роль для позитивной динамики стратегического развития принадлежит активизации инвестиционно-инновационных процессов, то необходимо в большей степени ориентироваться на получение эффекта от реализации крупных региональных агропромышленных проектов. Это не снимает ответственности за обеспечение успешной реализации ряда локальных проектов, касающихся развития отдельных звеньев.

Исходя из сценарной разработки перспектив инвестирования (сопоставимости и эластичности роста инвестиций) определено, что есть реальная возможность улучшения хозяйственных результатов в аграрном секторе экономики региона на ближайшем прогнозном интервале. На основе динамики индексов и объемов продукции животноводства республики данный сценарий на период 1960–2005 гг. показывает, что наиболее положительные сдвиги ожидаются в производстве мяса и яиц, что очень тесно связано с интенсивным инвестированием и развитием птицеводства. Отрицательная динамика объемов производства молока обусловлена активным снижением поголовья и продуктивности коров, недостаточным обеспечением их необходимыми кормами, особенно концентрированными.

Что касается продукции растениеводства, то за исключением производства зерна, все виды производства имеют наиболее положительную тенденцию к росту. В обобщенном прогнозном представлении, рассчитанные на основе сценарной разработки, объемы и индексы по основным видам выпуска продукции сельского хозяйства республики характеризуют позитивную тенденцию к росту (табл. 2).

**Значение объемов и индексов выпуска продукции
сельского хозяйства Республики Коми за период 1960–2025 гг.**

Годы	Скот и птица		Молоко		Яйца		Картофель		Овощи	
	тыс. т	ед.	тыс. т	ед.	млн. шт.	ед.	тыс.т	ед.	тыс. т	ед.
1960	23,3	1,000	153,3	1,000	12,3	1,000	163,1	1,000	21,1	1,000
1965	23,7	1,017	163,3	1,065	29,1	2,366	178,0	1,091	19,3	0,915
1970	25,8	1,108	186,7	1,218	76,7	6,236	191,5	1,174	29,5	1,398
1975	32,5	1,395	209,1	1,364	151,1	12,285	204,8	1,256	32,8	1,555
1980	41,8	1,794	210,6	1,374	263,4	21,415	206,7	1,267	29,6	1,403
1985	50,7	2,176	211,4	1,379	303,0	24,634	172,9	1,060	29,8	1,412
1990	57,3	2,459	207,0	1,350	365,4	29,707	127,5	0,782	20,8	0,986
1995	36,1	1,549	142,4	0,929	194,5	15,813	235,9	1,446	32,3	1,531
2000	24,1	1,034	105,9	0,691	172,8	14,049	268,2	1,644	38,6	1,829
2005	23,8	1,021	78,6	0,513	176,2	14,325	190,0	1,165	38,1	1,806
2010	26,0	1,116	68,0	0,444	170,0	13,821	126,0	0,773	33,0	1,564
2015	40,9	1,756	152,1	0,992	255,1	20,734	253,0	1,509	45,3	2,148
2020	46,8	2,009	209,1	1,364	305,8	24,862	287,0	1,712	53,0	2,513
2025	55,0	2,361	233,4	1,522	421,0	34,117	316,3	1,887	61,5	2,918

Рассчитано по отдельным годам на основе данных «Статистический ежегодник Республики Коми», Сыктывкар, 2009, а также на основе данных «Система интенсивного животноводства», Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1984.– С. 3-39; 40-107; 125-134.

Исследования показали, что проводимые ретроспективные разработки комплексного развития АПК региона не имели четкой и единой логики инвестирования и пространственного развития агропромышленных предприятий. Так, существующие межзональные и межхозяйственные диспропорции инвестирования АПК республики оказывали негативное воздействие на объем выпуска продукции и решение потребительских задач. Поэтому значительное внимание следует уделить проблемам обеспечения рациональной схемой размещения производительных сил, особенно по предприятиям по производству, переработке, хранению продукции и по обслуживанию сельскохозяйственных предприятий, оптовых и розничных рынков продовольствия на всех уровнях: региона, района, предприятия.

Негативные тенденции финансирования регионального сельского хозяйства являются подтверждением его низкой хозяйственной деятельности по сравнению с другими регионами Северо-западного федерального округа.

Это говорит о том, что выпуск продукции сельского хозяйства региона определяются всем историческим ходом развития инвестиционной деятельности и естественными процессами в экономике районов.

Пора осознать уже, что развитие современного АПК возможно только на основе долгосрочных инвестиций, так как при недостаточном уровне капитальных активов ее предприятий теряется всякий смысл последнего. Это говорит о том, что устойчивый курс на стратегическое развитие АПК республики, на способность выдерживать конкуренцию на внешнем и внутреннем рынке, возможен только на основе полноценного материального и интеллектуального богатства.

В обобщенном представлении отметим, что из-за труднодоступных финансовых ресурсов, относительно слабого производственного потенциала и неблагоприятные природно-климатических условий хозяйствования сельхозпредприятия региона не всегда могут обеспечить высокую отдачу используемых ресурсов, а в большинстве случаев процесс производства не приносит желаемого хозяйственниками результата. Для выявления причинно-следственных связей данной ситуации рассмотрим индекса интегральной эффективности по трем основным показателям, определяющих способности производственного потенциала и общую эффективность производства в отрасли: индекса фондоотдачи (JФo), индекса (JЗo), индекса производитель-

ности труда (JПт) (табл. 3). Общий вид индекса интегральной эффективности (Jиэ) при наличии N исходных индексов будет следующим:

$$J_{иэ} = \sum J_n / N \quad (1)$$

Если в качестве показателей частных эффективностей приняты JФо, Jзо и JПт, то для случая, когда N = 3, формула (1) примет вид:

$$J_{иэ} = (J_{Фо} + J_{зо} + J_{Пт}) / 3, \quad (2)$$

где: JФо – индекс фондоотдачи (стоимостное отношение фондов и валовой продукции); Jзо – индекс землеотдачи (стоимостное отношение валовой продукции и количество используемых земельных угодий); JПт – индекс производительности труда (стоимостное отношение валовой продукции и численности занятых). На основе рассчитанного за период 1990–2007 гг. среднего значения Jиэ вышеуказанных частных индексов JФо, Jзо, JПт видно, что «потери» на снижении фондоотдачи и землеотдачи в условиях равнозначности весов индексов полностью компенсируются ростом производительности труда, то есть:

$$J_{иэ} = (0,942 + 0,888 + 1,607) / 3 = 1,146. \quad (3)$$

Итак, средние значения вышеуказанных индексов единиц составили 1,146, 0,942, 0,888, 1,607 единиц соответственно. Примечание: для АПК России значение показателя $1 + E_n$ находится в пределах от 1,07 до 1,17.

Несмотря на столь позитивное значение индекса интегральной эффективности (численное значение индексов основных показателей) в отдельные годы имело активную тенденцию к изменению. Такое изменение в большей степени заметно на индексе производительности труда. Так, за указанные выше годы колебания находятся в пределах от 1 до 3. Более точно от 0,988 до 2,629, что составляет почти 2,7 раза.

Прогнозные расчеты показывают, что за период 2008–2025 гг. интенсивно-инвестиционный путь развития позволяет повысить значения индексов эффективности по сравнению со средними их значениями за 1990–2007 гг.: для фондоотдачи – на 74%, для землеотдачи – на 23%, для производительности труда – на 30%, что ведет к росту индекса интегральной эффективности на 41%.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что сегодня степень детерминированности перспективных процессов в сельском хозяйстве региона из-за негативных внешних явлений (инфляционные факторы, высокий риск, повышенная процентная ставка и т.д.) ослаблена, но в небольшом диапазоне ресурсообеспечения имеются обнадеживающие направления для позитивного сдвига. Наи-

более эффективный путь достижения поставленной цели является создание благоприятных условий для активного перетока капитала в АПК, проведения крупномасштабных мер по реконструкции и модернизации его отраслей.

Исследование демонстрирует предпочтительность основного вывода об ускоренном темпе формирования полноценного экономического потенциала АПК республики с преимущественным ростом интеллектуального богатства. Научно-практическим результатом его является то, что производственный потенциал АПК следует оценивать не только по затратам на формирование, которые быстро растут, а исходя из принципов целенаправленного вложения средств и обеспечения устойчивого темпа роста производства, которой требует активного применения интенсивно-инновационных методов функционирования. Это связана не просто с решением задач по увеличению объемов капитальных затрат, но и представляет собой комплекс мероприятий по улучшению качественной характеристики ресурсов, потребность в которых постоянно растет, как и целесообразность социально-экономического преобразования АПК в целом.

Таблица 3

Значения индексов фондоотдачи, землеотдачи, производительности труда и интегральной эффективности в сельском хозяйстве Республики Коми за 1960–2025 гг. (в среднем)

Годы	JФо	Jзо	JПт	Jиэ
1960	1,000	1,000	1,000	1,000
1961 – 1965	0,767	1,166	1,138	1,023
1966 – 1970	0,613	1,107	1,899	1,206
1971 – 1975	0,435	1,365	1,193	1,331
1976 – 1980	0,399	2,181	2,392	1,658
1981 – 1985	0,217	2,382	2,620	1,740
1986 – 1990	0,171	2,843	2,813	1,942
1991 – 1995	1,393	0,977	1,572	1,314
1996 – 2000	1,122	0,677	1,108	0,969
2001 – 2005	0,667	0,682	1,895	1,081
2006 – 2010	0,442	0,729	2,538	1,238
2011 – 2015	1,163	0,948	2,275	1,463
2016 – 2020	1,531	1,021	2,315	1,622
2021 – 2025	1,361	1,473	2,819	1,884

Рассчитано на основе данных «Статистический ежегодник Республики Коми», Сыктывкар, 2009, а также на основе «Система интенсивного животноводства», Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1984. – С. 3-39; 40-107; 125-134.

Проведенный факторный анализ показывает, что последовательное движение инвестиционно-инновационных процессов в АПК может быть рассмотрено с различных позиций и с разной степенью детализации, поскольку этапы их жизненного цикла происходят как в многоуровневых экономических связях, так и в различных интервалах. Поэтому для поэтапного вывода АПК региона из существующего кризиса из всех возможных вариантов самым прогрессивным был и остается перспективный вариант формирования его инвестиционно-инновационных систем – реализация достижений научно-технического и передового опыта в производстве. Императив выравнивания технико-технологической отсталости агропромышленных отраслей, улучшение качественной характеристики обрабатываемых земель и кадрового персонала, а также переход на новые формы рыночного функционирования во многом зависят от разработки долгосрочного прогнозирования инвестиционной деятельности.

Резюмируя, отметим, что при обеспечении эффективности движения технологической цепочки «инвестиция – наука – производство – рынок» создаются новые отношения не только в финансовых структурах, но и в науке, бизнесе и государстве с учетом распределения соответствующих полномочий, ответственности и риска на все периоды долгосрочного стратегического развития регионального АПК. Создание совершенных механизмов государственной поддержки может стать важным фактором объединения множества перспективных программных мероприятий в ясную и скоординированную действенную систему, устранения необоснованные проектов и правил долгосрочного функционирования.

Коми национальная школа в условиях демократических преобразований конца XX века*

В условиях демократических преобразований в Республике Коми в конце XX века по существу была заново создана нормативно-правовая база для реального развития национального образования. Основу его составил цельный нормативно-правовой комплекс: «Концепция развития коми национальной школы» (принята Советом Министров республики в июне 1992 г.); Закон Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» (1992 г.); Закон Республики Коми «Об образовании» (1993 г.); республиканские программы «Образование», «Развитие национальной системы образования Республики Коми на 1996–2000 гг.», «Развитие образования на селе 1997–2000 гг.»; госстандарт по коми языку и литературе, республиканские компоненты госстандарта по природоведению, географии, истории Республики Коми, изобразительному искусству, музыке, трудовому обучению и физкультуре, разработанные Министерством образования и высшей школы Республики Коми.

С целью возрождения и развития коми национальной школы в 1988 г. В Министерстве народного образования Коми АССР был создан отдел национальных школ. Отделом было подготовлено решение коллегии министерства от 26 апреля 1989 г. «О комплексном плане по дальнейшему развитию и совершенствованию обучения коми языку, литературе, приобщение к национальной культуре учащихся школ, профтехучилищ и воспитанников детских дошкольных учреждений».

Важнейшим документом в сфере государственной политики, направленным на реализацию задачи возрождения национальной школы в Коми республике на рубеже 1980-х – 1990-х гг., являлось принятое Советом Министров Ком АССР постановление «О мерах по дальнейшему развитию национальной школы и расширению преподавания коми языка и литературы в Коми АССР» (сентябрь 1989 г.). Одним из первых мероприятий по его реализации стало введение в школах курса «Природа, история, литература и искусство родного края». В конце 1980-х гг. в соответствии с постановлениями правительства СССР, направленными на развитие национальной школы народов СССР, в республике был предпринят ряд мер по материаль-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 10-01-41103 а/С).

ной поддержке кадров национальных школ: введена 15-процентная доплата для учителей коми языка и литературы, повышена стипендия успешно обучавшимся студентам и учащимся национальных отделений Сыктывкарского госуниверситета, Коми госпединститута, установлены именные стипендии им. И.А. Куратова и В.А. Савина.

Провозглашение равноправного функционирования в республике двух государственных языков вызвало необходимость разработки целостной концепции национальной школы. В феврале 1991 г. Коллегией Министерства народного образования Коми АССР была принята «Комплексная программа дальнейшего развития системы обучения коми языку и литературе, приобщения к национальной культуре, истории родного края учащихся школ, профтехучилищ, воспитанников дошкольных учреждений республики на 1991–1995 гг.». В июне 1992 г. решением Совета Министров Коми АССР была принята «Концепция развития коми национальной школы», в основу которой был положен принцип «реализации демократического и конституционного права обучения и воспитания детей и подростков на родном языке». В соответствии с Концепцией в коми национальных школах предусматривалось обучение и воспитание детей в дошкольных учреждениях и в I–IV классах на родном языке. В V–IX классах предусматривалось изучение родного языка как предмета, преподавание на нем отдельных гуманитарных дисциплин и широкое использование его в воспитательной работе; постепенный переход к ведению на родном языке уроков изобразительного искусства, музыки, физической и трудовой подготовки, а также других предметов в старших классах. Планировалось введение преподавания коми языка и частичного преподавания на коми языке в профессиональных и средних специальных учебных заведениях и вузах республики. Данные меры предполагали создание системы непрерывного образования. В районах с многонациональным составом для учащихся других национальностей предполагалась организация изучения коми языка и литературы по трехчасовому учебному плану. Важным условием функционирования национальной школы была признана необходимость обеспечения достаточного для поступления и продолжения образования в средних и высших учебных заведениях страны уровня по русскому языку и литературе по принципу «Русский язык не вместо родного, а вместе с ним».

Реализация этих положений требовала организации высокого уровня научно-исследовательской и экспериментальной работы, связанной с разработкой и внедрением новых программ, курсов, учебников. Работу в этом направлении вели Институт усовершенствования учителей (в дальнейшем реорганизованный в Коми республиканский

Институт работников образования и переподготовки кадров – КРИРОиПК), а также созданный в 1991 г. Коми филиал Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации.

Чрезвычайно важной в этой ситуации стала проблема подготовки национальных кадров. Правительством республики был разработан комплекс мер в этом направлении. В Сыктывкарском государственном университете, который готовил специалистов по коми языку и литературе с 1972 г., в 1994 г. был создан финно-угорский факультет (первый в стране), готовивший как специалистов по коми филологии, так и специалистов регионоведов на специально созданном отделении. В 1989 г. в педучилищах № 1 и № 2 созданы национальные (коми) отделения. В 1991 г. при Коми пединституте открыта республиканская очно-заочная школа, в которой на пяти отделениях обучалось более 200 детей из сельской местности. Филиалы школы были организованы в Ижемском, Прилузском, Усть-Куломском, Корткеросском и других районах. В Коми госпединституте увеличины профили педагогических специальностей: на факультете педагогики и методики начального образования начата подготовка учителей по специальности «Учитель начальных классов национальных школ», с 1996/97 учебного года введена дополнительная специальность «Филология: коми язык и литература в основной средней школе». В соответствии с Указом Главы Республики Коми от 12 сентября 1996 г. создан физико-математический лицей-интернат при Министерстве образования и высшей школы Республики Коми. Для более эффективной работы по подготовке и закреплению кадров на местах Главой Республики Коми 2 июня 1997 г. был подписан Указ «О целевой контрактной подготовке специалистов высшего и среднеспециального профессионального образования Республики Коми», в соответствии с которым выпускники школ могли получать образование на основе заключенных договоров между администрациями городов и районов с учебными заведениями республики.

Однако, несмотря на предпринятые меры, к 1995 г. идея национальной школы в ее первоначальном смысле и какой она была до 1970-х гг. – с обучением в начальных классах на коми языке, а затем гуманитарных предметов в среднем и старшем звене – была трансформирована. Возрождение национальной школы в таком виде было признано нецелесообразным и не соответствующим этнодемографической, этнолингвистической, этнокультурной и этнополитической ситуации в республике. Система образования, сложившаяся за годы упадка и разрушения национальной школы, не позволяла в столь короткие сроки воссоздать полноценный национально-образователь-

ный комплекс. Для его создания необходимо было ввести непрерывный замкнутый цикл преподавания на родном (коми) языке и преподавания языка как неродного во всех учебных и воспитательных учреждениях, начиная с детских дошкольных и заканчивая высшими учебными заведениями. Однако за такой срок невозможно было решить вопрос обеспечения необходимыми кадрами учебного процесса, создания учебно-методических комплектов, необходимой материально-технической базы. Не менее важным был вопрос этнополитический. Так, например, в информационно-аналитических материалах Министерства образования при анализе данных анкетного опроса населения обращалось внимание на то, что за изучение коми языка во всех ступенях школы высказывалось только 35% коми и лишь 15% русскоязычного населения.

В 1995 г. Отдел национальных школ Министерства образования Республики Коми был реорганизован в отдел национальных систем образования и сельских школ, который занимался не только вопросами развития коми национальной школы, но и решением задачи создания условий для удовлетворения этнических запросов в области образования для некоренных народов, проживающих в республике. К этому времени из-за отсутствия финансирования практически прекратил свою деятельность, а затем был ликвидирован Коми филиал Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации.

В докладе Комитета возрождения коми народа на V Съезде коми народа (ноябрь 1995 г.) в части, характеризующей ситуацию в сфере развития коми национальной школы, было отмечено, что в начале 1997 г. в ряде образовательных учреждений в некоторых районах республики под предлогом экономии средств были попытки свернуть преподавание национально-регионального компонента. Несколько школ, работавших по единой системе изучения коми языка как родного, перешли на программу изучения коми языка по трехчасовой системе (как государственного): средняя школа с. Пажга Сыктывдинского района, средняя школа № 3 г. Сыктывкара, средняя школа с. Усть-Ухта Сосногорского района. Сократился прием абитуриентов на национальные отделения педагогических училищ № 1 и № 2 (с 60 до 30 чел.). В соответствии с решением V Съезда коми народа Государственным Советом Республики Коми 11 февраля 1998 г. была внесена поправка в Закон Республики Коми «Об образовании» – о поэтапном введении в течение семи лет обязательного изучения коми языка во всех общеобразовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию.

В результате принятых мер наметились другие позитивные тен-

денции. В 1999/2000 учебном году на национальные отделения Сыктывкарского педагогического колледжа № 1 были зачислены уже 60 абитуриентов, Сыктывкарского педагогического колледжа № 2 – 33. Увеличился прием студентов в пединституте по специальности «Филология: коми язык и литература в основной школе» (1998 г. – 22, 1999 г. – 24 чел.). Также на основе решений V Съезда коми народа разработана и утверждена Указом Главы Республики Коми от 3 июля 1998 г. «Концепция развития финно-угорского факультета Сыктывкарского государственного университета», основное направление в развитии которого должна была занять подготовка специалистов по национальной филологии, коми языку и литературе для науки и образования. В то же время оказался неудачным опыт работы отделения регионоведения финно-угорского факультета из-за отсутствия целостной концепции по данной специальности.

При Коми республиканском институте развития образования и переподготовки кадров в 1998 г. был создан Центр по разработке учебно-методических комплектов по преподаванию национально-регионального компонента. С 1997 г. стал издаваться научно-методический журнал «Чужан кыв» (Родное слово), который обеспечивал воспитателей и учителей новой информацией в области содержания и методики преподавания по предметам регионального компонента. В целом за период 1991-1999 гг. издано 118 наименований учебно-методической литературы (вновь изданной и переизданной), в том числе 31 учебник, Историко-культурный атлас Республики Коми, энциклопедические словари «Коми язык» и «Мифология коми». Полностью разработан учебно-методический комплект (1-11 классы) для изучения коми языка как родного и литературы (по единой программе). По программе изучения коми языка как государственного учебниками, учебными пособиями, программами и методическими рекомендациями обеспечены дошкольные образовательные учреждения и учащиеся 1-3 классов. Подготовлены к изданию учебники для 4-6 классов. За высокий учебно-методический уровень новых учебных изданий авторские коллективы учебника для 6-7 классов «Коми язык» и энциклопедического словаря «Коми язык» были удостоены Государственной премии Республики Коми за 1998 г.

К концу 1990-х гг. были разработаны проекты национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов по изучению коми языка как родного и как государственного (неродного) для дошкольных образовательных учреждений и общеобразовательных школ. Обсуждению данной проблемы была посвящена республиканская научно-практическая конференция «Проблемы преподавания дисциплин национально-регионального компонента в об-

разовательных учреждениях Республики Коми» (г.Ухта, ноябрь 1999 г.). В 1999 г. Министерством образования и высшей школы Республики Коми был издан приказ «Об утверждении Примерного учебного плана средних общеобразовательных учреждений Республики Коми с русским (родным) языком обучения и примерного учебного плана средних общеобразовательных учреждений Республики Коми с русским (неродным) языком обучения», согласно которому в инвариативную часть Примерного учебного плана с русским (родным) языком обучения включен предмет «Коми язык как государственный язык Республики Коми» (1-9 классы – три часа в неделю, 1 класс (1-4) – два раза в неделю).

Значительным достижением в системе коми национального образования стало создание в республике ряда учебных заведений специализирующихся на углубленном изучении коми языка, истории, культуры, традиций коми народа. Так, в 1991 г. на базе республиканской гимназии искусств создана Гимназия искусств при Главе Республики Коми (интернатского типа). Последняя имеет особое значение в области подготовки национальных кадров для сферы коми профессиональной культуры и искусства. На базе гимназии обучаются преимущественно учащиеся из сельских районов республики, получающие как общее среднее, так и начальное специальное (музыкальное, художественное, хореографическое) образование на коми и русском языках. Выпускники гимназии получают возможность дальнейшего продолжения обучения в средних специальных и высших учебных заведениях.

С целью популяризации и привития интереса к изучению родного языка и культуры среди учащихся ежегодно практикуется проведение республиканских олимпиад в образовательных учреждениях и учреждениях начального профессионального образования по предметам регионального компонента, в том числе по коми языку, литературе, фольклору коми народа, историческому краеведению. Так, в 1997 г. в олимпиаде приняли участие 21 школьная команда и шесть команд профтехучилищ, в 1998 г. соответственно 20 и 10, в 1999 г. – 20 и 9. Получило развитие проведение республиканских научно-практических конференций для учащихся. В 1998 г. прошли конференции «В. Савин и современность», «Питирим Сорокин – человек, писатель, политик». В целях приобщения детей к национальной культуре в 1990-е гг. были открыты этнопедагогические центры в селах Пажга Сыктывдинского района, Сторожевск Корткеросского района, Читаево, Ношуль и Слудка Прилузского района, пос.Щугром Сысольского района.

В итоге на начало 1999/2000 уч. года в республике насчитыва-

лось 555 общеобразовательных школ, из которых коми язык и литература как предмет по единой программе изучался в 171 школе с охватом 16928 учащихся (в 1998/99 уч. году – 168 школ с охватом 17157 учащихся). Уменьшение числа учащихся, изучающих коми язык по единой системе, произошло по причине снижения приема в первый класс и в связи с изменением места жительства родителей. Число русскоязычных учащихся, изучающий коми язык как государственный, с каждым годом стабильно увеличивается и в 1999/2000 уч. году составило 21224 учащихся в 168 школах (в 1998/99 уч. году – 102 школы с охватом 16072 учащихся). Всего по республике коми язык изучался в 365 школах с охватом 40967 учащихся, что составило 23,5% (в 1998/99 уч. году 342 школы с охватом 36269 учащихся, или 20,2% от общего их числа, в 1990 г. – 10,5%).

Ежегодно увеличивалось количество учащихся, изучавших курс «История, культура, искусство, география Коми края». В 1999/2000 уч. Году оно составило 39832 учащихся (в 1998/99 уч. году 38245). Таким образом, число учащихся, изучающих коми язык, за десять лет (с 1990 по 1999 г.) увеличилось на 13%. Однако с 1997 г. обозначилась тенденция уменьшения количества учащихся, изучающих коми язык по единой программе (как родной). Полностью во всех школах введено изучение коми языка только в Ижемском районе. Из-за отсутствия кадров не велось обучение коми языку в школах Усть-Цилемского района.

Таким образом, в процессе воссоздания и развития коми национальной школы можно выделить следующие особенности. За период с конца 1980-х – 1990-е гг. проделана значительная работа по включению (возвращению) в систему образования республики коми языка, а также истории, культуры, искусства, природы и географии Коми края и коми народа. Если исходить из положений Концепции коми национальной школы, то следует отметить, что в республике были сделаны, хотя и важные, но только первые шаги по ее реализации. Деятельность общеобразовательных учебных заведений успешно осуществлялась в основном в сфере изучения коми языка как предмета (по единой программе – как родного и по программе – как государственного), а также на факультативной основе.

Необходимо также отметить, что значительное внимание министерством образования и высшей школы республики в эти годы уделялось работе по созданию системы национального образования для представителей других народов, проживающих в республике. В рамках реализации программы по выполнению Закона Республики Коми «О государственных языках Республики Коми» (часть вторая) – «Сохранение и развитие русского языка» проводилась работа в на-

правлении развития в общеобразовательных учебных заведениях коми-русского двуязычия, определения взаимосвязи преподавания коми и русского языков и литературы. Были приняты меры по становлению «Русской этнокультурной школы». Так, в 20 общеобразовательных школах республики 1364 учащихся изучали учебные дисциплины русского национального цикла: древний язык и литература, развитие русской философской мысли, особенности духовной культуры, народного искусства русского этноса. На базе средней школы № 2 г. Сыктывкара открыта Русская гимназия. В 1999/2000 уч. году 455 детей других национальностей (немцев, татар, украинцев, башкир, чувашей, ненцев) изучали родной язык, культуру и историю родного народа в 13 школах шести городов и районов республики. В г. Сыктывкаре на базе школы № 21 была открыта гимназия с углубленным изучением немецкого языка и культуры немецкого народа. В г. Усинске организовано изучение татарского языка. В городах Сыктывкаре, Усинске, Сысольском, Княжпогостском, Вуктыльском районах организовано изучение украинского языка. В средней школе № 21 г. Воркуты родной язык изучали дети ненцев-оленьеводов.

Л.Я. Канева
(г. Сыктывкар)

Современная жизнь ижемских оленеводов

Менам милый көр видзёдо
Паськыд тундра вылын.
Сылён тобок мольыд гона
Көр кысыс вурёма.

(Чупрова Н.Н.)

На Севере разведением северных оленей люди занимаются давно. Они выработали свою специфику своеобразной полярной культуры: изобрели и изготовили охотничьи и рыболовные орудия, создали свойственный этой зоне вид северного животноводства – оленеводство и разработали приемы его ведения. Одежда и домашняя утварь приспособлены к суровым природно-климатическим условиям и кочевому образу жизни.

С первых лет Советской власти началась планомерная работа по развитию экономики народностей северных районов. В результате

улучшения материальных условий жизни оленеводов, а также проведения ветеринарных, зоотехнических и организационных мероприятий оленеводство начало быстро развиваться. Были созданы крупные оленеводческие совхозы и колхозы, где внедрялись прогрессивные методы содержания и использования оленей. Северное оленеводство развивается на основе оптимального сочетания с другими отраслями сельского и промыслового хозяйства Крайнего Севера.¹

Реконструкция северного оленеводства на научной основе началась еще в годы гражданской войны, когда для изучения хозяйства Севера был организован ряд экспедиций.

В 1926 г. в селе Ловозеро Мурманской области была открыта Оленеводческая ветеринарно-зоотехническая опытная станция, а в 1927 г. такие станции стали действовать в городе Нарьян-Маре и в бывшем городе Обдорске (ныне Салехард). В последующем сеть оленеводческих опытных станций и опорных пунктов быстро росла и в начале тридцатых годов уже охватила главнейшие оленеводческие районы от Кольского полуострова до Камчатки и Чукотки. Всей научно-исследовательской работой с 1931 г. руководил Институт оленеводства (ныне Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера).²

В эти же годы на севере были созданы крупные сельскохозяйственные социалистические предприятия. В них оленеводство стало вестись на научной основе с использованием прогрессивных методов разведения, кормления и ветеринарного обслуживания. Оленеводство, оставаясь пастбищным, кочевым видом животноводства, все больше приобретало черты интенсивной отрасли сельскохозяйственного производства. В результате возросли продуктивность оленеводства, его техническая оснащенность и экономическая эффективность.

Большой вклад в дело социалистической реконструкции северного оленеводства внесли известные ученые: В.Н. Андреев, М.П. Виноградов, П.Н. Востряков, и многие другие. Исследования советских ученых и опыт передовиков производства позволили разработать стройную систему ведения северного оленеводства, которая внедрена повсеместно и продолжает совершенствоваться.³

Оленеводство – основная традиционно-хозяйственная отрасль ижемских коми – *изьватас*. Изьватас приступили к занятиям оленеводством не ранее середины 17 века. Проживая в контактной зоне с исконными оленеводами-ненцами, ижемцы быстро сумели оценить перспективы и выгоду развития у себя этой специфической отрасли животноводства.⁴

Зимой в 2002 году была проведена работа в тундре, совместно с английским исследователем Марком Двайером в районе Северной

р. Каратаихи, с проживанием в чуме. Современный быт оленевода несущественно отличается от традиционных форм быта, которые сложились у ижемских коми в конце XIX – нач. XX вв. Оленеводы, как и прежде, живут в чуме – *чом*. Можно сказать, что чум – это основа социального пространства коми – оленевода, основной тип жилища. При этом чум, как и все другие элементы традиционной материальной культуры, имеет и сугубо утилитарное, и символическое значение. В чуме живут по 3-4 семьи (12–14 человек). Чум быстро устанавливается и так же быстро разбирается, что диктуется самой природой среды, климатическими условиями проживания оленеводческих хозяйств.

В повседневной жизни ижемского оленевода мало, что изменилось по сравнению с предыдущими эпохами. И сегодня оленевод живет, руководствуясь вековыми традициями дедов и прадедов.

В оленеводческом хозяйстве главную роль играют мужчины – оленеводы, но немаловажная роль принадлежит и женщине – чумработнице. Однако современные девушки с неохотой идут работать чумработницами. Во-первых, это очень тяжелая работа, во-вторых, чум все еще живет по старинке: нет электричества, нет никаких удобств, все приходится делать вручную. Современная цивилизация не коснулась быта оленевода – как жили в XIX веке, так и живут в начале XXI века, о приемниках и телевизорах только мечтают приходиться. Молодежь и старшее поколение хотят знать о событиях дня о том, что происходит в мире, но условия жизни в чуме не позволяют быть в курсе текущих событий.

Не так давно на стойбищах были «красные чумы», доставлялись вертолетом кинофильмы, газеты и журналы. От чума к чуму, от одной бригады в другую ездил фельдшер, справлялся о здоровье оленеводов и их детей, принимал роды. А сейчас красных чумов нет, вертолетами пресса и кинофильмы не доставляются. Чумработницы сами заботятся о здоровье своих детей, а так же самостоятельно принимают роды.

Разбор, установка чума и утварь – закреплены за чумработницей. В разобранном виде чум транспортируют на нартах в конце (*аргыша*). Аргыш – это 5-6 нарт, которые едут друг за другом, запряженные каждый двумя оленями по бокам нарт.

Верхняя одежда оленеводов по сравнению с началом прошлого столетия по существу не изменилась – это совик *ной парка*, малица, пимы, рабочие пимы – *тобоки*, липты – *липича*, завязки к ним – *вцнь*. Женщины чумработницы сегодня не носят традиционных ижемских сарафанов, передников и узорных платков – *баба юр*. На голове у современных чумработниц обыкновенный небольшой пуховый

или шерстяной платок. Обычно, они надевают шерстяные кофты, жилеты из овчины, спортивные брюки. На ногах – кожаные или войлочные сапоги. Дети в чуме одеты в свитера, шерстяные брюки, на ноги им надевают пимы, липты или войлочные сапожки.

Рацион питания коми-ижемских оленеводов и их семьи за последние десятилетия изменился не очень существенно. Пищу готовят чумработницы на большой железной печке, труба стоит высоко и выводится наружу, через верхнее отверстие – (*макота рузь*) чума. Основное питание оленеводов остаются мясо и рыба. Мясо обычно готовят на первое в большой кастрюле, куда кроме соли ничего не добавляют. По праздникам из мяса готовят теперь котлеты, жаркое. На второе блюдо готовят рыбу, которую подают на стол в свежем, свежее-просоленном, соленом и вареном виде. Ко второму блюду готовят еще картофель, различные каши, вермишель, макароны. Их варят в сковороде на воде, а затем добавляют сливочное масло. Последние блюда пришли в рацион питания позже и дополняют традиционную модель питания. На третьем, в семье оленеводов подают кисель или чай с сухарями.

При этом надо подчеркнуть, что организация быта – это исключительная забота женщин. Женщины ставят чум, топят печь и поддерживают тепло, готовят пищу, воспитывают до определенного возраста детей. Дети с раннего возраста помогают по хозяйству. Девочки помогают матери, а мальчики сразу же начинают приобретать навыки ухода за животными. Нагрузка на ребенка велика и потому в настоящее время молодые люди все реже идут работать оленеводами, поскольку сама организация быта и весь производственный процесс в оленеводстве крайне трудоемки и мало модернизированы, хотя некоторые новации могли бы сделать повседневный быт оленеводческой семьи более комфортным и менее трудоемким. Но сегодня быт оленевода и методы введения хозяйства оказались, как бы законсервированы.⁵

Рабочий день оленевода начинается в 6 часов утра. Во время (*караля*) оленеводы встают еще раньше в 4-5 часов. Карал проходит в конце октября начале ноября. Карал – место, где сортируют (*юканы*) оленья стада. У каждой бригады карал длится целую неделю. За неделю бригада должна распределить своих оленей, заблудших оленей, которые забрели с другой бригады, их в конце недели карала передают той бригаде, которой они принадлежат. Во второй загон – на забой, и в третий загон – на основное стадо.

Чуть раньше оленеводов, встают чумработницы, самое первое, что они делают – зажигают керосиновые лампы. Затем растапливают железную печь, возле которой лежат сухие, мелко наколотые дрова,

с вечера, заготовленные мужчинами. Печь быстро растапливается, и в чуме становится тепло.

Когда встают остальные, женщины быстро и аккуратно убирают постели, сложив их по краю чума. Сначала скручивают переднюю часть балагана, завязывают специальными веревочками. Боковая часть балагана убирается за жерди, сшит балаган из ситца. Затем убирают саму постель, вниз кладут шкуры сложенные вдвое, поверх шкур укладывают постели. Наверх кладут одеяла из овчины, все это покрывают куском ситца, а сверху кладут подушки.

Утром все умываются из медного умывальника, чистят зубы. Умывальник висит на цепи, цепь прикреплена к деревянной специальной перекладине, которая двумя концами лежит на двух параллельно висящих железных трубах (*чукча*).

До завтрака старший оленевод – бригадир, распределяет обязанности между членами бригады на целый день. В это время чумработницы готовят завтрак, подогрев вчерашнее мясо, сварив на гарнир к мясу картошку, вермишель или рожки, кипятят чай. Быстро позавтракав, все выходят на улицу. «*Быкыс воис, колб ерасьны – Бык пришел, нужио загонять*» – слышится чей-то призыв. Один из оленеводов приводит стадо быков, которое пасется недалеко от чума. Оленеводы загоняют оленей длинными жердями (*хореем*) в специальное место (*карзак*), огороженное нартами и сеткой. Загонять быков помогают и женщины – чумработницы. После загона оленей держат за веревку, чтоб быки не вышли из карзака. В это время мужчины – оленеводы подбирают оленей для транспортировки нарт, выводят их на специальной веревке (*домасян*), остальных быков отпускают (*лодзоны*). Выбранных оленей запрягают (*дадьялоны*), после чего заходят в чум на второй завтрак.

После второго завтрака, так называемый бык пастух или «джурный» оленевод на оленей упряжке со своей собакой едет впереди, ведет (*нуодб*) стадо оленей на новое место. Ему помогает и подгоняет стадо второй оленевод на оленей упряжке и тоже с собакой, которая подгоняет оленей к стаду, чтоб они не отставали и не разбегались.

Возле чума находится около 15-16 собак, в тундре собака охраняет чум, стадо и помогает оленеводу. Каждая собака знает своего хозяина, свое место и имеет свое имя. Еще два оленевода едут в дальнее стадо, это основное стадо бригады, которое находится в 10–12 км от чума. В основном стаде, пасутся олени разного возраста – *хора*, *важенка*, *теля* (хора – самцы производителя, важенка – самка, теля – оленята) и несколько быков. В дальнее стадо оленеводы едут каждый день, если нет сильной пурги. Оленеводы наблюдают все ли в

порядке, здоровы ли олени, не тревожат ли их волки, браконьеры, есть ли корм на дальнем участке.

Те оленеводы, которые остались в чуме, все едут за дровами. Без дров в тундре не обойтись, особенно зимой. Когда оленеводы кочуют до Карского моря и обратно, печку топят кустарником – ивняком (*роскон*). Подъезжая чуть ближе к лесотундре, оленеводы едут за дровами от чума за 10–15 км. Привозят дрова на больших грузовых нартах (*лата дадь*), которые привязывают к ездовым нартам. Всегда стараются привезти сухие дрова, пилят их бензопилой или ручной пилой, ветки подрубают топором.

В чуме остались одни женщины и дети. Убравшись в чуме, чумработницы начинают готовить ужин, к приезду своих мужей. Подложив в печку дров, ставят на плиту большую кастрюлю с мясом, кроме мяса, воды и соли в кастрюлю ничего не добавляют. Пока мясо варится, чумработницы заносят снег во флягах и ставят на плиту. Вся пища готовится из снеговой воды. Затем готовят вторые блюда, это рыба, различные каши, которые варятся в сковородке на воде. На третье обычно кипятят чай, иногда чай пьют со сгущенным молоком, варят кисель.

Зимний день короткий и хочется все успеть сделать при дневном свете, не только на улице, но и в чуме. Когда наступают сумерки, каждая чумработница зажигает керосиновую лампу со стеклом, заранее приготовленную при дневном свете. За лампой нужен каждодневный уход – наливать керосин, подравнивать ножницами фитиль, чистить стекло бумагой или газетой. В чуме горят три керосиновые лампы и небольшой фонарь.

Закончив свои дела в чуме и на улице, чумработницы не располагают временем на отдых. При керосиновых лампах продолжают заниматься своими непосредственными делами. Одна чумработница заносит с улицы со своих саней (*сябыча дадь*) большую сумку, где находятся еще недошитые пимы. Вторая ремонтирует свою малицу. Третья уложив своих детей спать, начинает штопать детские пимы. Четвертая – занялась выделкой шкур (*камыса*). Сначала камыс снимают с оленьих ног, в сыром виде сшивают четыре камыса. В верхнее отверстие сшитых шкур вставляют поперек палку, длиной около 40 см., а в нижнее отверстие – около 20 см. В таком виде шкура сохнет несколько дней. Когда высохнет, ее снимают с жердей и начинают выделку. Привязывают деревянное приспособление, которое состоит из двух разведенных к низу палок, одна палка длиной около 1 м., другая покороче, около – 30 см. Между ними в верхней части вставлен железный клин 13–14 см, снизу длинной палки, прикрепленной кожаная веревка (из оленьей кожи) – петелька, куда ставится

нога, называется это приспособление (*крук*). Крук привязывают к палке в виде сабли, заточенной с одной и с другой стороны. Эту (*саблю*) острием закрепляют за одну жердь чума, ее рукоять за другую жердь, а еще за одну жердь, поверх сабли привязывают кожаную веревку – длиной около 0,5 м. На конце этой веревки в петельке закрепляют крук. Женщина ставит ногу в нижнюю петельку крука, а левой рукой держится за короткую палку. Движением правой ноги вверх и вниз, правой рукой размягчает шкуру. Затем выделка продолжается на косе (*горбуше*), и уже потом палкой с железным клином посередине (*кичиль корт*) на доске. Доску длиной 60–70 см. и шириной 25 см. ставят на пол, между половыми досками (*латами*). На доску кладут шкуру, придерживая один конец шкуры коленями, двумя руками держат кичиль крст и счищают мездру, доводят до готовности шкуру. Выделка камыса готова, можно начинать шить пимы.

Ближе к вечеру залаяли собаки охранявшие чум, женщины выходят и встречают возвращение оленеводов. Приехали оленеводы из дальнего стада, очень уставшие. Чумработницы для приехавших оленеводов разогревают приготовленный ранее ужин. Стол, на который накрывают ужин, небольшой – в длину около 1 м., высотой 25–30 см. и шириной около 60 см. Женщины за столом сидят на своих сундуках (*куд*), а мужчины на железной банке с деревянной крышкой.

Уехавшие утром за дровами оленеводы, еще не вернулись, их жены терпеливо ждут, занимаясь своими делами.

Лай собак дает сигнал, что оленеводы, которые уехали за дровами, возвращаются. Приезжают оленеводы, примерно к 17 часам, уставшие и замерзшие.

Трудовой день закончен, он на самом деле был трудным, особенно в морозные дни и когда пурга. Но выносливость и великое трудолюбие оленеводов-ижемцев, всегда побеждает любую погоду и мороз.

Можно отдохнуть, поиграть в карты, почитать книгу. Кто-то ремонтирует оленью упряжку на завтрашний трудовой день. За вечерним чаем слушают рацию, которая соединяет пять бригад, и выходит в эфир 4–5 раз в день. По рации узнают, какая погода их ждет на завтра, чем занимаются в других бригадах.

Печка топится с раннего утра и целый день до вечера в чуме тепло, ночью печку не топят. Когда на улице -40 градусов, то в чуме прохладно. Во время метели, которая длится порой до 5 дней, через верхнее отверстие чума (*макота рузь*) ветер заметает снегом половые доски (*латы*) и выход из чума.

Спать в чуме ложатся около 21 часа, чтоб отдохнуть, набраться сил на предстоящий трудовой рабочий день.⁶

Это краткое описание показывает, что быт коми-ижемских оленеводов и ныне организован по традиционному образцу, что свидетельствует о его устойчивом характере и близости к так называемому культурно-хозяйственному оптимуму для данной территории и данных природно-климатических условий.

Литература и источники

1. Северное оленеводство // Э.К. Бороздин и др., 1990.
2. Указ. соч. – С. 3.
3. Указ. соч. – С. 4.
4. Путеводитель по ижемскому краю. – С. 10.
5. Канева Л.Я. ж. «Войвыв кодзув», № 10, 2003.
6. Экспедиция, Интинский р-н, 2002.

Т.Г. Попова
(с. Ижма)

Сохранение традиционной материальной культуры локального сельского сообщества коми-ижемцев в Республике Коми (по материалам традиционного костюма)

Интерес к самобытным культурам в современном обществе растет. Это влечет позиционирование этнических культур, поиск ими путей самосохранения и развития в условиях сосуществования с другими культурами.

Этнокультура – результат творческой жизни народа. Этнокультурные взаимоотношения и взаимосвязи являются весьма важными в его жизнедеятельности.

В историческом формировании этнографических групп народа коми культурное взаимовлияние является одним из главных условий. Этническая общность коми, которая проживала на исторической территории, испытала на себе воздействие со стороны культур других народов и обусловила возникновение различных этнографических групп народа коми.

Северные коми сформировались, по мнению ряда ученых (Лащук Л.П., Жеребцов Л.Н.), в XVII–XVIII веках. Взаимовлияние русской и ненецкой культур, нашлаивалась на исконные местные традиции коми, создало особый этнографический колорит. Северные коми (ижемцы, изьватас) отличаются своеобразием духовной и материальной культу-

ры. У ижемцев свой диалект коми языка, особая архитектура, своеобразный фольклор, национальный костюм и все те отличительные особенности, связанные с традиционным природопользованием.

Историческое желание каждого народа – сохранение своей культуры. Сохранение национальной самобытности – это главное условие дальнейшего его развития. Частью материальной культуры любого этнического сообщества является пародный (национальный) костюм. Тесно связанный с духовной культурой своего народа, костюм содержит уникальную информацию, заложенную предками при ее создании. Чем больше отделяет нас время от минувших дней, когда были сложены традиционные костюмные комплексы, тем все более остро встает проблема сохранения народного (национального) костюма. Остроту звучанию придает современная мода, которая развивается в условиях универсальности и рассматривают костюм уже с других позиций – экономическая выгода производителя, индивидуальность потребителя через разнообразие стилей и условия развития современной индустрии моды.

Проблемы сохранения самобытной культуры северных коми (родного языка, народного костюма, традиционного природопользования, специфики жизнедеятельности ижемцев) неоднократно поднимались членами Межрегионального общественного движения «Изьватас» (МОД «Изьватас») и работниками культуры. Они обсуждались на районных, республиканских, межрегиональных и всероссийских конференциях. В 2008 году В.Ануфриева, председатель МОД «Изьватас», в 2009 г. В.Семяшкина, член Президиума МОД «Изьватас», выступали с докладами о традиционной культуре северных коми на V и VI Съездах Ассоциации коренных малочисленных народов в г.Москве. Отдельные вопросы сохранения материального наследия ижемцев поднимались на ежегодной республиканской конференции «Коми войтыр». Трибуной для обсуждения проблемы сохранения аутентичности ижемцев стала межрегиональная конференция «Ижемские чтения». В 2009 году ее тема было обозначена как «Сохранение традиционной культуры коренных этносов Севера». В конференции приняли участие представители не только из районов Республики Коми, но и из ЯНАО, Мурманской, Архангельской и Тюменской областей. С целью активизации интереса к изучению родного края в молодежной среде районным историко-краеведческим музеем проводятся ежегодные школьные краеведческие конференции. На сохранение национальной культуры изьватас направлены муниципальные программы «Сохранение и развитие культуры в Ижемском районе», «Реализация мероприятий по национальной политике в Ижемском районе», «Молодежь Ижмы».

Одним из способов решения проблемы сохранения традиционного народного костюма является проведение мероприятий на родном языке. Народные праздники и гуляния, фестивали и конкурсы по традиционной культуре гармонично соединяют духовное и материальное наследие. В Ижемском районе проводятся: праздники охотника, фестиваль фольклорных коллективов «мед шонді мез югъялан сырья!», конкурс «Мича ижемка» и другие. Но визитной карточкой района по праву стал народный праздник «Луд». В 2004 году «Луд» был реконструирован работниками культуры и стал проводиться ежегодно. В 2006 году ему присвоен статус республиканского праздника. Проходка коллективов художественной самодеятельности «Ижемские вёрота», которой открывается праздник, демонстрация знаний народной культуры на импровизированном конкурсе «Мича ижемка», соревнования по национальным видам спорта – все это является пропагандой лучших традиций изьватас. География участников «Луда» с каждым годом расширяется. На праздник приезжают коми-ижемцы из мест компактного проживания. Пополняются ряды участников праздника, которые самостоятельно шьют в традициях национальный костюм из современных тканей. Услуги по пошиву традиционного костюма оказывают отдельные мастерицы и мастерские. В мастерской по пошиву изделий из кожи и меха колхоза К^п «Ижемский оленевод», в селе Сизябск, налажен процесс изготовления обуви и сувениров из традиционного сырья. Работники обрабатывают сырье для пошива традиционной зимней обуви из оленьих камусов (пимы), используя старинные способы. Закройщицы пользуются традиционными конструкциями при пошиве обуви. Пимы – национальная обувь ижемцев. Они являются частью зимнего костюма жителей и приносят национальный колорит в современную одежду коми. Будучи историческим наследием северных коми, традиционная обувь прошла проверку временем и используются населением повсеместно в наши дни. Элементом новшества является лишь декор шим. Наряду с традиционным декорированием из полос цветным сукном и мехом применяется вышивание бисером. В работе над новыми декоративными элементами помогают знание и владение традиционными способами декорирования. Каждая мастерица-ижемка является носителем традиционной культуры своего народа. Она от рождения наделена способностью понимать язык своих предков. Об этом свидетельствует такой факт, как участие ижемских девушек в конкурсе «Мича ижемка». Данный конкурс – отборочный тур среди представительниц района для участия в республиканском конкурсе красоты «Райда».

Одним из его этапов является создание участницам современного

костюма фольклорного стиля. Являясь коренными представителями своего этноса, каждая участница удивляет жюри индивидуальным подходом к проектированию своего нового образа, наполненного национальным колоритом. В элементах одежды прослеживается рациональная конструкция, согласованная с декором, гармония цвета, единство утилитарности и красоты, функциональности и целесообразности. Особое место в популяризации принадлежит аксессуарам, которые демонстрируют элементы трансформации традиционных приемов декорирования.

Проведение подобных конкурсов наглядно демонстрирует их актуальность, интерес к традициям, передающихся народом из поколения в поколение. Притягательная сила эстетического воздействия народного искусства, его декоративность, мажор и оптимизм передаются зрителю любого времени вне зависимости от общепринятого общественного вкуса.

Таким образом, принципом сохранения традиционной культуры коми-ижемцев в части национального костюма является соблюдение ряда условий:

- функционирование сети учреждений культуры;
 - наличие мастерских (студий, школ) по изготовлению народного костюма;
 - проведение культурных мероприятий на родном языке;
- Наличие мастеров, способных передать и обучить реконструкции костюма;

– государственная поддержка национальной культуры через целевые федеральные, региональные и муниципальные программы.

Весь комплекс этих мер направлен на изучение и сохранение традиционной материальной культуры локального сельского сообщества коми-ижемцев в Республике Коми. Знание традиций народного (национального) костюма, как неотъемлемой части материальной культуры коми-ижемцев необходимо молодому поколению для переосмысления и трансформации в современный костюм. По мнению писателя В.Белова: «Шагнуть вперед можно лишь тогда, когда нога отталкивается от чего-то, движение от ничего или из ничего невозможно».

Особенности миграционных процессов в Усть-Цилемском районе в постсоветский период (1990–2000 гг.)

В 1990-е гг. практически со всего Российского Севера начался массовый отток населения. Отрицательное отношение к миграции сквозит и во многих официальных документах, где в основном представлены связанные с ней трудности и проблем.¹ И действительно, чрезмерно высокий уровень миграции ставит серьёзные задачи перед муниципальными и государственными органами управления. По данным Госкомстата Республики Коми, за пятнадцать лет (1986–2000 гг.) миграционный оборот превысил 1,6 млн. человек, или условно в территориальных перемещениях приняло участие населения больше, чем жителей в республике.²

Естественно, подобные характеристики миграции не отвечают требованиям настоящего времени. Высокий миграционный оборот деструктивно влияет на демографический и трудовой потенциал, этнический состав населения. К тому же отрицательное сальдо миграции количественно дополняет естественные потери населения, ускоряя сокращение его общей численности.

Первый отрицательный результат: в 1990-е гг. резко сократился общий объем миграции. Только за 1991–1995 гг. он уменьшился по сравнению с 1986–1990 гг. почти на 295 тыс. человек, или на 37%; за 1996–2000 гг. объем миграции снизился на 181 тыс. человек по отношению к 1991–1995 гг. Наряду со снижением миграционного оборота, идет уменьшение и отрицательного сальдо миграции (табл. 1).³

Рассматривая объем миграции, следует обратить внимание на то, что его величину в последние годы стало определять выбытие. С 1991 г. по 2000 г. число выбывших превысило число прибывших на 117 тыс. человек.

Таблица 1

**Объем, интенсивность и сальдо общей миграции населения
Республики Коми в 1986–2000 гг.**

Годы	Объем миграции, тыс. человек			Сальдо миграции, тыс. человек	Интенсивность миграции на 1000 населения		
	при- было	вы- было	миг- рацион- ный оборот		при- бы- тия	вы- бы- тия	мигра- цион- ного оборо- та
1986–1990	403,6	395,0	798,6	8,6	322	315	637
1991–1995	217,5	286,2	503,7	-68,7	176	232	408
1996–2000	137,2	185,8	323,0	-48,6	119	161	280

Сокращение объема миграции произошло главным образом за счет внешней миграции: прибытия из-за пределов республики и выезда за ее границы. Объем внешней миграции сократился за 1991–1995 гг. на 181 тыс., тогда как внутренней – на 114 тыс. человек, в 1996–2000 гг. – соответственно на 133 и 47 тыс. человек. Внешняя миграция всегда играла и продолжает играть ведущую роль в общем объеме переселений, поскольку формирование кадров продолжительный период проходило в результате межрегионального перераспределения трудовых ресурсов. Тем не менее миграционные потоки по своей направленности повысили долю переселений внутри республики: с 38% в 1986–1990 гг. до 44% в 1996–2000 гг.

Рубеж 1980–1990-х гг. для большинства регионов России был переломным в сельско-городской миграции. Намечившаяся в 1980-е гг. тенденция сокращения оттока сельского населения в города во многом обусловлена сокращением демографической базы в селе ввиду огромных миграционных потерь сельского населения в предшествующие десятилетия, а также резким ухудшением общей экономической ситуации.⁴ В число территорий, которых не коснулась эта общероссийская тенденция, входит наряду с Дальним Востоком и Республика Коми, где в 90-е годы продолжались потери сельского

населения. В 1990-е гг. отток населения из села немного уступал его величине в 1960-е гг. (в среднем за год соответственно 2,0 и 2,8 тыс. человек). В результате практически все сельские районы республики стали нуждаться в заселении и социально-экономическом возрождении. Повсеместное разрушение демографической базы в сельской местности вследствие миграции настолько велико, что для нормализации естественного воспроизводства даже при положительном миграционном приросте потребуются многие годы (табл. 2).⁵

Снижение интенсивности миграционного оттока из села в 1992–1993 гг. вызвано проведением социально-экономических реформ в аграрном секторе (аренда, фермерство, земельная реформа, приватизационные процессы и т.д.). Сдерживали отток жителей села и кризисные явления в экономике, безработица горожан, неразвитость рынка жилья и его высокая стоимость, напряженность с продовольственным обеспечением и т.д.⁶

В 1994 г. факторы, сдерживающие отток населения, перестали оказывать свое воздействие, в результате миграция из села в город возросла по отношению к 1991 г. в 1,5 раза, в 1995–1996 гг. – снижение оттока, в 1997 г. – его рост, в последующие годы вновь снижение.

Объяснить это можно, с одной стороны, разочарованием многих жителей села и горожан в фермерском движении, а с другой – сохранением притягательной силы городских поселений для селян: более развита социальная инфраструктура, шире возможности для профессионального обучения и трудоустройства, а также для первоначальных накоплений, необходимых для организации собственного дела (вложение в землю или другие формы собственности). Поэтому сельско-городская миграция по-прежнему будет оказывать существенное влияние на демографические процессы в сельской местности республики, образ жизни жителей села и, естественно, их общую численность.

Таблица 2

**Сальдо миграции сельского населения
Республики Коми в 1992–2000 гг., человек**

Районы	Годы							
	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999	2000
Всего	-733	-2129	-3236	-2474	-1994	-3106	-1435	-643
Ижемский	15	14	-69	-91	-89	-84	-18	-42
Княжпогостский	-125	-221	-237	-139	-178	-442	-366	-229
Койгородский	20	-107	-208	-152	-290	-414	-243	-143
Корткеросский	195	62	-208	-15	-52	-54	87	165
Прилузский	511	27	-97	-213	-70	-137	-56	35
Сыктывдинский	-184	28	-72	-47	0	295	162	108
Сысольский	46	-47	36	-35	-14	52	183	151
Троицко-Печорский	-19	-240	-559	-460	-322	-368	-363	-164
Удорский	-154	-366	-356	160	67	-268	16	208
Усть-Вымский	-152	-235	-106	-170	-67	-130	56	12
Усть-Куломский	-50	-187	-307	-294	-9	-151	82	9
Усть-Цилемский	107	29	-23	1	-73	-70	-	-19

Анализируя сельско-городскую миграцию, необходимо отметить, что миграция жителей села – это, прежде всего, внутриреспубликанская проблема, которая имеет особую актуальность, поскольку более половины жителей села составляет население по национальности коми (55,7%, 1994 г.). Основная часть сельских мигрантов перемещается в пределах самой республики. Доля внутренней миграции в общем объеме перемещений сельского населения возросла с 45,3% в 1986–1990 гг. до 66,2% в 1996–2000 гг. Жители села отдают явное предпочтение своей республике.⁷ В то же время следует отметить, что в разных муниципальных образованиях имеются свои особенности.

Краткая характеристика особенностей миграционных процессов в Усть-Цилемском районе в 1990–2000-е гг.

1. В 1990-е годы миграционная подвижность в Усть-Цилемском районе была ниже среднереспубликанской и ниже миграционной подвижности в большинстве сельских районов республики.

Таблица 3

**Коэффициенты миграционного прироста населения
некоторых городов и районов Республики Коми
(на 1000 человек населения)**

Города и районы	1990–1994	1995–1997
Республика Коми	-9,6	-8,8
- город	-10,5	-9,0
- село	-6,6	-8,4
Сыктывкар	7,1	5,1
Воркута	-26,8	-30,0
Ухта	-8,2	-11,6
Ижемский	-0,1	-4,2
Койгородский	-5,7	-26,5
Княжпогостский	-4,4	-12,7
Усть-Куломский	-4,8	-4,0
Усть-Цилемский	3,9	-2,7

Таблица подготовлена на основе материалов Госкомстата Республики Коми.⁸

2. Усть-Цилемский район наряду с Сыктывкаром, Вуктылом и Удорским районом в первой половине 1990-х годов имел положительное сальдо миграции.⁹

3. Потoki миграции в Усть-Цилемском районе на протяжении 1990–2000-х годов имели преимущественно внутреннее направление (в пределах республики).^{10, 11, 12}

4. В национальном разрезе среди выезжающих мигрантов отмечается повышенная доля коми населения (например, в 1996 году – 15,7%).¹³

5. Во второй половине 2000-х годов миграционная подвижность в Усть-Цилемском районе возросла и в отдельные годы (как и за весь период в целом) превысила как общереспубликанский уровень, так и уровень большинства сельских районов, став устойчиво отрицательной.^{14, 15}

Заключение. Миграционные процессы в Усть-Цилемском районе имеют свою специфику, однако в целом следуют общереспубликанским тенденциям, хотя и с некоторым временным лагом.

Основу миграционной политики для сельско-городской миграции должен составлять комплекс мер, направленных на решение проблем по поддержанию нормальной половозрастной структуры сельского населения, сохранению достаточного трудового потенциала в целях возрождения села и аграрного сектора на базе новых форм хозяйствования. Главный акцент следует делать не на разработку системы льгот для селян и переселенцев, а на реализацию социально-экономических программ по улучшению условий жизни всех групп населения, всех национальностей. Предлагаемые меры для возрождения села не новы. Однако в настоящее время они приобретают свои особенности и поэтому нуждаются в дополнительной разработке и адаптации к принципиально иным социальным условиям.

Литература и источники

1. Костаков В. Миграция: беда или благо? // Экономист. 2000. № 2. – С. 34-39.
2. Миграционные процессы в Республике Коми (с выделением ситуации в поселениях Печорского угольного бассейна с указанием регионов вселения). Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар. 2005. – С. 3.
3. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – С. 100.
4. Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В. Тенденции внутренней миграции населения России // Современная миграция населения России. – М., 1993. – С. 12-13.
5. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – С. 102.
6. Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 1995. – С. 102-105.
7. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – С. 103.
8. Миграция населения Республики Коми за 1997 год. Статистический бюллетень. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 1998. – С. 11.
9. Миграция населения Республики Коми. Статистический сборник. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 1996. – С. 2.

10. Миграция населения Республики Коми. Статистический бюллетень. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 1997. – С. 9.

11. Миграция населения Республики Коми за 2006 год. Статистический бюллетень. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 2007. – С. 12.

12. Миграция населения Республики Коми за 2007 год. Статистический бюллетень. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 2008. – С. 21.

13. Миграция населения Республики Коми. Статистический бюллетень. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 1997. – С. 15.

14. Миграция населения Республики Коми за 2007 год. Статистический бюллетень. Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 2008. – С. 18.

15. Миграционные процессы в Республике Коми (с выделением ситуации в поселениях Печорского угольного бассейна с указанием регионов вселения). Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 2005. – С. 6.

Сведения об авторах

1. Васкул И.О., к.и.н., ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
2. Вишнякова Д.В., к.и.н., научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
3. Гарнова М.С., к.э.н., директор Сыктывкарского филиала Российского университета кооперации.
4. Габов П.В., к.и.н., начальник отдела по работе с национально-культурными и религиозными объединениями Министерства национальной политики Республики Коми.
5. Глумная М.Н., к.и.н., доцент, зав. кафедрой общественных дисциплин Северо-Западной академии государственной службы, г. Вологда.
6. Доброноженко Г.Ф., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, политологии, социологии Сыктывкарского гос. университета.
7. Зеленский В.С., старший научный сотрудник отдела фондов Национального музея Республики Коми.
8. Канева Л.Я., художник редакционной группы Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
9. Козлова Д.Т., научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
10. Кучеренко Л.П., к.и.н., доцент, зав. кафедрой истории зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета; Назаркина М.Б., выпускница исторического факультета СГУ.
11. Лахтионова Т.И. Директор Государственного учреждения «Национальный архив Республики Коми».
12. Линкова Н.Ю., председатель Государственной телерадиокомпании «Коми гор», диссертант-соискатель Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
13. Малкова Т.А., научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
14. Мальцева И.С., к.э.н., старший научный сотрудник лаборатории аграрной экономики ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН.
15. Мацук А.М., к.и.н., младший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
16. Мацук М.А., д.и.н., главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
17. Милохин Д.В., к.и.н., доцент Сыктывкарского государственного университета.
18. Молодов О.Б., к.и.н., доцент кафедры общественных дисциплин филиала Северо-Западной академии государственной службы, г. Вологда.

19. Мустафаев А.А., к.э.н., старший научный сотрудник ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН; Спирыгин В.И., к.э.н., ведущий научный сотрудник ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН.
20. Нестерова Н.А., к.и.н., доцент, ректор Коми республиканской академии государственной службы и управления.
21. Нечайкина М.И., преподаватель истории Усть-Цилемской средней школы.
22. Напалков А.Д., к.и.н., ведущий научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
23. Павлина Т.В., главный государственный таможенный инспектор организационно-аналитического отдела Сыктывкарской таможни.
24. Петровский М.А., диссертант-соискатель Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
25. Полтавская Г.П., к.э.н., директор Сыктывкарского кооперативного техникума; Бойков В.К., к.э.н., доцент Сыктывкарского филиала Российского университета кооперации.
26. Попов А.А., д.и.н., профессор, зам.директора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
27. Попов С.А., младший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
28. Попова Т.Г., начальник отдела культуры, молодежи и спорта администрации муниципального района «Ижемский», с. Ижма.
29. Рожкин Е.Н., к.э.н., старший научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
30. Сидоровская Т.В., к.э.н., старший преподаватель кафедры международного маркетинга Поморского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г.Архангельск.
31. Терентьев В.В., к.э.н., ведущий научный сотрудник лаборатории аграрной экономики ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН.
32. Чупров В.И., д.и.н., профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
33. Чупрова Е.Т., преподаватель русского языка и литературы, ср. школа Коровий Ручей Усть-Цилемского района.
34. Чупров И.А., ученик 5-го кадетского класса, ср. школа Коровий Ручей Усть-Цилемского района.
35. Чурсанова М.И., зав. архивным сектором администрации муниципального района «Усть-Цилемский».
36. Якоб В.В., к.и.н., научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Содержание

От редколлегии	3
1. И.О. Васкул. Шиховской геoarхеологический микрорайон	4
2. В.С. Зеленский. Поселение Лебяжской культуры на Цильме (Курья 1)	11
3. М.А. Мацук. Усть-Цильма в конце XVII в.	31
4. Т.В. Павлина. Усть-Цилемская таможня в 1730 г.	35
5. П.В. Габов. Путевые заметки В.Н.Латкина об Усть-Цильме. (1840–1843 гг.)	48
6. В.И. Чупров. Промышленность Усть-Цильмы во второй половине XIX – начале XX вв.	50
7. Т.И. Лахтионова. Документы по истории культуры Коми края XIX в. в архивах Архангельской и Вологодской областей	54
8. Д.В. Вишнякова. Население Печорского уезда Архангельской губернии в XIX – начале XX в.	59
9. С.А. Попов. Нормативно-правовая база местного самоуправления в северной деревне на рубеже XIX – XX вв. (распорядительные документы губернских органов власти)	71
10. М.С. Гарнова. Коммерческая деятельность потребительской кооперации Коми края в начале XX века	74
11. Т.А. Малкова. Областные опытные станции как форма организации сельскохозяйственных научных исследований в России в XX веке (на примере Печорской опытной сельскохозяйственной станции) ..	77
12. М.И. Чурсанова. Архивные документы как источник изучения истории Усть-Цилемского района	85
13. Г.Ф. Доброноженко. Волостные и сельские работники о социальной идентификации крестьян в 1920-е годы	88
14. В.В. Якоб. Восстановление сельской экономики и неурожай 1925 г. в Коми автономной области	98
15. М.Н. Глумная. Административно-хозяйственные расходы в колхозах Европейского Севера России (конец 1920-х – 1930-е гг.) ..	104
16. А.А. Попов. «Зырянизация-комизация» национальной школы в Коми автономии (1930-е годы)	117
17. М.И. Нечайкина. Лесоучастки Усть-Цилемского района в 30–40-е гг. XX вв.	126
18. А.Н. Турубанов. Колхозное крестьянство как источник пополнения кадров лесной промышленности в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР)	130
19. Д.Т. Козлова. Советский опыт культурно-шефской деятельности городских учреждений на селе в Республике Коми	145
20. А.Д. Напалков. Роль местных представительных органов власти в развитии села в военные годы. 1941–1945. (На материалах Коми АССР)	150

21. Д.В. Милохин. Организация военной экономики в коми деревне в годы Великой Отечественной войны	155
22. О.Б. Молодов. Православное духовенство Вологодской епархии в 1940–1980-е годы	169
23. Л.П. Кучеренко, М.Б. Назаркина. «Впервые переступил порог советской школы в качестве учителя» (по материалам дневника П.Ф. Аншукова)	168
24. Е.Т. Чупрова. Старовер Филат Васильевич Чупров: страницы жизни (7.04.1911 – 11.04.1996)	174
25. Илья Чупров. Я из роду Демёшкиных	180
26. А.Ф. Сметанин. Изменения в численности сельского населения Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР в 1960-е – 1980-е годы	190
27. А.М. Мацук. ГАИ в Усть-Цилемском районе: становление и развитие	198
28. М.А. Петровский. Развитие учреждений службы крови на территории сельских районов Коми АССР в 1960–1980 гг.	202
29. Г.П. Полтавская, В.К. Бойков. Потребительская кооперация Коми АССР в 1960–1980-е гг.	209
30. Т.В. Сидоровская. Роль потребительской кооперации Архангельской области в обеспечении жизнедеятельности сельского населения	215
31. Г.П. Полтавская, В.К. Бойков. Кооперативное образование в Коми АССР в 60–80-е гг. XX вв.	225
32. Н.Ю. Линкова. Отражение сельской жизни в работе Коми регионального телевидения в 1970-е годы	232
33. В.В. Терентьев. Проблемы сельской жизни (на примере Республики Коми)	242
34. И.С. Мальцева. Классификация и типология локальных систем АПК Республики Коми	248
35. А.А. Мустафаев, В.И. Спирыгин. Инвестиционный прогноз в историческом развитии АПК Северного региона: стратегические ориентиры	256
36. Н.А. Нестерова. Коми национальная школа в условиях демократических преобразований конца XX века	267
37. Л.Я. Канева. Современная жизнь ижемских оленеводов ..	274
38. Т.Г. Попова. Сохранение традиционной материальной культуры локального сельского сообщества коми-ижемцев в Республике Коми (по материалам традиционного костюма)	281
39. Е.Н. Рожкин. Особенности миграционных процессов в Усть-Цилемском районе в постсоветский период (1990–2000 гг.)	285
Сведения об авторах	292

Редакционный совет:

А.Л. Чернов – Первый заместитель Главы
Республики Коми (председатель)

В.И. Коробов – Министр национальной политики
Республики Коми (заместитель председателя)

А.Ф. Чупров – Глава муниципального района
«Усть-Цилемский» – руководитель администрации района
(заместитель председателя)

А.А. Попов (заместитель председателя)

В.И. Чупров (заместитель председателя)

Т.Ф. Волкова (ответственный секретарь)

Научное издание

**ВТОРЫЕ МЯНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ:
материалы Всероссийской научно-практической
конференции. 11–12 июля 2010 г.,
с. Усть-Цильма–Сыктывкар, 2010.**

В двух томах

Том 2

Рекомендовано к изданию организационным комитетом конференции,
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, Министерством национальной политики Республики Коми

Ответственный редактор второго тома – *В.И. Чупров*
Компьютерная верстка — *Н.В. Вахнин*

Подписано в печать 01.07.2011. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура «Komi SchoolBook»
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 15,38. Усл. печ. л. 17,2
Тираж 100. Заказ № 2206.

Отпечатано в ООО «Кировская областная типография» с дискет заказчика в пол-
ном соответствии с качеством предоставленных материалов
610000, г. Киров, Динамовский пр., 4